АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XXXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XXXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ
24.III 1891 — 25.I 1951

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

В ночь на 25 января 1951 г. скончался президент Академии Наук СССР Сергей Иванович Вавилов, выдающийся ученый и общественный деятель нашей страны. От нас ушел не только крупнейший организатор советской науки, поднявший деятельность Академии Наук на небывалую высоту,— в лице Сергея Ивановича советские ученые всех отраслей знания потеряли вдумчивого и отзывчивого друга, человека огромного душевного обаяния и глубокой сердечной теплоты. Сергей Иванович обладал редкой многогранностью знаний, что позволило ему конкретно и плодотворно руководить даже далекими от его ученой специальности отраслями науки. Советские археологи знают, что под непосредственным руководством Сергея Ивановича разрабатывался подписанный И. В. Сталиным закон «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и «Положение об охране памятников культуры» — документы выдающегося значения, на основе которых с особой силой развернулись археологические исследования последних лет. Участвовавшие в этой работе помнят, с каким вниманием Сергей Иванович обсуждал и исправлял даже отдельные детали этих документов. Он всегда находил время, чтобы подробно ознакомиться с деятельностью археологических экспедиций и дать свои указания. Советские археологи, работающие в Академии Наук, как и работники других специальностей, всегда будут помнить тот ценнейший вклад, который внес в развитие советской науки С. И. Вавилов на посту председателя Редакционно-издательского совета Академии, обеспечив невиданный рост научного издательства и неизменно содействуя популяризации научных знаний в широких массах трудящихся.

Исключительно плодотворной была деятельность С. И. Вавилова в области истории науки. Издания трудов великих ученых и писателей прошлого выходили под редакцией и с предисловием нашего незабвенного президента. Его знания в этом отношении были необычайно глубоки, его интересы поражали своей широтою. С. И. Вавилов с полной эрудицией естествоиспытателя и историка-марксиста писал о Лукреции, о Ньютоне и

о Ломоносове. Его вдохновенная патриотическая речь о гордости нашей культуры «Слове о полку Игореве» навсегда останется образцом характеристики советским ученым литературного исторического памятника.

Для всех советских археологов образ Сергея Ивановича как ученого, патриота и друга останется надолго вдохновляющим примером самоотверженного служения Родине и расцвету советской науки.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

I. СООБЩЕНИЯ

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА 1949 ГОД

ИНФОРМАЦИЯ

21—25 марта 1950 г. состоялись Сессия Отделения истории и философии и Пленум ИИМК АН СССР. Всего на Сессии и Пленуме, а также на пяти секциях было заслушано 60 докладов, посвященных результатам полевых исследований, произведенных в различных частях Советского Союза. Некоторые из этих докладов публикуются в настоящем выпуске «Кратких сообщений» [1].

В работе, кроме сотрудников ИИМК, приняли участие представители союзных, республиканских и областных научных учреждений и музеев (РСФСР — 80 чел., Украинская ССР — 4 чел., Белорусская ССР — 3 чел., Казахская ССР — 1 чел., Эстонская ССР — 2 чел., Латвийская ССР — 3 чел., Литовская ССР — 2 чел., Карело-Финская ССР — 1 чел.).

Заседания открылись вступительным словом академика Б. Д. Грекова, указавшего, что уже много лет советская археология является подлинно исторической наукой. Широкий размах полевых исследований обогатил нашу науку первоклассными археологическими материалами. Успехи советской археологии нашли заслуженное признание. За работы, опубликованные в 1949 г., Правительство присудило звание лауреата Сталинской премии нескольким археологам: С. В. Киселеву — за монографию «Древняя история Южной Сибири», подытожившую длительные полевые исследования; Т. С. Пассек — за ее труд «Периодизация трипольских поселений», завершивший ее многолетние исследования памятников трипольской культуры; А. П. Окладникову и группе научных работников — за труд по изучению остатков неандертальского человека в пещере Тешик-Таш.

1949 год ознаменовался большими успехами полевой работы. Экспедиции были направлены в важнейшие, в историко-археологическом отношении, районы. Главные из экспедиций были укрупнены, что обеспечило проведение полевых археологических исследований в бóльших масштабах, чем это велось до сих пор. Летом 1949 г. ИИМК провел 21 экспедицию: вновь добытые материалы разрешили многие вопросы по истории нашей страны, начиная с эпохи палеолита и кончая временем позднего средневековья, XVI — XVII вв. Особое внимание было сосредоточено на изучении городов Древней Руси, Причерноморья, Кавказа и Центральной Азии.

[1] Часть докладов, прочитанных на Сессии, помещена в вып. XXXVIII КСИИМК.

Следуя давно установившейся традиции, всегда дававшей положительные результаты, значительная часть полевых исследований была проведена ИИМК совместно с академиями наук союзных республик, филиалами Академии Наук СССР, областными научно-исследовательскими учреждениями и музеями нашей страны.

В экспедициях ИИМК приняли участие сотни научных сотрудников, аспиранты и студенты университетов Москвы, Ленинграда, Казани и столиц союзных республик.

Несколько крупных экспедиций работало по изучению проблемы происхождения восточных славян. Экспедиция подтвердила высказываемые за последнее время советскими археологами соображения о генетической связи славян с населением Приднепровья начала нашей эры. Большую работу провели экспедиции по изучению древнерусских городов: Киева, Переяславля-Хмельницкого, Старой Рязани, Пскова, Старой Ладоги, Старицы, Гродно, Москвы, княжеской усадьбы Вщиж. Успехи этих экспедиций трудно переоценить. Ими достигнуты принципиально важные результаты, добыты данные, с помощью которых освещаются отдельные вопросы происхождения восточных славян и многогранность высокой культуры Древней Руси. Много нового дали раскопки в Москве, вскрывшие значительную площадь в Зарядье. Там, в частности, был открыт слой XII в., что меняет представление о величине города Москвы в начальную пору его истории: уже в XII в. посад выходил на участок Китай-города.

Экспедиция по изучению Засечной черты собрала большой материал по военно-инженерному искусству Древней Руси.

Новые данные получены археологами по истории восточных соседей Руси: муромы, хазар и болгар. Большие работы были проведены по изучению развалин хазарского города Саркела, впоследствии славянской Белой Вежи. Там открыты крепостные стены с башнями, жилые дома с бытовой обстановкой, хозяйственные постройки, в частности зерновые ямы и остатки ремесленного производства. Раскопками города Бóлгары впервые открыты сыродутные горны XI—XII вв. Интересны дома со славянскими вещами и керамикой, принадлежавшие проживавшим в городе славянам XI—XIV вв.

Важных результатов добился ИИМК в разрешении скифской проблемы. Три экспедиции занимались изучением скифских памятников и дали интересные результаты. Одна из них продолжала раскопки Неаполя Скифского в Крыму, другая проводила раскопки Каменского городища на Днепре. Там были открыты жилища, остатки кузнечно-литейного производства V—III вв. до н. э.; сделаны уникальные находки: скифский железный серп, кузнечный молот и другие орудия. Ценны результаты работ и в Приазовье, где изучались киммерийские, скифские и сарматские поселения. Третья экспедиция исследовала сарматские могильники в Краснодарском крае и Дагестане. Большой материал скифского времени собран левобережной Днепровской экспедицией.

Принципиально важны результаты экспедиций по изучению городов Северного Причерноморья — Боспорской, Керченской, Ольвийской, по-новому рисующие роль местного населения в сложении так называемой античной культуры в Причерноморье, роль которого в старой археологии недоучитывалась. Больших успехов добились археологи при изучении скифо-греческого города Илурата. Интересны открытые в Фанагории остатки дома тмутараканского времени.

Чрезвычайно интересны результаты раскопок Трипольской экспедиции на одном из ранних трипольских поселений на Днестре, в Черновицкой обл. Здесь впервые обнаружены, наряду с большими глинобитными жилищами, новые для трипольской культуры типы построек — землянки, древние

мастерские по изготовлению кремневых орудий, изделия из меди, остатки ниток из растительных волокон, относящихся к III тысячелетию до н. э. и свидетельствующих о сравнительно высоком уровне развития древнейших земледельческих племен Поднестровья.

Были возобновлены работы на Горбуновском торфянике в Свердловской обл.: проведено исследование стоянок эпохи бронзы и раннего железа в Западной Сибири, в Карелии и в Калининградской обл. Ценный материал по периодизации палеолита получен раскопками Костенковской и Авдеевской экспедициями и раскопками Амвросиевской экспедиции, открывшей культовое место.

Исключительное значение имели экспедиции, работавшие в азиатской части СССР: Хорезмская, Таджикско-Согдийская, Горно-Алтайская и Монгольская. Эти экспедиции обогатили науку открытиями, имеющими первостепенное значение. Здесь следует отметить найденные на Топрак-Кале (III в. н. э.) целую серию древнехорезмийских документов на дереве и коже и памятники живописи и скульптуры, свидетельствующие о высоте и самостоятельности хорезмийской художественной школы. В Пянджикенте (Таджикская ССР) во дворце правителя был открыт тронный зал с интересной стенной росписью, являющейся уникальным памятником согдийского искусства.

Особо следует оговорить результаты работ Горно-Алтайской экспедиции. Ее открытия принадлежат к числу совершенно исключительных. В местности Пазырык были открыты курганы скифского времени с погребальными камерами, находящимися в условиях вечной мерзлоты, благодаря которой сохранились для нас тысячи великолепных предметов: одежда, обувь, украшения, деревянная колесница, первый по времени в мире тканный ковер.

В Бурят-Монголии экспедицией изучены памятники, датирующиеся временем, начиная с эпохи верхнего палеолита и кончая первыми веками нашей эры. Особого внимания заслуживают наскальные изображения, в том числе с реалистическими фигурами всадников на богато украшенных конях. Эти писаницы рисуют в новом свете религию и искусство древнего населения Забайкалья.

Немало сделано и по изучению Тянь-Шаня, где разведкой по маршруту, протяженностью около 3000 км, открыто большое число разновременных памятников.

Исключительно ценные памятники получены при исследовании экспедицией АН Армянской ССР Урартской крепости Тейшебаини на холме Кармир-Блур, близ г. Еревана. В кладовой дворца было обнаружено 32 крупных сосуда с указанием их емкости; в одном из них хранилось 97 металлических уникальных чаш с именными надписями царей IX—VIII вв. до н. э.

В 1949 г. советские археологи продолжали работу в Монгольской Народной Республике. Там открыты палеолитические и неолитические стоянки, по своей культуре тесно связанные с Забайкальем и Южной Сибирью. Раскапывались уйгурские города Хара-Балгас, Хадасан, Чин-Тологой и могильники Центральной Монголии. Находки в Хара-Балгасе указывают на большую самобытность уйгурской культуры, не зависевшей от влияния Китая и весьма близкой культуре народов Средней Азии, Семиречья и Южной Сибири. Раскопки столицы монголов Кара-Корума раскрыли связь культуры монголов с предшествующей культурой уйгурских городов и показали, что позднее на монгольскую культуру оказывала сильное воздействие китайская культура.

Был исследован дворец Угедея, построенный на месте буддийского монастыря. Заслуживают внимания образцы фресок уйгурской живописи XIII в.

Таковы вкратце результаты археологических исследований 1949 г. Как видно, сделано немало. Однако нельзя останавливаться на достигнутом. Нам предстоит еще большая работа по дальнейшему освоению марксистско-ленинской методологии, по исторической интерпретации наших источников, по разработке периодизации древнейшей истории нашей страны, усовершенствованию раскопочной техники и новых приемов обработки материала, отвечающих требованиям советской исторической науки.

Последовательное применение марксистско-ленинской теории, беспощадная борьба против всяких антимарксистских фальсификаций истории обеспечит в области изучения истории материальной культуры дальнейший рост советской науки, к которому призвал ученых СССР товарищ Сталин.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

II ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

РАСКОПКИ В АМВРОСИЕВКЕ И ПРОБЛЕМА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ

Амвросиевская экспедиция 1949 г. была организована ИИМК и Институтом археологии АН УССР. Объектом раскопок экспедиции явилось палеолитическое местонахождение близ Амвросиевки (Сталинская обл. УССР), широко известное благодаря связанному с ним огромному скоплению костей зубров.

Впервые находка скопления костей зубров у Амвросиевки была отмечена геологом Б. Ф. Меффертом в 1912 г. В 1935 г. раскопки у Амвросиевки производились В. М. Евсеевым, установившим наличие здесь палеолитического памятника [1]. В 1940 г. раскопки стоянки были продолжены экспедицией Института археологии АН УССР, работавшей под начальством И. Г. Пидопличко и при ближайшем участии В. И. Бибиковой (Зубаревой) [2].

ИИМК и Институт археологии, планируя на 1949 г. большие раскопки Амвросиевки, исходили из того, что хотя этот памятник начиная с 1935 г. получил широкую известность среди специалистов, сведения о нем были весьма смутными и даже противоречивыми. Неясным оставался вопрос о его возрасте и культурной принадлежности, а самое главное — неясен был вопрос об интерпретации «костища», скопления костей зубров, наиболее достопримечательной части местонахождения. В литературе высказывались диаметрально противоположные мнения по вопросу о происхождении костища, причем ввиду неполноты и отрывочности имевшихся сведений, ни одно из этих мнений не было достаточно аргументировано.

Учитывая своеобразный характер памятника, содержащего огромное скопление фаунистических остатков, руководство экспедицией было поручено двум лицам: в геологической и палеонтологической части И. Г. Пидопличко, в археологической части П. И. Борисковскому [3].

Амвросиевское палеолитическое местонахождение расположено в 2 км от впадающей в р. Миус р. Крынки, в верховьях впадающей в Крынку балки Казенной. Местонахождение расположено на плато, возвышающемся на 100 м над августовским уровнем Крынки, на мысу, образованном балкой Казенной и впадающим в нее справа оврагом.

---

[1] В. М. Евсеев. Палеолітична стоянка Амвросіївка. Палеоліт і неоліт України. 1947, стр. 265—276.

[2] І. Підоплічка. Амвросіївське знаходище. Археологія, т. II, 1948, стр. 215—216.

[3] В состав экспедиции входили, кроме того, 2 научных сотрудника, фотограф-кинооператор и студентки-практикантки Ленинградского университета им. А. А. Жданова.

Основной задачей раскопок 1949 г. было установить характер и происхождение огромного скопления костей зубров и углубления в древней поверхности, с которым это скопление было связано. Предстояло также выяснить отношение скопления костей и залегающих в нем культурных остатков к подъемному кремневому материалу, распространенному на поверхности земли к востоку от костища, на площади около 20 000 м², и к культурным остаткам, обнаруживаемым в шурфах к востоку и юго-востоку от костища.

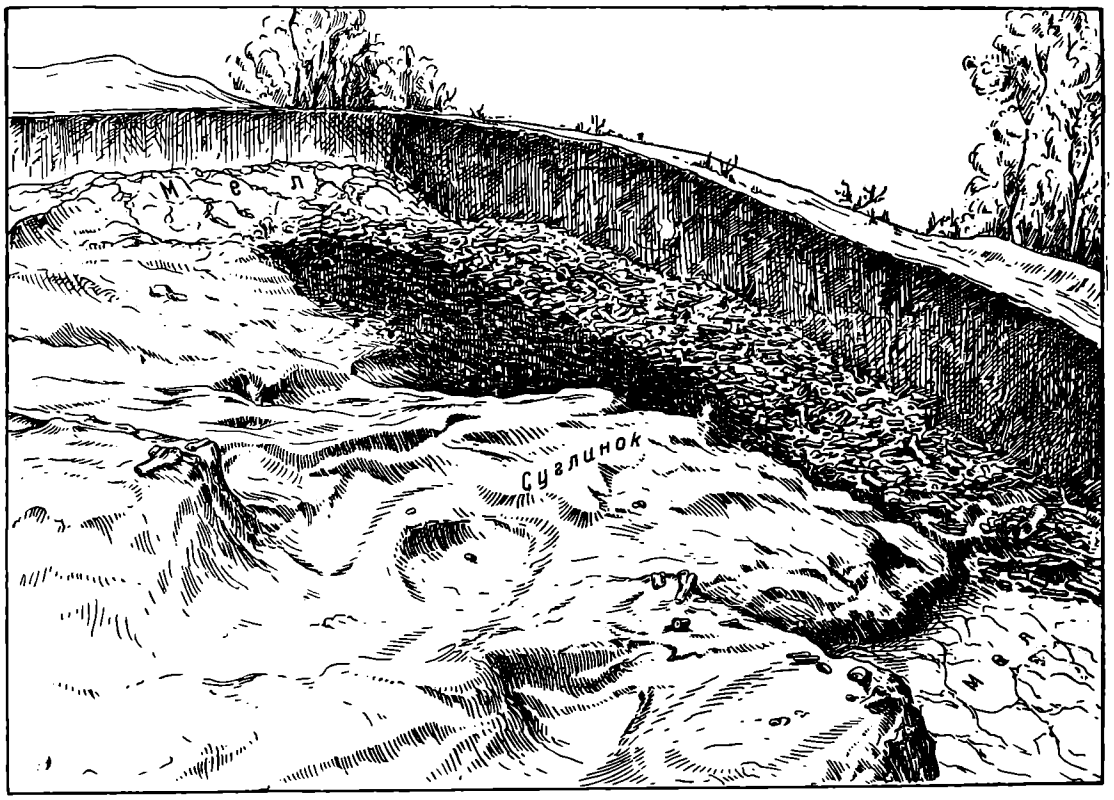

Рис. 1. Амвросиевка. Разрез через культовое скопление костей зубров, заполняющее древний овражек

В результате раскопок выяснилось, что залегавшее под черноземом и суглинком скопление костей зубров заполняло древний неглубокий овражек, прорезавший суглинок в направлении с северо-востока на юго-запад, имевший длину несколько десятков метров и впадавший в древний более крупный овраг. Будучи очень неглубоким (1—1,5 м максимальной глубины), этот овражек проходил по склону существовавшего в древности и существующего в настоящее время большого оврага, впадающего в балку Казенную. Стенки овражка имеют различный характер. Юго-восточная, примыкающая к возвышенному мысу, на склоне которого овражек располагался,— крутая, имеет крутизну 30—50°. С этой стороны кости зубров, заполняющие овражек, примыкают к столь же крутому древнему склону, образованному меловым известняком. Противоположная же, северо-западная стенка овражка очень пологая, имеет крутизну не больше 10—20°; она поднимается максимум на 40 см над дном овражка и, образуя слабо выраженный перегиб, переходит дальше к северо-западу в склон большого оврага, впадающего в балку Казенную (рис. 1, 2). Ширина овражка 4—5 м;

по небольшой глубине, особенно к северо-западной стенке, он напоминает полку или уступ на склоне большого оврага.

Расчистка древнего дна оврага показала, что остатков палеолитического жилища здесь нет. На дне овражка отсутствовали ямки или углубления конструктивного характера. Как на дне овражка, так и в заполнявшем овражек костище отсутствовали следы огня, т. е. зола, угольки, обожженные кости, не говоря уже об очагах. Несмотря на то, что размеры и общий профиль амвросиевского углубления напоминают некоторые палеолитические и более поздние жилища, мы с уверенностью можем сказать, что имеем здесь дело не с жилищем, а с древним неглубоким овражком, заполненным впоследствии костями и палеолитическими культурными остатками

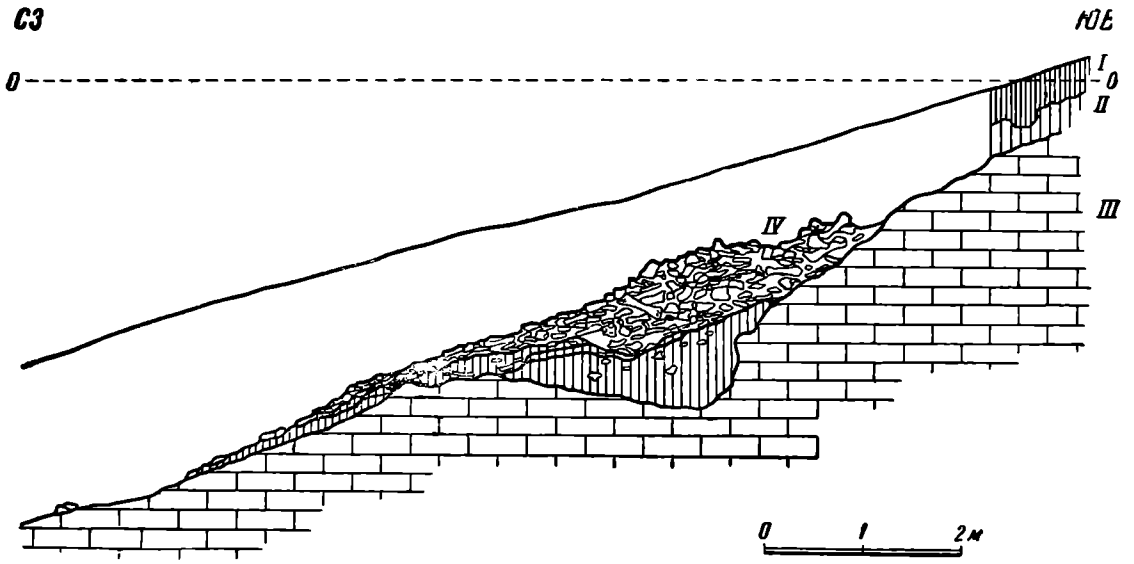

Рис. 2. Амвросиевка. Профиль раскопа по линии СЗ—ЮВ

I — гумусная почва; *II* — суглинок; *III* — меловой мергель; *IV* — костный слой

На дне овражка попадались отдельные, совершенно заплывшие в суглинок кости зубра, из которых удавалось составить анатомические группы. Выше сплошной толщей (брекчией) лежали кости, целиком заполняя овраг и частично распространяясь за его границы. Эта толща достигала наибольшей мощности (одного метра) по длинной оси оврага, к краям же утончалась до 10—20 см.

Костные остатки скопления принадлежали исключительно зубрам (*Bison priscus*). По подсчетам и определениям И. Г. Пидопличко, на раскопанной в 1949 г. площади находились остатки 202 зубров. К этому нужно прибавить остатки 294 зубров, обнаруженные во время раскопок 1935 и 1940 гг. Наконец, на неразобранной и невскрытой площади местонахождения можно предполагать наличие костных остатков 450—500 зубров. Таким образом, по подсчетам И. Г. Пидопличко, в амвросиевском палеолитическом местонахождении, на сравнительно ограниченной площади залегают остатки 950—1000 зубров.

Среди костей определены анатомические группы: позвонки (до девяти вместе), кости передних и задних конечностей, черепа с роговыми стержнями, вместе с несколькими шейными позвонками. Но таких анатомических групп, по сравнению с общим количеством костей, было немного — около 100. Находки целых скелетов вовсе отсутствовали.

Кости принадлежали всем частям скелетов зубров и особям всех возрастов — взрослым и совсем молодым, давая картину обычного стада. Кости других животных, кроме зубров, совершенно отсутствовали.

Подавляющее большинство костей, найденных в скоплении, было целыми. При сплошном просмотре нескольких десятков тысяч костей, найденных во время раскопок 1949 г., удалось выделить 14 костей, носивших следы древнего резанья кремневыми орудиями. Впоследствии они были исследованы С. А. Семеновым в лаборатории ЛОИИМК с помощью бинокулярного микроскопа. С. А. Семенов пришел к заключению, что на этих костях действительно имеются нарезки кремневыми орудиями, сделанные рукой человека. Их происхождение не может быть объяснено естественными факторами. Такое же заключение дал и М. П. Грязнов.

Кости со следами резанья кремневыми орудиями были найдены в разных горизонтах — как в верхней части костища, так и у самого его дна. Кости со следами действия огня, равно как угольки и зола, совершенно отсутствовали.

Палеолитических культурных остатков — обработанных кремней и костяных орудий в скоплении было найдено очень немного (рис. 3). Те и другие равномерно распределялись в верхних и в самых нижних горизонтах костища.

Кремень, подвергавшийся обработке, темносерый, иногда слегка коричневатый, прозрачный, меловой. В ближайших окрестностях в меловых отложениях имеется много месторождений такого кремня; встречается часто и в галечниках. Почти все кремни, найденные в костище, не патинированы, не окатаны, имеют свежие и острые грани. Кремни со следами обжига отсутствуют. Состав кремневых изделий, найденных в костище, весьма любопытен. Их всего три группы.

Первая группа — около 50 призматических нуклеусов (рис. *3—3, 4*). Особенностью их является полное отсутствие подправки, вторичной обработки, превращения в нуклевидные скобели, резцы и т. д.

Вторая группа — несколько сот удлиненных правильных ножевидных пластин, 4—7 см длиной (рис. *3—5—8*). У всех пластин края довольно прямые, острые, не отретушированные. Однако при изучении с помощью бинокулярной лупы почти у всех обнаружены мелкие выщербины и заполированность, получившиеся в результате использования пластин как режущих орудий.

Третья и последняя группа кремневых изделий, найденных в амвросиевском костище,— узкие миниатюрные острия с затупленным краем (рис. *3—9—17*), их 90 экз. Длина целых экземпляров (которых большинство) 2,5—4 см, ширина 0,3—0,5 см. У всех экземпляров этих орудий один длинный прямой край целиком обработан мелкой, крутой, затупливающей ретушью; противоположный край слегка изогнут только у самого острия. Таким образом, у последнего обработаны оба края. Примерно у половины острий обработке такой мелкой затупливающей ретушью подвергнут правый край, в то время как у другой половины — левый. Проведенное С. А. Семеновым изучение этих острий с помощью бинокулярного микроскопа (увеличение 68 раз) показало отсутствие на их краях и на острие каких-либо следов обработанности в виде мелких выщерблин или заполировки. Таким образом, исключается возможность того, что они использовались в качестве проколок, сверл или режущих орудий, вставленных в оправу из дерева или кости. Наиболее вероятным является использование их палеолитическими людьми в качестве вкладышей в костяные или деревянные наконечники охотничьего оружия. Пластинки с затупленным краем закреплялись двумя параллельными рядами в костяном или деревянном стержне, а противоположный, неотретушированный острый край торчал наружу.

Такая интерпретация амвросиевских миниатюрных острий с затупленным краем находит подтверждение в результате изучения наконечника с кремневыми вкладышами из Талицкой верхнепалеолитической стоянки. Там

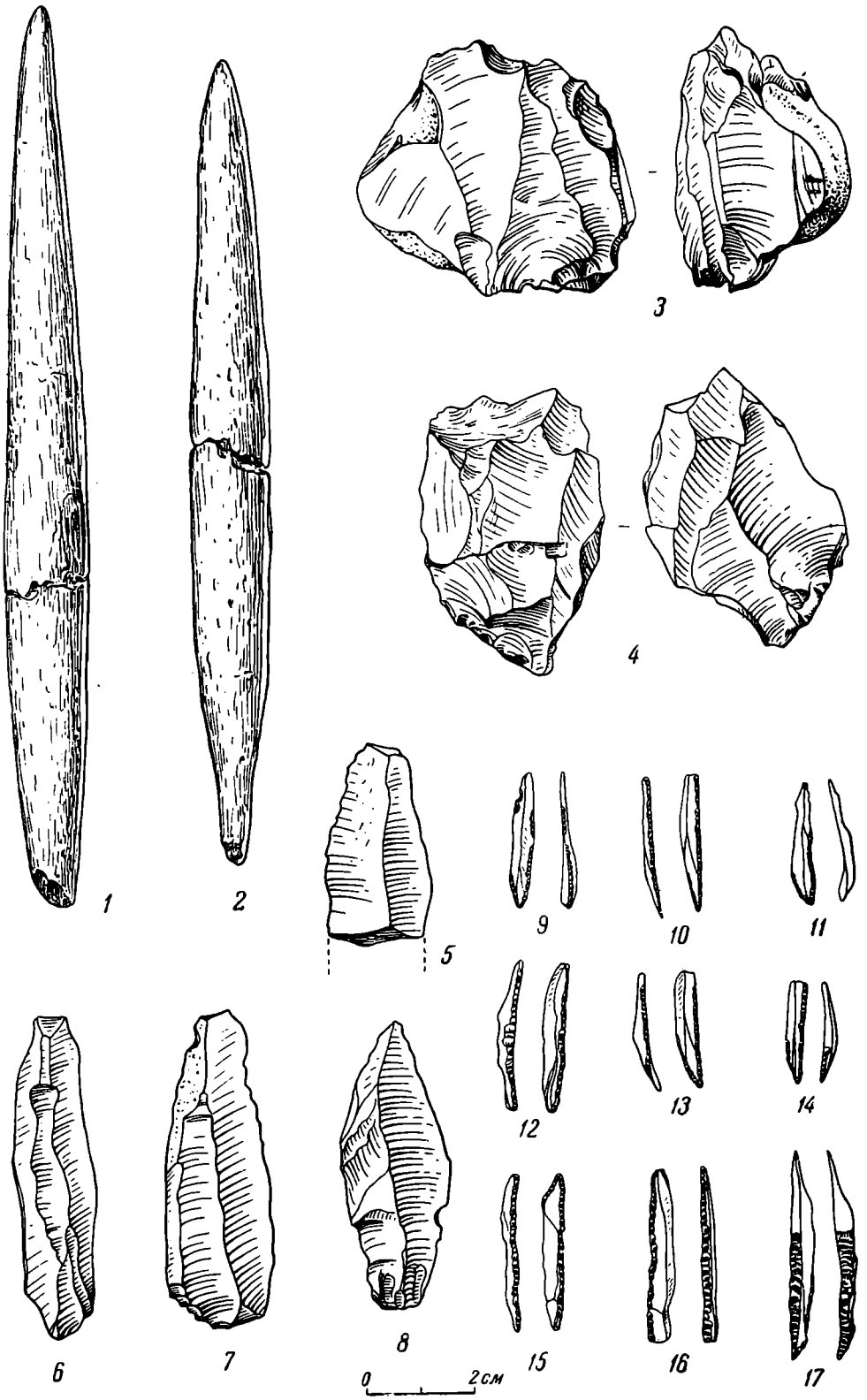

Рис. 3. Амвросиевка. Культурные остатки из скопления костей зубров

1, 2 — костяные наконечники копий; *3, 4* — кремневые нуклеусы; *5—8* — кремневые пластинки без ретуши; *9—17*—кремневые острия с затупленным краем (вкладыши) ($^{2}/_{3}$ нат. вел.)

сохранился костяной стержень с сидящими в нем двумя рядами пластинок с затупленным краем, близко напоминающих амвросиевские [1].

Наша интерпретация амвросиевских острий с затупленным краем находит подтверждение и в их распространении в костище. Они залегали на разных глубинах, и в самом верху, и в самом низу скопления костей, но располагались в нем неравномерно, отдельными компактными группами.

Таким образом, состав кремневого инвентаря амвросиевского костища необычен. В нем отсутствуют характерные для верхнепалеолитических стоянок скребки и резцы разных типов; почти отсутствуют столь обильные во всех верхнепалеолитических стоянках отщепы и осколки кремня.

Раскопки 1949 г. доставили 12 костяных наконечников, происходящих из костища (рис. 3—*1, 2*). К этому количеству надо прибавить 10 наконечников, найденных во время раскопок 1935 и 1940 гг. Больше половины наконечников сохранилось целиком, хотя и в обломках, причем отдельные их куски иногда лежали вместе, а иногда на расстоянии нескольких метров.

По своей длине наконечники сильно варьируют — от 10 до 25 см. Они изготовлены из костей конечностей зубра и имеют веретенообразную форму, с заостренным основанием и хорошо подшлифованным острием. В сечении они овальные, слегка уплощенные.

Из общего числа 22 наконечников только один имеет неглубокие продольные двусторонние пазы и два — такие же односторонние пазы. В пазы с помощью смолы могли вставляться описанные выше кремневые острия с затупленным краем (вкладыши).

В костище было найдено два куска красной охры. Наконец, в периферийной северо-восточной части костища была найдена раковина *Ceritium*, вероятно, принесенная людьми с морского побережья.

Этим исчерпываются культурные остатки, найденные в костище.

Раскопками 1949 г. были выяснены границы и очертания северо-восточного конца скопления костей и было установлено, где кончается скопление, густо насыщенное костями зубров и имеющее толщину несколько десятков сантиметров. Северо-восточный конец скопления совпадает с верховьем небольшого древнего овражка, о котором мы говорили выше. Но в то время как верховье овражка имеет неопределенные, расплывчатые очертания, северо-восточный конец скопления резко ограничен и отделен от распространяющейся к северо-востоку от него периферии. Поверхность скопления костей образует здесь, при переходе к периферии, уступ или порог, тянущийся с юго-востока на северо-запад (перпендикулярно длинной оси овражка и скопления) по прямой линии на протяжении около 6 м. Общая высота порога достигает 40—45 см.

За пределами порога, к северо-востоку от него, тянется тонкий (около 10 см толщиной) слой костей зубров, намывного происхождения. Кости, образующие слой, смыты из основного скопления. Характерно, что среди них почти не наблюдаются анатомические группы, которые, хотя и редко, но попадаются в скоплении.

Тянущийся по прямой линии порог, несомненно, образовался на месте какого-то искусственно устроенного человеком препятствия, ограничивавшего костище. Возможно, что это было толстое бревно или несколько бревен, положенных вдоль северо-восточной границы костища. В суглинке и мелу, подстилающем порог, отсутствуют, правда, уступы или перегибы, соответствующие бревнам.

Северо-восточная граница амвросиевского скопления костей зубров была раскрыта и точно определена. Сложнее обстоит дело с определением его юго-западной границы. Юго-западный конец костища, примыкающий к не-

---

[1] Хранится в Гос. музее антропологии в Москве.

большому новому овражку, прорезающему древний, заполненный костями, овражек, был раскрыт раскопом В. М. Евсеева в 1935 г. Возможно, что юго-западный конец костища был разрушен этим новым овражком. Однако И. Г. Пидопличко предполагает, что овражек разрушил только периферию костища, но не затронул основного костного слоя, представлявшего прочную костную брекчию, устойчивую против размыва. Если мы примем это предположение, то общая длина костища (до порога, не считая периферии) определится в среднем в 31 м (33 м по юго-восточной стороне и 29 м по северо-западной). В среднем ширина скопления равна 6 м. Таким образом, скопление костей зубров образовывало фигуру, напоминающую трапецию, и имело площадь 180—190 м². К этому присоединяется несколько сот квадратных метров периферии, куда кости были смыты из скопления.

Большой интерес представляют участки периферии, расположенные к северо-западу от скопления. Здесь, на обратном склоне древнего овражка, кости лежат на суглинке и на мелу тонким слоем и местами опускаются по поверхности мела языками, что говорит о смыве их с центральной части скопления. Смывание костей по склону происходило еще тогда, когда некоторые из них сохраняли анатомическую связь. Таким образом, небольшой овражек, заполненный костями, и глубокий овраг рядом с ним существовали одновременно.

Одним из заложенных нами шурфов (№ 24) были вскрыты остатки палеолитической стоянки, одновременной костищу и связанной с ним. Шурф площадью 6 м² (2 × 3) был заложен в 200 м к востоку от костища.

Стратиграфия шурфа № 24 следующая (сверху вниз):

1. Чернозем . . . . . 0—0.54 м
2. Темнопалевый суглинок.
   В самой нижней части — прослойки мелкого известнякового гравия . . . 0,54—1,00 м
3. Ржавая сизо-зеленая глина прокопана до глубины . . . . . 1,50 м

Находки культурных остатков начинаются в шурфе сразу же под дерновым слоем и идут в черноземе и в суглинке вплоть до глубины 90 см от поверхности. Больше всего культурных остатков найдено в нижней части чернозема и в верхней части суглинка, на глубине 20—70 см от поверхности.

Культурные остатки, найденные в шурфе, сильно отличаются от культурных остатков, найденных в костище, хотя и обнаруживают с последними некоторые общие черты. Они представлены прежде всего расколотым и обработанным кремнем. Всего с площади 6 м² происходит свыше 3000 расколотых кремней, включая в это число и крупные желваки, и нуклеусы, и мельчайшие чешуйки. Весь кремень темносерый, прозрачный, меловой, такой же, как и в костище; в отличие от кремней, происходящих из костища, кремни из шурфа покрыты белой или голубой патиной. Они не носят ясно выраженных следов окатанности, но грани их и край слегка залощены, не такие свежие и острые, как грани и край кремней из костища. Несколько кремней пережжены, в то время как в костище кремни со следами воздействия огня совершенно отсутствовали.

Типы кремневых изделий (рис. 4), равно как и соотношение их различных категорий, коренным образом отличаются от того, что мы наблюдаем в костище. Обращает на себя внимание обилие отбросов обработки кремня — отщепов, осколков, мельчайших чешуек. Много типичных верхнепалеолитических призматических нуклеусов. Они довольно правильных очертаний, и от большинства нуклеусов откалывалось значительное количество правильных узких пластинок с параллельным огранением. Отдельные

нуклеусы по тщательности и совершенству оббивки приближаются к мезолитическим экземплярам. Среди удлиненных пластин, найденных в большом количестве, немало отколотых именно от таких нуклеусов и имеющих маленькие размеры и параллельное огранение.

В отличие от нуклеусов, происходящих из костища, значительная часть нуклеусов из шурфа с помощью последующей тщательной мелкой ретуши

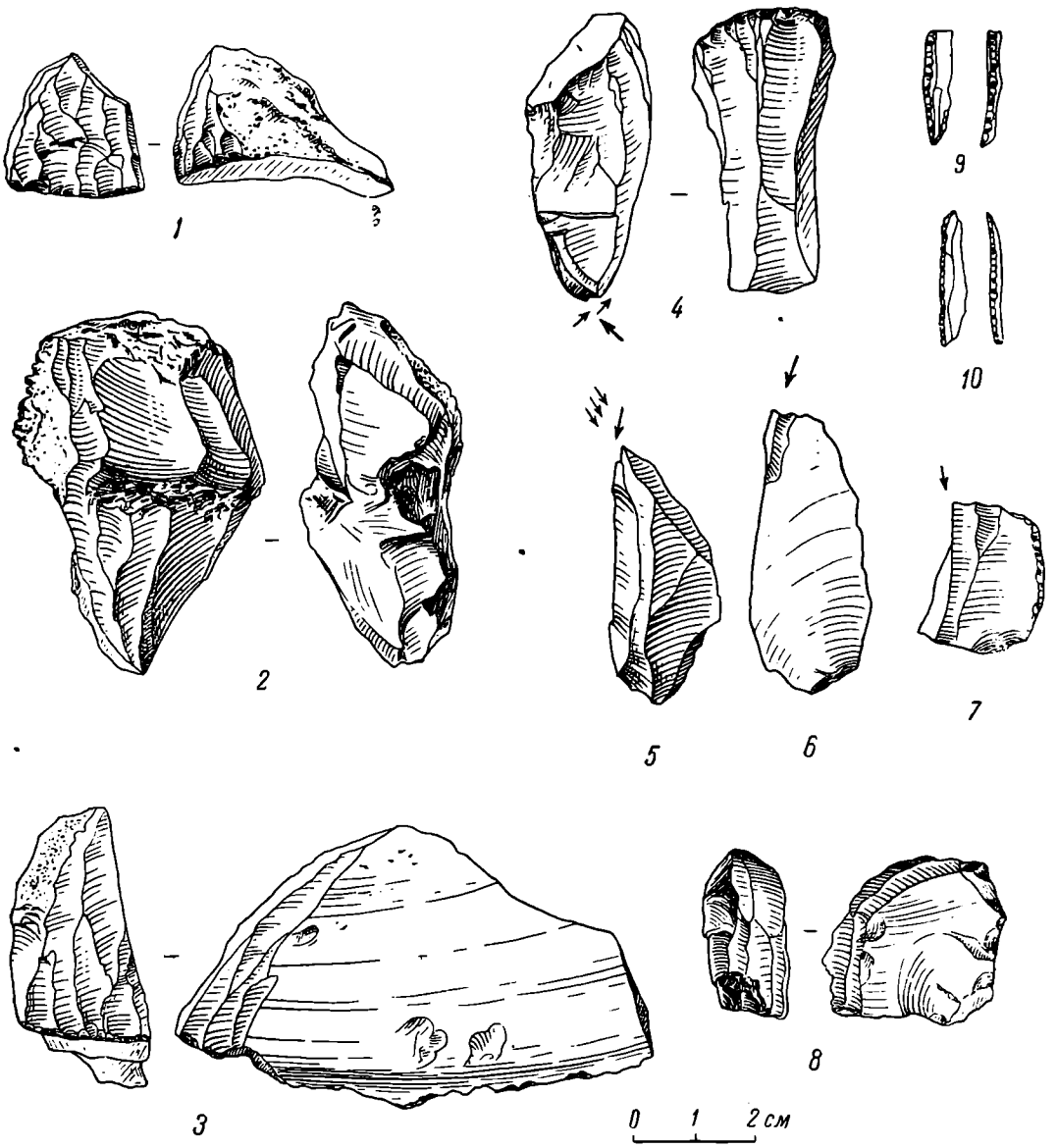

Рис. 4. Амвросиевка. Кремневые орудия из стоянки (шурф 24)

1—4, 8 — нуклевидные орудия; *5 — 7* — резцы; *9, 10* — острия с затупленным краем (вкладыши) (все рисунки в $^2/_3$ нат. вел.)

по краю была превращена в нуклевидные скобели с правильным полукруглым лезвием. Обилие таких нуклевидных скобелей — характерная особенность шурфа № 24. Отдельные нуклеусы с помощью нескольких узких сколов были превращены в массивные грубые нуклевидные резцы. Резцы, как и подавляющее большинство других орудий, были приготовлены также на пластинах и отщепах. При этом очень редки боковые и обыкновенные, срединные, резцы на узких удлиненных пластинках. Для резцов амвросиевского шурфа характерно отсутствие устойчивых серий повторяющих

друг друга форм, аморфность, архаичность. Преобладают массивные нуклевидные резцы, скошенные, срединные, многофасеточные и резцы на углу сломанной пластинки. Изготовление резцов производилось здесь же, о чем свидетельствует значительное количество краевых отщепов резцов.

Из других орудий устойчивую серию образуют найденные в небольшом количестве своеобразные миниатюрные острия с затупленным краем, точно такие же, как происходящие из костища (рис. 4—*9*, *10*). Этим, по существу, исчерпывается кремневый инвентарь шурфа № 24, так как встреченные в нем скребки, острия, пластины с ретушью очень редки, атипичны и не образуют даже небольших устойчивых серий.

Вместе с кремнями в шурфе было найдено значительное количество костей. Все они, без исключения, принадлежат, по определению И. Г. Пидопличко, зубру (*Bison priscus*). Но в отличие от костей, происходящих из костища, почти все это кости конечностей, раздробленные человеком на более или менее мелкие куски. Найдено несколько кусков краски и раковина *Cardium*, несомненно, принесенная с морского побережья.

Кремневый инвентарь шурфа близко напоминает кремневый инвентарь стоянок пятой стадии развития верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины (раннемадленских) — таких, как Кирилловская, Студеница, Костенки II и Костенки III. Подобный кремневый инвентарь отсутствует в какую-либо другую эпоху палеолита. Неизвестен он и в неолите. Таким образом, кремневый инвентарь с несомненностью свидетельствует о верхнепалеолитическом (раннемадленском) возрасте Амвросиевской стоянки. С другой стороны, культурные остатки шурфа обнаруживают близкую связь с культурными остатками костища и позволяют утверждать одновременность материалов того и другого. Об этом свидетельствует наличие в обоих пунктах исключительно костей зубров, использование одного и того же вида кремня, одинаковая техника раскалывания и наличие в обоих пунктах совершенно одинаковых своеобразных миниатюрных острий с затупленным краем, несомненно служивших вкладышами в метательное оружие.

Разная степень патинизации кремней, происходящих из шурфа и из костища, объясняется не их разновременностью, а разными условиями залегания. Кремни, залегавшие в толще костей, были защищены от действия лучей солнца и от водных потоков и сохранили поверхность непатинированной, а грани — острыми и свежими.

Культурные остатки шурфа № 24 дают картину обычной верхнепалеолитической стоянки, являющейся в то же время местом обработки кремня. Здесь мы встречаем обычный набор кремневых орудий определенной эпохи верхнего палеолита, множество отбросов производства кремневых орудий, в том числе и резцов. Обожженные кремни — признак существовавшего здесь очага. Эта верхнепалеолитическая стоянка подверглась некоторому размыванию, о чем свидетельствует отсутствие в шурфе выраженной линзы культурного слоя, а также распространение на поверхности мыса между костищем и шурфом № 24 многочисленного обработанного кремня.

Подъемный кремневый материал по характеру кремня, патинизации, формам орудий и технике обработки в точности такой же, как кремневый материал, происходящий из шурфа. Он попал на поверхность в результате деятельности землеройных животных и, вероятно, в результате некоторого размывания стоянки, тем более, что поверхность мыса понижается здесь к западу. Однако размывание было незначительным, и культурные остатки, происходящие из шурфа, залегают в нем не в переотложенном состоянии. Характерно, что в шурфе сохранились кусочки охры, что мелкие и крупные осколки костей залегают вместе с крупными кремнями и с множеством мельчайших кремневых чешуек.

Но если шурф № 24 вскрыл часть стоянки, одновременной костищу, то что представляет собой последнее с его весьма своеобразным составом культурных остатков?

В. М. Евсеев высказал предположение, что костище является местом свалки ненужных костей поблизости от человеческого жилища[1]. Однако этому предположению противоречит нахождение в костище всех частей скелетов зубров, притом, как правило, костей целых, не раздробленных, а также состав кремневого и костяного инвентаря, найденного в костище. Здесь отсутствует обычное содержимое палеолитических «кухонных куч» — отщепы и осколки кремня, угли, зола, пережженные кости. Представлены зато прекрасные костяные наконечники, в значительной части целые, и три группы кремневых изделий, вовсе не подходящие под категорию отбросов. Предположение В. М. Евсеева не может быть нами принято.

И. Г. Пидопличко полагает, что костище является местом гибели целого стада зубров, загнанных сюда в результате одной удачной коллективной облавы. Сотни зубров падали тогда с высоты на дно овражка, валясь друг на друга. При этом в хозяйстве было использовано лишь некоторое количество туш, лежавших сверху. Подавляющее большинство туш так и сгнило без употребления. В некоторых сохранились попавшие во время охоты костяные наконечники метательного оружия. К предполагаемой И. Г. Пидопличко интерпретации амвросиевского костища примкнула в своей кандидатской диссертации В. И. Бибикова (Зубарева). Однако мы не можем согласиться с таким разъяснением амвросиевского скопления костей. Ему противоречит ряд фактов.

Древний овражек, заполненный костями зубров, очень неглубок, имеет слабо выраженный рельеф и скорее представляет собой небольшой уступ на склоне большого древнего и современного оврага. Стадо зубров, загнанное сюда сверху, не погибло бы здесь, а спаслось бы, побежав дальше (северо-западный склон древнего овражка низкий и пологий). Непонятно, почему люди загнали зубров на этот небольшой уступ, в то время как рядом располагался глубокий и большой овраг. Да и не могло стадо зубров в 900—1000 голов, достигавшее 500 тонн веса, поместиться на уступе площадью 180—190 м^2. Предположению о единовременной гибели в овражке целого стада противоречит и обнаружение совершенно заплывших в суглинке отдельных костей и их групп ниже скопления. Наконец в непримиримом противоречии с предположением И. Г. Пидопличко стоят находки на разных глубинах в скоплении кусков красной охры и отдельных костей со следами резанья кремневыми орудиями. Если бы здесь осталось лежать и гнить целое стадо, такие находки не могли бы иметь места.

Большие облавные охоты практиковались в палеолите. Большие облавы на зубров могли происходить и недалеко от амвросиевского костища. Но конкретная обстановка самого костища и древнего овражка, связанного с ним, не позволяет видеть здесь остатки одной удачной облавы.

Мы выдвигаем иную, отличающуюся от перечисленных выше, интерпретацию амвросиевского костища.

Нам известны сложные и достаточно высоко развитые религиозные представления и обряды эпохи верхнего палеолита. В частности, в Западной Европе известны верхнепалеолитические культовые места, расположенные в н е п о с е л е н и й. Я имею в виду связанные, прежде всего, с охотничьей магией «святилища» в глубине пещер коридорного типа с нанесенными на стенах и потолке изображениями животных, нередко пронзенных копьями или побитых камнями, скульптурами животных, отпечатками человеческих ног и т. д. Культовые места, расположенные вне поселений, широко

[1] В. М. Е в с е е в. Указ. соч., стр. 276.

известны также в неолите и в более поздние эпохи. Вспомним хотя бы наскальные изображения и лабиринты северо-запада СССР, жертвенные пещеры Приуралья, культовые места бассейна Лены. Материалы этнографии, относящиеся к самым различным племенам и народам, также дают огромное количество расположенных вне поселений культовых мест, в частности мест, связанных с охотничьей магией. Однако на территории СССР наиболее ранние культовые места, расположенные вне поселений, известны были только неолитические. Для палеолита они были известны лишь за рубежом, в Западной Европе. Отчасти это объясняется тем, что на территории СССР почти вовсе неизвестны палеолитические пещеры карстового типа. Но подобные культовые места, несомненно, существовали и на открытом воздухе. Я полагаю, что амвросиевское костище является культовым местом, где совершались обряды охотничьей магии. Это место связано с палеолитической стоянкой, остатки которой вскрыты шурфом.

У очень большого количества главным образом охотничьих племен и народов до недавнего времени сохранился связанный с тотемизмом и с охотничьей магией культовый обычай — абсолютно все кости убитых животных собирать и сохранять в определенном, специально предназначенном для этого месте. Обычай этот имел множество разновидностей. Нередко кости, предназначенные к сохранению, строго запрещалось обжигать, разбивать, давать грызть собакам. В одних случаях сохранению подлежали абсолютно все кости, в других же лишь определенные — черепа, кости конечностей и т. д. Часто сохранению подлежали кости определенных видов животных, игравших главную роль в хозяйстве и в тотемическом культе. Эти широко распространенные обычаи и обряды обычно связаны с верой в возрождение животных, кости которых сбережены. Сбережение костей в определенном месте и в определенном порядке рассматривается как непременное условие возрождения животных и удачной охоты на них в будущем. Д. К. Зеленин [1], Н. Харузин [2], Л. Я. Штернберг [3], А. М. Золотарев [4], Д. Фрезер [5] и другие авторы приводят множество примеров подобных верований и обрядов и множество описаний подобных мест.

Юкагиры не грызли костей медведя и не давали их собакам — весь скелет медведя они собирали целиком и хоронили на «висячей» могиле, как раньше хоронили людей. Тунгусы вешали на дерево все, без исключения, кости медведя, наблюдая, чтобы ни одна не осталась. Айны на медвежьем празднике строго следили за тем, чтобы все кости съеденного медведя были собраны и унесены в лес на определенное место — одно и то же из года в год, чтобы ни одна из костей не завалялась где-нибудь [6]. Алтайцы бросали кости убитых зверей в воду или закапывали в снег; местное поверье гласило, что если кидать кости зверей, как попало, то порода этого зверя переведется; особенно опасались кидать кости зверей в огонь [7].

Многие племена индейцев Северной Америки с особым почтением обращались с костями бобров, оленей и лосей. Их надо было тщательно сохра-

---

[1] Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. Сборник Музея антропологии и этнографии, VIII. М., 1929, стр. 45—50; Культ онгонов в Сибири. М.— Л., Изд. АН СССР. Тр. Ин-та антропологии и этнографии, т. XIV, этнограф. серия, вып. 3, 1936, стр. 162—172.

[2] Н. Харузин. Этнография, IV. Верования (лекции), СПб., 1905, стр. 361—370.

[3] Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 25, 29, 33, 405; Материалы по этнографии, т. IV.

[4] А. М. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, Изв. Ин-та народов Севера ЦИК СССР, стр. 16, 25.

[5] Д. Фрезер. Золотая ветвь, вып. IV. Богоедство, жертвоприношения, искупление и представление о душе. М., 1928, стр. 49—63.

[6] Д. К. Зеленин. Табу слов..., стр. 47.

[7] Там же, стр. 48.

нять, нельзя было давать грызть собакам или бросать в огонь. Эскимосы Берингова пролива тщательно сохраняли скелеты всех убитых ими морских животных. Во время торжественного праздника, справлявшегося раз в году, зимой, скелетам всех животных, убитых в течение года, оказывали большой почет, вокруг них плясали, им приносили угощенье в общественной хижине и в заключение их бросали через специальные полыньи в воду. Индейцы племени миннитари верили, что кости убитых и ободранных ими бизонов покрываются новым мясом, оживляются новой жизнью и что бизоны вырастают вновь, чтобы быть убитыми еще раз в будущем июне месяце. В прериях Западной Америки можно было видеть разложенные симметричными кучами и кругами черепа буйволов, ожидающих воскрешения [1].

Дома индейцев Гондураса были загромождены костями оленей. Индейцы верили, что если бы они выбросили кости, то других оленей не удалось бы в дальнейшем убить [2]. У некоторых австралийцев Квинсленда существовало верование в то, что если кости или черепа дюгоня не сложить в кучу или другим способом не предохранить, то дюгонь больше не будет ловиться [3].

Георги следующим образом описывает принесение в жертву лопарями костей и рогов оленей: «Большая половина жертв остается просто на месте, а от того превеликие скопляются груды костей и рогов... Мяса не приносят они никогда в жертву, будучи крепко уверены, что боги не преминут покрыть оным кости» [4].

Наш обзор закончим характеристикой, относящейся к культам, существовавшим в эпоху бронзы в Закавказье. «Охотничьи культы отправлялись часто за пределами поселений в особых святилищах или жертвенных местах. Поэтому в раскопках древних поселений редко находят кости диких животных. Они хранятся в определенных местах, с чем связано представление об оживании убитого животного. Так, у абхазов существовало представление о том, что боги охоты режут себе какое-либо дикое животное, варят его мясо и едят, а кости собирают в его кожу, ударяют палочкой и животное снова оживает» [5].

Приведенные нами примеры относятся к племенам и народам, прошедшим самый различный исторический путь и находившимся на различных ступенях исторического развития. Однако обилие этих примеров оправдывает их привлечение для разъяснения амвросиевского костища. Один выхваченный этнографический пример может иметь определенную доказательную силу чаще всего лишь в том случае, если он относится к племени, которое по уровню своего исторического развития близко к племени, оставившему данный археологический памятник. Но здесь мы имеем дело с большим количеством сходных религиозных верований, сохранившихся в пережиточном виде у самых различных племен и народов. Тем самым вскрываются пережитки целого пласта культовых представлений и обрядов, которые видны, в частности, на материалах амвросиевского костища и западноевропейских верхнепалеолитических пещер.

Амвросиевское костище представляло собой место, куда обитатели находящейся поблизости и вскрытой шурфом стоянки специально складывали

---

[1] Д. Фрезер. Указ. соч., стр. 56—60.
[2] Там же, стр. 241.
[3] Там же, стр. 258.
[4] Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 13.
[5] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 92, см. также Н. Джанашиа. Религиозные верования абхазов. Христианский восток, т IV, вып. 1, 1915, стр. 107.

все кости основного объекта охоты — зубра, надеясь этим обеспечить возрождение животных и удачную охоту на них в будущем. Так объясняется исключительная полнота подбора костей всех частей скелетов животных всех возрастов, отсутствие костей со следами действия огня, наличие отдельных костей со следами раскалывания рукой человека и резания кремневыми орудиями. Вероятно, в это культовое место складывали не только кости животных, но и некоторые части туш, чем объясняется обнаружение костей, лежавших в анатомическом порядке.

Но как объяснить находки в амвросиевском костище кремневых и костяных изделий и их своеобразный подбор? Для первобытных религиозных верований и обрядов характерна сложность, нерасчлененность, переплетение разных форм, полисемантизм. Вероятно, кости зубров, образовывавшие амвросиевское скопление, не только оберегались в надежде обеспечить возрождение животных, но в то же время олицетворяли самих животных в обрядах охотничьей магии. Такая замена зверя его костями известна по памятникам палеолита. Вспомним хотя бы череп медведя из Монтеспана, прикрепленный к глиняному туловищу, по которому наносились удары, или же изображение головы, ног и позвоночника зубра на костяной пластинке из Раймондена. С другой стороны, вспомним многочисленные палеолитические изображения зубров и других животных, пронзенных копьями, гарпунами или же носящих на теле кружки и углубления, возможно, воспроизводящие метательные камни, которыми были побиты эти животные. Целые в значительной своей части костяные наконечники и кремневые вкладыши от составных наконечников, найденные в амвросиевском костище, попали, вероятно, туда в результате подобных обрядов охотничьей магии. Копья с такими наконечниками кидались в черепа и кости зубров во время магических обрядов, чтобы таким способом обеспечить удачную охоту.

Во время магических обрядов могли попасть в костище и куски красной охры.

Таким образом, амвросиевское костище и заключенный в нем культовый инвентарь являются выражением тех же примитивных религиозных верований и обрядов, которые проявляются в нанесении на стены пещер широко известных изображений зубров, пронзенных копьями [1].

Найденные в костище в большинстве своем шаровидные неотретушированные нуклеусы, желваки кремня и валуны мелового известняка попали, вероятно, в костище, подобно костяным наконечникам и кремневым вкладышам, в качестве метательного охотничьего оружия. Труднее объяснить, как попадали в костище удлиненные кремневые пластины. Остается предположить, что в скопление костей, наряду с копьями и метательными камнями, кидались орудия еще одной категории. Все же этот вопрос нельзя считать окончательно разрешенным.

Таким образом, амвросиевское костище являлось специальным культовым местом, где сберегались кости убитых на охоте зубров, чтобы тем самым обеспечить возрождение животных, и где с помощью этих костей совершались обряды охотничьей магии; причем в кости и в части туш кидались копья, чтобы обеспечить удачную охоту в будущем. Нас не должно смущать одновременное сбережение костей и кидание в них копий. К первобытным религиозным верованиям и обрядам нельзя подходить с меркой современной формальной логики. В первобытных идеологических

---

[1] При обсуждении настоящей работы в ИИМК В. Н. Чернецов привел примеры наблюдавшихся им на Севере культовых мест сравнительно недавнего происхождения, аналогичных амвросиевскому костищу. Особенно любопытно то, что там вместе с черепом медведя сохранялась пуля, которой этого медведя убили.

представлениях постоянно переплетается противоречивое, взаимоисключающее.

Находки в амвросиевском костище наконечников охотничьего оружия генетически связываются с многочисленными находками в более поздних жертвенных местах наконечников стрел [1].

В некоторых случаях, как, например, в исследованной П. А. Прокошевым пещере в скале Дыроватой на р. Чусовой, стрелы специально выпускались в высоко расположенную пещеру [2].

Первые кости зубров, брошенные в амвросиевский древний овражек, заплыли в его болотистом дне и в настоящее время обнаруживаются в суглинке ниже основной толщи костей. Кости, попадавшие позднее, образовали мощную брекчию. Порог в северо-восточном конце скопления образовался на месте искусственного препятствия, ограждавшего это культовое место.

Можно ожидать, что в дальнейшем на территории СССР будет обнаружено немало таких палеолитических культовых мест. Их обнаружение затруднялось тем, что они находятся за пределами палеолитических поселений, являющихся обычно объектом исследования. Кроме того, некоторые из них, возможно, рационалистически истолковывались, как кучи отбросов или же специально сложенные запасы топлива и материала для изделий.

Находки в Мейендорфе и в Штелльморе, за пределами позднепалеолитического и мезолитического поселений, в древнем пруду, скелетов оленей, несомненно, брошенных на дно пруда в качестве жертвы [3], как и находка в Боршево II за пределами позднепалеолитического поселения выкладки из камней, воспроизводящей голову лошади, открывают широкие перспективы для поисков подобных древних культовых мест, связанных с поселениями, но находящихся за их пределами.

---

[1] См. А. В. Шмидт. Жертвенные места Камско-Уральского края. 1932, стр. 9, 36—37; А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. 1949, стр. 86.

[2] Археологические работы на новостройках, I, 1935, стр. 135.

[3] A. Rust. Die alte- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. 1943; Die altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meiendorf, 1937; см. также Гордон Чайлд. Прогресс и археология. 1948, стр. 171.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

А. Н. РОГАЧЕВ

О НИЖНЕМ СЛОЕ КУЛЬТУРНЫХ ОСТАТКОВ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ В КОСТЕНКАХ

В 1949 г. Воронежско-Курская экспедиция ИИМК произвела разведочные работы в Костенках на Дону для поисков более древних памятников, нежели известные в этом районе до сих пор. По совету П. П. Ефименко, основное внимание было уделено изучению Тельманской стоянки, и Костенок V. На обоих памятниках были заложены глубокие шурфы (рис. 5,*а*); вскрывающие местами всю толщу четвертичных отложений (рис. 5,*б*). Одновременно с этим производились работы по изучению геологических условий залегания верхнепалеолитических памятников района и в первую очередь многослойных Костенок I, Костенок IV и Костенок V. В геологическом исследовании Костенковско-Боршевского района приняли участие М. Н. Грищенко и сотрудники Донской экспедиции географического факультета МГУ — Н. С. Чеботарева и Г. И. Лазуков.

В результате работ 1949 г. на Тельманской стоянке был вскрыт нижний культурный слой, а в Костенках V, наряду с изучением нижнего слоя, открыт верхний горизонт культурных остатков. Полученные материалы позволяют уточнить датировку этих памятников.

Относительно слабая археологическая и геологическая изученность нижних слоев в Костенках I и на Тельманской стоянке не дает возможности разрешить вопрос о стратиграфическом положении памятников Костенковско-Боршевской группы, но открытие этих многослойных памятников приближает нас к разрешению проблемы хронологического расчленения памятников верхнепалеолитического времени. Эти работы показывают, что могут быть успешными поиски многослойных памятников не только в пещерах, но и на открытом воздухе, в местах, особенно удобных для поселений четвертичного человека.

В 1937 г. П. П. Ефименко вскрыл на Тельманской стоянке площадь около 70 м^2 и на глубине 2 м изучил остатки округлого углубленного в землю жилища, залегающие в лёссовидном суглинке. При расчистке остатков небольшого жилища (диаметром 5 м, глубиной 0,4—0,7 м) была собрана большая коллекция костяных и кремневых орудий. Последние оказались особенно интересными. Все кремневые орудия изготовлены с помощью солютрейской техники и были в высшей степени однообразны по форме и по технике обработки. Наряду с небольшим количеством типичных листовидных наконечников, со слегка суженным черенком с двухсторонней обработкой, основную массу кремневых орудий составляли массивные листовидные острия на удлиненных пластинах и отщепах (рис. 6—*1—6*).

Последние близки по форме к мустьерским остроконечникам. Концевых скребков и пластинок с притупленным краем, имеющихся почти на всех верхнепалеолитических стоянках, здесь не было.

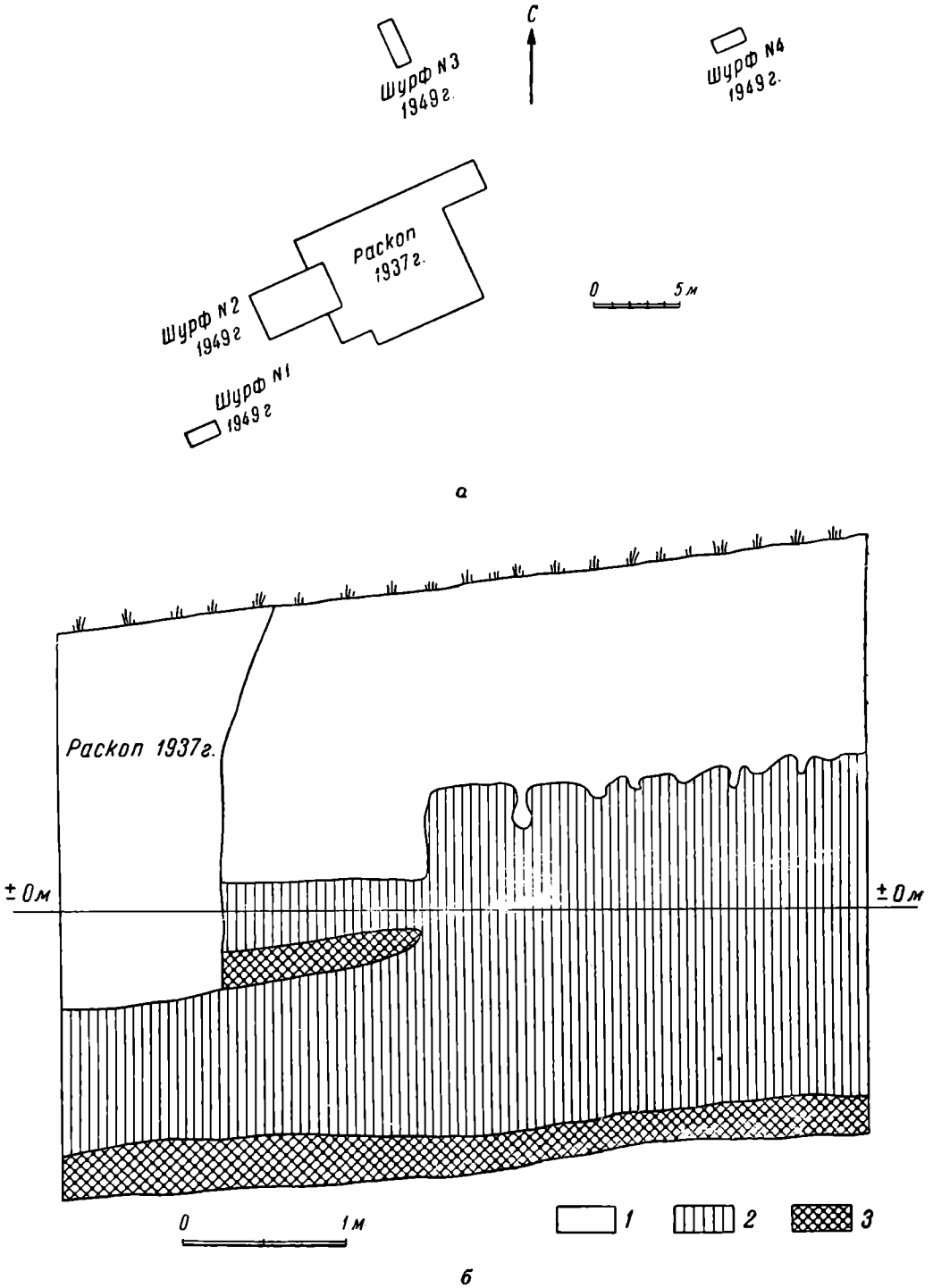

Рис. 5. Тельманская стоянка: *а* — план шурфов 1949 г., заложенных вокруг раскопа 1937 г.; *б* — разрез южной стенки шурфа № 2

1 — чернозем; *2* — лёссовидный суглинок; *3* — горизонты культурных остатков. Линия ±0 является общей с раскопом П. П. Ефименко и находится на высоте 15 м над летним уровнем р. Дона

Вместе с тем, в верхнем слое Тельманской стоянки хорошо представлена резцовая техника обработки кремня. Резцовые сколы в большинстве случаев были произведены уже на листовидных остриях. С морфологической точки зрения все кремневые орудия, за исключением небольшого

числа наконечников с черенком, сводятся по существу к листовидным остриям, изготовленным из пластин и отщепов.

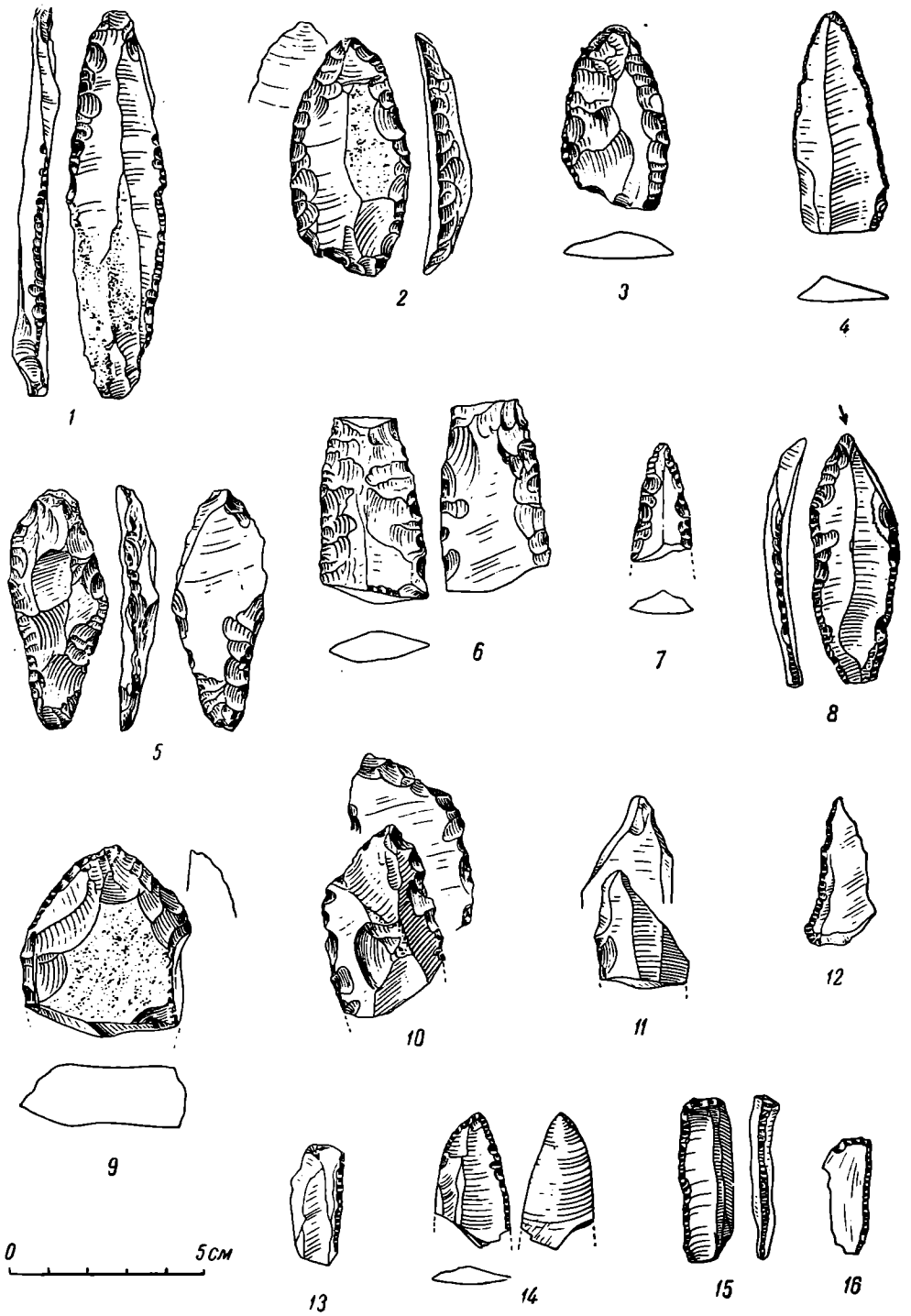

Рис. 6. Каменные орудия

Тельманская стоянка (верхний горизонт): *1 — 4* — острия; *5* — наконечник с черенком; *6* — обломок черенка наконечника. Костенки V (верхний горизонт): *7—10* — острия; *11* — резец. Костенки V (нижний горизонт): *12—16* — пластинки с притупливающей ретушью

Эти особенности кремневых орудий и техника их обработки послужили поводом для датировки памятника начальной порой верхнепалеолитического времени. «Очевидно,— писал П. П. Ефименко,— в Тельманской стоянке приходится видеть первый хорошо освещаемый всей обстановкой находок

памятник, принадлежащий ранней ступени верхнего палеолита с чертами культуры, складывающейся на основе предшествующей культуры позднейшего мустье — типа Ильской, Чокурчи и сходных с ними стоянок Восточной Европы» [1].

Этот вывод приходится теперь считать ошибочным. В 1949 г. частично на месте прежнего раскопа и рядом с ним был заложен шурф № 2 (площадью 3×5 м), в котором под верхним культурным слоем, залегающим на глубине 2,20—2,35 м, был обнаружен на глубине 3,4 м второй верхнепалеолитический слой мощностью 20—30 см; последний дал своеобразный кремневый инвентарь, резко отличающийся от коллекции кремневых орудий верхнего слоя (рис. 5,6).

Нижний слой культурных остатков залегает в гумусированной прослойке. Изучить его на всей площади шурфа не представилось возможным из-за сильных заморозков. Слой представляет собой скопление обычных для палеолитических поселений остатков обитания: осколков костей мамонта и других животных, костяного и древесного угля, расщепленных кремней и других находок. Можно полагать, что эти следы обитания представляют собой залегающие in situ остатки жилого сооружения. Об этом свидетельствует локализация культурных остатков. Кроме того, здесь прослеживались остатки очага, представляющие собой скопление золы и углистой массы. В пределах скопления золы особенно много мелких кремней со следами пребывания в огне.

Насыщенность слоя остатками обитания при его сравнительно большой мощности относительно невелика. Крупных костей мамонта вообще найдено не было. Имелось небольшое количество мелких обломков трубчатых костей, бивня мамонта, и небольших обломков ребер. Мало было мелких обломков костей лошади и других животных. На каждом квадратном метре найдено от 30 до 200 расщепленных кремней, в том числе и очень мелкие осколки и чешуйки кремня, среди которых встречается от одного до двух десятков кремневых пластин с вторичной обработкой ретушью и резцовыми сколами. Совсем редко встречались фрагменты обработанной кости и небольшие камни.

Культурный слой во многих местах окрашен красной охрой в виде небольших пятен. В северо-восточном углу раскопа, где слой разобран до предполагаемого пола жилища, встречено наименьшее количество находок. В других направлениях под стены раскопа уходил мощный и насыщенный находками культурный слой.

Кремень нижнего горизонта меловой, темного цвета, без патины или с легким налетом голубоватой патины. В верхнем же слое стоянки кремень светлых тонов, с густой молочного цвета патиной. Особенно бросается в глаза и преобладание в верхнем слое крупных орудий, тогда как в нижнем слое подавляющее количество кремней с вторичной обработкой составляют мелкие и мельчайшие пластинки и острия с притупливающей края ретушью. Кремневые орудия нижнего и верхнего слоев по технике обработки, по материалу и по формам совершенно различны. В нижнем горизонте подавляющее большинство орудий составляют узкие микропластинки, оформленные притупливающей ретушью в виде острий. На площади шурфа найдено около 80 таких острий и их обломков. Многие из них отличаются необыкновенно высокой техникой ретуширования, представляя собой тонкие иголковидные острия (рис. 7—*11*, 15—*29*). Крупных пластинок с притупленным краем в виде острий типа граветт, представленных обломками, не больше десятка (рис. 7—*13*, *14*).

---

[1] П. П. Ефименко. Новая палеолитическая стоянка в Костенках. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, М., 1940, стр. 48.

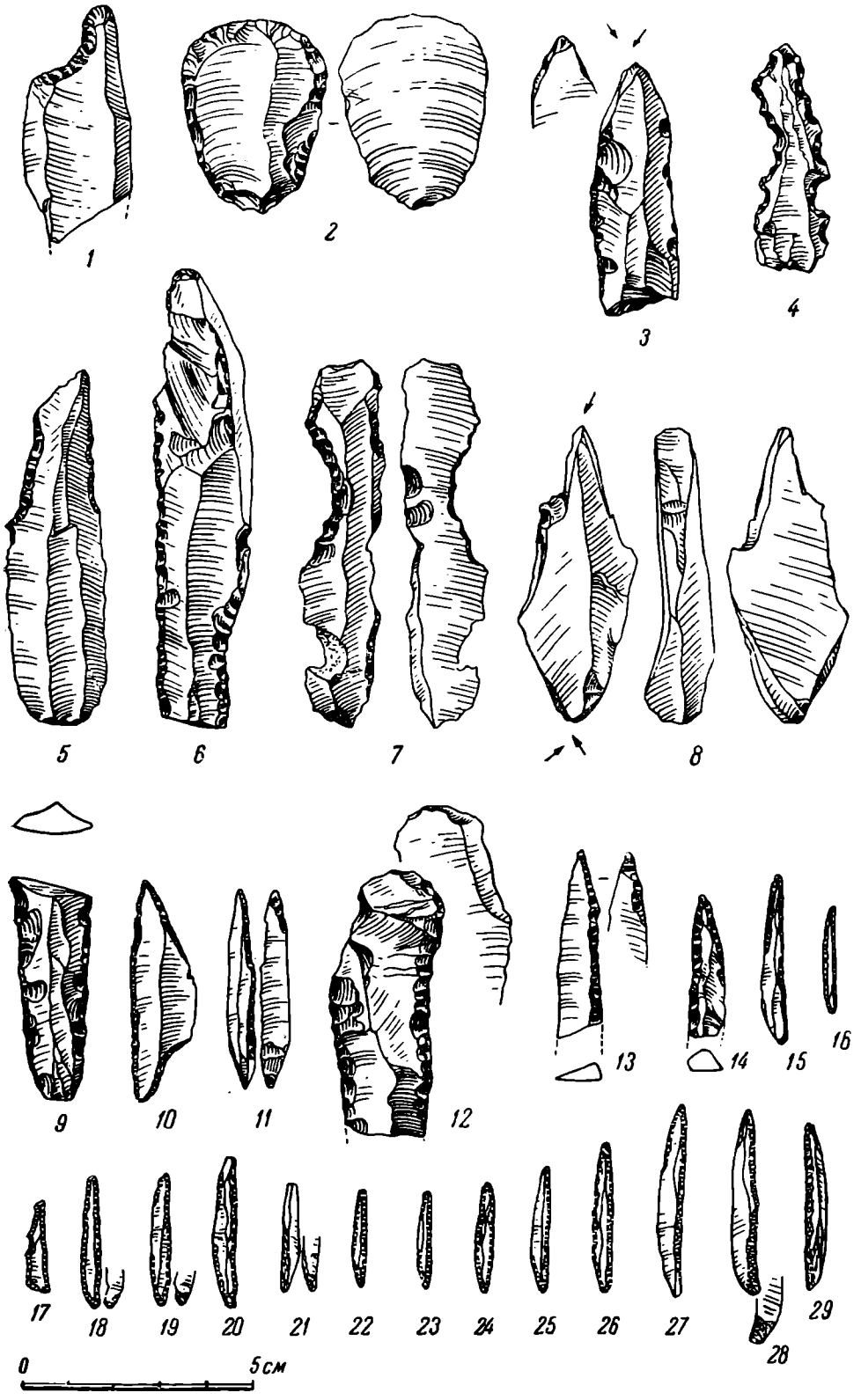

Рис. 7. Каменные орудия нижнего горизонта Тельманской стоянки

1, 4, 7 — пластины с вогнутой ретушью; *2* — скребок; *3, 8* — резцы; *5, 6, 9, 12* — пластины с ретушью; *10* — трапециевидное орудие; *11, 15—29* — микропластинки и острия с притупливающей ретушью; *13, 14* — острия

Вторую по количеству группу орудий составляют крупные пластины с ретушью в виде больших выемок (рис. 7—*1, 4, 7*). Собрано около 15 резцов, изготовленных на крупных пластинах, часто имеющих ретушь по краям. Преобладают срединные резцы (рис. 7—*3, 8*). Имеется еще два типичных концевых скребка, выделанных на широких пластинах (рис. 7—*2*), трапециевидное орудие (рис. 7—*10*) и несколько нуклевидных осколков.

Аналогичная картина наличия двух слоев наблюдалась при разведке стоянки Костенки V, расположенной в Покровском логу на стрелке, образованной слиянием двух небольших отвершков правого склона оврага.

В 1928 г. в Костенках П. П. Ефименко в шурфе на глубине 2,80—3,50 м обнаружил большое скопление костей мамонта, носорога, лошади и быка, залегавших на переотложенном сеноманском песке в слое меловой щебенки и гальки [1]. Скопление имело толщину 60—70 см, а отдельные находки костей встречались и выше основного скопления. Среди скопления костей, главным образом в основании его, было собрано в разных местах несколько десятков кремней. Кости принадлежат нескольким особям мамонта; преобладают остатки молодых особей. Работы 1949 г. показали, что это скопление представляет переотложенный нижний культурный слой.

Кремень здесь меловой, темный, без патины, но встречается и желтый с коричневатым оттенком. Из 16 кремней с вторичной обработкой 7 являются пластинками с притупленным краем, 3 резца и 6 пластинок с ретушью. По технике обработки [2] и материалу, равно как и по формам орудий, нижний горизонт Костенок V можно сопоставить с нижним горизонтом Тельманской стоянки (рис. 6—*7, 12, 16*).

Такое сопоставление необходимо сделать и потому, что в шурфе № 1 (2 × 2 м), расположенном от раскопа 1928 г. на 27 м выше по склону стрелки (на глубине 3,20 м от поверхности, под мощной толщей бурого лёссовидного суглинка, на поверхности тонкой прослойки из мелкой меловой гальки и щебенки), был обнаружен верхний культурный слой Костенок V, мощностью 10—15 см. Он имел темную окраску и был насыщен мелкими обломками костей, расщепленным кремнем и мелкими обломками костного угля. Здесь были расчищены крупный обломок ребра мамонта и осколок тонкой каменной плиты (23 × 14 × 3 см). На площади в 2 м² было встречено около 80 расщепленных кремней, среди них 56 отщепов и пластинок, 9 пластинок с ретушью, 2 острия на массивных отщепах, обломок конца листовидного острия, 2 срединных резца, листовидное острие на пластине с резцовым сколом (рис. 6—*7—11*).

По внешнему виду, по форме орудий и по технике обработки эти кремни весьма близки к кремням верхнего горизонта Тельманской стоянки.

На основании изучения культурного слоя системой отдельных небольших шурфов не представляется сейчас возможным дать исчерпывающую характеристику памятника, но бесспорно наличие в Костенках V двух горизонтов находок, в общем соответствующих двум горизонтам Тельманской стоянки. При дальнейших работах, связанных с разрешением вопросов стратиграфии и датировки памятников, необходимо подвергнуть детальному исследованию не только Костенки IV, Костенки I, Тельманскую стоянку, но и Костенки V, которая является тоже многослойным памятником.

Предварительное изучение памятников Костенковской группы как многослойных свидетельствует о том, что нас уже не могут удовлетворить прежние взгляды на датировку многих памятников этого района. Совершенно

---

[1] То же самое наблюдали здесь и мы в четырех шурфах, вырытых рядом с шурфом 1928 г.

[2] В частности, на орудиях из нижнего слоя Костенок V отсутствует солютрейская ретушь.

ясно, что верхний горизонт Тельманской стоянки не является древнейшим памятником верхнепалеолитического времени вообще и в данном районе, в частности. По условиям залегания не является древнейшим и нижний горизонт Тельманской стоянки, которому, несомненно, предшествует нижний горизонт Костенок I [1]. Не является древнейшим, разумеется, и Боршево I, как памятник, в какой-то мере близкий к верхнему горизонту Костенок I.

Продолжение изучения многослойных памятников обогатит нашу науку новыми фактами, позволяющими в новом свете поставить проблему датировки памятников. Такое изучение не может не сопровождаться пересмотром упрощенных хронологических представлений, опирающихся на типологический анализ кремневых орудий. Задача изучения конкретной истории первобытных общин верхнепалеолитического времени, обитавших на Среднем Дону, является первостепенной по своему значению для понимания многих проблем древнейшей истории нашей Родины.

---

[1] А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте Костенок I. КСИИМК, вып. XXXI, М., 1950 и статья М. Н. Грищенко. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита. Там же, стр. 75—87.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

Н. Н. ГУРИНА

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ КАРЕЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Полевые археологические работы в Карело-Финской ССР 1949 г., явившиеся прямым продолжением работ предшествующего года, ставили своей целью обследование юго-западной Карелии, в связи с необходимостью изучения ее древнейшей истории.

Экспедиция была проведена на средства Карело-Финской базы Академии Наук СССР.

Данная территория впервые подвергалась археологическому обследованию. Крайне недостаточным материалом для суждений о ее древнейшей истории служили несколько отдельных предметов из коллекций случайных находок, хранящихся в музеях, без точного указания места их обнаружения. Между тем, решение ряда важнейших общих вопросов древнейшей истории Карелии в сильной мере зависит от полноты исследования указанной территории.

Поскольку в районах, намеченных к обследованию, не было еще известно ни одного памятника, явилась необходимость проведения прежде всего разведочных работ. Обследованию были подвергнуты побережья наиболее крупных озер, полностью или только в частях благоприятных для заселения их в древности. Было обследовано южное, юго-западное и юго-восточное побережье Сямозера, озеро Суоярви, Поросозеро, восточный берег озера Кудомгубского, южный и восточный берега озера Селецкого, озеро Гимальское, юго-западное и южное побережье Сегозера (рис. 8).

В общей сложности на обследованной территории было обнаружено 35 местонахождений, из которых 5 относятся к эпохе развитого железа и 30 — к эпохе неолита и раннего металла.

Выяснилось, что в эпоху неолита наиболее густо заселенной территорией явилось побережье Сямозера, берега которого, ровные и песчаные, были очень удобны для заселения человеком. Меньшее количество местонахождений на других озерах, повидимому, должно быть поставлено в связь с малоблагоприятным характером их побережий, представляющих, в подавляющем большинстве случаев, чередование скалистых или каменистых мысов с низкими заболоченными бухтами. Песчаные участки здесь почти отсутствуют.

Сопоставляя материал, найденный в неолитических поселениях, расположенных на побережье Сямозера, с материалом стоянок, расположенных на берегах других обследованных нами озер, нельзя не заметить между ними существенных отличий.

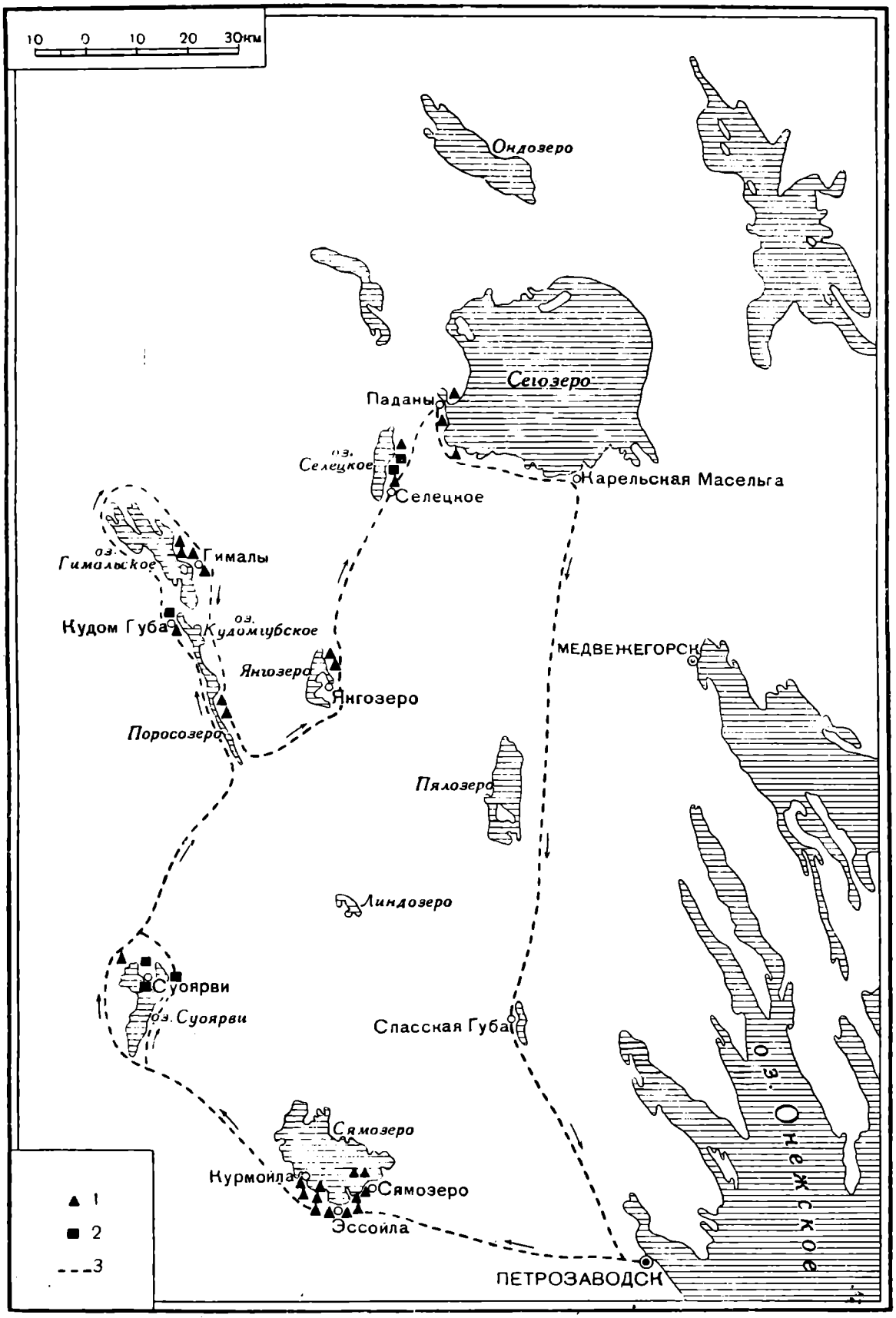

Рис. 8. Схема размещения археологических памятников Средней Карелии (по материалам Карельской экспедиции 1948—1949 гг.)

1 — неолитические поссления и стоянки; *2* — памятники эпохи железа; *3* — маршрут экспедиции

Поселения и стоянки берегов Сямозера, в количестве 16, имеют отчетливо выраженный культурный слой и значительно более богатый материал, в общих чертах близкий к материалу стоянок и поселений южных и восточных районов Карелии. Хронологически они различны. Часть этих поселений была обитаема в течение длительного отрезка времени, показателем чего может служить сочетание различного типа керамического материала на весьма ограниченной площади некоторых стоянок.

Особого внимания среди обнаруженных здесь памятников заслуживают две стоянки. Одна из них расположена в юго-западной части, близ дер. Курмойла [1], другая находится на юго-восточном побережье, неподалеку от дер. Шап-Наволок. Значительный интерес последней стоянки заключается в том, что на ее площади была обнаружена типичная ямочно-гребенчатая керамика в сочетании с металлическими шлаками (повидимому, медными). Нахождение шлаков в культурном слое, ненарушенность последнего, значительная удаленность стоянки от населенных мест и отсутствие каких-либо культурных остатков, кроме неолитических, исключают всякое предположение о случайном попадании в культурный слой шлака извне, заставляя видеть в них предметы, одновременные ямочно-гребенчатой керамике.

Стоянки, обнаруженные на берегах других перечисленных нами выше озер, имеют, как было указано, ряд отличительных особенностей, заставляющих отделить их от стоянок Сямозера. В то же время, общие черты позволяют объединить их в одну группу.

Открытые здесь стоянки располагаются в бухтах, обычно на песчаных участках, в непосредственной близости от воды, на высоте не более 2 м от ее современного уровня. На их площади встречаются большое количество отщепов кварца, кварцевых орудий и, значительно реже, орудия из кремня. Однако самой характерной особенностью можно считать отсутствие керамики. Ни на одной из 19 стоянок не было найдено ни одного фрагмента сосуда. Это прослеживалось не только на тех стоянках, находки на которых были сделаны в обрезах берега или ямах, но и в тех случаях, когда культурные остатки были найдены непосредственно в культурном слое, имевшем на некоторых стоянках отчетливо выраженный характер и достаточно широкую площадь распространения.

Было бы преждевременным утверждать своеобразие неолитических поселений северо-западных районов Карелии. Возможно, что в данном случае отсутствие керамики объясняется какими-либо другими причинами и, прежде всего, недостаточностью раскопанной площади. Не исключено, что последующие работы позволят обнаружить и керамику.

Стационарные работы этого года были сосредоточены в юго-западной части побережья Сямозера, близ дер. Курмойла.

Местонахождение поселения заслуживает особого внимания. Оно расположено на берегу тихой песчаной бухты Сямозера, обращенной на юго-запад, на высоте 2—3 м от современного уровня воды. Берег озера в том месте, где располагалось поселение, представляет собой относительно ровную песчаную площадку, лежащую в седловине длинного скалистого мыса. С двух сторон она сжата скалами, защищающими ее от северного и южного ветров, с третьей — ограничена озером и с четвертой — высохшим болотом. Анализируя характер местности, нетрудно притти к заключению, что в момент существования здесь поселения болото представляло собой залив озера, повидимому, уже мелкий, но все же доступный для продвижения лодок. Таким образом, площадка с существовавшим на ней тогда поселением с двух противоположных сторон омывалась водой, являясь как бы естественным мостом, соединявшим два залива озера.

---

[1] О данной стоянке мы скажем ниже, в связи со стационарными работами.

Общая площадь раскопа, вскрытая в этом году, имела 250 м², причем площадь поселения почти полностью была исчерпана. Мощность культурного слоя здесь, по сравнению с другими стоянками Карелии, можно

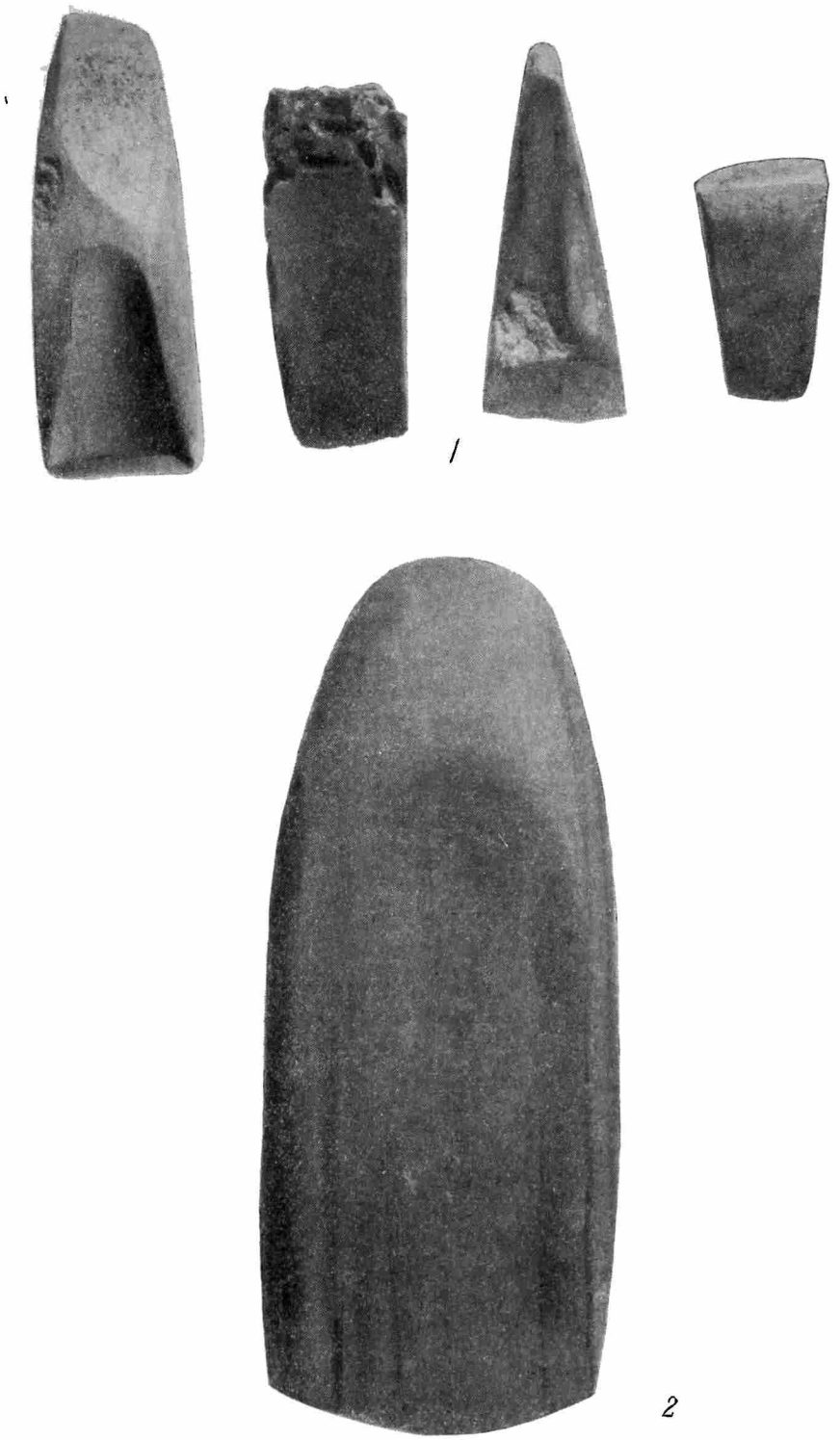

Рис. 9. Орудия со стоянки Курмойла

считать относительно значительной — в среднем 50—55 см. Характерной особенностью его являлась интенсивная окрашенность в красный цвет, вызванная присутствием охры (явление, наблюдаемое на ряде стоянок Карелии).

В результате произведенных раскопок поселения был получен не только большой (свыше 7000 предметов), но и исключительно разнообразный материал. Среди орудий труда особенно многочисленными являются сланцевые, начиная от крупных топоров и кончая миниатюрными стамесками с рабочим концом в несколько миллиметров ширины (рис. 9). Всем им свойственна очень высокая степень техники обработки. Шлифовальные плиты встречены в большом количестве, среди них некоторые очень крупного размера, повидимому, постоянно находящиеся на поселении, а не переносимые с места на место.

Кремневые орудия относительно многочисленны, техника их изготовления весьма совершенна, что особенно бросается в глаза на примере сильно удлиненного наконечника стрелы, обработанного тончайшей отжимной ретушью. Имеются проколки и скребки. Значительный интерес представляют кварцевые резцы, в силу своей строго выработанной формы. Острие их образовано двумя сколами или сколом с одной и ретушью с другой стороны.

Исключительный интерес представляет керамика, найденная в очень большом количестве, часто скоплениями. Характер ее разнообразен. По тесту и орнаменту ее можно разбить на три группы: 1) раннюю керамику с неглубоким орнаментом (так называемую керамику «типа сперрингс»); 2) типичную ямочно-гребенчатую керамику; 3) керамику с примесью асбеста.

Численно все три группы не равны между собой и не могут быть синхронизированы.

Первая группа керамики, «типа сперрингс», представлена сосудами, несколько варьирующими по своей орнаментации, которые, однако, без всякого сомнения, могут быть выделенными в особую группу (рис. 10). Тесто этих сосудов резко отличается от теста сосудов двух других групп. Оно грубо, плохо промешано, с очень значительной примесью крупной дресвы. Обжиг слабый. Вследствие указанных качеств глины и слабости обжига сосуды очень непрочны, часто рассыпаются или расслаиваются на внешней поверхности.

Характерной особенностью орнаментации сосудов этой группы является то, что она неглубока. Чаще всего это линии, прочерченные плоской, тупо срезанной палочкой, иногда с периодическим нажимом на ее конце; собранные в группы, эти линии располагаются по сосуду нередко в различных направлениях. Помимо прочерченного орнамента, на сосудах имеются слабые отпечатки штампа в форме римской цифры I и сложного рисунка, полученного, повидимому, в результате слабого нажима углового штампа, поставленного в перекрестном направлении. В финской литературе этот орнамент известен под названием «орнамента перевитой колючей проволоки». Лишь изредка в сочетании с прочерченными линиями встречаются округлые или резко вытянутые ямки, однако их очень мало и располагаются они ближе к краю сосуда.

Размер сосудов этой группы крупный, форма — яйцевидная. Нередки случаи окрашенности стенок по внешней поверхности красной охрой. Возможно, что эти сосуды имели какое-то ритуальное назначение. О значительном применении в ритуальных обрядах красной охры свидетельствует интенсивная окрашенность в красный цвет культурного слоя.

Отыскать аналогии к керамике данной группы не представляет большого труда. Ближе всего к ней стоит керамика изученной мною стоянки у Пушсовхоза № 2, Повенецкого района, стоянки у пос. Повенец, расположенной на вершине оза, Медвежьегорской стоянки № 2, Сунской стоянки № 1, исследованной А. Я. Брюсовым, а также керамика, обнаруженная мною на вершине оза близ г. Кеми. На северо-западе Ленинградской обл.

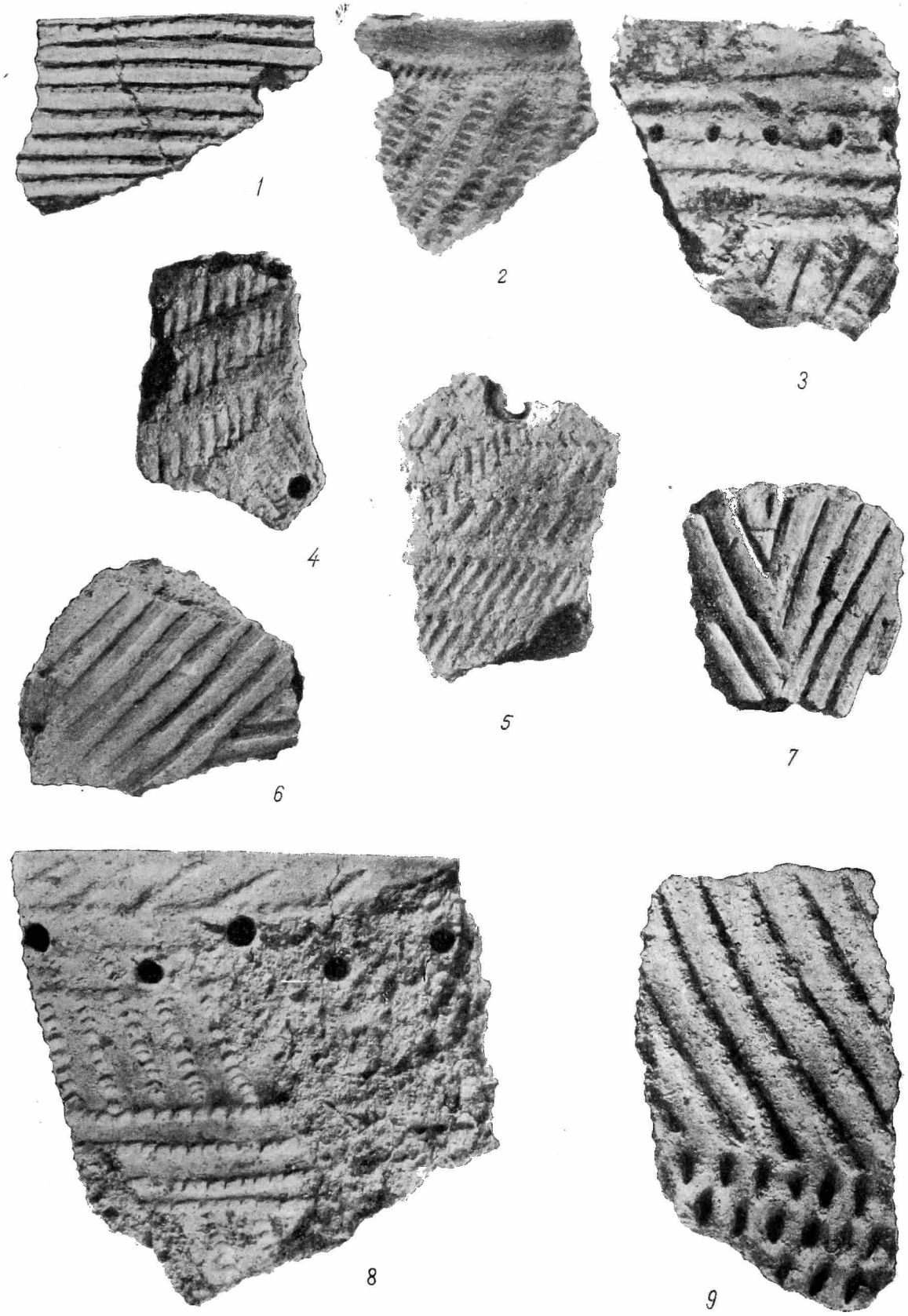

Рис. 10. Керамика первой группы

керамика данного типа встречается на стоянках Каукола (Карельский перешеек) и Хяйринмяки, близ Выборга; в Финляндии — на стоянках Сперингс. Таким образом, территория распространения керамики первой группы вырисовывается сейчас достаточно отчетливо; выделению этой территории в значительной мере способствуют орнамент и состав теста, резко отличные от таковых всех других керамических групп.

Вторую наиболее многочисленную группу составляет керамика ямочно-гребенчатого типа (рис. 11). От первой группы ее отличают тесто и орнамент. Количество примеси, введенной в глину, весьма ограничено, обжиг сильный. Орнамент состоит из глубоких вдавлений штампа различной формы (круглого, овального, гребенчатого). Значительная часть сосудов покрыта ямками ромбической формы. Особенностью керамики этой группы, отличающей ее от керамики других того же типа стоянок Карелии, является очень ограниченное применение гребенчатого штампа и широкое использование отпечатков веревки различной толщины и способов плетения, вплоть до очень плотно перевитого шнура.

Форма сосудов устанавливается достаточно отчетливо, благодаря наличию значительного количества краев и днищ. Дно круглое; размер разнообразный — от крупных (до 45 см) до очень мелких (не более 10 см в диаметре).

Третью, сравнительно немногочисленную группу составляют сосуды с примесью асбеста, введенного иногда в глину в большом количестве (рис. 12). Размер сосудов различен, однако преобладают с диаметром в 25—30 см. Дно плоское. Орнамент сосудов поверхностный. Часть из них украшена оттисками крупной гребенки, расположенными параллельно, образующими широкие горизонтальные пояса. Другие сосуды орнаментированы ямочными вдавлениями, несколько более поверхностными, нежели вдавления на типичных ямочно-гребенчатых сосудах. Встречается ямочный узор, расположенный по диагонали сосуда, от края к его днищу — мотив, очень распространенный в орнаментации поздней ямочно-гребенчатой керамики.

Сопоставляя асбестовую керамику нашей стоянки с таковой других стоянок (Вой-Наволок, Оров-Губа, Кемские стоянки, Тарховка), мы не можем не заметить существенных отличий. Перечисленные здесь стоянки дают, если так можно выразиться, классический тип асбестовой керамики, характеризующейся строго выработанным качеством теста и, в особенности, орнаментации. Последняя состоит из сравнительно коротких отпечатков гребенки, поставленных под углом к краю сосуда, параллельно друг другу, в силу чего они образуют пояса с противоположным направлением гребенки в каждом из них. Именно такой поверхностный елочный узор из отпечатков мелкой гребенки и является наиболее типичным для асбестовой керамики.

На наших сосудах почти не встречается такого орнамента. Наоборот, последний как бы повторяет орнамент сосудов ямочно-гребенчатого типа, что, как мне кажется, позволяет считать асбестовую керамику поселения у дер. Курмойла наиболее ранней стадией развития керамики этого типа, впитавшей в себя элементы предшествующей ей ямочно-гребенчатой керамики.

На площади поселения были встречены очаги, ямы хозяйственного назначения и две землянки. Очаги были слегка углублены в грунт и содержали остатки золы и мелких углей. Два из них имели каменную кладку. Вблизи очагов в ряде случаев обнаружены скопления раздавленных сосудов. Всего очагов на поселении было встречено девять. Ямы небольшой площади и глубины, заполненные красным культурным слоем и керамикой, имели, повидимому, хозяйственное назначение.

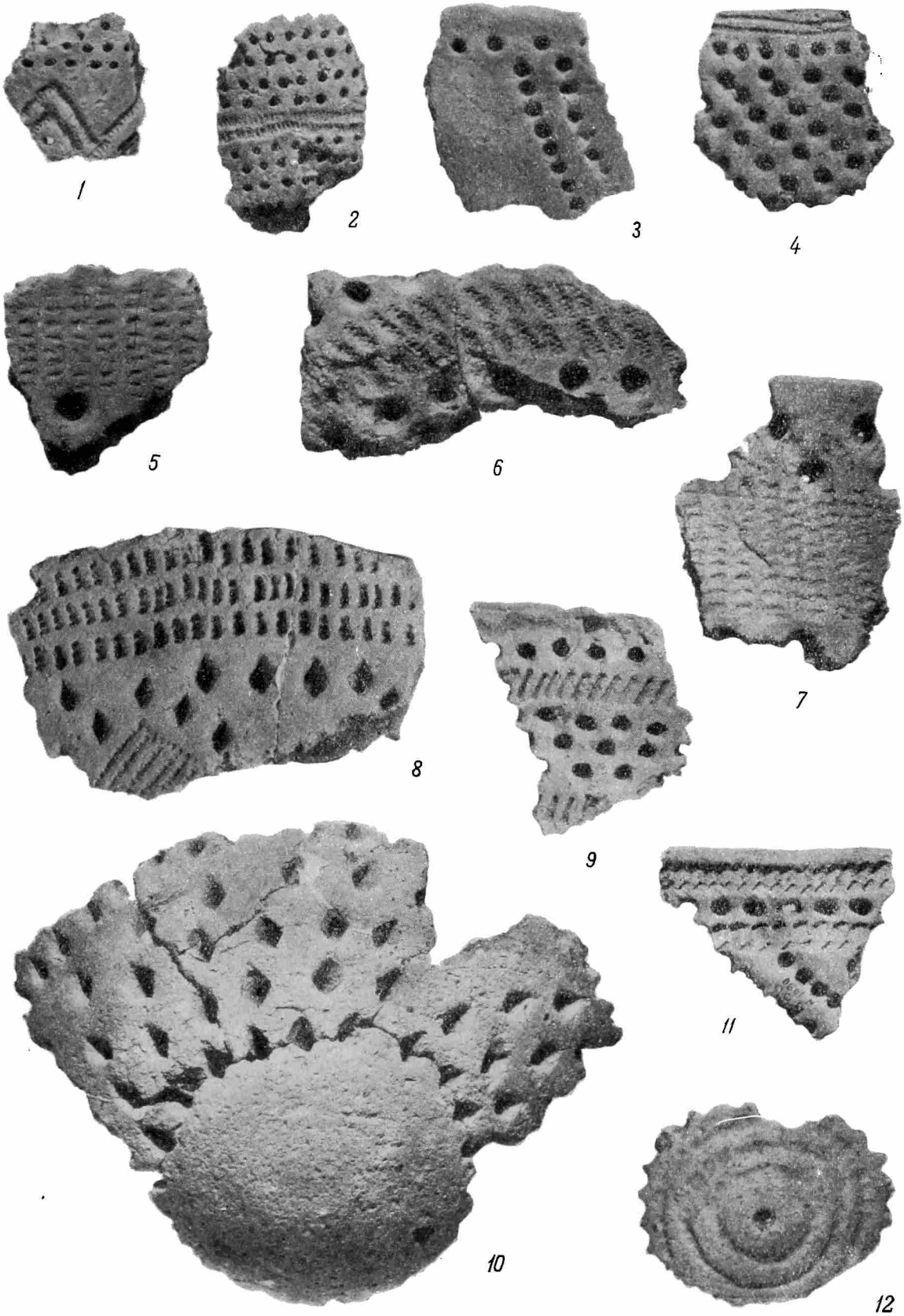

Рис. 11. Керамика второй группы

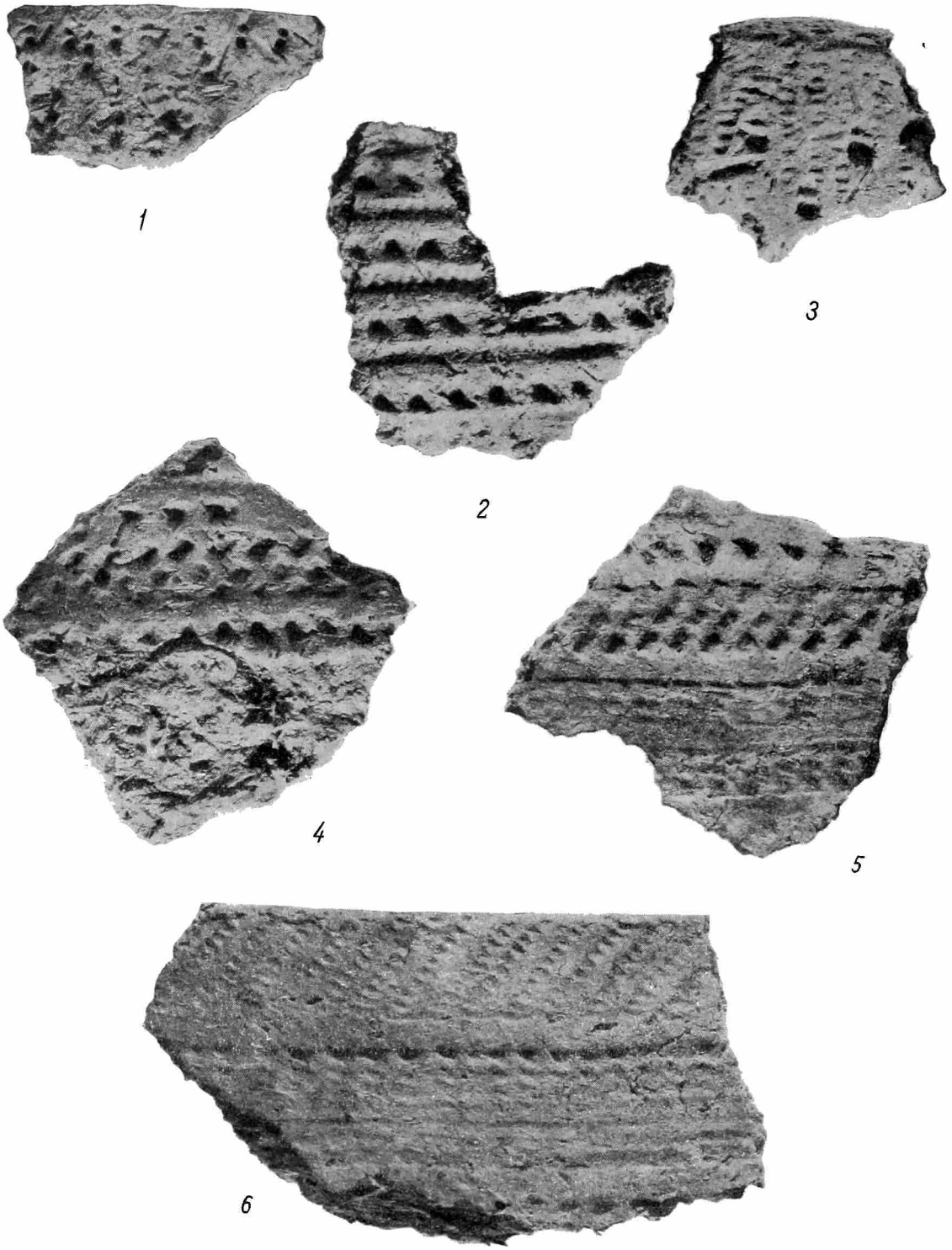

Рис. 12. Керамика третьей группы

Наибольший интерес представляют два углубления, являющиеся, по всей вероятности, остатками жилищ — полуземлянок. Одно из них, расположенное в северо-восточной части поселения, имело округлую форму; площадь углубления 2,10 × 2,05 м, глубину 0,98 м. Контуры ямы были заполнены интенсивно красным культурным слоем с вкраплением мелких угольков и значительным количеством керамики. Здесь же были найдены мелкие и прекрасно обработанные орудия, в частности наконечники стрел, не обнаруженные больше на всем поселении.

В непосредственной близости от указанной землянки находился ряд небольших по площади и неглубоких ям, возможно связанных с жилищем. В этом случае описанное нами углубление должно было являться лишь его центральной частью.

Второе углубление, врезанное в желтый материковый песок и также заполненное культурным слоем, располагалось в средней части поселения. Форма его была неправильно четырехугольная; площадь 2,85 × 1,80 м; глубина 1,02 м. На дне углубления встречено значительное количество крупных камней, слагавших очаг, обломки керамики, шлифовальная плита и шлак. Данное углубление является, вероятно, остатком жилища. Обстоятельства заставляют считать его несколько более поздним, нежели первое. Об этом свидетельствуют: четырехугольная форма, наличие на дне жилища шлаков и стратиграфия слоев, наблюдаемая у краев ямы. Красный культурный слой перерезается прослойкой песка, достигающей толщины 20 см, которая выклинивается на соседних с углублением квадратах. Последнее обстоятельство показывает, что рассматриваемое углубление было вырыто после длительного существования поселения, в течение которого нарос культурный слой мощностью до 40 см. Прорезав этот слой, люди углубились в материк, песок которого был выброшен на поверхность красного слоя. В последующий промежуток времени существования поселения новый культурный слой покрыл эту материковую песчаную прослойку.

Повидимому, одновременными этому жилищу следует считать четыре очага, примыкавших к нему, два из которых имели каменную кладку.

Таким образом, комплексы, встреченные на поселении, можно разбить на две разные по времени группы. Вероятно, более раннему из них соответствует керамика первой группы и часть второй, так же как и ранние формы орудий; с более поздними жилищами увязывается керамика второй и третьей групп, а также шлаки, найденные в землянке и на территории, непосредственно примыкающей к ней.

Люди жили на данном поселении в течение длительного времени. Шла ли эта жизнь непрерывно, или между отдельными этапами ее существовали интервалы, пока установить полностью невозможно. Очень вероятно, что в более раннее время интенсивно обитаемой была северо-восточная часть поселения, а позднее — юго-западная; поскольку площадь всего перешейка была крайне ограниченной, культурные остатки неизбежно должны были попадать и на другие его части.

Чтобы закончить описание поселения у дер. Курмойла, необходимо сказать несколько слов о хозяйстве его жителей. Анализируя все данные, как то: относительную мощность культурного слоя, обилие и разнообразие орудий труда, наличие значительного количества шлифовальных плит, часто очень крупного размера, большое количество керамики и наличие жилищ зимнего типа, окруженных очагами и ямами хозяйственного назначения, нетрудно сделать вывод о длительном обитании этого поселения людьми, а не о периодическом посещении его лишь на короткое время. Ассортимент орудий, в особенности расположение поселения между двумя бухтами озера, значительное количество костей рыб, встреченных в культурном слое, с бесспорностью свидетельствуют о том, что основной формой

хозяйства древних жителей этого поселения было рыболовство. Несмотря на отсутствие грузил, можно сделать вывод о ловле рыбы сетями; на умение их изготовлять указывает наличие большого количества отпечатков плетеных шнуров на керамике.

Время возникновения поселения, как мне кажется, совпадает с последней стадией развития прочерченной керамики (типа сперрингс); конец его существования — с ранней фазой бытования керамики с примесью асбеста. Именно поэтому основным материалом, обнаруженным на поселении, является как раз типичная ямочно-гребенчатая керамика, уходящая корнями в предшествующую ей прочерченную керамику и переходящая затем в керамику с примесью асбеста. Рассматриваемое поселение может быть отнесено ко времени конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Очень существенным фактом является сочетание шлаков с асбестовой керамикой. В связи с этим снова встает вопрос о наличии в культуре поселений Карелии, где найдена асбестовая керамика, металла. Нельзя не напомнить здесь о стоянке, исследованной мною в 1940 г. в Оров-губе, давшей вместе с указанной керамикой горн для выплавки железной руды, куски которой были найдены тут же.

Осторожность заставляет воздержаться сейчас от категорического утверждения о наличии во всех поселениях с асбестовой керамикой железа до тех пор, пока не будет собрано большое количество фактов. Последние, будучи представленными в серии, безусловно позволят сделать более точный вывод. Допустимо, однако, высказать здесь предположение, высказанное мною еще ранее, о сравнительно раннем появлении на севере в культуре древнего человека — железа, которое, как местный материал, а следовательно легко доступный, быстро вытеснило медь, залежи которой в Карелии были крайне ограниченными.

Кратко резюмируя итоги полевых исследований Карельской экспедиции, можно сказать следующее:

1. В результате произведенных работ были открыты поселения и стоянки на территории юго-западной Карелии, которая ранее не подвергалась исследованию. Обследование показало, что и эта часть Карело-Финской ССР была обитаема в древности человеком и что густота заселения была прямо пропорциональна благоприятному характеру берегов ее озер.

2. На основании добытого материала стало возможным высказать предположение, что археологические памятники северо-западной Карелии имеют ряд особенностей, отличающих их от памятников южной и восточной Карелии и до некоторой степени сближающих с археологическими памятниками более северных районов, в частности Кольского полуострова.

3. Исследование поселения у дер. Курмойла дает значительное количество фактов для суждения о материальной культуре населения вновь обследованной территории и позволяет поставить ряд интересных вопросов, имеющих большое значение для изучения древнейшей истории республики. Среди них вопросы о характере древнейшей стадии неолита в Карелии, о времени появления асбестовой керамики и характере ее начальной фазы развития, а также вопросы о наличии на стоянках с типичной ямочно-гребенчатой керамикой — металла.

Таким образом, становится возможным ввести в научный обиход археологические памятники юго-западной и частично северо-западной Карелии, дающие возможность составить некоторое представление о характере и своеобразии материальной культуры древнего населения указанной территории, изучение которой столь необходимо для воссоздания древней истории Карело-Финской ССР.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

Т. С. ПАССЕК

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПОЛИВАНОВ-ЯР

Советская историческая наука уделяет большое внимание вопросам происхождения и развития восточнославянских племен, причем подходит к разрешению этих вопросов путем всестороннего анализа сложных процессов исторического развития, происходивших, в частности, в Днепровско-Днестровском бассейне, начиная с глубокой древности. В этой связи история древнейших земледельческих так называемых трипольских племен, населявших в III—II тысячелетиях до н. э. обширные территории на побережье Днепра, в бассейнах Южного Буга и Днестра приобретает особо важное значение. Трипольская экспедиция ИИМК и Института археологии АН УССР ежегодно проводит археологические разведки и раскопки по изучению памятников трипольской культуры, причем основным заданием экспедиции было изучение родовых поселений и жилищ в районе Поднепровья и Побужья.

Результаты этих многолетних археологических исследований, сделанные на их основе исторические обобщения вошли в мою монографию «Периодизация трипольских поселений» [1]. Начиная с 1948 г. перед Трипольской экспедицией была поставлена новая большая и интересная задача — начать археологические разведки трипольских памятников в наименее изученном районе распространения трипольских племен, на территории правого берега Днестра. Такие разведки были осуществлены экспедицией на Среднем Днестре, начиная от г. Хотина, вниз по течению до с. Корман, в Хотинском и Кельменецком районах Черновицкой обл. УССР [2].

В итоге этих предварительных обследований были получены многочисленные археологические материалы, характеризующие земледельческие (трипольские) племена Поднестровья. Удалось установить важные особенности хозяйственной и экономической жизни этих племен, по сравнению с хорошо изученными племенными группами Поднепровья и Побужья. Однако до 1949 г. все эти выводы являлись предварительными, для подкрепления их необходимо было проведением раскопок получить научно-документированный археологический материал.

В 1949 г. Трипольская экспедиция продолжала начатые ранее разведки, которые охватили сравнительно узкую полосу вдоль правого берега Днестра,

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.
[2] Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

начиная от с. Мерешовка, Атакского района Сорокинского уезда Молдавской ССР, вверх по течению, до с. Бабино, Кельменецкого района Черновицкой обл. УССР [1].

В 1949 г. Трипольской экспедицией проведено обследование 74 памятников различного времени, включающих: 1) стоянки эпохи палеолита и мезолита, 2) энеолитические трипольские поселения, 3) скифские селища и городища, 4) поселения эпохи полей погребений, 5) памятники славянского времени.

В настоящей статье остановлюсь лишь на результатах раскопок на одном из трипольских поселений у с. Поливанов-яр, Кельменецкого района Черновицкой обл.

Это поселение решено было выбрать для стационарных раскопок после интересных наблюдений, сделанных еще во время разведок экспедиции в 1948 г. [2] Именно здесь тогда были обнаружены остатки глинобитных жилищ, а среди находок особо выделялась посуда с углубленным спирально-ленточным орнаментом и тонкостенные сосуды с каннелированной поверхностью, столь характерные для ранних этапов развития трипольской культуры. Наряду с этим в культурном слое на поселении у Поливанова-яра была обнаружена посуда с трехцветной красочной росписью, известная также среди ранних комплексов находок на таких трипольских поселениях, как Кукутени А и Извоар II в Румынии, Эрёзд в Венгрии, Кудринцы, Кадиевцы, Незвишка, Залещики в Поднестровье. Особое внимание к Поливанову-яру привлекли в 1948 богатые находки кремневых и сланцевых орудий, а также большое число кремневых заготовок, нуклеусов, отбойников, желваков кремня, свидетельствующих о том, что на поселении наряду с жилищами обнаружены следы древней мастерской трипольского времени [3].

«Поливанов-яр» — так называется глубокий живописный овраг, который расположен перпендикулярно к Днестру, между селами Комарово и Молодова; овраг тянется, пересекая Днестровскую возвышенность вглубь, более чем на 5 км. Крутые склоны оврага, особенно западные, покрыты густым лиственным лесом. Восточные склоны обезлесены и находятся под пашней. По дну оврага течет речка, впадая в Днестр; все берега ее усеяны галечным серым, беловато-серым и коричневатым кремнем. На одном из высоких мысов восточного склона оврага находится урочище, известное у местного населения под названием «Ступник». С двух сторон мыс ограничен глубокими оврагами, в каждом из которых имеются выходы ключевых источников. Мыс возвышается над ручьем, текущим по дну оврага более чем на 85 м. Площадь мыса сравнительно небольшая, узкая (450 × 150 м) и сильно понижается с ЮВ на СЗ, резко, почти отвесно, уступами спускаясь до дна Поливанова-яра. С напольной стороны мыс переходит в наиболее высокие части плато; в более позднее скифское время он был перегорожен сильно расплывшимся земляным валом. В настоящее время значительная площадь мыса подвергается распашке, и лишь территория, примыкавшая к валу и сам вал были задернованы.

---

[1] Экспедиция, как и в предшествующие годы, была организована ИИМК совместно с ИА АН УССР и проводилась под руководством Т. С. Пассек. В экспедиции принимали участие научные сотрудники: А. П. Черныш, Е. К. Черныш, В. П. Кравец, А. И. Мелюкова, В. И. Бибикова, аспирант КГУ Т. Г. Мовша, студент МГУ А. А. Формозов, фотограф М. М. Успенский, художники М. Н. Кислов и В. И. Лобов, шофер Г. И. Филин.

[2] Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

[3] Там же.

В первый год работ на поселении Поливанов-яр экспедицией было решено заложить раскопы в нескольких пунктах мыса, на наиболее высокой его части. Всего в 1949 г. было заложено пять раскопов; последний заложен специально для исследования вала и рва скифского времени.

Основные наиболее значительные по объему работы были проведены на III раскопе, где вскрыта площадь в 480 кв. м [1]. С глубины в среднем 0,5—0,6 м на центральных участках вскрытого раскопкой пространства в черноземном слое выявлено правильное залегание глиняной обмазки, свидетельствующей о наличии здесь остатков наземного глинобитного жилища большого размера. Не нарушая этих залеганий, была проведена зачистка их на всем пространстве, причем недостаточная сохранность разрушенного дома не позволила с необходимой четкостью выявить границы жилища со всех четырех сторон. Таким образом, с того момента, когда в процессе раскопок выявились контуры и размеры глинобитных остатков большого дома, все работы были сосредоточены главным образом на расчистке во всех деталях этих остатков. В процессе расчистки было замечено, что у краев жилища, у южных, западных, а также у северных его границ, глиняная обмазка в большинстве своем перекрыта навалом до 15—20 см толщиной из белых плитчатых известковых камней, т. е. перекрыта той породой, которая составляет материк. Выше находятся коричневатые суглинки, а еще выше — чернозем.

В связи с этим наблюдением можно было сделать заключение, что, во-первых, где-то вблизи от наземного жилища в материке были ямы, которые могли быть вырыты лишь после того, как жизнь в наземном доме прекратилась; во-вторых, начиная с глубины 0,5 м, а местами и выше (0,3 м), необходимо было внимательно следить, не обнаружатся ли в черноземе, особенно в подстилающем коричневатом суглинке, пятна от этих древних ям, скорее всего землянок. С этой целью северные и западные участки раскопа были расширены еще на 4 м по всей длине III раскопа. В результате, на всем пространстве III раскопа удалось обнаружить остатки большого глинобитного наземного жилища, около которого, особенно с северной стороны, располагалось шесть землянок и полуземлянок, трипольского же времени, углубленных в слой коричневатого суглинка, а иногда уходящих и глубже — в белый известняк.

Жилище оказалось большой постройкой, тянувшейся с востока на запад на 20 м. Ширина постройки была до 8 м. Жилая площадь в доме, таким образом, доходила до 160 м^2. Из-за позднейших разрушений не совсем отчетливо можно было наблюдать разделение этого большого первобытнообщинного домохозяйства на несколько ячеек, как это было ранее установлено на поселениях Коломийщина и Владимировка, однако частично остатки поперечной перегородки все же обнаружены. Эти остатки указывали на то, что дом был разделен с севера на юг на две почти равные половины (восточную и западную). Расчистка глинобитных остатков показала, что большой трипольский дом на поселении Поливанов-яр конструктивно мало чем отличается от наиболее характерных жилищ трипольских времен, изучавшихся нашей экспедицией в течение ряда лет на Днепре и на Южном Буге [2].

В основании наземной постройки поперек, на выровненной площади, были уложены плахи дерева, перекрытые затем обмазкой из глины, с примесью половы. Вальковая обмазка залегает ровно и сверху хорошо заглажена, производя первоначально впечатление плиточных наслоений.

---

[1] В 1949 г. экспедицией вскрыто всего на поселении Поливанов-яр 750 м^2.

[2] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

Вальковая обмазка обычно оранжево-красная, хорошо и ровно обожженная, с отпечатками дерева на оборотной стороне. Толщина вальковой обмазки 0,08—0,15 м. В восточной части дома в двух местах удалось наблюдать развалы сильно ошлакованной коричневато-лиловой обмазки с отпечатками дерева, залегающей выше вальковой обмазки пола. Разборка этой сильно ошлакованной обмазки показала, что это остатки рухнувших частей (свода и стенок) печи, причем в восточной части дома было две печи, а в западной — одна.

Печи в основе четырехугольные (2×2 м), стенки, видимо, были невысокие, переходящие в сводчатое перекрытие. Крупные фрагменты свода печи с наружной стороны хорошо заглажены, внутри они имеют резкие отпечатки лозы от каркаса из прутьев. В основании печи — под из красноватой плиточной обмазки (без примеси половы). Плитки почти всегда залегают поверх вальковой основы; они нетолстые (до 0,03—0,04 м), заровненные с обеих сторон. Любопытно, что около обеих печей восточной части дома такими же красноватыми плитками выложено довольно значительное место (1×2 м), служившее, видимо, лежанкой для спанья; плиточные наслоения одной из лежанок обрамлены вокруг желтыми нетолстыми вальками, поставленными вертикально.

В этой же восточной части дома еще более тонкими красными плитками, залегающими в три ряда, выложено особое место. По форме это небольшое округлое возвышение. По аналогии с округлыми культовыми местами в жилищах на поселении Коломийщина II и крестообразными — во Владимировке, это округлое в плане место, обнаруженное в Поливановом-яру, следует считать культовым местом в доме.

В западной половине дома, несколько большей по площади, чем восточная, в северо-западном углу обнаружены остатки сильно разрушенной печи (более 4 м^2 в основании). Около них также имелись лежанка и под печи, выложенные из плиточной обмазки.

Центральная часть дома оказалась разрушенной довольно значительно, и здесь наблюдался частичный разрыв в вальковой основе пола. Особенно же пострадавшей оказалась северная граница жилища, где вплотную к вальковой обмазке дома были обнаружены трипольского же времени шесть полуземлянок и землянок, характеристика которых будет дана несколько ниже.

Если в Поливановом-яру и конструкция жилища и его размеры, а также приемы сооружения печей, пола, пода, лежанок, культового места повторяют, в основном, то, что было изучено на известных трипольских поселениях Коломийщина I и II, Владимировка и др., то совершенно иной характер имел на поселении культурный слой на месте изучавшегося жилища.

Обычно культурный слой трипольского времени, наблюдаемый на родовых поселениях Поднепровья и Побужья, состоит из строительных глинобитных остатков, достигает небольшой мощности (0,2—0,3 м) и крайне беден находками. Это отмечалось мною неоднократно и объяснялось тем, что при земледельческом в основе хозяйстве трипольских племен, до нас могли дойти лишь немногие остатки костей животных, кремни и т. п. На раскопанном же поселении Поливанов-яр культурный слой оказался исключительно насыщенным костями домашних и диких животных, кремневыми отбросами и фрагментами керамики. В самом жилище обнаружено необычное количество орудий и их заготовок из кремня, сланца, кости, рога, керамические находки — сосуды, антропоморфные и зооморфные статуэтки, грузила. Находки орудий исчисляются несколькими сотнями, тогда как обычно в жилищах Коломийщины, Владимировки и Городска

они обнаруживались лишь десятками. Только в одном глинобитном жилище III раскопа на вскрытой площади в 480 м² обнаружено: желваков кремневых 14, осколков крупных кремневых 105, осколков средних кремневых 503, отщепов кремневых 2127, пластинок кремневых 470, нуклеусов кремневых 58, нуклеусов-отбойников кремневых 6, отбойников кремневых 17, заготовок кремневых 14; всего 3314.

Наряду с этими остатками производства, из каменных орудий обнаружены следующие: топоры клиновидные кремневые 6, долота кремневые 2, скребки кремневые 106, скобель кремневый 1, ножи кремневые 68, серпы-вкладыши кремневые 34, пилки кремневые 2, наконечники стрел и дротиков кремневые 13, сверла кремневые 10, проколки кремневые 3, ретушеры кремневые 2, пластины, осколки, отщепы кремневые с ретушью 27, тесла сланцевые 27, долота сланцевые 4, топоры (обломки) с просверлиной каменные 3, камни шлифовальные (обломки) 5, зернотерки каменные (обломки) 25; всего 338.

Кроме того, обнаружено: орудия из кости и рога, клыки кабаньи и т. п. 59; изделия керамические (статуэтки, грузила, конусики и т. п.) 81; сосуды (целые и в фрагментах) свыше 100; изделия из меди 5.

Из костей домашних и диких животных, подвергнутых обработке на месте раскопок В. И. Бибиковой, определимых оказалось 3800.

Начиная с глубины 0,5 м, когда раскопка лопатой была заменена расчисткой жилища, удалось сделать ряд наблюдений над расположением основного хозяйственного инвентаря в доме. Так, вблизи печей в восточной половине дома обнаружены толстостенные сосуды для варки пищи, с грубой шероховатой поверхностью. Недалеко от возвышений около печей находились нижние зернотерочные камни, сильно сработанные. В северо-восточном углу дома найдено 12 крупных глиняных (конусовидных) грузил от рыболовных сетей. Они изготовлены из слабо-обожженной глины, грубо формованы и снабжены большим отверстием для привязывания к сети перемета сложного типа. Имеется и грузило из кости крупного животного. У восточного края жилища было обнаружено пять плоских шлифовальных камней из плитчатого песчаника, на поверхности которых хорошо заметны углубленные следы, идущие по кругу от постоянной шлифовки орудий из сланца и кремня. Любопытно, что неподалеку от этих шлифовальных камней обнаружены шесть сланцевых тесел из беловатого сланца, растреснутых и со следами пребывания в огне.

В западной части дома особо интересными оказались юго-западные участки, где на полу на вальковой основе были расчищены раздавленные семь больших (до 0,8—1 м высотой) сосудов для хранения припасов. Около этих сосудов найдено несколько зернотерочных камней и больших мисок. На всей площади жилища и в культурном слое обнаруживались кремневые крупные и средние осколки, отщепы, пластины, нуклеусы, отбойники и заготовки кремневых топоров, скребков, сверл и т. п. Однако наибольшее количество отбросов производства было отмечено в культурном слое у западной стороны жилища, у самых его границ. Здесь (квадраты 3/и, 4/и, 5/и) обнаружено скопление 9 крупных желваков с частично уже околотыми пластинами, до 50 крупных осколков кремня, до 400 кремневых отщепов, и осколков, множество пластин, 8 нуклеусов, отбойники и кремневые заготовки. Не меньшее скопление кремневых отбросов было встречено у южной стороны дома.

Все эти наблюдения и огромное число находок из кремня и сланца в жилище позволяют говорить о процессе производства населением Поливанова-яра кремневых и сланцевых орудий, т. е. осветить вопрос об орудиях производства трипольских племен, вопрос, остававшийся до сих пор почти совершенно не разрешенным.

Остановившись на описании в основных чертах одного из больших домохозяйств, раскопанного в Поливановом-яру, перехожу к краткой характеристике сделанных в доме находок.

1) Основную группу керамики составляют сосуды из розовато-красной и розовато-палевой глиняной массы, с хорошо полированной наружной поверхностью, почти сплошь покрытой углубленным спирально-ленточным орнаментом; часто орнамент покрывает и дно сосуда, особенно у сосудов на подставке. Из форм в этой группе должны быть отмечены большие грушевидные сосуды, шлемовидные крышки, сосуды на полой подставке или на подставке в виде невысокой ножки, небольшие сосуды с округлыми плечиками, двойные биноклевидные сосуды, видимо, служившие подставками, конические чаши и др.

2) Вторую по численности группу составляют небольшие тонкостенные сосудики с округлыми плечиками, изготовленные из розоватой или розовато-палевой массы; наружная поверхность хорошо полирована и сплошь покрыта каннелюрами. Широкие, плоские каннелюры располагаются обычно горизонтальными рядами по горлу сосуда и вертикальными — украшают все тело до дна, а часто и само дно. Наружная поверхность прекрасно отполирована, блестящая. Сосуды чрезвычайно тонкостенные (рис. 13). В отдельных случаях по ребрам каннелюр нанесен орнамент мелким, прямоугольным зубчатым штампом.

3) Третью многочисленную группу составляют сосуды из серой или черной комковатой массы с грубой шероховатой наружной поверхностью, со следами полос от пальцев рук, сглаживавших сосуд во время формовки. По форме выделяется глубокая чаша, по краям которой помещены конические бугорки. Сосуды бедно орнаментированы лишь округлыми углублениями, сделанными концом пальца или ногтем. Из других вещей следует отметить небольшую четырехугольную миску с насечками, нанесенными по верху края. Форма эта крайне редкая для Триполья.

4) Четвертую группу, крайне малочисленную, составляют сосуды с росписью. Всего обнаружено 10 небольших сосудов, что составляет 10% от общего числа 100 сосудов, тогда как основную массу составляют сосуды с углубленным спирально-ленточным орнаментом (60%), с каннелированной поверхностью (15%) и грубая кухонная (15%).

На наиболее ранних трипольских поселениях этапа А, как, например, Извоар I, Попов-Город, Борисовка, Саврань, Красноставка, Городница, Лука-Врублевецкая, расписных сосудов вовсе не встречено. Несколько позднее, на среднем этапе развития Триполья (на ступени В/I), на таких трипольских поселениях, как Кукутени А, Извоар II, Эрёзд, Кадиевцы, Кудринцы, Незвишки и др., наряду с нерасписной посудой начинает развиваться посуда с трехцветной росписью. Комплекс керамических находок, сделанных на поселении Поливанов-яр, может быть сопоставлен с находками именно с этих трипольских поселений ранней ступени среднего этапа, причем, что особенно характерно, сосуды с монохромной черной росписью в жилище в Поливановом-яру единичны.

Посуда тонкостенная из розоватой массы с трехцветной росписью из жилищ в Поливановом-яру аналогична расписной керамике из Кукутен А, Эрёзда, Извоара II, Кудринцев, Кадиевцев, Крутобородинцев I, Незвишки и др. Основной спиральный рисунок — лента; роспись наносится черной и красной красками, а промежутки между ними — белой краской. Часто сверху белой краски — красные узкие полоски. По форме должны быть отмечены округлые небольшие сосудики, широко известные в Кукутени А и других поселениях этого времени. Спираль одиночная крутая, в несколько оборотов; полосы, образующие ленты росписи, густо заполняют всю поверхность. Роспись покрывает сплошь все тело сосуда и днище.

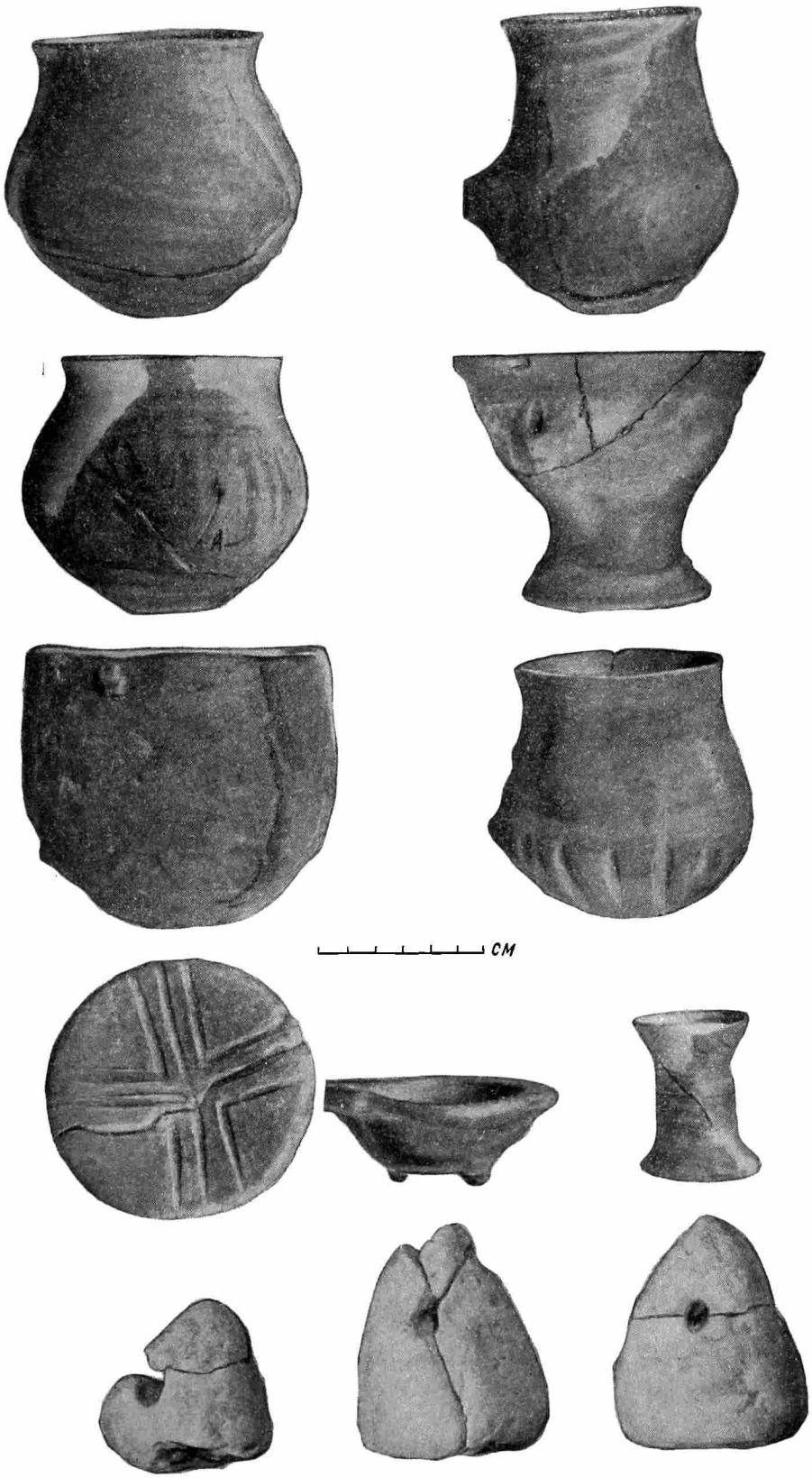

Рис. 13. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище. Сосуды с углубленным орнаментом и каннелюрами и глиняные рыболовные грузила

В жилище обнаружено 20 глиняных антропоморфных статуэток, большинство которых очень тонкой, изящной работы, схематически передающих женские фигуры (рис. 14). Очень характерен плоский торс. Обозначена грудь. Большинство статуэток стоячие, с коническими суживающимися ногами, слитыми вместе. На плечах — по сквозному отверстию, вместо головы — конический выступ. У многих фигурок торс, туловище и ноги сплошь

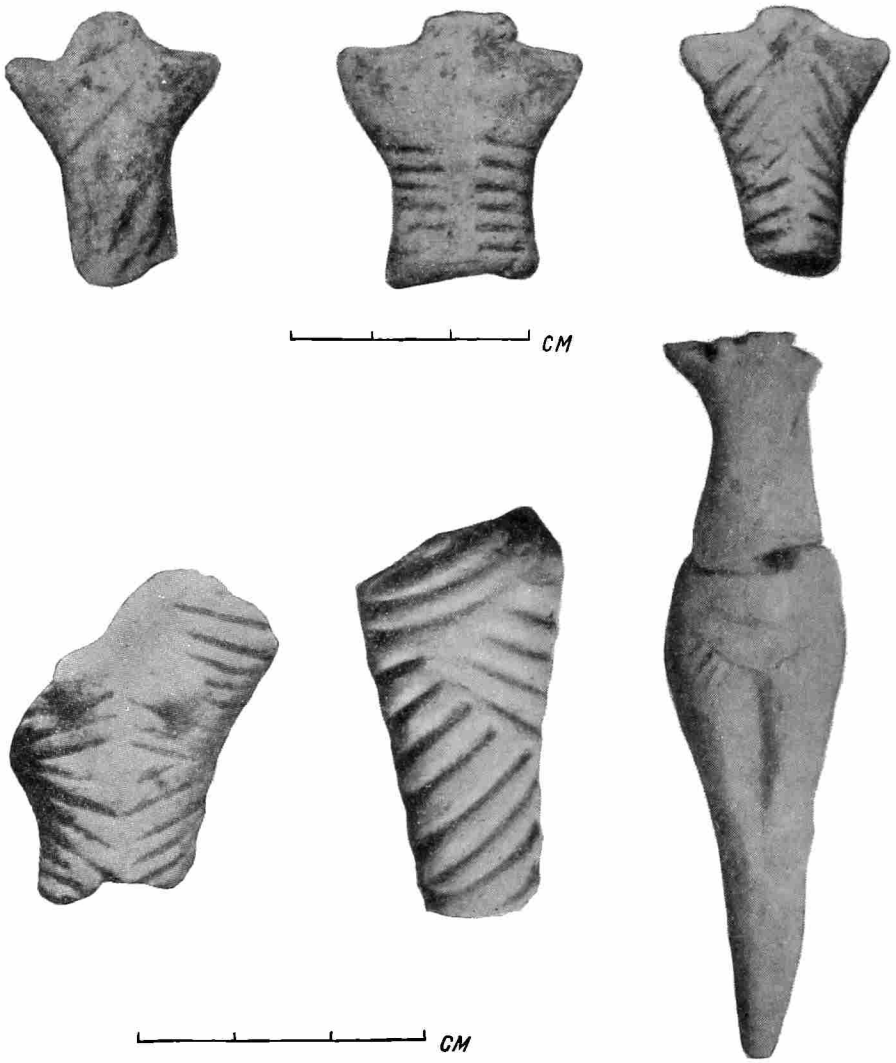

Рис. 14. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище. Глиняные статуэтки

украшены углубленными полосками, сходящимися под углом и образующими заштрихованные треугольники. Спереди спускается в виде треугольника передник с бахромой. Такого типа статуэтки известны во всех поселениях среднего этапа, например в Кадиевцах, Кукутенах. Можно лишь добавить, что статуэтки из Поливанова-яра, по сравнению с ними, вылеплены исключительно изящно. Имеется фрагмент торса мужской статуэтки. На груди с левого плеча наискось спускается перевязь, обычная для мужских трипольских статуэток.

Наряду с находками антропоморфных статуэток в жилище найдены 20 глиняных фигурок животных. К сожалению, невозможно определить породу животных — слишком грубо они вылеплены. Однако многие находки фрагментов таких статуэток в виде рогов позволяют предполагать, что

большинство из фигурок изображали быков, культ которых широко известен среди земледельческих племен. Головками быка с рогами очень часто украшены и ручки сосудов, или же головки быков рельефно выступают на стенках сосудов.

Очень интересны также находки 16 небольших пинтадер (глиняных конусиков) — печатей для татуировки, как их принято называть. Обычно они имеют углубленный орнамент (Кукутени, Эрёзд и др.) на поверхности, но часто бывают и без него (рис. 15—*1*). Такие печатники-конусики известны на многих поселениях среднего этапа развития Триполья [1].

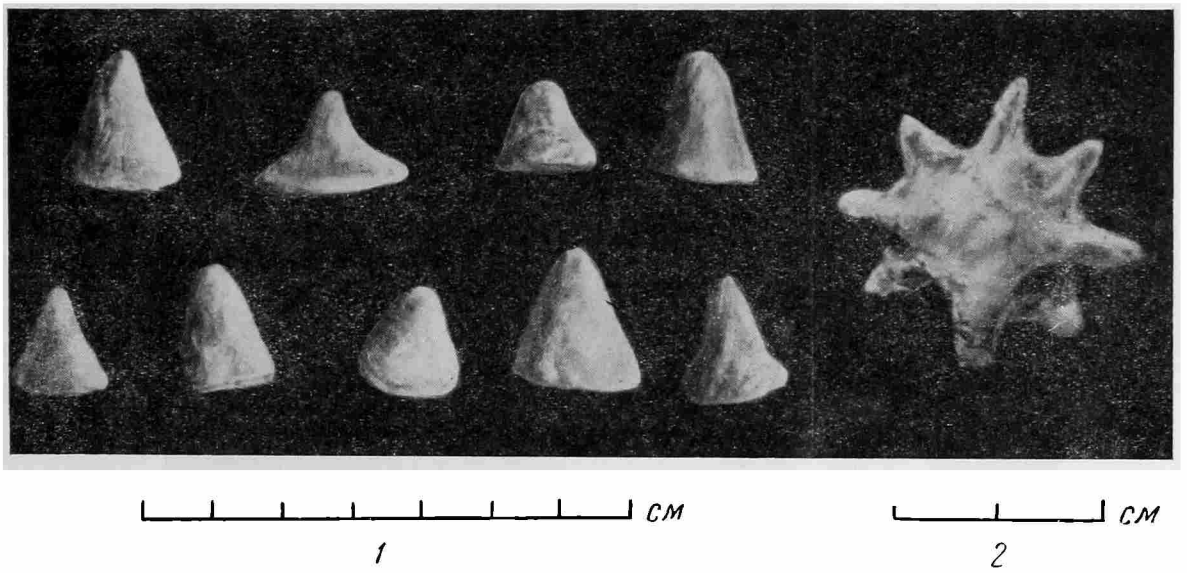

Рис. 15. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище

1 — глиняные конусики; *2* — амулет (звездочка)

Особого внимания среди изделий из глины заслуживает небольшой амулет в форме восьмиконечной звездочки, 3 см в диаметре (рис. 15—*2*). Звездочка вылеплена из двух частей, каждая из которых представляет собой крест. Если вспомнить, какое большое распространение имели изображения звезды и креста в орнаменте трипольской керамики, а также крестообразные жертвенники, открытые экспедицией во Владимировке, то станет ясным, что амулет из Поливанова-яра в виде восьмиконечной звезды семантически должен быть связан с теми космическими представлениями, которые были распространены в тот период у земледельческих трипольских племен.

Среди изделий из рога и кости следует прежде всего упомянуть 4 мотыги из рога лося или оленя, с просверленным отверстием для рукоятки, 20 проколок или шильев из кости, отточенных и отполированных на конце (рис. 16—*1*); оттачивание их происходило на песчаниковых плитках. Такие плитки со следами отточки проколок были найдены при раскопках и на Коломийщине и в Поливановом-яре.

Из кости сделаны также лощила, лопаточки, служившие, видимо, орудиями при формовке сосудов. Обращают на себя внимание несколько (7) расчлененных пополам клыков кабана; на конце одного из них просверлено небольшое отверстие, видимо, для прикрепления его (рис. 16—*2*). Пла-

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 12—14.

стины — украшения из кабаньих клыков известны из нижнего слоя Извоара I, из Сабатиновки II, из Нальчикского и Мариупольского могильников. Они, безусловно, служили украшением и прикреплялись к одежде. Найдена также плоская бусина, округлая, с просверлиной, выточена из раковины *Unio* (рис. 16—*3*).

Наибольшее число предметов в жилище оказались изготовленными из кремня.

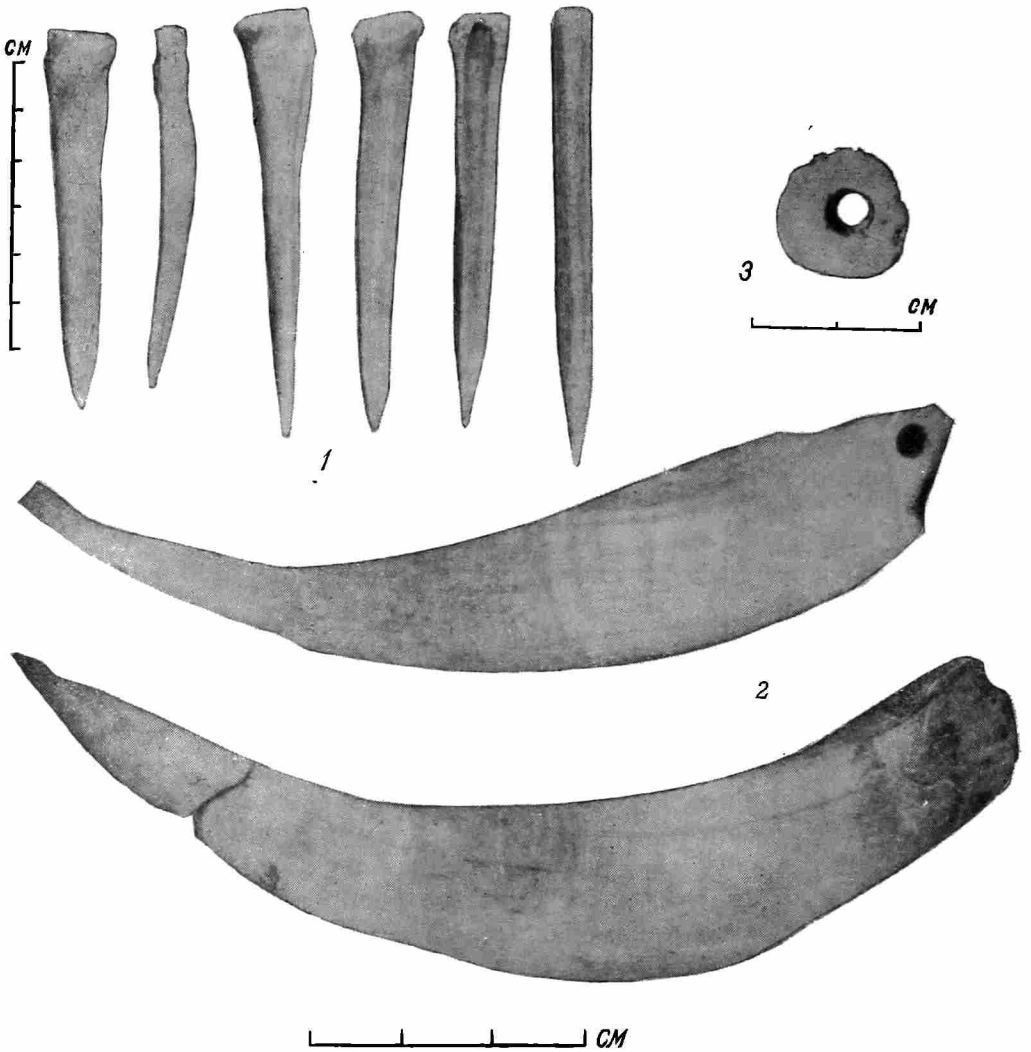

Рис. 16. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище

1 — костяные проколки; *2* — украшения из кабаньих клыков; *3* — бусина из раковины

Как уже указывалось выше, при характеристике инвентаря, в жилище были обнаружены разнообразные кремневые остатки, свидетельствующие о наличии здесь же, в жилище, производственного места, где изготовлялись кремневые орудия.

Чрезвычайно обильный кремневый инвентарь из жилища в Поливановом-яру можно разделить на несколько основных групп [1]:

1) Кремневые грубоотесанные желваки (14 штук), очень крупные, специально, видимо, принесенные и хранившиеся здесь же в доме.

[1] Кремень серый и белый галечный. Реже орудия изготовлены из темного синего кремня.

2) Скопление в культурном слое отбросов производства: разных размеров осколков, отщепов, пластин из кремня, составлявших в жилище свыше 3000 экз.

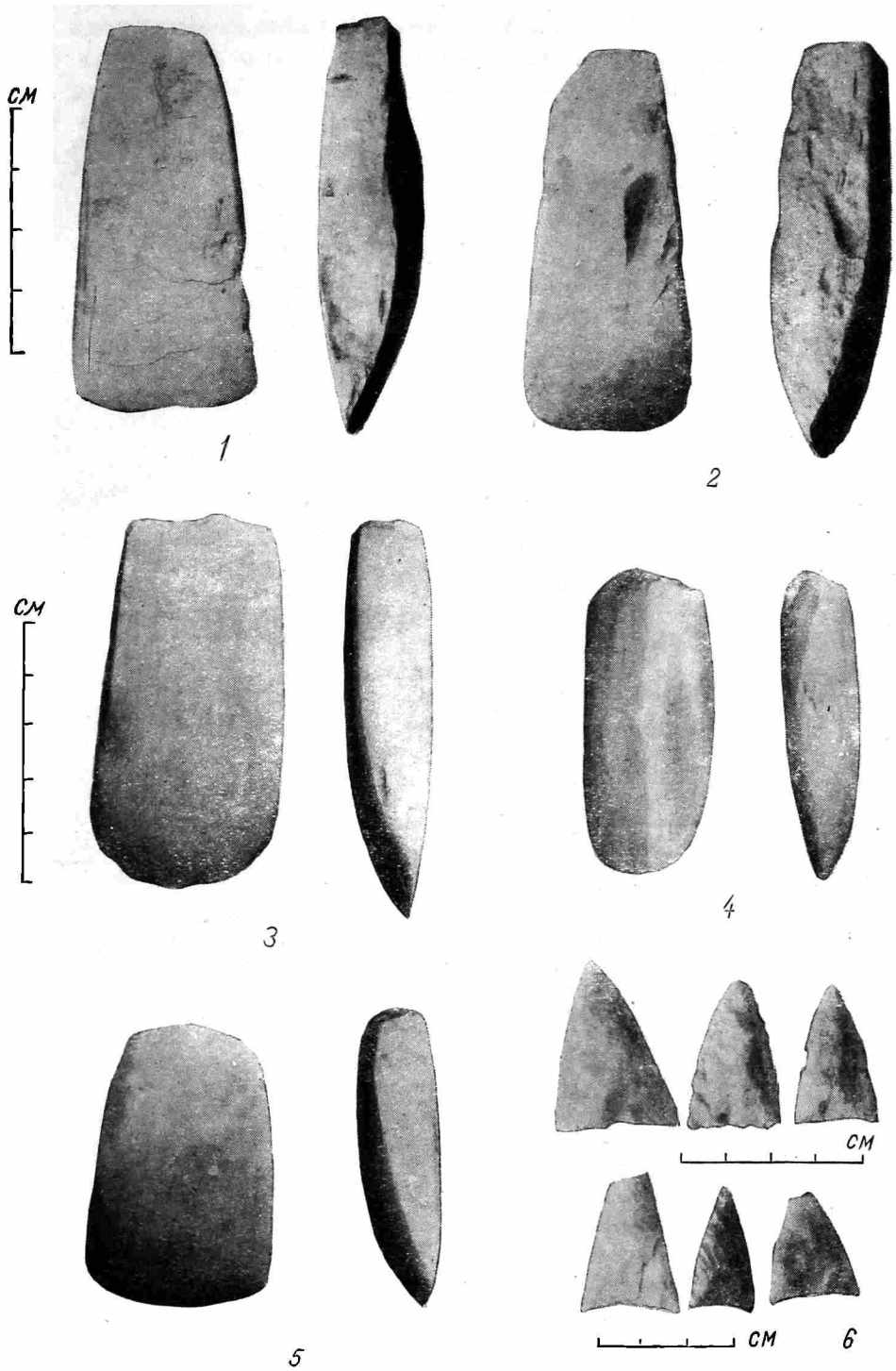

Рис. 17. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище

1 — 5 — тесла сланцевые; *6* — кремневые наконечники стрел

3) 58 нуклеусов: правильной призматической и конусовидной формы, нуклеусы для отщепов; нуклеусы, использованные в качестве отбойников (6), и отбойники из кремня, шаровидные с несколькими рабочими сторонами (17).

4) Наряду с этим в жилище обнаружено 14 кремневых заготовок. Заготовки макролитического облика, из белого и серого кремня; обработаны они грубыми сколами, идущими в различных направлениях

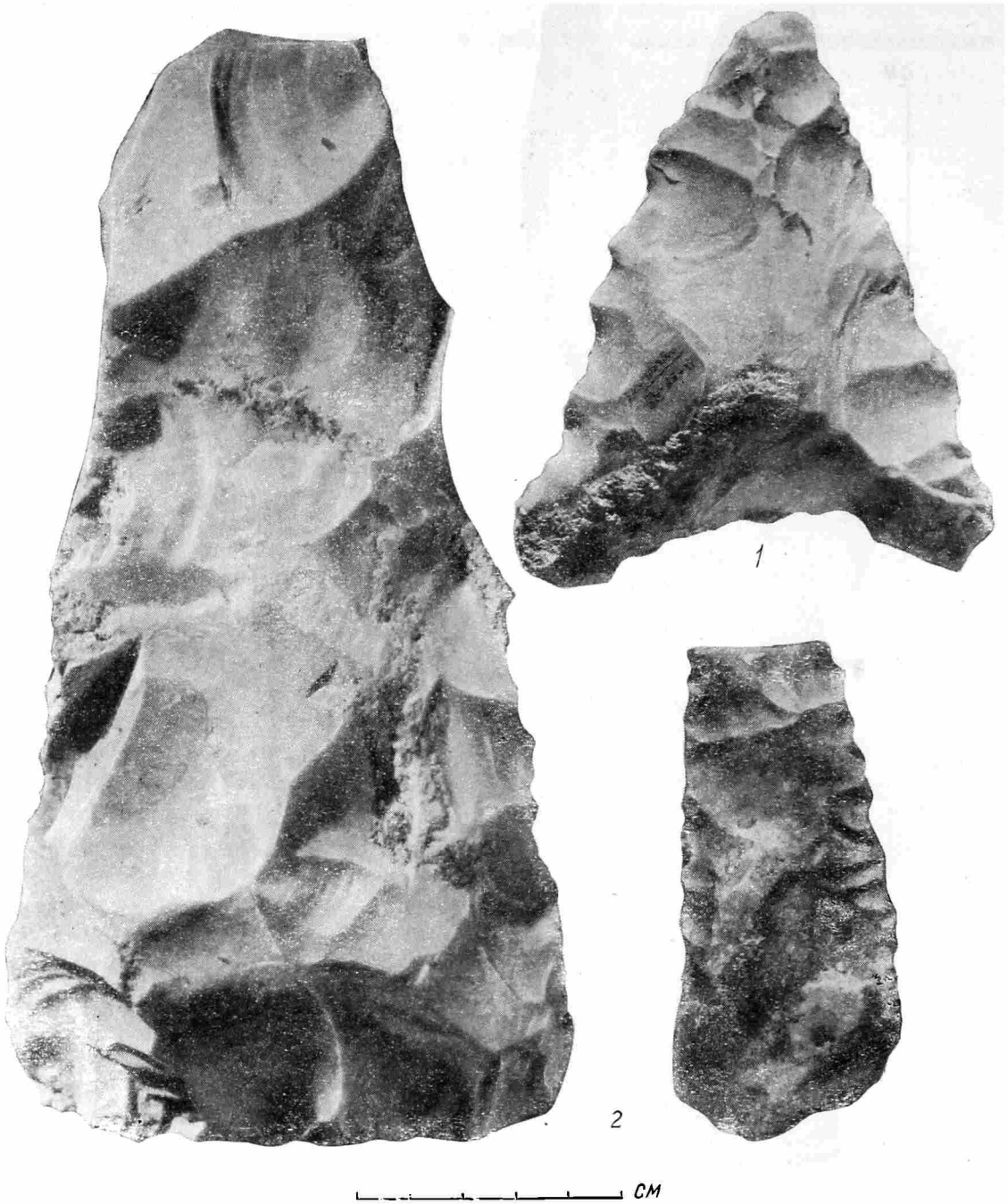

Рис. 18. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище

1 — кремневый наконечник копья (случайная находка); *2* — кремневые заготовки орудий

и придающими орудию лишь первоначальную форму; на некоторых обнаружены признаки начатой шлифовки. Среди заготовок имеются клинья крупных размеров, четырехгранные в сечении (рис. 18—*2*), кремневые долота, сверла, скребла.

В жилище найдено свыше 300 кремневых орудий.

1) Больше всего обнаружено концевых скребков (106) на пластинах, довольно широких и длинных, из серого, белого и, реже, темносинего кремня. Реже кремневые скребки изготовлены на отщепах.

2) 68 кремневых ножей на длинных широких и массивных пластинах, с крутой ретушью, часто изготовленных из дымчатого кремня.

3) 34 серпа на пластинках. Обычно ретушью обработан один край. Употреблялся серп в оправе, как вкладыш. С двух сторон имеются, часто идущие наискось, резкие следы заполированности от работы.

4) Очень интересны фрагменты пластины-пилки из кремня хорошего качества. Обе грани со спинки хорошо отретушированы. Левая грань прекрасно отполирована.

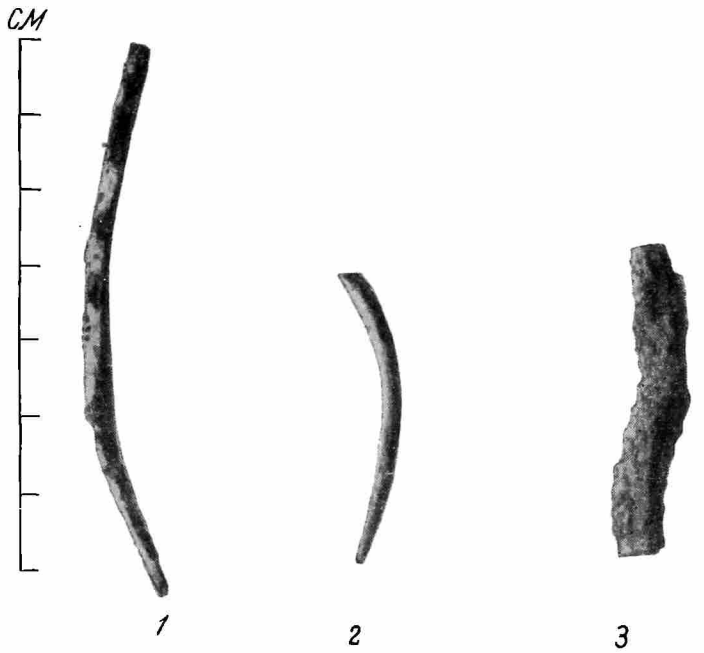

Рис. 19. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище. Медные изделия

1 — шило; *2* — конец булавки; *3* — пластинка (заготовка)

5) 10 кремневых сверл, грубой работы, с широким основанием.

6) 3 проколки.

7) 2 ретушера из кремня очень хорошего качества.

8) Кремневые четырехгранные клинья, обработанные со всех четырех сторон сравнительно некрупными сколами; часто хорошо заполировано лезвие. Всего обнаружено 6 клиньев и 2 кремневых долота.

9) 13 наконечников стрел треугольной формы, с почти прямым основанием, изготовленных из различных сортов кремня. Поверхности обработаны ретушью с обеих сторон (рис. 17—*6*).

Не меньшее количество наконечников стрел собрано было членами экспедиции на поселении Поливанов-яр в виде подъемного материала. Среди этой коллекции случайных находок особое место занимает заготовка крупного наконечника дротика с выемкой у основания (рис. 18—*1*). Крупными сколами обработаны обе поверхности наконечника. По величине он не имеет аналогий среди известных древнейших наконечников дротиков энеолитического периода и является уникальным.

10) Большую группу находок составляют 27 сланцевых клиньев, обнаруженных в культурном слое жилища: сланец серый, белый, зеленоватый,

Клинья заглажены, в разрезе — слегка выпуклые с одной стороны. Клинья эти служили, видимо, теслами. Имеется два миниатюрных клина-тесла, в сечении четырехгранные (рис. 17—2). Кроме того, в жилище найдены гальки для лощения, точильные и шлифовальные камни, а также свыше 20 каменных зернотерок.

11) Просверленные топоры, два из них каменные и один из зеленоватого сланца.

В раскопанном в 1949 г. жилище, наряду с исключительно богатым кремневым инвентарем, в процессе расчистки и разборки были обнаружены и изделия из меди (рис. 19).

1) медное, четырехгранное в сечении шило, несколько согнутое у конца;

2) конец обломанной медной булавки, овальной в сечении;

3) фрагмент небольшого, четырехгранного, довольно плоского медного стержня;

4) небольшая медная бусина-подвеска из закрученного в полтора оборота куска меди;

5) небольшой кусок меди, покрытый матовой светлозеленой патиной.

Находки эти, благодаря любезному содействию Б. А. Колчина, которому приношу мою благодарность, были переданы для изучения в лабораторию Московского института стали имени И. В. Сталина. Рассмотрению были подвергнуты две из этих находок — медное шило и конец медной булавки. Спектральный и полуколичественный анализ, произведенный заведующим лабораторией В. Г. Корицким, и металлографический анализ, произведенный Б. А. Колчиным, показали, что обе вещи изготовлены из самородной меди очень чистого состава, с содержанием меди до 99,999%.

Микрошлиф обнаружил структуру отожженного металла кубической системы с большим количеством двойников.

Микрошлифы, сделанные с обеих вещей, дали возможность установить, что и шило и булавка изготовлены путем холодной сварки. В заключении описываются интересные наблюдения по технологии изготовления шила. Мастер соединил вместе (холодная сварка) два маленьких куска самородной меди, предварительно зачистив поверхности, путем сильной деформации (ударами каменного молотка). За это говорит шов, идущий вдоль иглы. Затем в холодном состоянии было выковано шило требуемого сечения и длины. На деформацию в холодном состоянии указывает структура металла, которая может быть только у наклепанного металла с последующим обжигом. Во время употребления или во время гибели жилища игла была нагрета до температуры не ниже 450° [1]. Третий предмет — плоский четырехгранный медный стержень, по моему предположению, следует считать медной заготовкой, подвергавшейся сильной деформации. Однако процесс ковки не был еще закончен, поэтому заготовке не была придана форма того или иного предмета.

Указание лаборатории спектрального и металлографического анализа Института стали, что медное шило уже после его изготовления получило отожжение при температуре не ниже 450°, а также и другие наблюдения, сделанные в процессе раскопок (например, значительное количество угля в культурном слое жилища, наличие следов воздействия огня на многие кремневые и сланцевые орудия) безусловно говорят о пожаре, произошедшем в жилище, который, видимо, и разрушил постройку.

Подтверждением гибели раскопанного жилища от пожара является и одна из интереснейших находок, сделанная экспедицией в 1949 г. В процессе разборки вальковой обмазки жилища (основы постройки) на глубине

---

[1] Выписка из заключения лаборатории спектрального анализа и металлографии Института стали им. И. В. Сталина.

0,6 м обнаружен как бы в одном слитном комке с обмазкой пучок сильно обугленных ниток. Пучок состоит из торчащих прямых, очень ломких отдельных нитей, интенсивно черного цвета (рис. 20). Образцы этих ниток были переданы для исследования в Криминалистическую лабораторию Института права АН СССР, где под руководством научного сотрудника А. А. Выборновой проведены необходимые анализы. В заключении лаборатории говорится:

«В Лабораторию были переданы кусочки обуглившегося вещества — нитки и фрагмент днища сосуда с отпечатками ткани.

На разрешение поставлены следующие вопросы:

1. Какого происхождения (растительного или животного) остаток обуглившегося вещества.

2. Какого происхождения следы, имеющиеся на фрагменте днища сосуда.

С целью установления происхождения остатков обуглившегося вещества и следов, имеющихся на фрагменте днища сосуда, указанные объекты были подвергнуты фотографированию с непосредственным увеличением и микрохимическому анализу.

Изучением полученных изображений установлено, что каждый кусочек неизвестного вещества представляет собой тонкую нить, состоящую из обуглившихся волокон, скрученных между собою в определенном порядке. Нити имеют правую крутку, техническое название — «Z» (зэт). Количество витков, приходящихся на 1 см, равняется четырнадцати.

В нитках наблюдается продольная полосатость.

Микрохимическим исследованием объектов установлено следующее:

1. При действии крепкой кислоты и 20% раствора едкого калия на исследуемые объекты видимых изменений в их цвете и форме не наблюдалось.

2. При обработке спиртом, бензолом, ацетоном наличия красящих веществ не обнаружено.

3. Водная вытяжка бесцветна, прозрачна и нейтральна на лакмус.

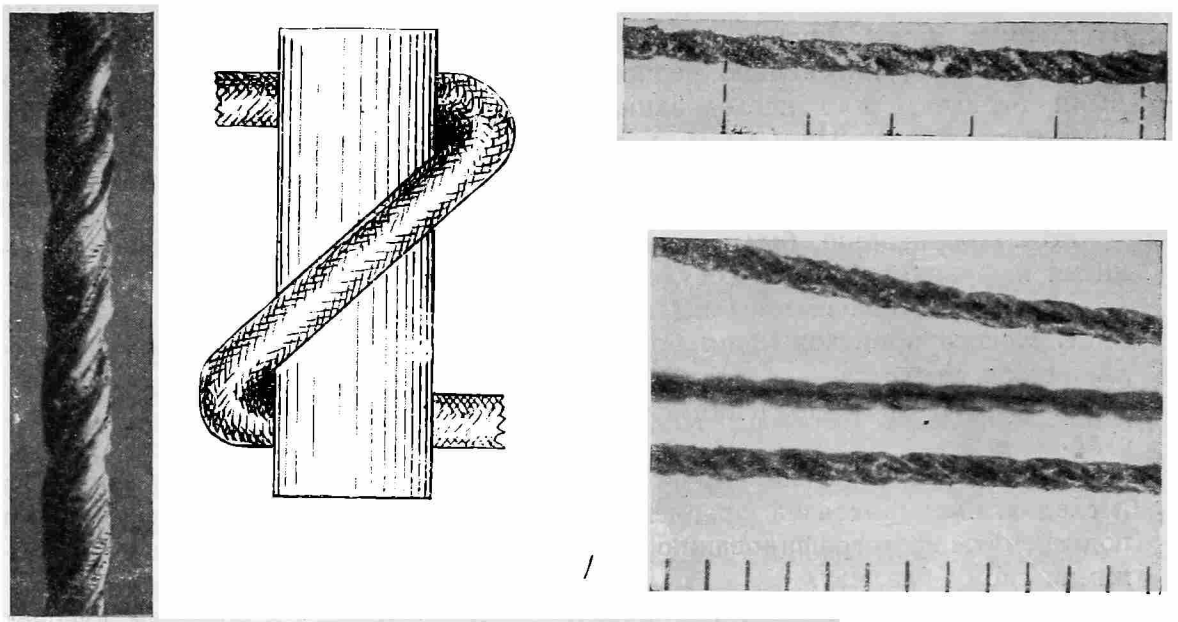
С целью получения экспериментальных образцов для проведения сравнительного исследования были взяты волокна шерсти овцы (животного происхождения) и волокна конопли (растительного происхождения), скручены отдельно в тонкую нить, обуглены на медленном огне, после чего проведено наблюдение за их изменением.

Результаты наблюдения сведены в следующую таблицу:

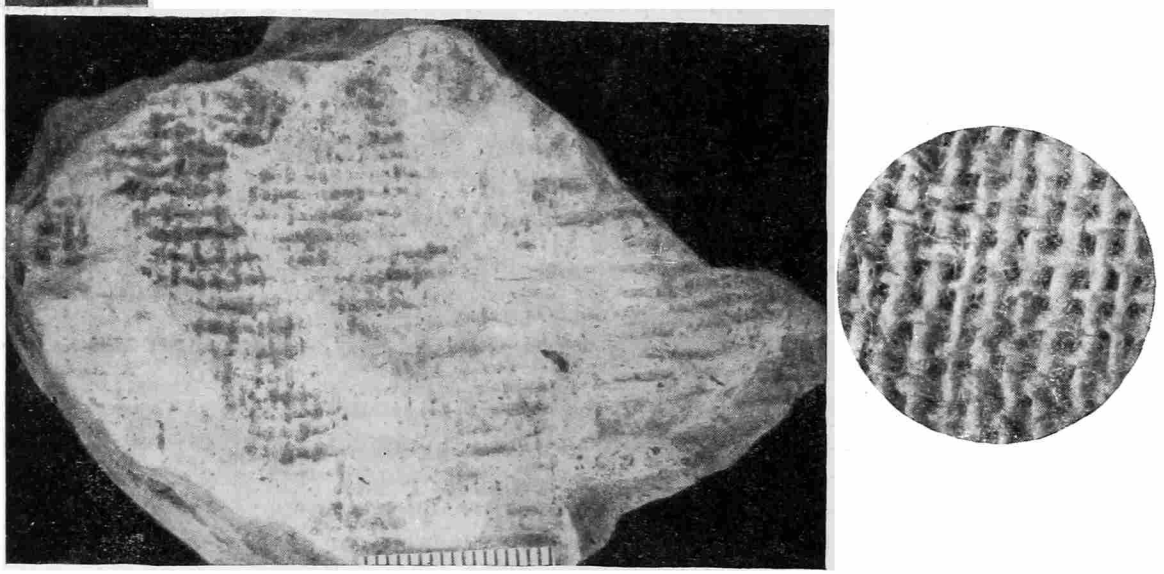
Исследование	Объекты		
	Кусочки неизвестного вещества, присланные на исследование	Экспер. образец № 1. Нити из волокон конопли (обугленные)	Экспер. образец № 2. Нити из шерсти овцы (обугленные)
При микроскопическом исследовании	В витках видна продольная полосатость и крутка нити	Видна продольная полосатость и крутка	Остатки имеют вид спекшейся массы. Крутка незаметна
При визуальном исследовании	Сохранили структуру нити	Обугленные нити сохранили структуру нити	Зола имеет рыхлый вид

Из приведенной таблицы видно, что наибольшее сходство в свойствах наблюдается у объектов, присланных на исследование, и у экспериментально обугленного образца № 1 — нити волокон конопли.

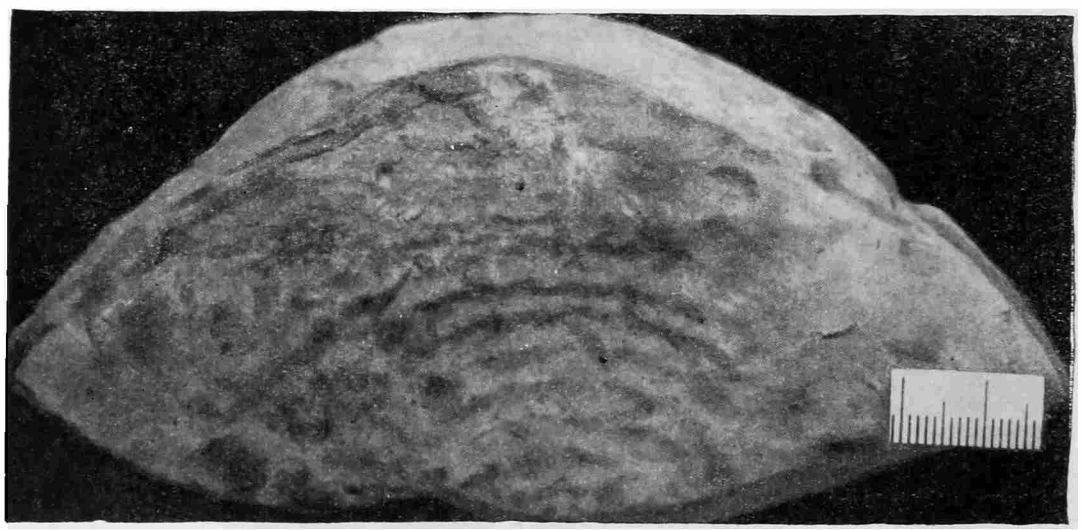
1. На основании вышеизложенного и результатов микрохимического анализа следует притти к выводу, что кусочки обуглившегося вещества

1

2

3

Рис. 20. Поливанов-яр. Раскоп III. Наземное жилище

1 — фрагмент нитки; *2, 3* — с. Ломачинцы, уроч. Плита — фрагменты днищ сосудов с отпечатками тканей (случайная находка)

принадлежат нитям или пряже, изготовленным из волокон растительного происхождения, подобных волокнам лубяных растений (конопли, кендыря, рами).

2. Что же касается вопроса происхождения следов на фрагменте днища сосуда (случайная находка у с. Ломанчинцы уроч. «Плита»), то изучением фотоснимка, полученного с непосредственным увеличением последних, установлено, что исследуемые следы оставлены тканью, имеющей полотняное переплетение нитей, при котором каждая нить утка чередуется с каждой нитью основы» [1].

С ниток, обнаруженных в 1949 г., были сделаны в Криминалистической лаборатории Института права также и микросъемки. Благодаря этим увеличенным фотографиям удается увидеть технику витья, существовавшую у трипольцев Поливанова-яра. Нитки спрядены из двух пучков волокон растительного происхождения, причем кручение пучков волокон произведено в сторону тыльной поверхности руки, т. е. в направлении завитков винта. В работе А. С. Сидорова «О витье волокнистых веществ» указывается, что «примитивное витье, без употребления станков, орудий и сложных приспособлений, обычно происходит именно в сторону тыльной поверхности руки. Так вьются древесные стволы, вицы, так вьются пучки примитивной веревки — дратвы, вьющейся из волокон пеньки на коленях [2].

На другом днище сосуда (случайная находка у с. Ломанчинцы уроч. «Плита») отпечатались следы вязаного или плетеного образца ткани, причем следы вязки и плетения идут по кругу. Может быть, это отпечатки не шерсти, а плетеной цыновки, подкладывавшейся в процессе лепки сосуда под днище [3].

В III раскопе, наряду с исследованием описанного выше глинобитного наземного жилища, был обнаружен ряд ям-землянок.

Еще в процессе выявления глинобитных остатков жилища была отмечена с северной его стороны, на глубине 0,4—0,5 м интенсивная черная окраска слоя, его мягкость, насыщенность находками, отличавшая его от плотного сухого коричневатого слоя, без находок, в соседних квадратах. Кроме того, как я уже отмечала, северная граница глинобитных остатков жилища была нарушена, и частично обмазку перекрывал навал из белых известняковых плитчатых камней. Все это говорило о наличии ям в этой части раскопа. По мере постепенной зачистки, контуры таких ям удалось проследить, причем для этого северная часть раскопа была расширена на 4 м. Несмотря на это увеличение III раскопа экспедиции не удалось в 1949 г. закончить вскрытие полностью всех шести землянок, которые оказались обнаруженными в этой части раскопа. Землянки уходили в северную стенку раскопа, и продолжение исследования их намечено на лето 1950 г. Однако и то, что уже сделано, позволяет поделиться некоторыми результатами. Все шесть землянок расположены вплотную к северной границе раскопанного наземного жилища и, что самое важное, частично разрушили его. Это дает основание считать землянки возникшими после того, как произошла гибель глинобитной постройки от пожара. Все землянки расположены близко одна к другой и вырыты в подстилающем чернозем коричневатом суглинке; некоторые из них частично вырыты в белом известняке — материковой породе, лежащей ниже суглинка.

Землянки различны по площади и глубине, однако выборка ям, после выявления их контуров и зачистки, позволила установить, что мы имеем

---

[1] Выписка из акта № 3150 от 20.III 1950 г. Криминалистической лаборатории Института права АН СССР.

[2] Изв. ГАИМК, 1930, стр. 6, 7.

[3] См. М. Новицька. До питання про текстиль трипільської культури. Археология, т. II, Київ, 1948, стр 44—60.

дело с жилищами, по плану сходными с землянками трипольского поселения во Владимировке [1]. В плане землянки Поливанова-яра, как и во Владимировке, имели вид двух овалов, соединенных перемычкой — восьмеркообразно. По длинной оси землянки ориентированы неодинаково. Первая с запада на восток, вторая и третья — с северо-запада на юго-восток, четвертая, пятая и шестая — с севера на юг. Размеры их колеблются: длина 5,0—6,5 м; ширина 2—3 м; глубина 1,0—1,6 м. Если сравнить эти размеры с размерами владимировской землянки, то окажется, что последняя не на много меньше. Владимировская землянка имеет площадь 6,20 × 3,25 м, при глубине 1,4—1,5 м, считая от древнего трипольского уровня.

Не останавливаясь детально на описании каждой из раскопанных в Поливановом-яру землянок, укажу только, что они были заполнены интенсивно черным мягким слоем, насыщенным фрагментами керамики, отщепами, осколками кремня, изделиями из рога и кости, кремневыми орудиями, костями животных. В каждой землянке наблюдалось скопление угля, куски красной охры, а ближе ко дну слой имел серовато-черный золистый цвет, на ощупь он весь состоял из крупинок, что, очевидно, связано с присутствием в каждой из землянок очага. Дно землянок неровное, уступами, причем в тех случаях, когда землянка вырыта до значительной глубины, дно ее углублено до белого, плиточного известняка. В двух случаях дно землянок и частично, видимо, нижняя часть стен были обмазаны глиной и обожжены. Остатки глиняной вальковой обмазки с отпечатками лозы хорошо сохранились. Вероятно, перекрытие землянок имело вид двойного конического шалаша, опиравшегося частично на перемычку, которая для этого и оставалась между двумя овалами ям-землянок.

Еще в процессе раскопок, а затем и во время разборки обнаруженного в землянках материала было замечено, что в основном инвентарь наземного жилища и землянок вполне однороден. Что же касается керамики, то среди многочисленных фрагментов сосудов, находимых в землянках, большинство принадлежало расписным сосудам. Вместе с тем сосудов с углубленным орнаментом и с каннелированной поверхностью, столь характерных для комплекса находок наземного жилища, в землянках оказалось меньше, чем расписных. При последующей лабораторной обработке это предположение подтвердилось; в настоящее время мы можем утверждать, что в наземном жилище керамика с росписью составляет 2—10% по отношению к керамике других керамических групп, а в землянке она составляет 40—60%. В этой группе расписных сосудов из землянки имеются разновидности трехцветной керамики; кроме того, имеются сосуды с черной росписью, совершенно отсутствующие среди находок наземного жилища. Особенно разнообразны сосуды с черной и белой росписью. Среди совершенно неизвестных до сих пор сюжетов трипольского орнамента на сосудах мы видим сюжет креста и шахматного узора (рис. 21). Последний известен на сосудах из поселений, расположенных на юге Балканского полуострова,— в Фессалии и Македонии. Посуда с черной росписью появляется на среднем этапе развития Триполья вместе с керамикой трехцветной, и присутствие ее среди находок в землянках закономерно и лишний раз подчеркивает, что землянки возникли позже наземного глинобитного жилища, как это уже было установлено и на основании наблюдений о соотношении залеганий наземного жилища и землянок. Дальнейшие раскопки и полное вскрытие землянок должны окончательно подтвердить это наблюдение и дать еще более точную стратиграфию поселения Поливанов-яр.

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 91.

О более позднем возникновении землянок на поселении говорят и раскопки Поливанова-яра, произведенные экспедицией на соседнем, IV раскопе. Здесь был вскрыт окраинный участок поселения. Землянка на этом участке находится рядом с наземным глинобитным жилищем. В плане она

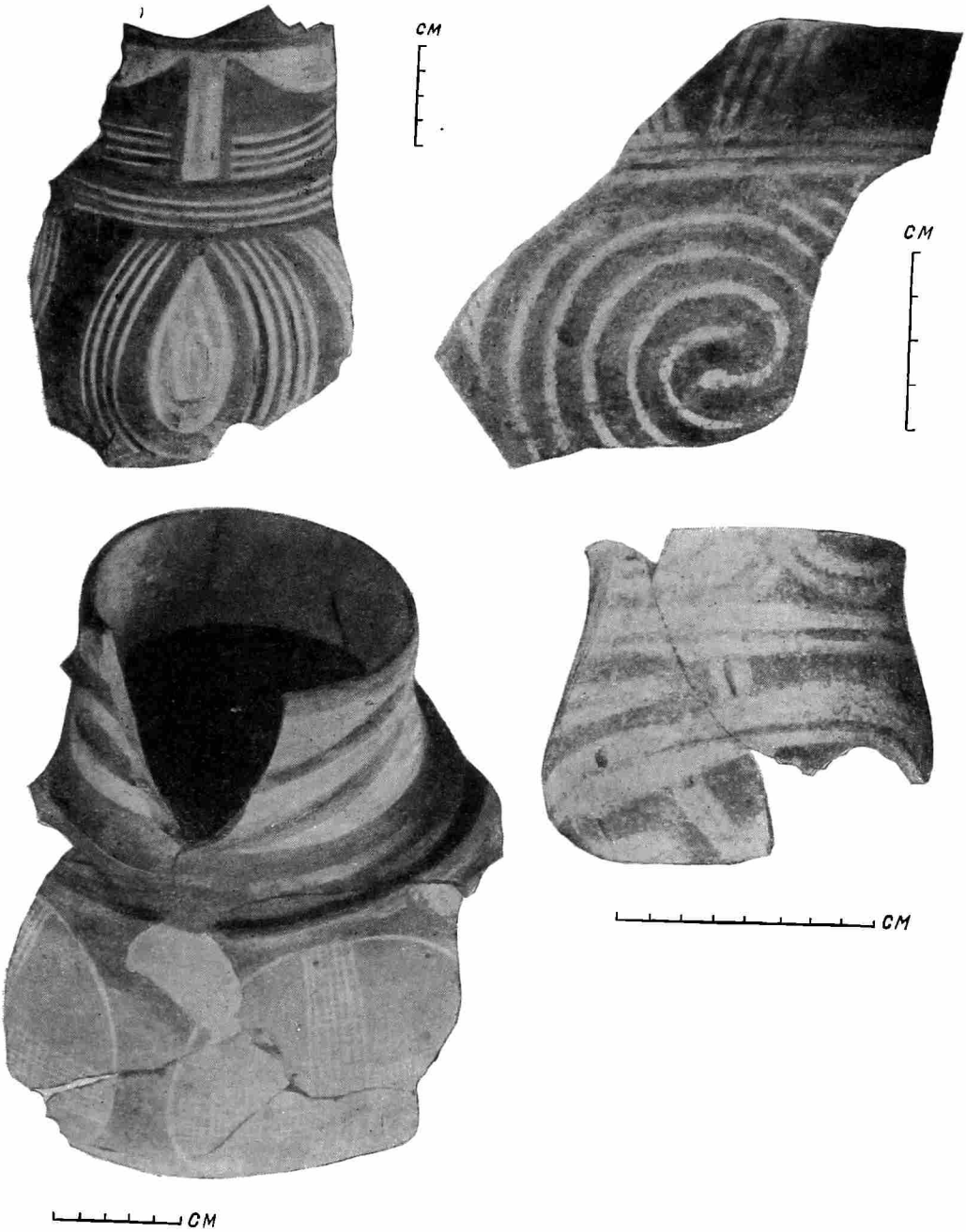

Рис. 21. Поливанов-яр. Раскоп IV. Землянка 10. Керамика с росписью

имеет вид двух овалов, соединенных перемычкой. Полом землянки служил известняк, в северной части имелось место очага; стенки, видимо, были укреплены обмазкой, обломки которой с отпечатками лозы были находимы у дна. Расписная керамика, в отличие от посуды из наземного жилища, составляет 44% от общего числа керамики с углубленным орнаментом и каннелированной поверхностью. Землянка заполнена мусором (отбросы производства, кости животных, раковины, обмазка). Видимо, двойное конусовидное перекрытие сгнило и рухнуло в землянку. Таким образом,

культурный слой заполнения землянки оказался резко отличным от окружающего слоя, которым землянка перерезана. Среди находок не было целых сосудов. В огромном количестве встречены кремневые отщепы, осколки, что указывает на производство в землянке орудий. Так, на

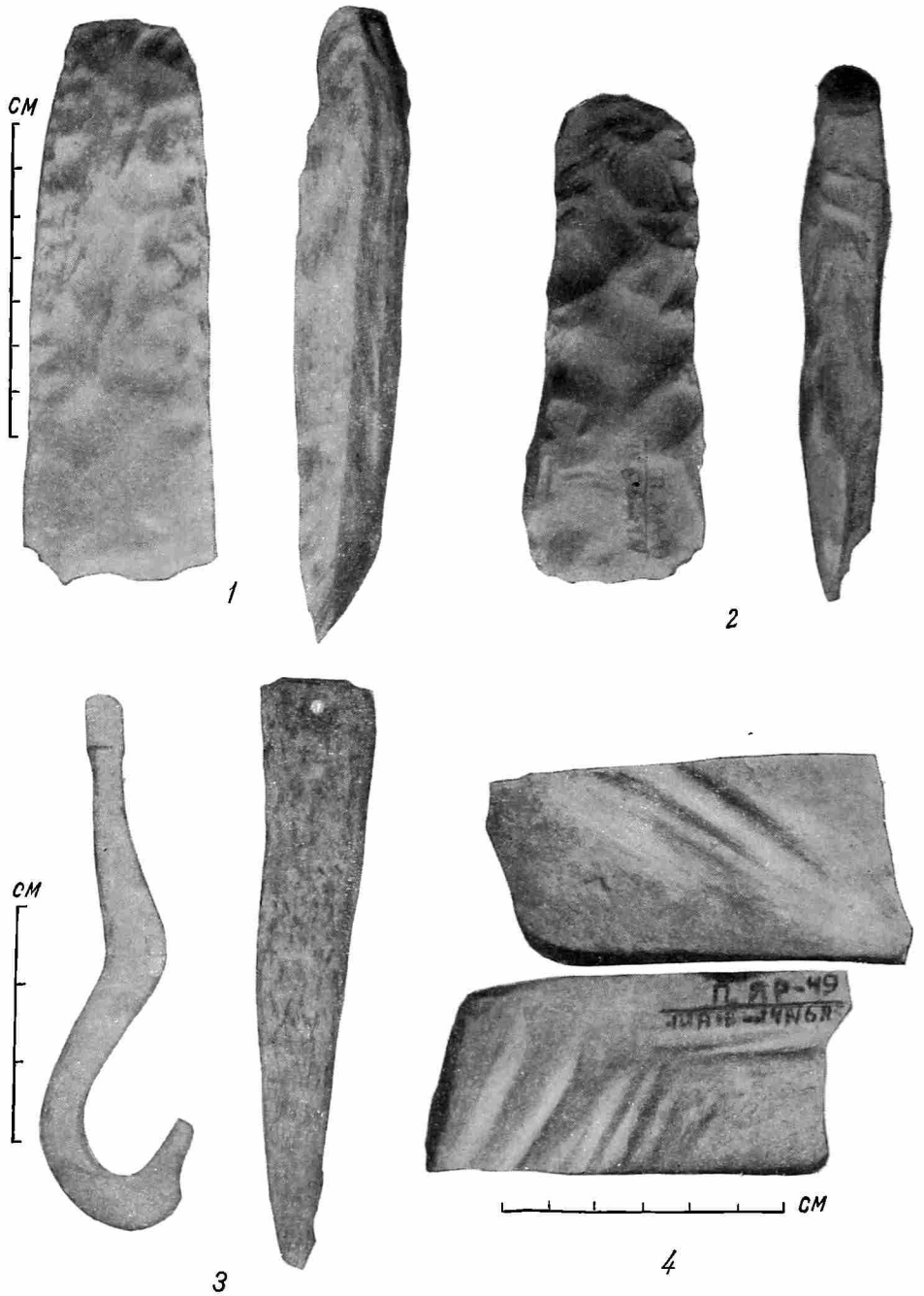

Рис. 22. Поливанов-яр. Раскоп IV. Землянка 10

1, 2 — кремневые топоры; *3* — костяные проколка и крючок; *4* — точильные камни

одном двухметровом квадрате с одной глубины (0,5 м) найдено 206 кремней. Вместе с отбросами производства много отбойников и нуклеусов. Встречена и заготовка для топоров. В землянке найдено немало орудий — кремневый плоский топор с заполированным лезвием (рис. 22), серпы, скребки, проколки и острия. Эти находки указывают на жилой характер ямы и не позволяют трактовать ее как мусорную. Очень хорошо сохранились в землянке костяные предметы: кости птицы со следами сверления, острия и

уникальный крючок с головкой птицы на одном конце и с приспособлением для привязывания — на другом. Этот крючок трактовать как рыболовный трудно. Скорее это крючок для вязанья.

Таким образом, наряду с наземными глинобитными трипольскими жилищами, на поселении Поливанов-яр раскопаны трипольские жилища нового типа — землянки с глинобитным полом и стенами, частично укрепленными обожженной глиной.

В культурном слое Поливанова-яра обнаружено много костей животных (3800 определимых костей).

Из домашних животных на первом месте стоит бык, затем — свинья, коза, собака, возможно — домашняя лошадь.

От диких животных дошли до нас кости лося, оленя, косули, кабана, зайца, лисицы, хищной птицы. Все это говорит о том, что наряду с земледелием и разведением крупного рогатого скота у населения той эпохи охота играла немаловажную роль. Это подтверждается находками наконечников кремневых стрел и дротиков, в достаточном числе обнаруженных при раскопках.

По окончании изучения памятников эпохи Триполья на поселении Поливанов-яр в продолжение раскопа IV была заложена траншея (2 м ширины, протяженностью 50 м с севера на юг) для изучения сильно распаханного вала и рва на поселении, перегородившем в скифское время наиболее узкую часть описанного выше мыса. Искусственная насыпь вала состояла из обожженной глины и белого известнякового камня. Белым камнем земляной вал небольшой высоты (до 1 м?) был как бы облицован с наружной стороны. Перед валом раскрыт достаточно широкий (2,5—3,0 м) и глубокий (до 2,5 м) ров, врезывающийся в подстилающий белый известняк. Скифский вал в нескольких местах, как показали раскопки, перекрыл (залегающее на границах суглинка и чернозема) трипольское наземное жилище и землянку. В текущем году необходимо будет вскрыть эти жилища под валом, где они, конечно, должны были сохраниться в исключительной целости.

Вал и ров в скифское время представляли собой значительное укрепление, защищавшее население, укрывавшееся за валом, на мысу, во время нападения врагов. На поселении среди подъемного материала, а также материала из верхних слоев раскопов и засыпки рва обнаружено сравнительно небольшое количество фрагментов скифской керамики с налепным орнаментом и скифское двухконусное глиняное пряслице с орнаментом в виде заштрихованных треугольников.

В заключение следует указать, что первый сезон раскопок на трипольском поселении у Поливанова-яра является лишь началом тех больших новых работ, которые предстоит вести Трипольской экспедиции в ближайшие годы в Поднестровье. Однако и в результате уже произведенных разведок 1948 г. и раскопок 1949 г. возможно сделать некоторые выводы относительно истории жизни древнейших земледельческих племен Приднестровья. На правом берегу Днестра, ниже Хотина и до сел. Атаки, на полосе протяженностью до 100 км, за два года археологических разведок Трипольской экспедицией обнаружено и обследовано свыше 70 поселений трипольских племен, что говорит о чрезвычайной заселенности этого края в III—II тысячелетиях до н. э. Все эти поселения, как в Поднепровье и в Побужье,— большие родовые поселки, располагавшиеся обычно на высоких берегах Днестра и по его притокам, а также на плато вдоль больших оврагов. Однако имеются примеры, когда трипольский поселок находится на склоне сильно пониженного плато или на первой надпойменной террасе. Обследованные в Поднестровье поселения, как установлено на основании изучения комплексов находок и данных стратиграфии, являются памятниками не

одновременными и должны быть датированы различными этапами (ранним, средним и поздним) развития культуры трипольских племен. Если в настоящее время для Поднепровья и Побужья на основе новых археологических материалов удалось создать «Периодизацию трипольских поселений», то для бассейна Поднестровья эта работа лишь начата.

В малоизученном районе Поднестровья одинаково важным является изучение поселений всех этапов развития. Наземное жилище поселения у Поливанова-яра по комплексу находок должно быть датировано ранней ступенью среднего этапа развития трипольской культуры и сопоставлено с поселениями Извоар II, Кукутени А, Крутобородинцы I, Кадиевцы, Кудринцы, Незвишка, Городница.

Раскопки 1949 г. со всей определенностью впервые показали, что в Поднестровье на раннем и среднем этапах развития трипольской культуры, так же как и в Поднепровье, в это время характерным является многосемейный большой дом, построенный из дерева и обожженной глины. В этих коллективных наземных жилищах жило несколько парных семей матриархально-родового общества. Наряду с наземным большим жилищем на поселении Поливанов-яр обнаружены жилые землянки и полуземлянки. Они представляли собой постройки, состоявшие из двух слившихся выемок в виде полуовалов с перемычкой между ними. Они были выстроены в Поливановом-яру несколько позднее, чем наземное большое жилище. Интересным и новым является наблюдение над конструкцией некоторых землянок, у которых пол и стены были глинобитными.

Культурный слой поселения у Поливанова-яра, в отличие от такового поселений Приднепровья и Побужья, оказался исключительно насыщенным, показывающим на относительное богатство трипольских племен Поднестровья. Ни одно из ранее раскопанных экспедицией поселений в Поднепровье и Побужье не давало такого количества и разнообразия находок, как поселение в Поливановом-яру. В одном большом жилище во Владимировке обычно находили 20—30 орудий из кремня, кости и рога; в большом жилище, раскопанном в 1949 г., найдено до 400 орудий. На богатство племен указывает и огромное число костей животных в культурном слое. Обычно в одном жилище на Коломийщине и во Владимировке находили 300—800 костей животных. В Поливановом-яру в одном жилище обнаружено 3800 костей домашних и диких животных.

Совершенно новыми должны считаться наблюдения экспедиции над производством трипольских кремневых и сланцевых орудий, которые изготовлялись здесь же в жилище или около него. 3000 отбросов производства — кремневые желваки, отщепы, осколки всех размеров, десятки заготовок грубого макролитического облика, нуклеусы, отбойники; наконец, сотни кремневых и сланцевых орудий разных типов и назначения, обнаруженные в наземном жилище и в землянках,— все это дает возможность предполагать, что древние обитатели поселения Поливанов-яр изготовляли эти орудия не только для своего хозяйства, но и для обмена с соседями. Богатейшие выходы кремня и сланцев на Днестре и по его притокам служили древнему человеку в эпоху Триполья необходимой базой для создания на месте поселений «мастерских» для изготовления кремневых и сланцевых орудий. Многочисленность и разнообразие форм трипольских орудий впервые показывают, насколько разнообразными были функции этих орудий, а следовательно, показывают и большую сложность и развитость всей хозяйственной жизни трипольских племен. До сих пор для этой эпохи не было известно такое разнообразие орудий, как каменные и роговые мотыги для обработки земли, каменные зернотерки, кремневые вкладыши-серпы, кремневые топоры для раскалывания и сланцевые тесла для обработки дерева, кремневые сверла, ножи, пилки для обработки кости и кожи,

точильные камни для шлифования топоров и костяных проколок, ретушеры и др.

Наряду с земледелием большое место в хозяйстве занимало разведение крупного рогатого скота, а также охота. Остатки костей диких животных — лося, косули, оленя и др., а также находки кремневых наконечников стрел и дротиков при раскопках в Поливановом-яру впервые позволяют со всей убедительностью подчеркивать и эту, до сих пор совершенно не освещенную сторону жизни трипольских племен.

Раскопки 1949 г. полностью подтвердили предположения, сделанные мною еще в прошлом году, что макролитического облика грубые орудия, находимые в Поднестровье, принадлежат трипольским племенам, а не являются орудиями кампиньинской эпохи раннего неолита на Украине, какими их обычно считали прежние исследователи [1]. Кремневые орудия изготовлялись в таком большом количестве, что не остается сомнений в том, что они шли на обмен.

Особо важными явились сделанные экспедицией в наземном жилище находки медных изделий, свидетельствующих о широком межплеменном обмене, существовавшем в то время у трипольских племен Поднестровья с племенами, жившими в районах Прикарпатья, где имелась медь, или со средиземноморскими странами и Малой Азией. Интенсивный межплеменной обмен отмечался нами и ранее у трипольских племен на позднем этапе развития; теперь, после раскопок на Днестре, можно утверждать, что на ранних и средних этапах развития земледельческие племена Триполья поддерживали тесные взаимоотношения с соседними племенами Прикарпатья, Балкано-Дунайских стран. Этим, а не общностью стадиального развития трипольских племен этих территорий может быть объяснено поразительное единообразие трипольской культуры на огромных территориях Поднепровья, Поднестровья и Дунайско-Балканских стран. Думаю, что это единообразие может быть объяснено именно усиленно развивающимися у трипольских племен сношениями на протяжении всех этапов развития их культуры, причем эти сношения происходили на достаточно обширных, но все же ограниченных территориях.

На основании больших археологических материалов Поднепровья и Побужья, накопленных экспедицией в предшествовавшие годы, удалось создать периодизацию трипольских поселений и показать временные и районные отличия культуры, исторический путь развития от ранних этапов Триполья до эпохи бронзы.

Первые годы работ в Поднестровье свидетельствуют об исключительном богатстве древних земледельческих трипольских племен, автохтонных в своем происхождении.

Вновь обнаруженный разносторонний археологический материал с еще большей силой показывает, что трипольские племена в доскифский период были наиболее развитыми в Восточной Европе.

В заключение можно с уверенностью сказать, что продолжение исследования древнейших земледельческих племен даст еще немало нового в понимании сложных этногенетических процессов, происходивших в глубокой древности на территории Поднепровья и Поднестровья.

---

[1] Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

П. Д. СТЕПАНОВ

ИТОГИ РАСКОПОК ФАТЬЯНОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СРЕДНЕЙ СУРЕ

Открытие фатьяновских поселений на Суре явилось значительным событием в археологической науке [1].

Однако необходимо было произвести новые раскопки, чтобы окончательно разрушить складывавшиеся десятилетиями убеждения о невозможности отыскать фатьяновские поселения [2]. Задача была решена раскопками 1949 г. на городищах Ош-Пандо и Ашна-Пандо.

Главное внимание при раскопках на городище Ош-Пандо было сосредоточено на площадке за рвом и валом, где ранее была собрана фатьяновская керамика. Здесь был заложен раскоп, площадью около 500 м^2. После снятия верхнего слоя на глубину до 0,15 м, в пределах нескольких квадратов были обнаружены пятна обожженной докрасна земли. Диаметр пятен не превышал 1 м, форма их — неправильно округлая. Толщина прожженного слоя не превышала 0,15 м. Прожженные пятна захватывали глеистые слои, лежащие над желтой грунтовой глиной. В расположении этих пятен закономерности не наблюдается. Все они находились на одном уровне. На поверхности их следов очажных камней, золы и угля не обнаружено.

Перед нами, несомненно, остатки кострищ, которые располагались в наземных жилищах. Толщина обожженного слоя, диаметр кострищ, отсутствие очажных камней, а также значительных прослоек золы и углей, говорят о том, что обитатели этого поселка проживали здесь довольно продолжительное время, но всякий раз не больше одного, надо полагать, летнего сезона. При этом всякий раз жилище складывалось на новом месте, но недалеко от старого. Ни одного случая совпадения двух кострищ не обнаружено.

При наличии указанных выше остатков кострищ у нас есть возможность определить самую форму жилища. Только два типа имеют описанный выше очаг — северный чум оленеводов и южная кибитка скотоводов-степняков. Учитывая географическую среду, мы более склоняемся в пользу северного чума, как этнографической аналогии изучаемому древнему жилищу.

Описанное выше жилище, несомненно, принадлежало фатьяновцам. Убедительным доказательством является находка подле трех кострищ фатья-

---

[1] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 62.

[2] В. И. Мошинская и А. П. Смирнов. Археологические исследования в РСФСР за 1947 г. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 136.

новских горшков. Эти горшки частично удалось склеить. Располагались они иногда в специально вырытых ямках, вплотную к обожженному слою кострищ. Некоторые найдены на самой обожженной площадке. Один горшочек найден внутри другого большого горшка, служившего для приготовления творога или сыра. Все шесть горшков, найденные при кострищах, могут быть по форме разбиты на группы.

Первая группа представлена маленьким горшочком высотой 6,5 см; диаметр горла 7,7 см, брюшка — 6,7 см; дна — 2,5 см; толщина стенок 0,3 см, ширина шейки 2,6 см. Обжиг слабоокислительный, глиняная масса красная, наружные стенки лощеные. Вдоль края налеплен нетолстый валик.

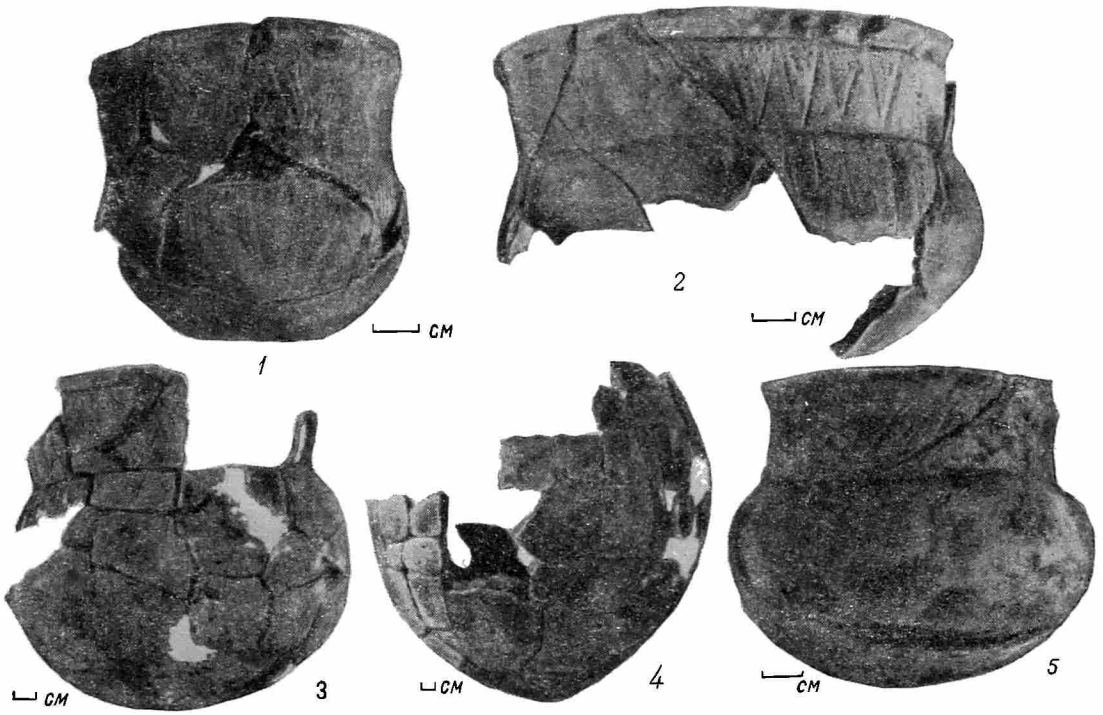

Рис. 23. Керамика фатьяновского поселения Ош-Пандо

1 — первая группа; *2* — вторая группа; *3* — третья группа; *4* — четвертая группа; *5* — сосуд из культурного слоя на восточном склоне горизонта

На шейке орнамент в виде углов, вершинами вниз; на плечиках группы вертикальных линий (рис. 23—*1*). Орнамент нанесен при помощи тонкого мелкозубчатого штампа. Мастер при нанесении орнамента сбивался с углов на ромбы. Этот горшочек лежал внутри большого горшка близ кострища.

Вторая группа состоит из двух средней величины горшков (рис. 23—*2*). Один имел высоту 8 см; диаметр горла 12 см, брюшка — 13 см; ширина шейки 2,8 см, толщина стенок 0,4 см. Обжиг слабоокислительный, масса красноватая снаружи и серая внутри; поверхность лощеная. Орнамент на шейке в виде углов, обращенных вниз вершиной; углы заполнены отпечатками мелкозубчатого чекана. На плечиках орнамент в виде вертикальных полос, между которыми, через одну, находились косые отпечатки мелкозубчатого штампа. Другой горшок имел высоту 11 см; диаметр горла 12,5 см, брюшка — 13 см; ширина шейки 3 см, толщина шейки 0,4 см, днища — 0,6 см. Обжиг слабоокислительный, масса снаружи красная, внутри серая; поверхность лощеная. Шейка, хотя и прямая, но несколько отогнута наружу. Брюшко горшка несколько сплюснуто снизу вверх, как и у первого.

Третья группа представлена горшком, имевшим высоту 17,5 см; диаметр горла 17 см, брюшка — 19 см; ширина шейки 4,7 см, толщина стенок 0,7

и 0,9 см. Обжиг — слабоокислительный, масса красноватая снаружи и серая внутри, поверхность хорошо выглажена. По краю шейки проходил нетолстый налепной валик. Орнамент на шейке в виде ромбов, а на плечиках — углы вершиной вниз. Орнамент нанесен мелкозубчатым штампом. Горшок имел шарообразное брюшко. Этот горшок стоял в небольшой ямке на площадке кострища. На этом же кострище находились и горшки второй группы.

Четвертая группа состоит из двух больших горшков специального назначения. Один из них имел несколько вытянутое брюшко и был не остродонным. Высота сохранившейся части 25 см; диаметр горла определить нельзя, так как оно отсутствовало; диаметр брюшка 25 см; толщина стенок 0,6 и 1,0 см. Масса снаружи красная, а внутри — серая; обожженный докрасна слой очень неровный. В нижней, придонной, части сосуда оказались два круглых отверстия,— одно против другого, диаметром 1,3 см. Сохранившаяся часть горшка находилась в неглубокой ямке, вырытой подле кострища, и поэтому сохранилась от разрушения. В этом горшке лежал маленький горшочек, выполнявший функции черпака или чаши. Горшок стоял у кострища. Другой такой же горшок находился близ кострища, от него сохранилась только небольшая донная часть.

Техника изготовления всех горшков однообразная, «налепом», что особенно хорошо можно проследить на крупных горшках четвертой группы. Здесь видно, что дно вылеплялось из одного куска глины, затем к краям этого дна вылеплялись с наружной стороны глиняные полосы, поверхность сглаживалась, а иногда подвергалась лощению.

Вся перечисленная посуда по форме и по орнаментике типично фатьяновская, вернее — балановского типа. Правда, некоторые образцы несколько отличаются, но это потому, что перед нами посуда бытовая, а не ритуальная. Некоторые горшки служили цедилками для приготовления творога или сыра.

Кроме указанных выше шести горшков, на вскрытой территории, за валом городища, было найдено большое количество обломков других горшков, в том числе много украшенных типично фатьяновским орнаментом.

Таким образом, на основании находок фатьяновской керамики устанавливается нами принадлежность открытых кострищ именно фатьяновцам. Принадлежность же указанных кострищ жилому комплексу — несомненна.

Следовательно, перед нами, бесспорно, остатки фатьяновского поселения вроде «стойбища» тунгусов, где жители обитали в переносных жилищах, сооруженных из жердей, древесной коры или шкур животных.

Но это была, видимо, окраина поселка, а центр его находился на площадке городища Ош-Пандо, где найден значительной толщины культурный слой, насыщенный фатьяновской керамикой, вещами и костными остатками домашних животных. Здесь же находились более солидные жилые сооружения, к числу которых мы относим каменную вымостку, расположенную на западном склоне городища, площадью около 18,0 × 7,5 м. По центральной, осевой, линии каменной вымостки расположены остатки крупных кострищ, диаметром каждое до 2 м, в виде кругов из камней, покрасневших от действия огня. Над этой каменной вымосткой находился мощный золистый слой, достигавший местами толщины 0,7 м. В этом золистом слое найдено много фатьяновской керамики и, бесспорно, фатьяновские вещи.

Совершенно аналогичное сооружение частично было открыто в 1949 г. по тому же западному склону городища, но ближе к валу, на расстоянии около 20 м от первой вымостки. И здесь, над каменной прослойкой, оказались мощные слои золы, насыщенные фатьяновской керамикой, вещами и костными остатками домашних животных. К сожалению, эта вымостка до конца еще не вскрыта.

Указанные выше стационарные постройки с каменными вымостками следует рассматривать, по нашему мнению, как остатки наземных жилищ, служивших для жилья в зимнее и ненастное время. В жилищах этого типа фатьяновцы проживали в течение долгого времени, в связи с чем и отложились толстые слои золы.

В культурном слое на площадке городища во время работ 1949 г. были найдены два обломка обушка каменных топоров, превращенных в отбойники, два целых небольших фатьяновских горшочка, а также многочисленные находки обломков фатьяновских горшков.

Материалы раскопок 1948 г. на городище Ош-Пандо, как нам кажется, весьма убедительно доказывают существование именно поселения, а не могильника, принадлежавшего фатьяновцам. Но в нашем распоряжении имеются материалы еще с одного памятника, которые также подтверждают наше мнение о наличии фатьяновских поселений в районе среднего течения р. Суры. К характеристике этого материала мы и переходим.

Второе фатьяновское поселение располагалось также на территории городища и было перекрыто двумя позднейшими культурными слоями, как и на городище Ош-Пандо. Второе городище — Ашна-Пандо — располагалось к востоку от первого, ближе к р. Суре, на расстоянии 10—12 км. Раскопки показали, что содержание культурных слоев городища Ашна-Пандо совершенно аналогично тому, что было найдено в слоях городища Ош-Пандо.

На площадке городища Ашна-Пандо была вскрыта площадь около 400 м². При этом оказалось, что вещи фатьяновского комплекса, как и на Ош-Пандо, были в слоях, расположенных на склоне.

Наибольшего внимания в этом фатьяновском комплексе заслуживает керамика. Всего было собрано 81 орнаментированный обломок и более 100 гладких обломков, принадлежавших также горшкам фатьяновского типа. Вся эта масса обломков взята из культурного слоя ниже 0,3 м и с площади, которая располагается вдоль восточного края городища. На остальной раскопанной площади встречен лишь один орнаментированный фатьяновский обломок и два гладких. Характерно, что и на склоне основная масса обломков взята из наиболее глубокозалегающих слоев. Отсюда можно сделать вывод, что основные фатьяновские слои располагаются еще дальше на склоне, под современным краем городища, который, таким образом, является позднейшей подсыпкой.

Обломки фатьяновских горшков располагались местами довольно густо на площади квадратов, на всю глубину 0,3—1,5 м на протяжении всех 30 м раскопа. Такое расположение обломков керамики исключает предположение, что эти обломки принадлежат одному раздавленному сосуду. К тому же они различны и по орнаментовке, форме и материалу. Эти обломки принадлежали многим сосудам, которые были разбиты при использовании их в хозяйстве.

Керамика, которую мы выше называли фатьяновской, характеризуется следующими чертами. Форма сосудов круглодонная, бока более или менее вздуты, шейка всегда прямая. Край несколько отогнут наружу, и по краю снаружи идет налепной валик, внутрь же сделан небольшой скос. Размеры сосудов различны — от небольших, с диаметром горла в 7 см, до крупных, с диаметром горла 17 см. Высота горла меняется соответственно величине сосуда. Орнамент встречается нарезной и мелкозубчатый чеканный. Размещался орнамент на шейке и на плечиках. Найден всего один обломок с орнаментом на придонной части. Орнаментальные мотивы следующие: группы косых линий, на шейке — зигзаги, ромбы, углы, квадратные решетки; на плечиках — пояски из косых линий; на бока иногда спускаются продольные лопасти. Техника изготовления — «налеп» лентами, которые

прикреплялись к округлому днищу. Шейка чаще всего состоит из одной ленты, которая прилеплялась к тулову с внутренней стороны, иногда с небольшим выступом с внутренней стороны. Стенки хорошо выглажены, наружная — часто лощеная. Значительная часть горшков лощения не имела. Цвет горшков преобладает красный снаружи и серый или черный внутри. В изломе наблюдается черный цвет глины. Толщина стенок различная: 0,4—1,0 см, причем крупные сосуды всегда толстостенные. Толщина шеек несколько меньше, чем стенок.

Аналогии этой посуде имеются в материалах с фатьяновского поселения на городище Ош-Пандо, и в материалах Балановского могильника и из курганов у с. Атли-Касы с территории Чувашской АССР. Все указанные памятники относятся к восточному варианту фатьяновской культуры, как и исследованный нами памятник.

Вся совокупность материала указывает на то, что перед нами поселение, а не могильник. Против того, что это могильник, хотя бы и разрушенный, говорит и место расположения памятника, и размещение находок в культурном слое на склоне городища, и многообразие керамики, и отсутствие каких бы то ни было следов могильных сооружений. Кроме того, удивительная близость этого памятника по характеру культурного слоя и по вещам фатьяновскому поселению на городище Ош-Пандо заставляет и этот памятник считать поселением.

Таким образом, итогом работ 1949 г. можно считать окончательное установление факта существования фатьяновских поселений в районе среднего течения Суры. В результате наших работ намечается также путь для поисков новых фатьяновских поселений, как в обследуемом районе, так и в других районах, где до сего времени находились только фатьяновские могильники. Эти поиски следует вести на возвышенных местах и под слоями более поздних городищ, обитатели которых, видимо, использовали места древних фатьяновских поселений.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

А. Я. БРЮСОВ

УРАЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Уральская экспедиция имела своей задачей закончить раскопы стоянки на Стрелке, в северной части Горбуновского торфяника, и доследовать Вторую Береговую стоянку на восточном берегу его [1]. Кроме того, было предположено произвести разведки на Филином острове в юго-восточной части Горбуновского торфяника, где, по имевшимся сведениям, были сделаны находки древней керамики. Полученные по приезде на место сведения о находках на втором разрезе торфяника создали необходимость обследования также этого пункта.

Разведка на Филином острове

Филин остров представляет собой скалистое, поросшее лесом возвышение в юго-восточной части торфяника. Со всех сторон оно окружено болотом. Восточный берег его — покатый, западный — крутой и обрывистый. На северо-западном краю берега осенью 1948 г. местным жителем А. Г. Ивановым были найдены в корнях поваленной сосны несколько мелких древних черепков и осколок кремня. В этом месте, как и во многих других местах Филина острова, скала почти выходит на поверхность и прикрыта только тонким слоем супеси, подстилаемой мелкой и крупной щебенкой, продуктом выветривания скалы. Поэтому вскрытие здесь большой сплошной площади было невозможно; только в пониженных местах скалы можно было заложить несколько небольших шурфов. Такими шурфами и был обследован берег острова у места находок на протяжении 40 м вдоль берега; дальше с обеих сторон скала выступала наружу.

В восьми шурфах картина была почти одной и той же. Слой супеси с большей или меньшей примесью щебенки достигал в местах закладки шурфов глубины 30—35 см, изредка доходя до 60 см; ниже шла, как было сказано, крупная щебенка, вернее — растрескавшаяся поверхность скалы. В слое супеси встречались очень мелкие черепки и изредка осколки кремня. В шурфах 1-м и 3-м найдено по одной кремневой ножевидной

[1] Экспедиция была организована ГИМ при участии Нижнетагильского музея краеведения, для продолжения раскопок на Горбуновском торфянике в Нижнетагильском районе Свердловской обл. Помимо сотрудников ГИМ А. Я. Брюсова (нач. экспедиции) и В. М. Раушенбах, в работе приняли участие сотрудница Нижнетагильского музея Н. П. Кипарисова и сотрудник Рижского центр. исторического музея В. А. Уртан.

пластинке, а в шурфе 2-м — кремневый нуклеус. В шурфах 5,7 и 8-м находок не было.

Результаты разведок позволяют заключить, что Филин остров действительно посещался в древности людьми, но никакого постоянного или временного поселения на нем не было, иначе в углублениях скалы сохранились бы какие-нибудь вещи или их обломки, как мы это видим в других аналогичных случаях. Найденные несколько черепков по их типу ближе всего стоят к керамике Береговых стоянок.

Обследование второго разреза

От А. Г. Иванова было получено сообщение, что, когда в 1916 г. выбирали торф на втором разрезе, то находили в самом торфе, на глубине около 1,5 м, много разных вещей: остатки домов, резные деревянные сосуды, кремневые орудия и керамику.

Осмотр местности показал, что там была вскрыта очень большая площадь, причем выемка торфа была доведена до сапропеля. В настоящее время вся эта выработанная площадь представляет собой топкое болото. Только у «красной линии», т. е. у северной границы разреза, осталась довольно широкая полоса, с которой была снята только вскрыша, т. е. верхняя непромышленная часть торфа, до глубины 60—65 см; да по южной границе этой вскрыши оставалась нешироκая бровка.

Очевидцы не смогли указать точно пунктов, где эти находки были сделаны, так как за 30 лет местность сильно изменилась, заросла кустарником и лесом. При осмотре мест, где были следы таборов (мест выкладки торфяных кирпичей), в двух пунктах были найдены мелкие осколки кремня и кварца и крошечные черепки древней керамики. Однако торфяные кирпичи подвозят к таборам иногда издалека, потому стоянку, если даже следы ее еще сохранились, приходилось искать на большом пространстве. Уже выработанная площадь была для этого, естественно, непригодна. Оставалась только возможность поисков на площади, где была снята только вскрыша, со слабой надеждой, что часть стоянки сохранилась. С этой целью вдоль этой полосы было заложено несколько больших шурфов на некотором расстоянии один от другого (рис. 24,*б*), а также один шурф на бровке. Сплошная траншея или вскрытие большой сплошной площади в условиях этой части Горбуновского торфяника невозможны (при большой площади раскопок сапропель вспучивается и проваливается, а раскоп заливает водой). Стратиграфия в этой части торфяника указана в прилагаемой таблице (рис. 24,*а*).

Стратиграфия второго разреза Горбуновского торфяника

Характер почвы	Глубина нижней поверхности слоя в шурфах (в метрах)										
	8	7	6	9	5	4	3	11	2	10	1
Вскрыша	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65
Моховой торф	1,55	1,55	1,45	1,45	1,45	1,45	1,45	1,10	1,25	1,25	1,25
Лесной торф	2,30	2,30	2,45	2,45	2,45	2,45	2,45	3,30	1,95	1,95	1,95
Осоковый торф	2,60	2,60	3,05	3,05	2,95	2,95	2,95	4,10	2,75	2,65	2,65
Сапропель	—	—	—	—	—	—	—	4,40	—	—	—
Глина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

В нижней части лесного торфа находился погребенный лес не только в виде больших пней, но нередко даже целых поваленных деревьев, которые в шурфах 6-м и 9-м лежали вповалку; диаметр стволов выше комля составлял 8—14 см. В шурфах 3, 4, 5-м пни погребенного леса, очень крупные, стояли иногда один над другим. Этот погребенный в погранич-

ном горизонте лес характеризует, следовательно, довольно продолжительный период высыхания болота и быструю гибель леса, вследствие нового затопления местности.

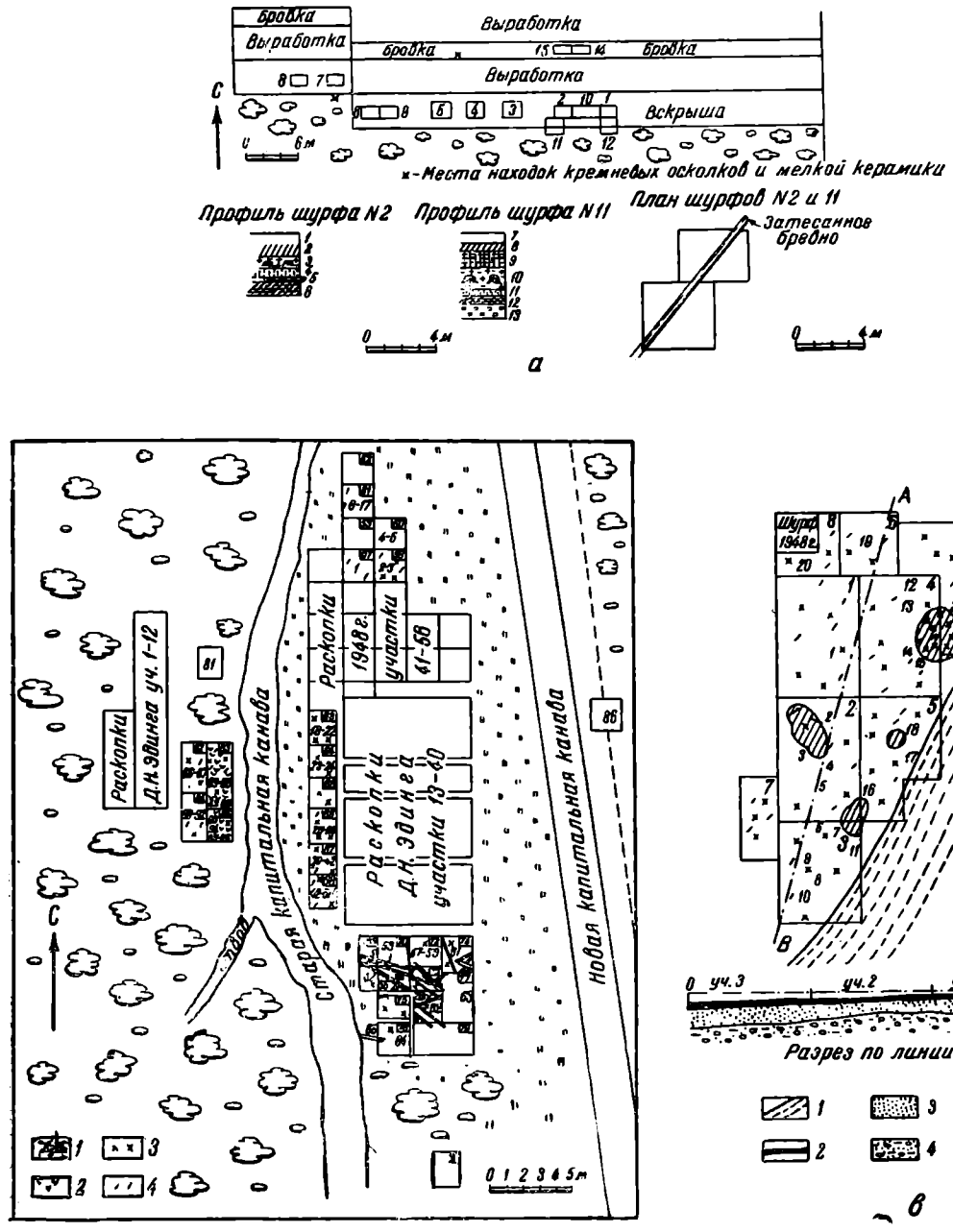

Рис. 24. Горбуновский торфяник

а — план раскопок на Стрелке: *1* — вскрыша, 60 см; *2* — моховой торф, 60—125 см; *3* — лесной торф с пнями, 125—195 см; *4* — осоковый торф, 195—275 см; *5* — затесанное бревно; *6* — сапропель; *7* — вскрыша, 60 см; *8* — моховой торф, 60—110 см; *9* — лесной торф, 110—330 см; *10* — лесной торф с погребенным лесом, 200—257 см; *11* — осоковый торф, 330—355 см; *12* — сапропель, 355—410 см; *13* — глина.

б — план раскопок на Второй Береговой стоянке: *1* — настил; *2* — кострище; *3* — керамика; *4* — осколки.

в — план расположения шурфов (на 2-м разрезе торфяника): *1* — выступающая на поверхность скала; *2* — растительный слой; *3* — супесь чистая, охристая; *4* — супесь плотная со щебенкой; *5* — ямы, заполненные охрой (с 25—30 до 50—60 см)

Во всех заложенных шурфах были сделаны три находки, связанные с разными горизонтами.

В шурфе 8-м в нижней части мохового торфа, над слоем лесного торфа и погребенного леса, на глубине 1,5 м, в северо-западном углу, был найден недоделанный каменный топор.

В шурфе 13-м на глубине 1,7 м почти непосредственно под слоем лесного торфа и погребенным лесом, был найден у западной стенки лежавший в горизонтальном положении небольшой (1,2 м длины) заостренный кол.

В шурфах 2-м и 11-м на глубине 2,65 м, на слое сапропеля, была найдена лежавшая горизонтально длинная (2,2 м длины) балка, затесанная с одного конца.

По их залеганию все три предмета разновременны и соответствуют трем горизонтам залегания находок на шестом разрезе торфяника, которые могут быть намечены в раскопках Д. Н. Эдинга. Находки на втором разрезе свидетельствуют о несомненном существовании здесь культурного слоя или нескольких слоев. Вместе с тем эти изолированные находки указывают, повидимому, на окраину древнего поселения, а находка недоконченного каменного топора может быть объяснена как находка утерянного или брошенного предмета.

Принимая во внимание сведения о том, что при разработке торфа на втором разрезе было найдено много различных вещей и деревянных настилов, надо полагать, что древняя стоянка, или стоянки, почти целиком уничтожены выборкой торфа.

Раскопки на Стрелке

Раскопками на Стрелке, между старой и новой капитальными осушительными канавами, вблизи места их схождения, была вскрыта вся оставшаяся от предыдущих раскопок доступная площадь стоянки. Кроме того, был вскрыт небольшой участок за старой капитальной канавой (рис. 24,б).

Уже при первом взгляде на план можно видеть, что в противоположность новой, прямой капитальной канаве старая капитальная канава имеет ряд изгибов и неравномерна по своей ширине, притом явно не вследствие оплывания берегов или других естественных причин. У места раскопок старая капитальная канава раздваивается — западное ее русло действительно имеет вид канавы, восточное же русло, проходящее у места раскопок, скорее похоже на русло небольшого ручья; западное русло, снова соединяющееся южнее с восточным, повидимому, попросту выпрямляло изгиб восточного русла. Севернее, ниже по течению, старая капитальная канава вливается в речку Чащиху. Все это заставляет предполагать, что старая капитальная канава была проведена по руслу небольшого ручья, впадающего в речку Чащиху; русло это было расчищено и углублено, а у места раскопок даже выпрямлено, почему и получилось раздвоение канавы.

Если мы имеем здесь дело действительно с ручьем, некогда вытекавшим из озера и впадавшим в речку Чащиху, то является понятным выбор места для поселения на повышенной части озерного берега у истоков этого ручья из озера.

Раскопки 1949 г. сильно приблизились к берегу этого ручья или канавы, что значительно затруднило их, вследствие довольно сильного затопления просачивающейся водой нижних, наиболее интересных горизонтов западной части раскопа. На некоторых участках вода из ручья иногда врывалась в раскоп через нетолстую, оставленную вдоль берега перемычку.

Разведывательный шурф в 2 × 2 м, заложенный за новой капитальной канавой против центра раскопок, показал отсутствие здесь культурного слоя. За старой капитальной канавой (за ручьем), между траншеей Д. Н. Эдинга, почти не давшей находок (почему он и прекратил здесь раскопки), и берегом, на узкой полосе в 5—6 м шириной был обнаружен таким же шурфом культурный слой, вследствие чего здесь была вскрыта площадь в 3 × 6 м около места раздвоения старой капитальной канавы.

Севернее, в нескольких метрах, шурфовка не обнаружила культурного слоя; южнее поверхность почвы сильно снижалась и была заболочена.

Стратиграфия на вскрытых участках, составлявших северный, западный и южный края стоянки, была приблизительно той же, что и в предыдущем году. Под набросом земли (из обеих капитальных канав) шел желтый торф, сменявшийся темным торфом, ниже которого находился слой сапропеля, подстилаемый глиной. В западных участках слой желтого торфа отсутствовал. В нижней части темного торфа, с глубины 0,5—0,8 м (не считая наброса), начинали встречаться мелкие «щепки» (сплющенные под давлением почвы размокшие куски дерева), кусочки обработанного дерева, части колотых досок. Такая прослойка встречается только там, где имеется культурный слой, вне культурного слоя ее никогда не бывает. То же наблюдалось в других местах Горбуновского торфяника и при раскопках на р. Модлоне в Вологодской обл.; на обследованных местах второго разреза такой прослойки не наблюдалось. Под этим слоем щепы в некоторых местах встречаются слеги и балки, иногда лежащие отдельно, иногда образующие сооружение.

Такое сооружение было открыто на участках 69, 70, 71, 73, 76, 77-м. Оно представляло собой длинную кладку по болотистому (?) берегу на южном краю стоянки. Кладка эта, повидимому, обновлялась, судя по тому, что под верхним настилом из четырех положенных рядом довольно толстых бревен оказалась более старая кладка в два бревна. Вокруг этой кладки и вблизи ее по берегу ручья было наброшено много палок, щеп, обломков бревен, вероятно с целью уплотнить это топкое место. Здесь, у самого берега, были найдены однополозные санки, разломанные на четыре части. Санки эти представляют собой интерес по своей специфической форме, позволяющей сближать тип этих саней с санями, известными по археологическим находкам в Финляндии и бытующими у лопарей [1]. Особенностью этого полоза является его корытообразная форма, отсутствие отверстий для копыльев и наличие отверстий (в данном случае по 10 с каждой стороны), пробитых в боковых сторонах полоза. Сани эти 2,3 м длины.

Принимая во внимание, что на том же торфянике на шестом разрезе, а также в Шигирском торфянике были найдены полозья от обычных собачьих саней, с отверстиями для копыльев и боковыми отверстиями для ремней, приходится ставить вопрос о возможном хронологическом различии между тем и другим типом или о бытовании у населения Урала нескольких типов саней для собачьей упряжки. Разрешение этой дилеммы зависит от дальнейших находок.

В раскопках на Стрелке в 1949 г. и в предыдущие годы интересны находки исключительно в западной части стоянки большого количества роговых и костяных мотыг. В 1949 г. их было найдено 8, в 1948 г.— 11, при раскопках Д. Н. Эдинга — 6. Такое обилие мотыг довольно большого размера на сравнительно небольшой площади раскопок (около 300 м^2) — исключительный факт. Впрочем, разрешить эту загадку мы еще не можем.

Третьим заслуживающим внимания фактом является установление по всей площади стоянки различия в характере находок в разных ее частях. Так, например, в северной части было найдено очень большое количество лосиных костей и костей других животных, а также обломков деревянных сосудов. В восточной и южной частях кости животных встречались

---

[1] См. T. I. Itkonen. Muinaissuksia ja «jaleksia». Suomen Museo, XLI, 1934, рис. 5А — полоз от саней, найденный в Хеймоля в восточном Тавастланде и датируемый древне-каменным веком, и рис. 6 — полоз от саней из Рентасальми в среднем Саволаксе (современный).

сравнительно редко, а обломков от деревянных сосудов не было найдено вовсе. Повидимому, жилище находилось в северной части стоянки.

Среди находок 1949 г. интерес представляет фрагментированная деревянная «подсадочная» утка в натуральную величину. Для выделки ее был подобран специальный кусок дерева, на котором ярко выраженная слоистость походила издали на оперение. Интересна также прекрасно сделанная тяжелая деревянная колотушка. Оба эти предмета были найдены на участке 69-м, около деревянной кладки. Своеобразной находкой, сделанной на участке 61-м, является часть составного рыболовного крючка из дерева (длиной 5 см, толщиной 0,6 см) в виде маленького цилиндрика с желобком для привязи жальца внизу и следами привязи лески вверху.

Остальные предметы (обломки шлифовальных плит, сланцевый наконечник стрелы, обломки кремневых и сланцевых топоров, кремневые резцы, кремневые и сланцевые скребки, прекрасно отполированный сланцевый нож, костяные шилья и др.) были найдены в разных местах раскопок (рис. 24,*б*). Обломков глиняных сосудов найдено сравнительно немного; в глине этих сосудов находится обычно примесь талька, реже — кварца; форма сосудов, повидимому, круглодонная, судя по одному, почти целому сосудику из участка 63-го и по некоторым обломкам от днищ. Орнамент на сосудах, покрывающий почти всю поверхность, состоит по большей части из зубчатых вдавлений, нарезов и наколов. В узорах уже встречаются волнистые линии, характерные для среднеуральской керамики и изредка заштрихованные крупные треугольники или треугольные соприкасающиеся участки поверхности, заполненные параллельными неглубокими вдавленными полосами.

Находки за старой капитальной канавой отличаются прежде всего тем, что там не сохранились костяные изделия и поделки из дерева. Кремневые орудия представлены теми же резцами, маленькими скребками, единичными наконечниками стрел. Но керамика, впрочем весьма немногочисленная, отличается отсутствием волнистых линий и узоров из заштрихованных треугольников. Однако материал с этого места раскопок настолько незначителен, что нельзя выводить из этого хронологическое различие между стоянками на Стрелке и за старой капитальной канавой.

К настоящему времени закончен пыльцевой анализ почвы со Стрелки из раскопок 1948 г. и нагара, снятого со стенок двух сосудов. Данные анализа указывают на резкое увеличение сосны (с 20 до 80%) и резкое падение ивы (с 65 до 0%); количество березы падает с 55 до 5%, а количество ели колеблется между 5 и 15%. На уровне верхнего горизонта культурного слоя количество сосны падает до 40—45%, а количество березы возрастает до 20—25%; появляются кедр, ива и ольха (до 12%).

Анализ нагара со стенок сосудов показал то же самое отношение пыльцы древесных: сосна 75 и 62%, береза 16,5 и 29,5%, ель 7 и 8,5%, ольха 2 и 2%.

Таким образом данная в 1948 г. датировка стоянки на Стрелке атлантическим периодом подтверждается пыльцевой диаграммой. Повидимому, на основании этого анализа и типологически-стратиграфических сопоставлений, сделанных в предыдущем отчете, стоянка на Стрелке должна быть отнесена к концу IV или первой половине III тысячелетия до н. э.

Вторая Береговая стоянка

Вторая Береговая стоянка расположена на высоком скалистом восточном берегу Горбуновского торфяника, на 0,5 км южнее Первой Береговой стоянки, раскопанной Д. Н. Эдингом. В 1948 г. была произведена только пробная шурфовка этой стоянки. В 1949 г. для установления характера ее

была вскрыта площадь в 9 × 4 м, включившая в себя шурф 1948 г. (рис. 24,*в*).

Культурный слой этой стоянки находится непосредственно под дерном, в супесчаной почве, ниже которой идет плотная супесь со щебенкой, подстилаемая скалой. Глубина залегания находок не превышает 50 см. По типам вещей, найденных на Второй Береговой стоянке, особенно по керамике, стоянка эта близка по времени ее существования к Первой Береговой стоянке, которая датируется третьей четвертью II тысячелетия до н. э., но несколько моложе ее.

Небольшие раскопки 1949 г. дали ограниченный вещественный материал, состоящий преимущественно из обломков глиняных сосудов. Сделаны сосуды частью из чистой глины, частью с примесью талька. Судя по черепкам от верха сосудов, некоторые из них делались с более или менее выпуклыми боками и отогнутым наружу краем. В орнаменте преобладают редко расставленные овальные, иногда сильно вытянутые ямки и вдавления зубчатого штампа. Нередко сосуд украшался горизонтальными рядами часто поставленных мелких крестиков, сделанных неглубокими нарезами. Древний волнистый орнамент редок. Узоров типа «шагающей гребенки» нет вовсе. Орнамент, повидимому, покрывал только часть сосуда, так как найдено большое количество неорнаментированных черепков. Многие сосуды оставались гладкими, без орнамента.

Наряду с мелкими кремневыми орудиями встречаются такие же орудия из кварца. За исключением одного обломка кварцевого наконечника стрелы с выемкой в основании, мелкие орудия представлены только скребками, ножевидными пластинками и нуклеусом. Крупные шлифованные орудия представлены только обломками.

Типичен небольшой (4,7 см длины) треугольный шлифованный сланцевый наконечник стрелы, с продольными довольно глубокими пазами от основания, приблизительно, до середины длины его, которыми он входил в расщеп древка. По ширине пазов (0,5 см) видно, что древко стрел делалось очень тонким. Такого же типа наконечник был найден Д. Н. Эдингом на Первой Береговой стоянке.

В разных местах были обнаружены при раскопках небольшие и неглубокие ямки, заполненные желтой охрой или, точнее, пережженной глиной. Назначение их неизвестно.

Произведенные в 1948—1949 гг. раскопки на Горбуновском торфянике и изучение материалов в фондах Нижнетагильского и Свердловского музеев, а также коллекций из раскопок Д. Н. Эдинга и П. А. Дмитриева и сборов Мамина-Сибиряка, Клера и Фаддеева в фондах ГИМ, использование известного описания Толмачевым находок на Шигирском торфянике,— сопоставление всех этих данных позволяет совершенно иначе, чем ранее, разрешить некоторые основные вопросы по археологии Среднего Урала.

Раскопки на Горбуновском торфянике позволили выделить несколько разновременных памятников: древнейшую в этих местах стоянку на Стрелке, культурный слой которой заходит в сапропель; нижний культурный слой на шестом разрезе торфяника, подстилаемый сапропелем; второй культурный слой на шестом разрезе, находящийся в торфе непосредственно под слоем погребенного леса (пограничный горизонт) и датируемый по находке в нем Д. Н. Эдингом бронзового вислообушного топора и по его стратиграфическому положению — XVII—XVI вв. до н. э.; Первую Береговую стоянку, датируемую по находке в ней литейной формы для отливки кельта сейминского типа XIV—XIII вв. до н. э.; Вторую Береговую стоянку, которая по типу керамики датируется несколько более поздним временем, чем Первая Береговая; отдельные находки на шестом разрезе выше

слоя погребенного леса, датируемые по находке формы для отливки копья предананьинским или ранним ананьинским временем. Первые две стоянки, на Стрелке и в нижнем горизонте шестого разреза, близки по времени, причем первая датируется концом атлантического периода, вторая же — несколько моложе.

Таким образом, получился прекрасный стандарт для типологических сравнений и датировки других памятников Среднего Урала. Подтверждается данная О. Н. Бадером датировка стоянки на р. Полуденке, с немного более поздним типом керамики, чем керамика со стоянки на Стрелке,— приблизительно серединой III тысячелетия до н. э. Но особенно интересны в этом отношении некоторые сопоставления с находками на Шигирском торфянике.

Как известно, на Шигирском торфянике в разное время были сделаны многочисленные находки в разных местах и на разных уровнях, вплоть до слоя золотоносного песка. Некоторые находки могут быть приурочены к определенному слою, в частности находки на Курьинском прииске и на Старом Шигирском прииске. И вот, сопоставляя находки, сделанные в наиболее глубоких слоях Шигирского торфяника, с находками на Горбуновском торфянике, нетрудно заметить значительное различие в типах вещей, найденных там и тут.

Действительно, Шигирский торфяник дал массу вещей, найденных в торфе и полностью совпадающих по типам с вещами из шестого разреза и со Стрелки Горбуновского торфяника (весла, идолы, резные деревянные сосуды, полозья саней, роговые мотыги, керамика). Следовательно, можно считать несомненным, что речь идет об одной и той же культуре. Но среди других вещей Шигирского торфяника, найденных в неопределенных стратиграфических условиях, а также среди нескольких предметов, найденных, безусловно, в наиболее глубоких слоях торфяника (нижний горизонт сапропеля на 2-м Курьинском прииске; глина на разных уровнях, вплоть до слоя золотоносного песка на Старом Шигирском прииске) [1] имеются вещи, не встречающиеся на Горбуновском торфянике ни в ранних, ни в поздних стоянках. К таким предметам надо отнести, между прочим, костяные игловидные наконечники стрел и мелкозубчатые гарпуны или гарпуны с мелкими короткими надрезами; почти не встречаются на Горбуновских стоянках вкладышевые костяные орудия, широко представленные на Шигирском торфянике, большие изогнутые костяные кинжалы или ножи и т. д.

Это дает право предположить, что такие предметы, найденные на Шигирском торфянике, относятся к более раннему времени, чем древнейшие стоянки Горбуновского торфяника, тем более, что нижние слои Горбуновского торфяника не раскапывались, т. е. слои сапропеля, глины и золотоносного песка, которые вскрыты были почти на всем пространстве Шигирского торфяника. Такое предположение подкрепляется тем, что подобные не встречающиеся на Горбуновском торфянике типы костяных

---

[1] Впрочем, в тех случаях, когда глубина находки устанавливается по записям Уральского Общества любителей естествознания или по показаниям находчиков, сведениям этим нельзя полностью доверять. Находки поступали очень часто от лиц, систематически продававших эти вещи и конкурировавших друг с другом. В их интересах было преувеличивать глубину находки, а проверить их показания было затруднительно, так как они скрывали точное место находки. Это обстоятельство ввело в заблуждение П. А. Дмитриева, который в своих работах по шигирской культуре объединил все находки на Шигирском торфянике на том основании, что все они были сделаны якобы под слоем торфа в нижележащих горизонтах; это заставило его отнести все предметы шигирской культуры к XIV—XIII вв. до н. э., датируя их по наиболее поздним типам вещей.

вещей находят себе параллели среди вещей с наиболее древних неолитических (и мезолитических) стоянок СССР, таких, например, как Нижнее Веретье, Пярну, Кунда и др. Характерно, что даже по внешнему виду костяные предметы древних типов, найденные на Шигирском торфянике, отличаются от более поздних вещей: их светлая окраска свидетельствует о том, что они находились ниже торфяного слоя, тогда как темный и нередко черный цвет более поздних типов костяных орудий, найденных на том же торфянике, указывает на то, что они находились в торфе, и противоречит показаниям находчиков о большой глубине их залегания. Так, например, все без исключения костяные трехгранные наконечники стрел отличаются интенсивно темной окраской; напротив того, костяные игловидные наконечники стрел имеют светлую или желтоватую окраску.

Принимая во внимание, что древнейшая стоянка на Горбуновском торфянике относится к концу атлантического периода и что между стоянками Горбуновского торфяника и древнейшими стоянками (находками) на Шигирском торфянике должно было пройти время, достаточное для того, чтобы древние типы костяных орудий вышли из употребления, мы вправе отнести древнейшие типы вещей Шигирского торфяника ко времени стоянок Кунды, Пярну и т. п.

Вывод такого рода имеет большое значение в вопросе о заселении севера в послеледниковый период и опровергает построения буржуазных археологов о заселении севера СССР с запада, основанные именно на большей древности Прибалтийских стоянок по сравнению со стоянками в центральной и восточной части СССР [1].

Другим существенным результатом раскопок на Горбуновском торфянике, в связи с установленными датами стоянок на этом торфянике, является новая постановка вопроса об отношении некоторых типов орнамента на сосудах шигирской культуры к аналогичным орнаментам на сосудах андроновской культуры. Оказывается, что некоторые из этих узоров (заштрихованные треугольники и ромбы) появляются на сосудах шигирской культуры задолго до того времени, когда можно говорить о влиянии андроновской культуры.

Обе эти проблемы выводят нас уже за рамки археологического исследования самого Горбуновского торфяника, доказывая значение произведенных работ для археологии всего севера, и отчасти юга СССР.

---

[1] Ср. недавно вышедшую в Стокгольме работу Индреко о стоянке Кунда, в которой он проповедует «теорию» постепенного заселения всей территории СССР вплоть до Камчатки, с запада.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ и В. И. МОШИНСКАЯ

ГОРОДИЩЕ БОЛЬШОЙ ЛОГ

Основным объектом работ Обь-Иртышской экспедиции в 1949 г. явилось городище у оврага Большой лог, расположенное на правом берегу р. Оми, в 6 км от г. Омска и приблизительно в 10 км по реке от ее устья. Городище было открыто летом 1949 г. юным краеведом, учеником 15-й школы г. Омска, Вл. Морозом.

Городище Большой лог занимает пространство между двумя крутыми оврагами, выходящими к р. Оми. Оно имеет почти треугольную форму, с основанием к обрыву р. Оми и вершиной к узкому перешейку между логами. Размеры городища: 80 м по основанию (по обрыву берега реки) и около 80 м от обрыва до перешейка. Таким образом, площадь городища оказывается не менее 3000 м^2. На перешейке имеются ров и вал длиной 25 м. Ширина рва в современном состоянии свыше 2 м, при разности высот между вершиной вала и дном рва около 1,5 м. В средней части вал имеет разрыв; видимо, в прошлом здесь находились ворота для въезда на городище. На расстоянии 75 м от рва, между оврагами, можно различить следы еще одного рва, однако менее широкого и глубокого, образующего внешнюю часть городища. Эта внешняя часть, ограниченная с двух сторон оврагами и с двух других — внутренним и наружным рвами, имеет вытянутую трапециевидную форму, с широким (около 40 м) основанием по внешнему рву: площадь не менее 2000 м^2 (рис. 25,*а*).

Уже во время первых разведок, в обрывах на краях городища был собран обильный подъемный материал, указывавший на неоднослойность памятника. Поверхность городища, незначительно взбугренная, покрыта очень скудной растительностью, состоящей преимущественно из редких чахлых кустиков полыни, перекати-поле и других растений, характерных для засушливых, солонцеватых мест. Местами поверхность городища развевается. Городище никогда не распахивалось. В некоторых пунктах его на поверхность выступают площадки обожженной глины, перемешанной с углистыми слоями и редкими фрагментами керамики. Впоследствии выяснилось, что эти площадки являются остатками очагов и глинобитных жилищ, относящихся к XII—XVI вв., типа открытых на Вознесенском городище В. П. Левашевой [1].

Раскоп I был заложен в юго-западной оконечности городища. Несмотря на значительную площадь (около 100 м^2), ясной стратиграфической

[1] В. П. Левашева. Вознесенское городище. Изв. Гос. зап.-сиб. музея, № 1, Омск, 1928, стр. 87—98.

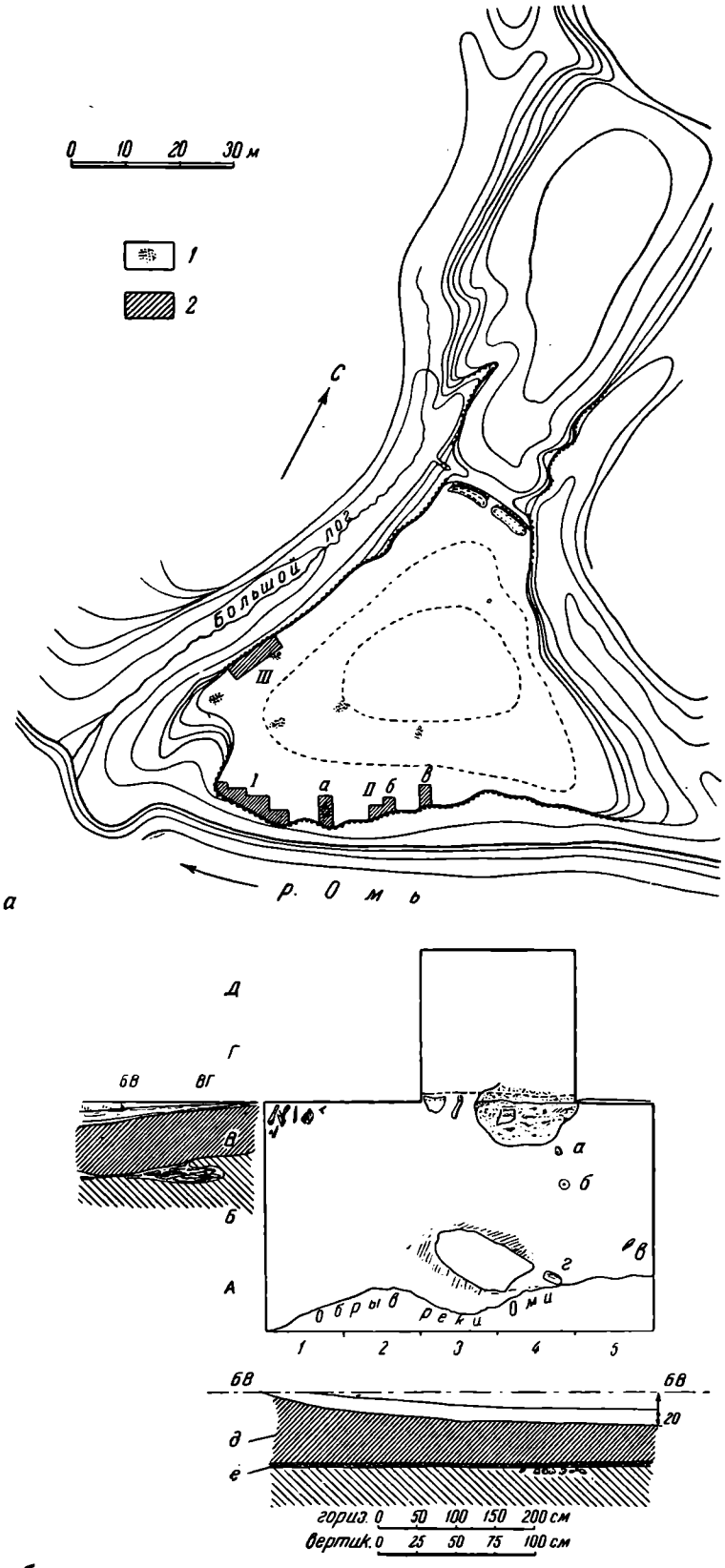

Рис. 25. Городище Большой лог

а — план городища; *1* — очаги жилищ городищ XII—XIII вв.; *2* — раскоп; *б* — план и профиль участка „б" II раскопа

картины установить по нему не удалось, вследствие деформации слоев, происшедшей в результате оползания, размывания и развевания почвенного слоя. На основании данных раскопа, так же как и осмотра профилей обнажений к концу работы на первом раскопе удалось выяснить лишь общую стратиграфическую структуру. Основанием городища является толща неясно слоистых супесей с известковыми конкрециями, на поверхности ее залегают находки, относящиеся к эпохе поздней бронзы. На супеси лежит слой чернозема, достигающий в неразвеянных участках 0,40—0,45 м. Вследствие нарушенности верхних горизонтов на юго-западной оконечности городища и бедности культурного слоя работы были перенесены несколько выше по берегу (см. пункт II на рис. 25,*а*), где было

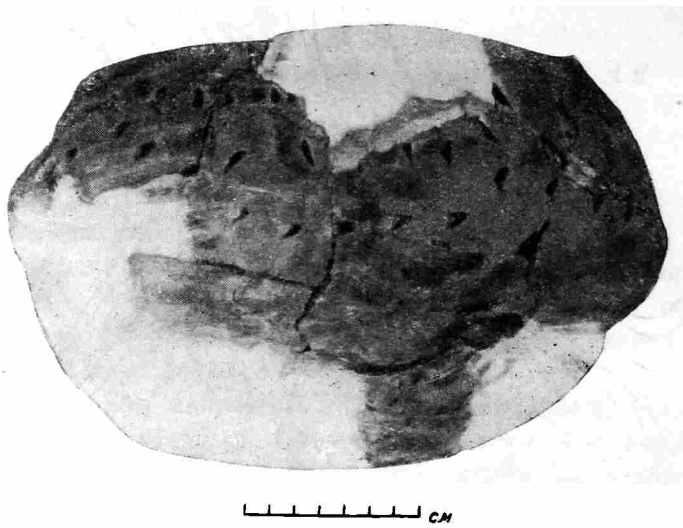

Рис. 26. Городище Большой лог. Раскоп IIа. Сосуд из верхнего слоя

заложено три небольших раскопа: один — на месте выступавшей там глиняной площадки (IIа), второй (IIб) там, где в профиле обрыва прослеживались какие-то очажные слои, и третий (в) — на месте небольшого скопления керамики, принадлежащей одному сосуду. Пункт «а» дал наличие здесь остатков наземного глинобитного жилища с очагом типа чувала. В пределах жилища было обнаружено некоторое количество очень грубой, небрежно орнаментированной керамики, принадлежавшей сосудам типа глубоких чаш с уплощенным дном (рис. 26). Там же были найдены кости крупных домашних животных, кости и чешуя рыб.

При раскопке пункта IIб обнаружена часть очага, в основном уничтоженного осыпанием берега. Этот очаг своей обмазкой выходил на поверхность почвы основанием, состоявшим из золисто-углистой подушки и был углублен на 0,20—0,25 м в слой чернозема (рис. 25,*б*). Рядом с очагом был найден точильный брусок из песчаника, а несколько в стороне и также в слое чернозема — незаконченный отделкой костяной гарпун и глиняное пряслице в форме усеченного конуса (рис. 27, 28). По всей площади раскопа, в верхних горизонтах чернозема были обнаружены отдельные фрагменты керамики двух резко различных типов. Один из них, уже знакомый по раскопу IIа, относится к сосудам позднего городища с чрезвычайно характерным для них известковым беловатым налетом. Фрагменты керамики этого типа, довольно малочисленные, залегали в поверхностных горизонтах чернозема, главным образом в квадратах, прилегавших к очагу. Несколько глубже, но также преимущественно в верхней части черноземного слоя, по всей площади раскопа встречались немногочисленные

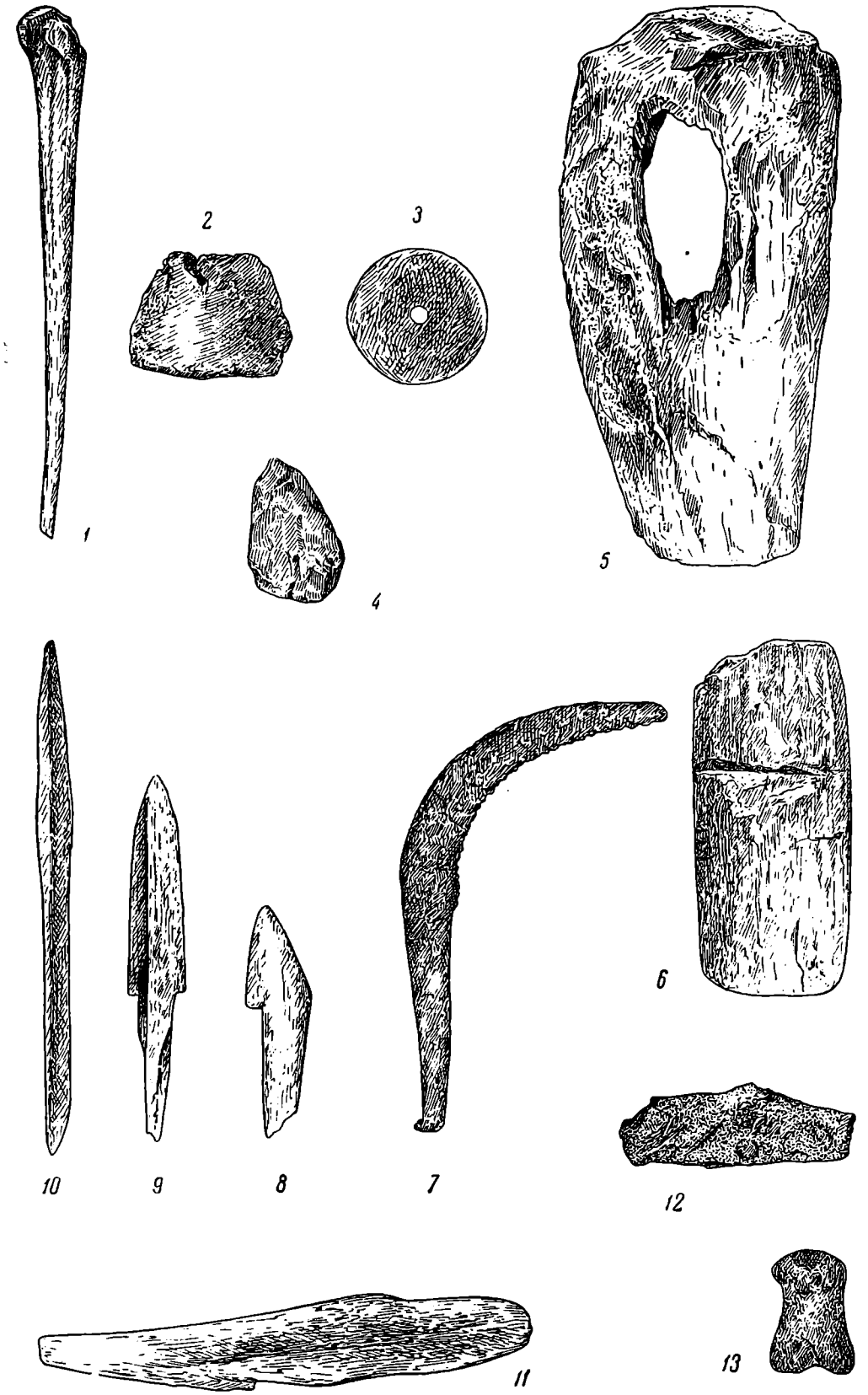

Рис. 27. Вещи из городища Большой лог

1 — проколка; *2*, *3* — пряслица (средний слой); *4* — кремневый скребок (из землянки I раскопа); *5* — втулка от мотыги; *6* — мотыга (нижний слой); *7* — железный серп; *8* — заготовка гарпуна; *9*, *10* — наконечники стрел (средний слой); *11* — нож для чистки рыбы; *12* — скульптурная головка животного — лошади или лося (нижний слой); *13* — скульптурное изображение барана (средний слой). Номера *1*, *5*, *6*, *8*—*11* — кость; *2*, *3*, *12*, *13* — глина

обломки, принадлежавшие тонкостенным сосудам хорошего обжига, с тщательно выполненным богатым орнаментом (рис. 28 а). По форме и по чрезвычайно характерной орнаментации сосудов эту керамику можно с достаточной уверенностью датировать рубежом нашей эры, и слой, ее

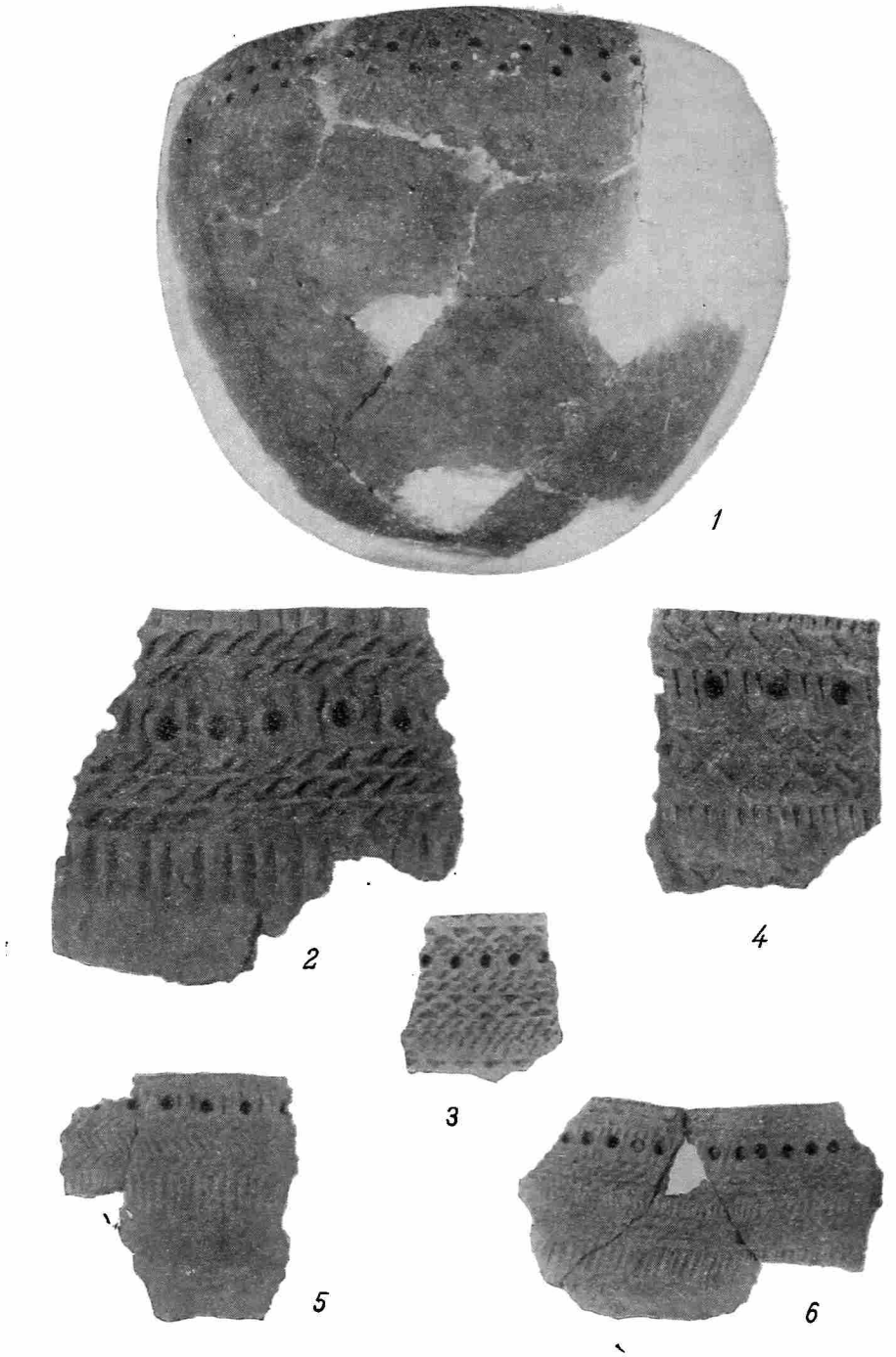

Рис. 28 а — керамика из среднего слоя городища Большой лог

содержащий, следует связывать с памятниками типа городища Подчуваш (Чувашский мыс) на Иртыше.

В нижних горизонтах черноземного слоя и на поверхности подстилающей супеси обнаружены остатки жилого комплекса, в большей своей части уничтоженного осыпанием берега. Граница этого углубленного жилища полуземляночного типа хорошо прослеживалась в квадратах Г 3—4 по профилю первого квадрата. Кроме керамики, аналогичной найденной в нижнем горизонте I раскопа, здесь был обнаружен кремневый скребок

(рис. 27—*4*), а в точке АБ—*3*, 4, т. е. под поздним очагом,— осколок кремня. У стенки жилища (квадрат Б/4) обнаружилось углистое пятно со скоплением керамики и отдельными костями крупных животных.

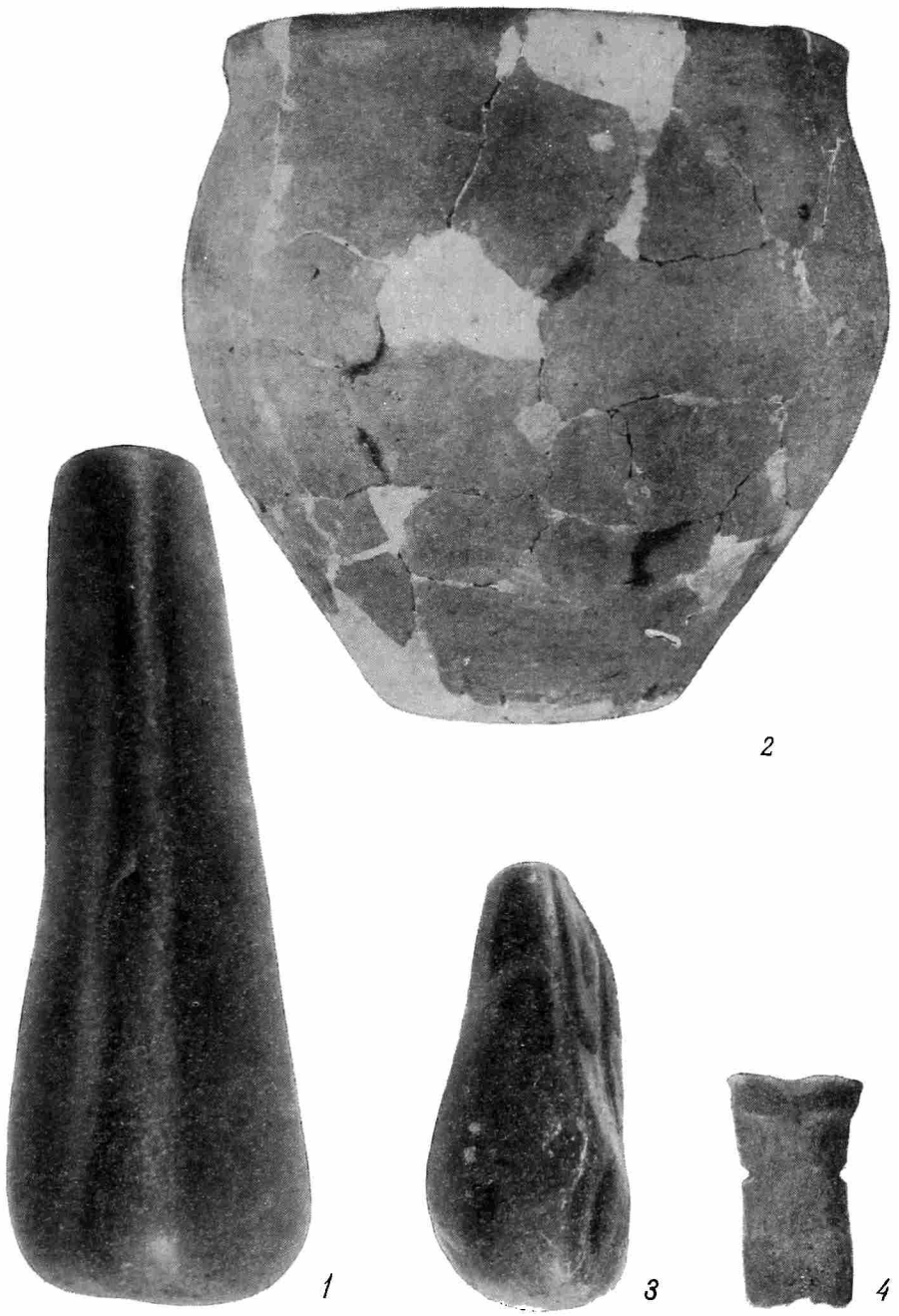

Рис. 28 б — находки из нижнего слоя III раскопа

Наличие слоя позднего городища в прибрежной части, в частности в районе раскопа II, заставило нас обратиться к поискам участка по возможности с ненарушенным средним слоем. Работы были перенесены на западный край городища, где вдоль бровки обрыва Большого лога был заложен раскоп (14 × 10 м). В верхних горизонтах чернозема, до глубины 0,15—0,20 м от поверхности, залегали обломки сосудов и отдельные вещи, характерные для указанного выше поселения рубежа нашей эры. Из вещей здесь были найдены костяные наконечники стрел (рис. 27—*9*, *10*), костяной

нож типа применяющихся на севере и до сих пор для чистки рыбы (рис. 27—*11*), точильные камни и т. д. По снятии чернозема на поверхности подстилающей супеси вглубь ее на 0,05—0,10 м стали попадаться обильные находки, преимущественно керамика, относящиеся к самому раннему поселению Большого лога. В рельефе поверхности супеси, на протяжении 5 м (от первого северного до пятого квадрата) выявилось углубление, имевшее около 0,10—0,15 м глубины, считая от древней поверхности супеси с пологими краями и плоским дном. В глубину от бровки его удалось проследить на 4 м, где в квадратах линии Д оно также полого выклинивалось. В плане углубление имело прямоугольную форму, с несколько округленными краями. В средней части его, в супеси, имевшей здесь не обычную для нее темную окраску и содержавшей примазки угля, было обнаружено большое количество крупных обломков, из которых удалось восстановить четыре сосуда, причем один полностью (рис. 28б—*2*). Из вещей, обнаруженных поблизости от сосудов, следует отметить большой шлифовальный каменный пест (рис. 28б—*1*) и миниатюрное глиняное скульптурное изображение головы лошади (рис. 27—*12*).

Несомненно, что это углубление является следом бывшего здесь несколько углубленного жилища такого же типа, как обнаруженное в раскопе II. Поскольку в сохранившейся части жилища не оказалось очага, есть основание считать, что оно первоначально имело прямоугольную вытянутую форму, не менее 8 м в длину при 4—4,5 в ширину. Жилище было расположено перпендикулярно к обрыву. На расстоянии 5 м от обрыва были обнаружены остатки поверхностного очага позднего поселения и вокруг него — незначительное количество обломков сосудов, кости домашних животных и остатки глиняной обмазки от стен.

В результате сведения всех полученных данных может быть установлена следующая стратиграфия памятника.

Основанием городища является толща неясно слоистых супесей с известковыми конкрециями. На ее поверхности залегают находки нижнего культурного слоя городища. Нижний слой представляет собой остатки поселения с жилищами полуземляночного типа. Было ли оно укреплено, сказать трудно, пока не будут изучены ров и вал; во всяком случае, выбранное для поселения место прекрасно защищено своим возвышенным положением и конфигурацией мыса. Дату поселения нижнего слоя, впредь до постановки на городище больших раскопок, можно определить лишь ориентировочно, базируясь главным образом на находках в нем мелких цилиндрических бус из белой пасты и характере керамики (рис. 29) [1]. Последняя представлена плоскодонными, в ряде случаев очень толстостенными, сосудами горшкообразной формы, со слабо выраженным венчиком. Довольно скудный орнамент занимает лишь верхнюю часть сосудов. Он состоит из нарезной решетки, изредка треугольников, расположенных зонально, сочетающихся с оттисками крупнозубой гребенки. В качестве наиболее специфических элементов орнамента следует отметить пояски из жемчужин, расположенных под венчиком, и налепные валики на шейке или на перегибе от шейки к плечикам. К орнаментации нужно отнести и встречающуюся рубчатость или крупную шероховатость поверхности, являющуюся либо результатом выбивания инструментом с мелкой насечкой, либо отпечатком какого-то плетения или грубой ткани. Один из реставрированных сосудов, происходящий из землянки раскопа III, имеет такую шероховатость, занимающую широкое поле в средней части сосуда. Нижняя

[1] С. В. Киселев. История Южной Сибири. МИА, вып. 9, 1949, стр. 132. В. А. Городцов. Результаты археол. исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. Тр. XII АС, т. I, стр. 240. В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в средней России (Отчет Исторического музея за 1914 г.), стр. 219.

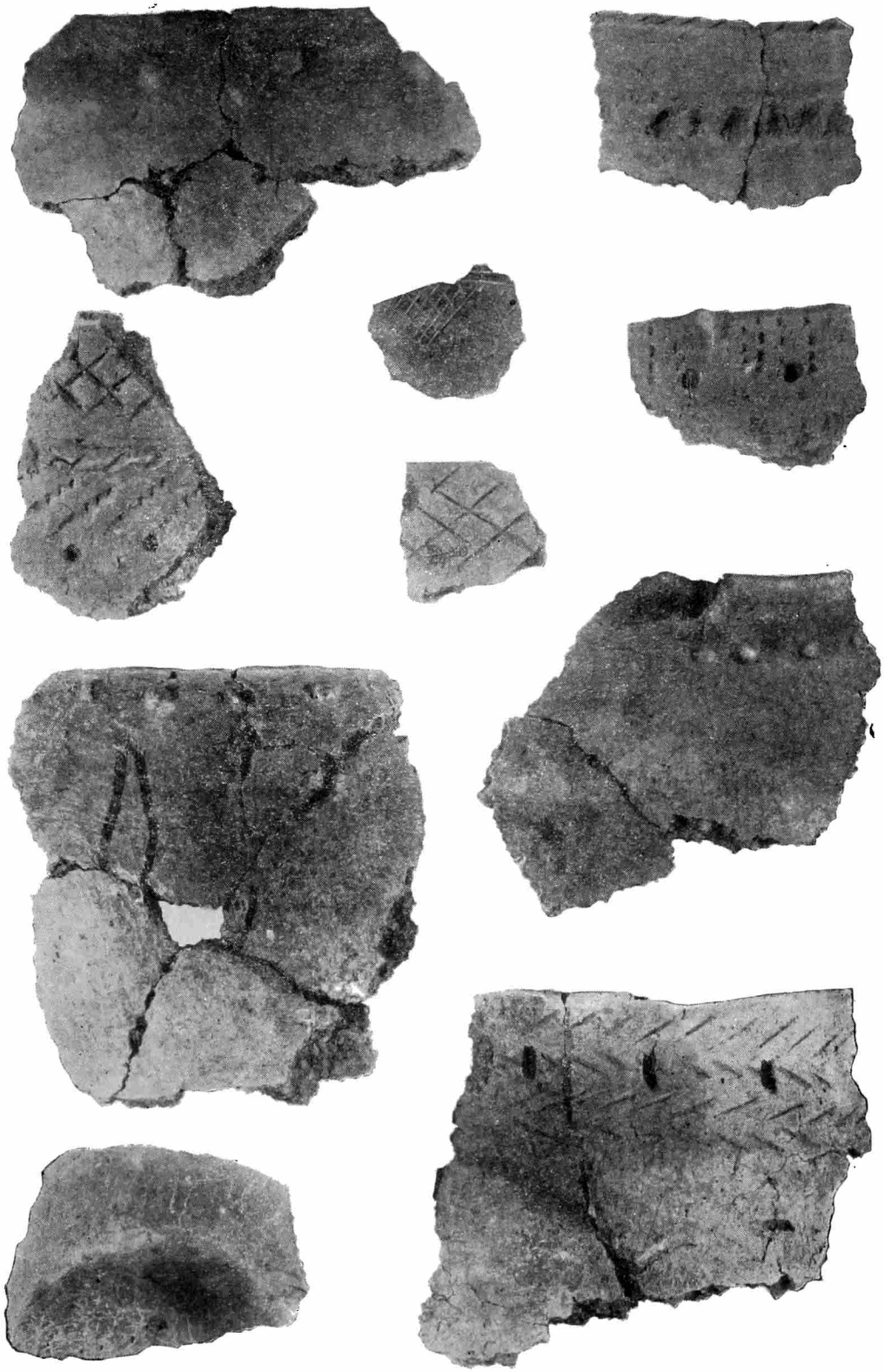

Рис. 29. Керамика из нижнего слоя городища Большой лог

(придонная) и верхняя части сосуда выглажены, и на верхнем гладком поясе нанесен орнамент. Последний состоит из ряда жемчужин, расположенных на перегибе под шейкой. Выше и ниже его имеется несколько рядов оттисков своеобразного треугольного поперечно-рубчатого штампа. Этим же штампом выполнены большие треугольники, спускающиеся на тулово сосуда. Эта, видимо, редкая на поселении Большой лог композиция, очень напоминает орнаментацию сосудов, известных нам по более ранним памятникам Среднего Прииртышья — Сузгун II, Битые Горки. Однако считаем, что это своеобразие орнаментации некоторых сосудов Большого лога есть результат не столько переживания архаических моментов, сколько специального (скорее всего культового) характера их.

Керамика нижнего слоя Большого лога имеет много общего с материалом памятников Западной Сибири конца эпохи бронзы. Аналогии ей можно найти в бытовой керамике Садчиковского и Алексеевского поселений [1], в материалах нижнего слоя Ивановского городища близ Тобольска и в некоторых сосудах Большереченского поселения [2]. Большой интерес представляет и сходство (по форме сосудов и по орнаментации в виде нарезной решетки и особенно шероховатости) с некоторыми наиболее поздними сосудами Омской стоянки. Сопоставление стратиграфии Большого лога и Омской стоянки позволяет сделать особенно интересные выводы. Омская стоянка располагалась на нижнем конце острова, некогда бывшего на Иртыше, несколько выше устья р. Оми. Время ее существования охватывает все II тысячелетие до н. э. Посещение стоянки людьми прекратилось, как можно предполагать, в связи с подъемом уровня вод в Иртыше, в результате чего остров был перекрыт пойменными отложениями. К этому моменту и следует отнести возникновение поселения на мысу у Большого лога, культурный слой которого залегает, как было указано, в пограничном горизонте между древними супесями и пластом чернозема; образование последнего следует поставить в связь с изменением климатических условий и развитием более мощного травяного покрова.

Таким образом, поселение на мысу у Большого лога нужно хронологически рассматривать как непосредственное продолжение Омской стоянки, что дает возможность восстановить для этой территории формы развития материальной культуры от конца неолита до поздней бронзы.

Рассматривая орнаментацию керамики поселения нижнего слоя, мы указали на аналогии с памятниками лишь степной и лесостепной полос. Однако описанный выше треугольный рубчатый штамп, неизвестный как будто по материалам упомянутых выше памятников, достаточно хорошо знаком по культурам таежного Приобья. Возможно, что в этом следует усматривать наличие каких-то связей с населением лесного севера и, быть может, северо-востока, которые хотя и очень еще неопределенно, но все же наметились по материалам Омской стоянки.

Второй (средний) слой городища залегает в толще чернозема и отделен от нижнего стерильной прослойкой в 0,10—0,15 м. Слой этот не отличается мощностью, равно как не удалось пока обнаружить в нем и следов каких-либо сооружений. Находки располагались равномерно по всей площади раскопов, причем в некоторых случаях в явно непотревоженном состоянии, поскольку обломки отдельных сосудов, которые впоследствии удалось восстановить, лежали в непосредственной близости один от другого.

Керамика среднего слоя представлена круглодонными сосудами со слабо выраженной шейкой или без нее. Как правило, сосуды тонкостенные, хоро-

---

[1] О. А. Гракова. Алексеевское поселение. Тр. ГИМ, вып. XVII.

[2] М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, рис. 6—19.

шего обжига, тщательно орнаментированные. Орнамент состоит из оттисков гребенки и различных мелких фигурных штампов. Среди штампов следует отметить некоторые очень характерные по своим формам, хорошо известные по орнаментации керамики других памятников Прииртышья и Приобья. К ним в первую очередь относятся «уточки», а также трехугольные «арочные» и «угольчатые» штампы (рис. 28а). Все они в близких сочетаниях представлены в поздних типах керамики городищ Подчуваш (Чувашский мыс) и Усть-Полуй. В последнем они характерны для керамики третьей группы. С другой стороны эта керамика близка к известной нам по фоминской культуре, верхний предел существования которой, с нашей точки зрения, в отличие от М. П. Грязнова, следует датировать временем не позднее III—IV вв. н. э. Все эти памятники дают основания и для датировки среднего слоя Большого лога рубежом нашей эры, с возможными пределами: I в. до н. э. — II—III вв. н. э.

Кроме керамики, в среднем слое было найдено несколько костяных наконечников стрел треугольного и ромбического сечения, костяная панцырная пластинка и плоские глиняные пряслица.

В I раскопе, в небольшом углублении, доходившем до материковой супеси и заполненном материалом среднего культурного слоя, был обнаружен конский череп и недалеко от него — небольшое глиняное, довольно схематическое изображение барана (рис. 27—*13*). Что представляло это изображение, каково назначение его, сказать пока трудно, но оно интересно уже тем, что указывает на наличие здесь в то время овцеводства. Приводим результаты определений фаунистических остатков из городища Большой лог, выполненных В. И. Цалкиным. Согласно последнему в III раскопе, только из нижнего слоя (жилище) получены кости следующих животных: лошадь, мелкий рогатый скот, благородный олень, лось.

I и II раскопы дали, кроме того, кости: крупного рогатого скота, овцы, косули и бобра. Эти данные хорошо увязываются с изложенной выше почвенно-стратиграфической картиной. Они свидетельствуют о значительных климатических изменениях в эпоху существования нижнего слоя поселения. Следует говорить о появлении в это время (рубеж II—I тысячелетий до н. э.) не только более богатого травяного покрова, но и лесов, без которых невозможно было существование лося и марала. Впоследствии леса снова исчезли на этой территории. Наличие костей овцы в I раскопе прекрасно корреспондирует с находкой изображения барана в среднем слое и подтверждает предположение о существовании здесь овцеводства в то время.

В верхнем горизонте среднего слоя, в одном из прибрежных квадратов I раскопа, был обнаружен железный серп небольшого размера, сильно изогнутой формы, с крупной насечкой на лезвии (рис. 27—*7*). Черенок серпа имеет квадратное сечение и заканчивается прямоугольным крючком. По размерам и форме серп этот напоминает скифские серпы, известные среди находок на Каменском городище. Однако, несмотря на то, что поверхностные горизонты почвы городища в этом месте были как будто и не нарушены, полной уверенности в принадлежности серпа к данному слою у нас пока нет, тем более, что железные серпы с этой территории неизвестны, и мы не имеем никакого сравнительного материала, за исключением упомянутых серпов территориально очень удаленного Каменского городища [1].

Верхний слой городища Большой лог, к которому с уверенностью можно отнести ров и вал, принадлежит поселению, близкому по своему характеру к Вознесенскому городищу на р. Оми, опубликованному В. П. Левашевой в 1928 г. Характерными для оседлых жителей этого поселения жилищами являются наземные и полууглубленные мазанки с очагами типа чувалов.

[1] Раскопки Б. Н. Гракова на Каменском городище в 1949 г.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

К. В. САЛЬНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КУРГАНСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

1

Южное Зауралье в сравнении со многими другими районами нашей страны слабо изучено в археологическом отношении. Поэтому местными научными учреждениями были организованы в 1949 г. экспедиции для археологических исследований нескольких пунктов.

Южно-уральская археологическая экспедиция, организованная Уральским государственным университетом совместно с Челябинским областным музеем [1], вела работы двумя отрядами. Первый отряд (руководитель К. В. Сальников) в Юргамышском районе Курганской обл. продолжал раскопки городища Чудаки и раскопал близ него курган; второй отряд (руководитель В. П. Бирюков) обследовал памятники в бассейне р. Синары на северо-западе Челябинской обл.

На городище Чудаки в 1949 г. были возобновлены работы, ведшиеся в 1937—1939 гг. [2]. На 700 м² вскрытой площади открыто два новых жилища (№№ 8 и 9) и закончено раскрытие третьего (№ 7), часть которого была обнаружена в 1939 г.

Самое крупное из них жилище № 8. Оно представляло собой двухкамерную полуземлянку, совершенно аналогичную жилищам № 4 (1938) и № 6 (1939). Жилая задняя камера была углублена на 0,6—0,7 м от древней поверхности; площадь ее 110 м². Длинный коридор выводил в переднюю поверхностную камеру, которая не носит следов обитания и имела, видимо, какое-то хозяйственное назначение. Небольшой коридор служил выходом из нее на площадку в центре городища.

В суглинистом, пропитанном известковыми включениями, грунте исключительно четко были видны границы всех углублений, а при кратковременном существовании городища не имели места перестройки и ремонт жилищ. Все это позволяет с особой точностью произвести реконструкцию всех сооружений городища.

Конструкцию жилища № 8 нет необходимости описывать, поскольку она не дает почти ничего нового в сравнении с уже опубликованными материалами раскопок 1938 и 1939 гг.

---

[1] В состав экспедиции входили: начальник экспедиции К. В. Сальников, научные сотрудники: В. П. Бирюков и Н. П. Кипарисова, лаборант В. И. Кикиморина и студенты исторического отделения Уральского ун-та: Ю. С. Фомин, В. П. Викторов, Л. Н. Ризев, В. С. Стоколос, А. И. Кукуй, Л. И. Маркова, И. В. Лихотинская.

[2] К. В. Сальников. Три года работы на городище Чудаки. КСИИМК, вып. V, 1940; его же. Городище Чудаки Челябинской области (по раскопкам 1937 г.). СА, IX, 1947.

Жилище № 9 — однокамерная, прямоугольная полуземлянка, площадью 25 м², с очагом-кострищем в центре. Основой стен являлись столбы, врытые у земляных стенок, столбы вокруг очага поддерживали центр покрытия. Два коридора служили выходами — один вел наружу, второй соединял это жилище с соседним, № 8.

Жилище № 7, площадью 65 м², лишь слегка было врезано в землю, потому его границы прослеживаются преимущественно только по ямкам от столбов стен. Однокамерное, с таким же длинным входом-коридором, как все ранее исследованные, это жилище отличается от последних тем, что углы его и боковые стены явно округлены. В целом жилище округлое в плане. Этому плану подчинено и расположение ямок от столбов, обнаруженных внутри жилища. Ямки образуют два концентрических круга. В центре жилища находились два очага-кострища.

Жилище № 7, соединяясь проходом с соседним жилищем № 6 (1939), составляет вместе с ним, с жилищем 4 и, видимо, с другими большой комплекс объединенных проходами жилых сооружений. Между двумя комплексами жилищ (№№ 4, 6 и 7, с одной стороны, и №№ 8 и 9 — с другой) от центра поселения шел проход к одному из второстепенных выходов из городища.

Раскопками 1949 г., помимо жилищ, в некоторых пунктах были захвачены оборонительные сооружения, которые состояли из деревянных конструкций, сохранившихся под валом в виде групп столбов и горизонтально лежащих поперек и вдоль вала бревен.

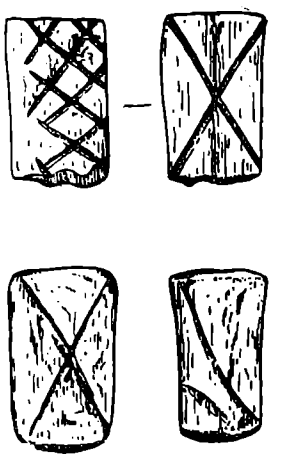

Рис. 30. Таблетки из кости. Городище Чудаки

Культурный слой содержал преимущественно кости домашних животных и черепки глиняных сосудов. Прочие находки немногочисленны: 4 бронзовых трехгранных наконечника стрел; кованый медный прут с расплющенными и загнутыми в одну сторону концами; несколько капель сплесков меди или бронзы; обломки каменных разнохарактерных плиток; бипирамидальное напрясло из талька; 2 обломка тальковых литейных форм, видимо, для отливки топоров-кельтов; 4 костяных скребка-тупика; обломок ребра с насечками, как у штампов для нанесения гребенчатого орнамента (но керамика с таким орнаментом на городище не встречается); 3 прямоугольные таблетки, являющиеся уникальной находкой.

Таблетки были найдены возле очага в жилище № 7, близко одна около другой и, несомненно, составляют какой-то один, может быть неполный, комплекс ритуального назначения или игру. Эти поделки имеют форму прямоугольных параллелепипедов, размером в 23—25 × 10—15 мм, толщиной 5—7 мм. На широких плоскостях их имеются резные знаки: на первой — косой крест, прочерченный по диагоналям; на второй — такой же крест на одной плоскости, а на обратной — ромбическая сетка, образованная перекрещивающимися нарезками; третья таблетка имеет на одной плоскости две нарезки: одна, изогнутая, идет по диагонали из угла в угол, другая, короткая отсекает третий угол (рис. 30).

Вся керамика городища принадлежит круглодонным сосудам с хорошо выраженным горлышком, орнаментированным по шейке и плечикам резной елочкой, косыми насечками и нарезками, ямками, реже — защипками и ромбической сеткой (рис. 31а).

По описанному инвентарю городище можно считать поселением, принадлежащим одному из племен Южного Зауралья сарматского времени.

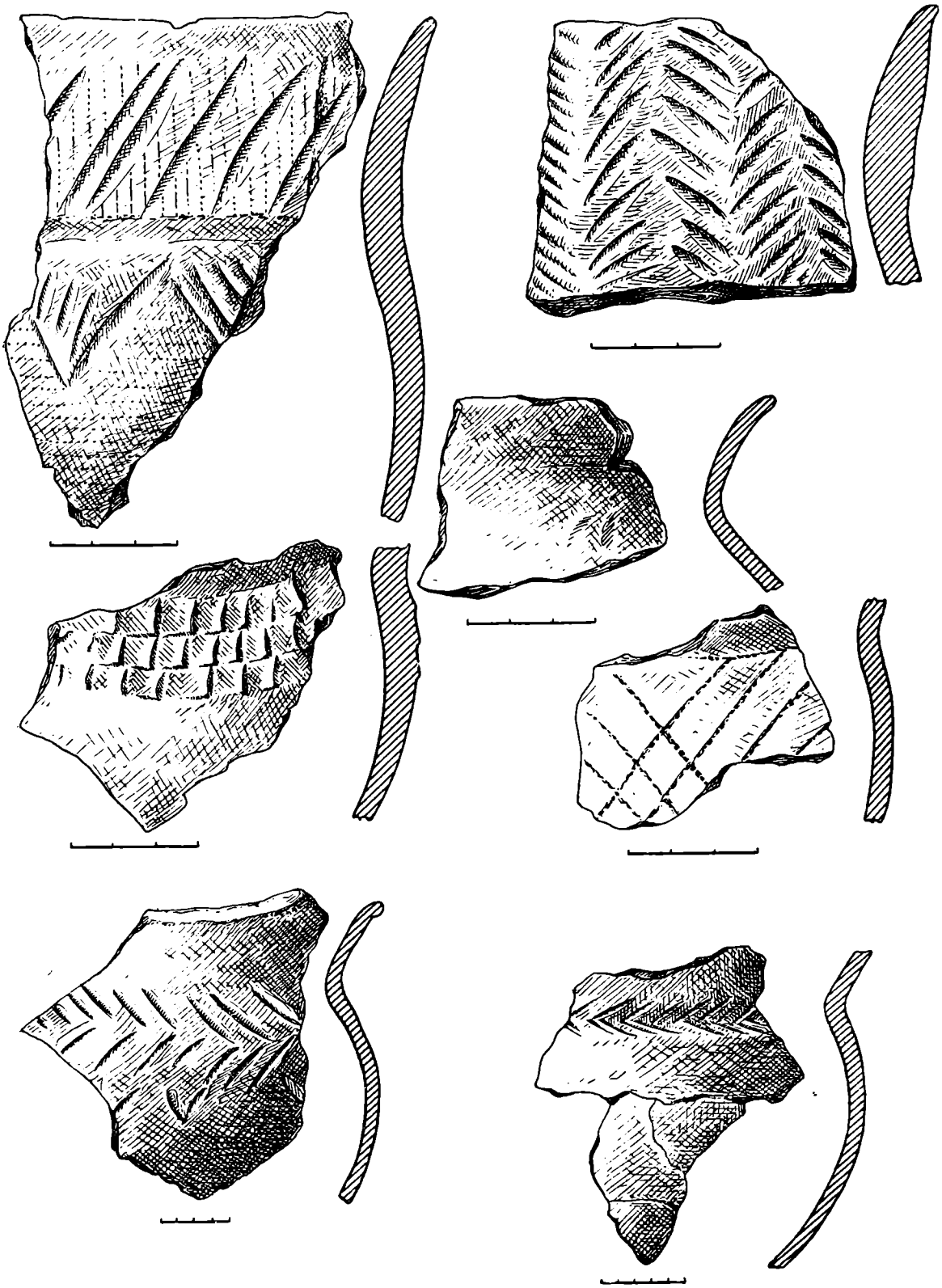

Рис. 31а. Керамика с городища Чудаки

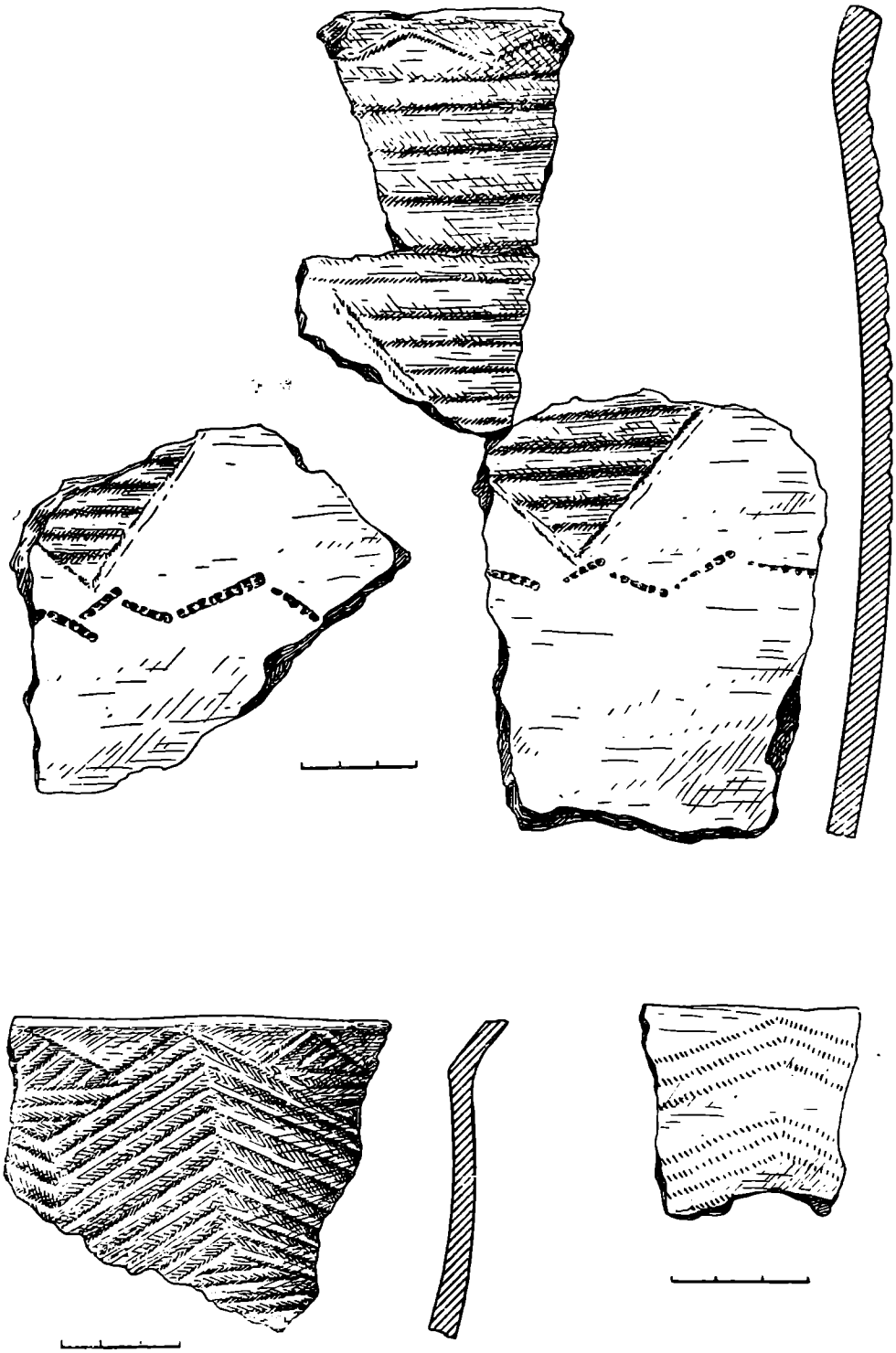

Рис. 31б. Керамика с жертвенного места р. М. Кизыл

В 1,0—1,5 км от городища близ с. Разбегаево, раскопан один из четырех существующих там курганов. Большая могила (3,20 × 1,65 м, глубина 1,35 м) оказалась разграбленной. Все же удалось установить северо-западную ориентировку покойника и обнаружить обломки железных изделий, половину каменной поделки со сверлиной, пастовые и гешировые цилиндрические бусы, а также кости животных и птиц. Повидимому, курган относится к тому же времени, что и городище и, может быть, содержит погребение одного из его обитателей.

Первый отряд обследовал также много курганных групп в бассейне р. Юргамыш, в том числе широко известный местному населению огромный курган Бабий бугор, высотой до 14 м.

2

Второй отряд имел своей задачей проверку старых сведений о памятниках по рекам Синара, Караболка и Багаряк, в Буринском и Багарякском районах Челябинской обл., где 40—50 лет назад провел большие разведочные работы В. Я. Толмачев, результаты которых частично опубликованы А. А. Спицыным [1]. Отрядом установлено современное состояние памятников, отмечена гибель некоторых, ранее известных, и открыто 19 новых объектов. Всего же обследованы 62 памятника: 21 городище, 9 селищ, 23 курганные группы, 3 древних кладбища, 4 могильника, 1 пещера и 1 менгир.

Собирая сведения о памятниках для организации их охраны, при обследовании отряд ограничился внешним осмотром и описанием памятников. Ни разведочных раскопок, ни шурфовки не производили, поэтому возможности для суждения о культурной принадлежности памятника крайне ограничены.

Городища, повидимому, все относятся к скифо-сарматской эпохе; точнее определить их дату пока затруднительно. Часть селищ — того же времени. На это указывает керамика с мыса Коровий Язык — единственного селища, на котором был заложен шурф. Среди селищ, несомненно, имеются и относящиеся к эпохе бронзы. Об их наличии в районе обследования говорит изученное К. В. Сальниковым в 1948 г. на р. Караболке Ново-Буринское селище андроновской культуры.

Весьма напоминает поселение эпохи бронзы Усть-Караболкское селище, где на площади более гектара заметно до 15 впадин. Большая площадь и значительное число земляночных впадин очень характерны для андроновских поселений.

Особняком стоит Сигрянское селище, которое, судя по материалу, собранному из обрыва, содержит два слоя: 1) скифо-сарматский и 2) поздний — II тысячелетия н. э.

Большинство курганов должно относиться также к скифо-сарматскому времени, для которого в Зауралье характерно расположение курганов поодиночке или очень маленькими группами. Лишь один курганный могильник, II Больше-Казахбаевский, несомненно, относится к эпохе бронзы; он состоит из 30—40 насыпей, хотя не исключена возможность, что самые крупные курганы в этой группе были сооружены здесь позднее — в скифо-сарматскую эпоху.

Бескурганные могильники, по всей вероятности, являются древнебашкирскими кладбищами.

---

[1] А. А. Спицын. Зауральские городища. ЗОРСА РАО, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906.

Работы 1949 г. экспедиции Магнитогорского музея [1] продолжали исследования 1948 г. на р. Малый Кизыл. Задачей экспедиции было охарактеризовать в археологическом отношении юг Челябинской обл., где до 1948 г. археологических исследований не производилось [2].

На левом берегу р. Малый Кизыл, в поселке Супрякского балластного карьера, был заложен раскоп в 120 м^2 на памятнике, открытом в 1948 г. на месте находки Верхне-Кизылского клада [3].

В раскопе обнаружена часть углубленной в грунт площадки жилища. Вскрытая площадь его равна 90 м^2. Несколько ямок от столбов, оказавшихся на ее поверхности, заставляют предполагать наличие покрытия. На площадке находилось три очага в форме прямоугольных в плане углублений. Наиболее хорошо сохранившийся очаг (№ 3) имел размеры 0,75 × 0,75 м, глубину 0,10 м от пола. На краях и на дне его встречались валуны. Очаг был заполнен черепками большого круглодонного сосуда. В юго-западной части площадки обнаружен огромный участок, равный одной шестой всей площади раскопа; он представляет собой ряд кострищных пятен, сливающихся в одно огромное кострище площадью около 20 м^2. Весь этот участок раскопа дает особенно много пережженных мелких костей. На кострище найдено 3 сильно обожженных костяка коров, лежавших на боку в одинаковой позе. Культурный слой состоит преимущественно из большого количества мелких пережженных косточек и отдельных нежженых костей. Прочие находки весьма малочисленны: 11 черепков, раздавленный сосуд (рис. 31б), отщеп кремня, обломок зернотерки, медная лента, согнутая в форме двойного зигзага.

К западу от описанной площадки, на глубине 0,7 м от современной поверхности, обнаружено в небольшой впадинке погребение человека. Костяк сильно обожжен. Обжиг произведен на месте. Погребенный лежал на спине, левая нога была вытянута, правая — согнута. Левая рука — вдоль туловища, с кистью на тазу, правая — согнута. Справа у груди обнаружена костяная пуговица из бедряной головки животного, у правого плеча бронзовый плоский, слегка изогнутый нож без черенка (рис. 32—3). В 1 м от костяка на пятне прокала (на краю современной канавы) найдена часть раздавленного сосуда и остатки деревянного туеска (бурачка) [4].

Раскопанный в 1949 г. участок памятника нужно расценивать как жертвенное место, расположенное по соседству с могильником. Раскопами 1950 г. к востоку от раскопа 1949 г. вскрыто жилище-полуземлянка с находками совсем другого характера. В жилище найдены орудия труда, масса керамики, расколотых костей животных (отбросы пищи) и т. п. Культурная принадлежность памятника ясна. Еще в 1948 г. была установлена связь находок на нем с предметами из Верхне-Кизылского клада, принадлежность которого к абашевской культуре общепризнана. Открытое в 1949 г. погребение содержало нож типа, отмеченного в Верхне-Кизылском кладе, и представляет возможность для проведения ряда аналогий с пред-

---

[1] В состав экспедиции входили: К. В. Сальников, М. Р. Уфимцев и А. А. Сиротин.

[2] Единственным исключением является обследование в 1933 г. Южноуральской экспедицией ГАИМК (под руководством Б. Н. Гракова) берегов р. Урала в районе Магнитогорска, но обследование это ограничилось только регистрацией памятников. Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археологические работы на новостройках, II, 1935.

[3] N. N. Bortvin. The Verkhny-Kizil Find. ESA, III; К. В. Сальников. Абашевский памятник близ Магнитогорска, КСИИМК, вып. XXXV.

[4] В 1948 г. в стенке канавы в этом пункте была найдена другая часть того же сосуда, фрагменты еще одного сосуда и целый маленький сосудик. К. В. Сальников. Абашевский памятник близ Магнитогорска. КСИИМК, вып. XXXV.

метами из погребения Абашевского могильника в Чувашской АССР. Исследователи последнего В. Ф. Смолин [1] и О. А. Кривцова-Гракова [2] отмечают большое значение продуктов горения в погребальном ритуале могильника. Положение некоторых костяков, раскопанных В. Ф. Смолиным (насыпь V, могила № 4, костяки №№ 2 и 4), почти тождественно положению костяка в погребении на р. Малый Кизыл. Совпадают и формы очажных ям в абашевских курганах и на жертвенном месте на р. Малый Кизыл.

В 1,5 км к западу от поселка Супрякского балластного карьера, на левом берегу поймы р. Малый Кизыл, в 1949 г. было исследовано три кургана, которые входят во II Мало-Кизылский могильник, состоящий из 10 насыпей. Два из них дали погребения эпохи бронзы, третий — могилу среднесарматского времени. Оба первых кургана (№№ 1 и 2) содержали по две могилы. Только одна из четырех могил содержала бронзовый плоский нож катакомбного типа и массивное бронзовое четырехгранное шило (рис. 32—*1, 2*). Остальные не дали никаких вещей, ни керамики. Покойники были положены на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми вправо ногами или на правом боку, скорченно. В одном погребении оказался костяк мужчины, в другом — костяки женщины и двух детей.

Во втором кургане одна могила была полностью разрушена, вторая содержала четыре костяка, из которых только один сохранил непотревоженное положение; три остальных представляли собой груду костей. По характеру расположения костей последних можно предполагать здесь погребения в сидячем положении. Ориентированы все костяки головами или к СВ или к ЮЗ. Под костяками и на костяках много красной краски.

Ближайшие и полные аналогии описанным погребениям находим на Нижней и Средней Волге, где известны курганы с таким же погребальным ритуалом [3], иногда сопровождаются такими же орудиями [4] и определяются как памятники древнеямной культуры. Среди них встречаются и сидячие погребения [5]. Описанные погребения, являясь древнейшими в Зауралье, вскрывают новый культурный пласт, остававшийся для этого района неизвестным и относящийся к концу III — началу II тысячелетия до н. э.

Третий курган, раскопанный во Втором Мало-Кизылском могильнике, содержал типичное диагональное погребение в квадратной могиле. Погребенный мужчина лежал головой к югу с разбросанными руками и ногами («танцующая поза»). Вместе с костяком в могиле лежали короткий железный меч с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, точильный брусок и обломок второго бруска, два кувшина и маленький круглодонный сосудик (рис. 32, *6, 7*), кости барана вместе с железным ножом.

Описанный тип погребения встречен в Зауралье также впервые, но хорошо известен в Нижнем Поволжье и датируется I в. до н. э.— началом II в. н. э. Это — разновидность погребений третьей, сарматской, ступени в развитии савромато-сарматских племен Поволжья и Приуралья [6]. Некоторые авторы видят в диагональных погребениях могилы роксолан [7].

Принимая во внимание, что эволюция погребального ритуала у сарматов Поволжья и Южного Приуралья характеризуется, между прочим, и

---

[1] В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928.
[2] О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII.
[3] В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии. Бюлл. ОАИЭ и Е при Самарском гос. ун-те, № 2, Самара, 1925; И. В. Синицын. Археол. раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. СГУ, т. XVII, выпуск исторический, Саратов, 1947, стр. 131—133.
[4] Paul Rau. Höckergräber der Wolgasteppe. 1928, табл. III, рис. 3.
[5] И. В. Синицын. Указ. соч., стр. 7.
[6] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3, 1947.
[7] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, № 1, 1948.

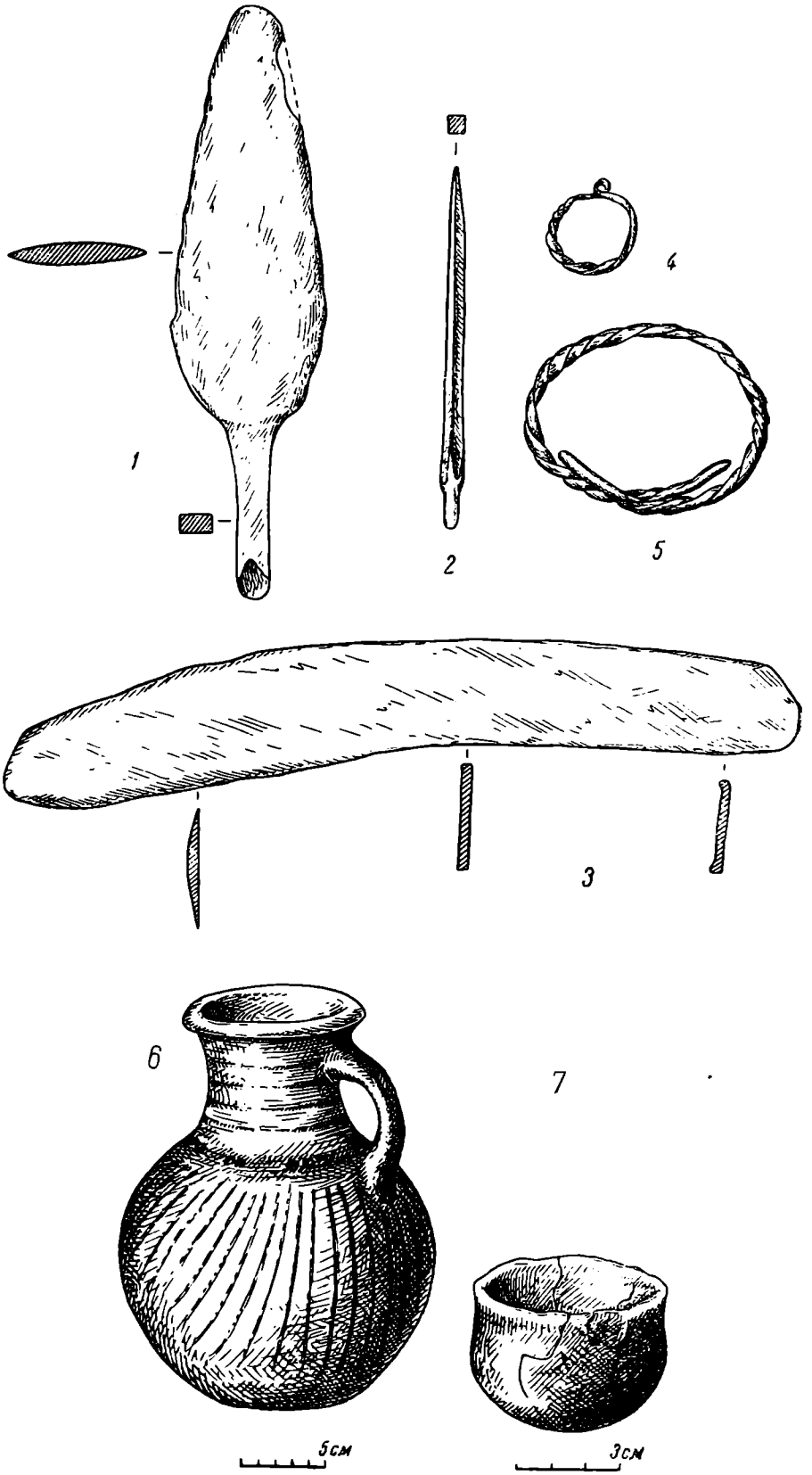

Рис. 32. Инвентарь из погребений:

1 — бронзовый нож; *2*—бронзовое шило (второй Мало-Кизылский могильник, курган № 1, погр. № 1); *3* — бронзовый нож из погребения на жертвенном месте на р. М. Кизыл; *4*—золотое височное кольцо; *5* — серебряный браслет из погребения № 11 Мало-Кизылского могильника; *6*—*7*—сосуды из погребения в кургане № 3. Второй Мало-Кизылский могильник

тенденцией к замене южной ориентировки покойника северной, распространившейся в позднесарматской стадии, курган № 3 во II Мало-Кизылском могильнике, как имеющий южную ориентировку, нужно признать ранним и датировать I в. до н. э. Описанное погребение расширяет к СВ территорию распространения диагональных погребений, которые часто встречаются в Нижнем Поволжье, причем самое восточное до сих пор было известно у пос. Берды, близ г. Чкалова [1]. Характерно, что оба эти восточные погребения (Бердынское и Мало-Кизылское) дают ранние черты.

Ранним сарматам принадлежит погребение I Мало-Кизылского могильника, раскопанное в 1949 г. в кургане № 11, на территории поселка Суперякского балластного карьера. В подбое под западной стенкой входной могильной ямы находился костяк покойницы; он лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, головой на юг. На месте черепа найдены золотые височные кольца из перекрученной плоской проволоки (рис. 32—*4*), части ожерелья (бусы, белый бисер, костяные или деревянные пронизки) и обломки железного изделия. У правого плеча лежало серебряное, намеренно изломанное зеркало, с плоской ручкой прохоровского типа, на запястьях обеих рук — по серебряному перевитому браслету (рис. 32—*5*). На правом бедре лежали остатки железного ножа, у правого колена — галька-лощило; в ногах — грудка костей овцы (бочек). Под костяком на дне могилы встречались кусочки мела. На уровне древней поверхности, возле могильной ямы, под насыпью кургана обнаружен круглодонный с прямым горлом сосуд. Поскольку сосуд найден в виде многих мелких черепков, разбросанных на большой площади, надо полагать, что он был намеренно разбит.

Все элементы погребального ритуала и могильного инвентаря позволяют отнести погребение в кургане № 11 к раннесарматскому времени (прохоровской культуре) — IV — II вв. до н. э.

Исключительный интерес представляет находка в составе могильного инвентаря этого погребения гальки-лощила андроновского типа. До сих пор такие лощила были известны только с селищ андроновской культуры (Алексеевка, Замараево, Ново-Бурино) эпохи бронзы. Ни в памятниках других культур эпохи бронзы, ни в памятниках более поздних их не встречали. Находка лощила лишний раз заставляет связывать происхождение савромато-сарматского населения Южного Зауралья с андроновскими племенами эпохи бронзы.

На основании первых лет (1948—1949) раскопок в районе Магнитогорска можно сделать вывод, что в эпоху ранней бронзы местные племена составляли единый этнический массив с племенами Среднего и Нижнего Поволжья. Позднее здесь наблюдается смешение бронзовых культур Сибири (андроновская) и Поволжья (срубно-хвалынская), а также абашевской культуры. В эпоху раннего железа на базе андроновских и срубно-хвалынских племен формируются савромато-сарматские племена.

---

[1] Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, XVI. Оренбург, 1906, стр. 89—90.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

И. В. СИНИЦЫН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

В 1949 г. Саратовским государственным университетом, совместно с Областным музеем краеведения, была организована археологическая экспедиция для изучения древних памятников на территории Нижнего Поволжья и Западного Казахстана. Исследования в этих районах были продолжением работ, начатых здесь в 1947—1948 гг. [1].

Основные задачи работ в Заволжье заключались в исследовании древних поселений, а также в раскопках курганных погребений для сопоставления тех и других с памятниками ближайших районов Западного Казахстана и Северного Приаралья.

На правобережной стороне Волги между Камышином и Сталинградом предусматривались разведочные раскопки курганов в целях выяснения границ распространения катакомбной культуры из южных астрахано-манычских степей в северные районы Доно-Волжского междуречья. Вместе с тем были продолжены раскопки большого каменного кургача близ с. Пролейки, начатые в 1947 г.

1. Работы в Западном Казахстане

Археологические исследования в Западном Казахстане были сосредоточены в окрестностях с. Джангала (Новая Казанка) и междуречье Большого и Малого Узеней. Обследованный район степной полосы покрыт многочисленными курганами, расположенными группами и в одиночку. Здесь же, по берегам озер Камыш-Самарских разливов, экспедицией обнаружены остатки дюнных поселений, а также погребения разных времен, начиная с эпохи бронзы, вплоть до позднего средневековья.

Поселения в большинстве случаев расположены по склонам развеваемых дюн, примыкающих к берегам озер и водоемов. Основную массу культурных остатков на поселениях составляют разнообразные кремневые микролитические орудия, черепки глиняной посуды, кости животных и местами значительные скопления костей рыб. Топография поселений и культурные остатки свидетельствуют о сравнительно длительном и постоянном пребывании на одном месте небольших групп древних насельников — охотников-рыболовов. Однако некоторые поселения содержат незначительные культурные остатки и имеют вид временных охотничьих лагерей.

[1] И. В. Синицын. Археологические памятники р. Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

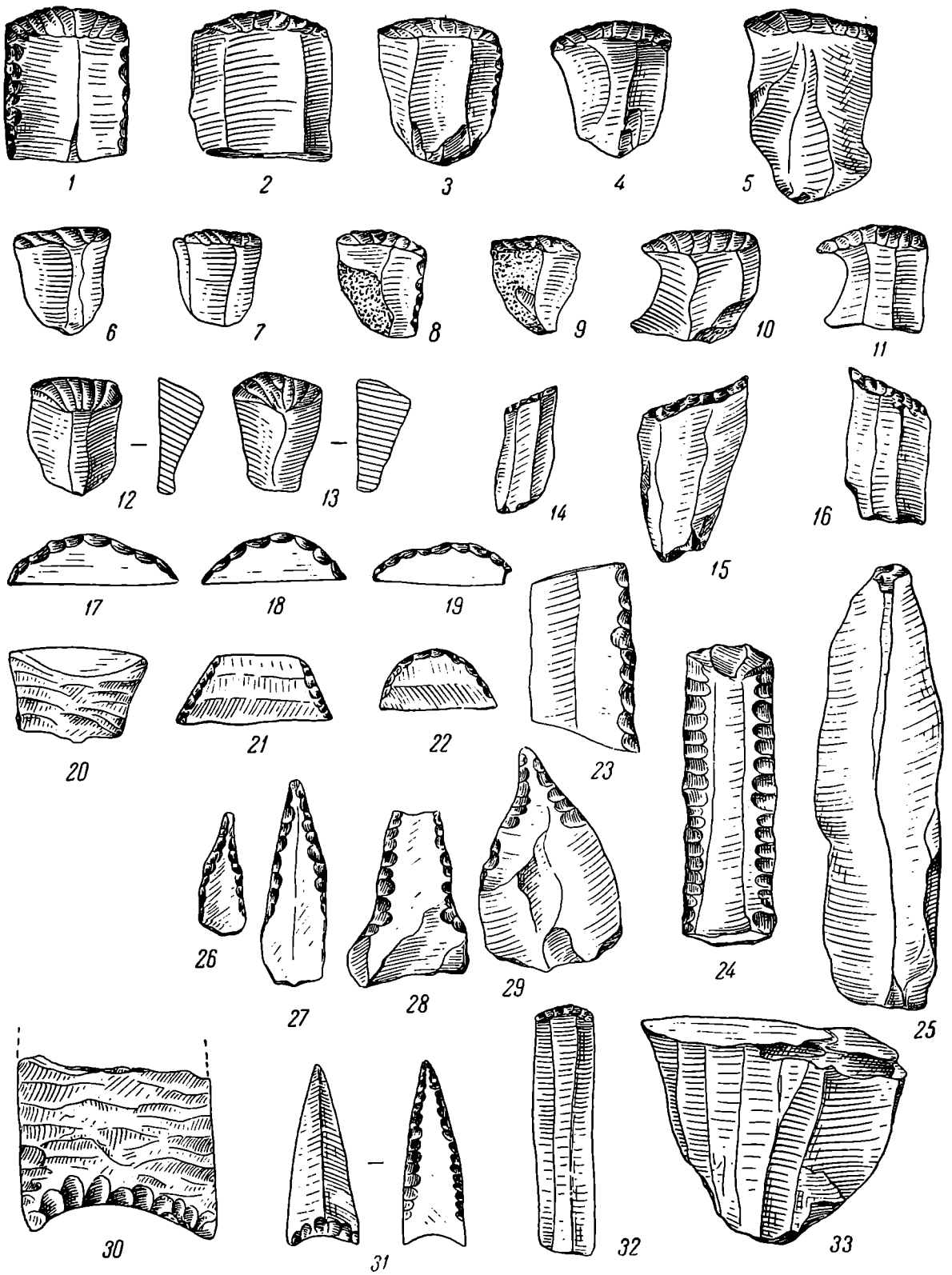

Рис. 33. Кремневые орудия стоянки у оз. Сарайдин близ Джангалы ($^4/_5$ нат. вел.)

На всех поселениях среди кремневых орудий наиболее распространенной группой являются концевые скребки, сделанные на коротких пластинках, с ретушью рабочего края (рис. *33—1—13*). Весьма выразительна серия орудий геометрических форм — трапеции с притупляющей боковой ретушью (рис. *33—21*), сегментовидные орудия, с ретушью по дуговому краю (рис. *33—17, 18*), различные ножевидные пластинки, пластинки с односторонней ретушью (рис. *33—23—25*), наконечники стрел, изготовленные из кремня или кварца. Наконечники чаще имеют листовидную форму с выемкой в основании (рис. *33—30, 31*). Размер их варьирует от крупных (4—5 см длиной) до миниатюрных. Вместе с кремневыми орудиями встречаются мелкие осколки кремня, кварцита и нуклеусы, чаще всего с односторонней обработкой.

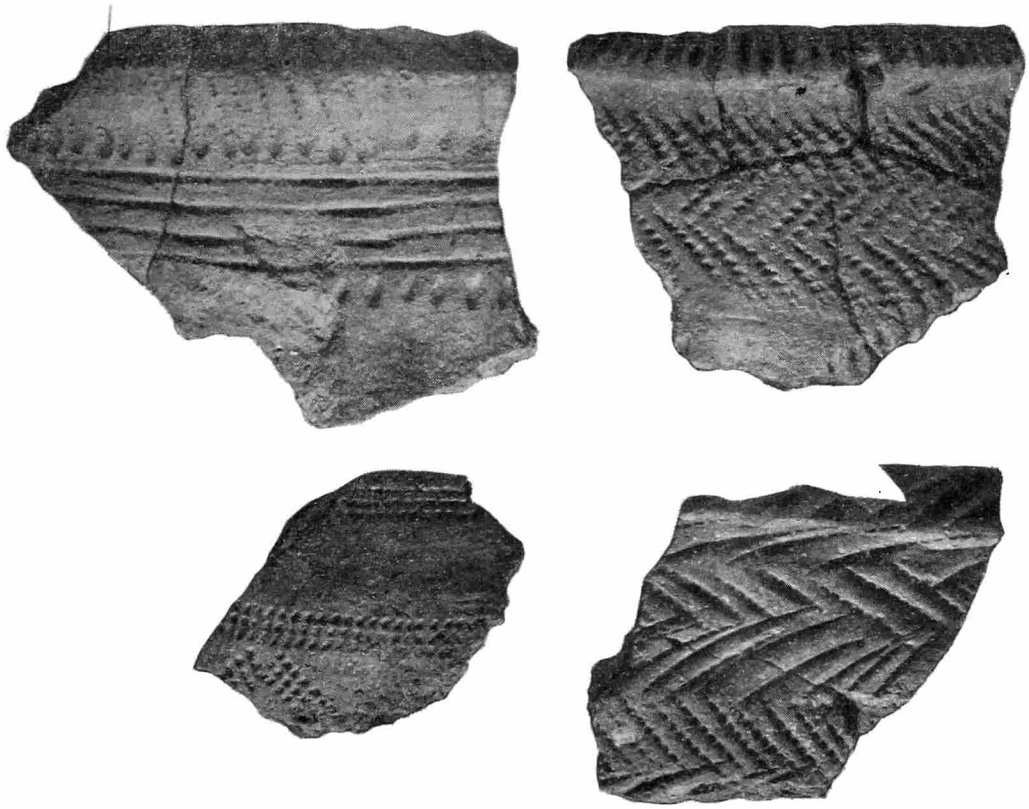

Рис. 34. Фрагменты керамики с поселения у оз. Сарайдин

Не входя в детальный анализ весьма выразительного кремневого инвентаря, следует отметить некоторые местные особенности комплекса орудий поселений Узеней и указать на возможность сопоставления его с аналогичным материалом дюнных поселений всей Прикаспийской низменности, а также многих районов Казахстана, особенно Северного Приаралья [1].

Наиболее многочисленной группой находок на поселениях является керамика, разнообразная по своей форме, технике изготовления и орнаменту. Несмотря на фрагментарность керамических остатков, все же некоторые сосуды восстановлены полностью. Значительное количество посуды представлено горшками с прямой или слегка отогнутой шейкой, с закругленным или уплощенным краем. Стенки слегка выпуклые и покрыты разнообразным орнаментом, выполненным мелкозубчатым чеканом или нарезом. Среди по-

[1] А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949; его же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

стоянно встречающихся элементов орнамента весьма распространенным является елочный, зигзагообразные линии, расположенные в различных сочетаниях и образующие различные треугольники, ромбы (рис. 34). Весьма выразительной является керамика с зональным расположением узоров по всему корпусу сосуда. Примером может служить сосуд с Джангалинского

Рис. 35. Глиняные сосуды из погребений и Джангалинского поселения

поселения, стенки которого покрыты горизонтально расположенными широкими полосами и зигзагообразными линиями мелкозубчатого чекана

(рис. 35—*1*). Указанные черты этого керамического комплекса, особенно зональность расположения орнамента и техника его выполнения, живо напоминают орнаментацию андроновской керамики.

Вторая весьма многочисленная группа керамики состоит из горшков простой баночной формы, с прямыми или слегка выпуклыми стенками, прямым краем, плоским дном. Горшки этого типа украшены простым орнаментом в виде треугольников, расположенных в верхней части сосудов. Орнамент наносился простым нарезом — движением острого предмета (палочкой) по сырой глине. Многие горшки этой группы совсем не орнаментированы и сделаны грубо. Размеры их варьируют от небольших (8—10 см высоты) до крупных горшков (диаметр горла 30 см). Этот керамический комплекс по форме горшков, технике изготовления, орнаменту повторяет хорошо известную керамику поселений и курганных погребений срубно-хвалынской культуры Нижнего Поволжья.

Вместе с описанными типами керамики особый интерес представляет своеобразная, редко встречаемая кубковидная форма сосудов, а также круглодонная керамика. Целые сосуды этого типа были найдены на поселении у озера Сарайдин, близ Джангалы; один из них — в виде рюмкообразной вазочки на высокой подножке (рис. 35—*2*). Высота сосуда 8 см, диаметр по верхнему краю — 8 см, поддона 2,5 см. Второй сосуд имеет круглодонную форму, высокую прямую шейку вокруг широкого горла (рис. 35—*3*). Сосуд сделан от руки, из хорошо отмученной глины; стенки тонкие, тщательно сглажены; наружная поверхность их имеет оранжево-красноватый цвет. Высота сосуда 9 см, диаметр горла 17 см. Этого рода сосуды среди керамики Нижнего Поволжья неизвестны. Как аналогии рюмкообразному сосудику можно указать на сосуды из погребений позднекарасукской культуры западных районов ее распространения: например, сосуды, обнаруженные при раскопках 1933 г. у аула Дынды-бай, близ Караганды [1].

Помимо упомянутой керамики, среди бытовых предметов отметим находки глиняных плоских кружков (крышки для горшков), глиняных пряслиц цилиндрической формы. Аналогичные предметы характерны для поселений эпохи бронзы степей Заволжья [2].

Анализ керамического материала поселений Узеней позволяет сделать заключение, что в этом степном районе Заволжья особенно ярко выявляется как бы стык границ распространения смежных культур и близость керамических комплексов, характерных для срубно-хвалынской культуры Нижнего Поволжья, с одной стороны, и андроновской юго-западных районов Казахстана и всего северного Приаралья — с другой.

В изучении второй категории памятников эпохи бронзы — курганных погребений — имеется существенный пробел. В районе Узеней экспедицией было открыто лишь одно погребение в кургане № 4, расположенном близ поселения у озера Сарайдин. Скелет (мужчина средних лет) был положен на левом боку, с подогнутыми ногами и руками, головой на восток. Кисти рук помещались перед лицом погребенного. Никаких вещей в могиле не оказалось. Несмотря на отсутствие могильного инвентаря, погребение весьма типично для поздней стадии срубно-хвалынской культуры Нижнего Поволжья.

Памятники скифо-сарматского времени

Следующий этап в развитии общества на обследованной территории представлен курганными погребениями скифо-сарматского времени. Экспе-

---

[1] Археолог. работы на новостройках, т. II, ИГАИМК, 1935, вып. 110, стр. 47, рис. 21—*13* и *14*.

[2] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 203, рис. 8 и 9.

дицией в этом году вскрыто до 20 погребений, причем три кургана, раскопанные в группе близ с. Джангалы, оказались ограбленными в древности.

Все погребения Джангалинского района оказались однородными по характеру устройства могил, ритуалу и могильному инвентарю. Могилы прямоугольно-удлиненной формы, до 2,5 м в длину и до 1,5 м в ширину, при глубине 2—2,5 м. В одной могиле с западной стороны входной ямы устроен подбой. Могилы содержали одиночные захоронения и лишь в одном случае (с. Джангала, погребение № 3 из кургана № 2) встречено коллективное

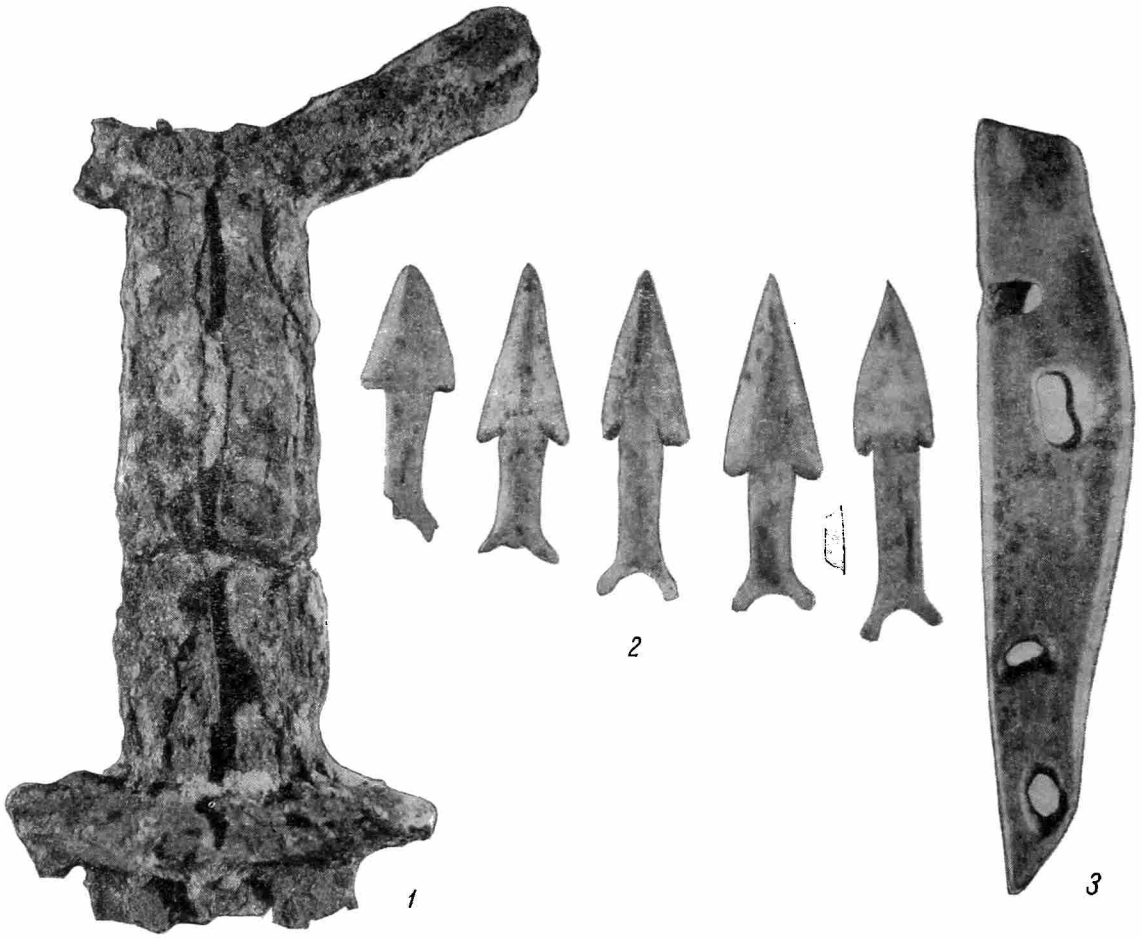

Рис. 36. Предметы вооружения из курганов близ с. Джангалы.
1 — рукоять железного меча (курган № 2, погр. № 3); *2* — костяные наконечники стрел (курган № 2, погр. № 4); *3* — костяная пластинка от колчана (курган № 1, погр. № 1) (нат. вел.)

погребение — три скелета взрослых людей. Во всех могилах однообразный погребальный обряд: скелеты были положены вытянуто на спине, головой на юг. Могильный инвентарь не богат, но весьма выразителен. Наиболее характерными являются железные мечи или кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием (с. Джангала, курган № 2, погребение № 3; рис. 36—*1*), бронзовые трехгранные, втульчатые наконечники стрел, глиняная посуда, алебастровые сосудики, разнообразные бусы (цилиндрические, стеклянные, синего цвета, с белыми кружками, посредине которых синие глазки; удлиненно-боченкообразные, с белыми прожилками; крупные многогранные из горного хрусталя), бронзовые зеркала с ручкой и широким валиком по краю, глиняные пряслица.

Особый интерес представляют костяные наконечники стрел с плоским четырехгранным черешком, заканчивающимся серповидным навершием (рис. 36—*2*). Найдены они были вместе с бронзовыми трехгранными, втульчатыми наконечниками стрел у озера Сарайдин, близ Джангалы, в погре-

бении № 4 из кургана № 2. Помимо наконечников стрел, в этой же могиле при костяке, положенном на спине с вытянутыми конечностями, головой на юг, было найдено: около таза и поясничных позвонков — два костяных предмета в виде пуговиц с выпуклой одной стороной и просверленной дырочкой в середине, две костяные цилиндрические трубочки — наконечники от пояса; у левого плеча — глиняный сосуд, по плечикам которого нанесен орнамент в виде двух гирляндообразно расположенных вдавлений (рис. 35—4); с правой стороны находились кости барана, железный однолезвийный нож и кусок алебастра.

Перечисленный комплекс вещей и ритуал погребений обнаруживают полное сходство с инвентарем курганных погребений, широко известных в степях Юго-Западного Приуралья, в некоторых районах Западного Казахстана, а также на территории Нижнего Поволжья [1]. Хронологически эта группа погребений определяется IV — II вв. до н. э. и относится, по схеме Б. Н. Гракова, к савромато-сарматской или прохоровской культуре [2].

Для характеристики этой группы памятников важно отметить, что в обследованном районе никаких следов сарматских поселений, свидетельствующих о длительном пребывании этих племен на одном месте, не обнаружено. Это позволяет сделать заключение, что кочевой способ ведения хозяйства наиболее ярко характеризует быт раннего сарматского общества степных районов Прикаспия.

Погребения раннего и позднего средневековья

Территория изучаемого района, повидимому, густо была заселена в период раннего и позднего средневековья. Как и ранее, экспедиция 1949 г. обнаружила в курганах и на дюнах несколько кочевнических погребений. Среди них выделяются две разновременные группы: погребения VIII—XII вв. и погребения XIII—XV вв.

Погребения первой группы имеют весьма устойчивый обряд и могильный инвентарь. Могильные ямы прямоугольно-удлиненной формы, погребенные положены на спине, с вытянутыми конечностями, головой на восток, реже — на запад. Вместе с покойником захоронялись череп, передние и задние ноги коня; части коня клались с правой стороны погребенного, причем голова была обращена на запад. Среди могильного инвентаря наиболее характерными являются железные плоские наконечники стрел, берестяные колчаны, лук с костяной накладкой в средней части, железные двухсоставные кольчатые удила, стремена дугообразной или округлой формы, с широкой подножкой и несколько расплющенной верхней частью дуги, с пробитым для ремня отверстием.

Среди открытых в 1949 г. погребений этой группы наиболее типичным представляется мужское погребение № 1 из кургана № 1, раскопанного близ с. Джангала. В могильной яме (длиной 2,6 м, шириной 1,1 м) находился скелет мужчины на спине, с вытянутыми конечностями, головой на восток. С правой стороны, от локтя до бедра, лежали остатки истлевшего кожаного колчана с плоскими железными наконечниками стрел (2 экз.). К колчану была прикреплена костяная фигурная пластинка (рис. 36—3), посредством которой колчан подвешивался к поясу. С левой стороны около кисти руки лежали костяные, желобчатой формы пластинки — обкладки средней части лука. С правой стороны погребенного помещались

---

[1] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл. Материалы по археол. России, № 37, 1918; Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. Тр. секции РАНИОН, IV, 1928. Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 138 и след.; И. В. Синицын. Археол. раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. СГУ, вып. XVII, 1947.

[2] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3, 1947.

кости коня — череп, кости передних и задних ног. На месте хребта лежало деревянное седло, к которому были прикреплены сохранившиеся железные стремена. В зубах коня были зажаты железные удила с круглыми в сечении кольцами и стержнем.

Подобные погребения были открыты нами в 1948 г. в Курпе-Байском могильнике и в местности Бек-Бике, в том числе погребение с железным пластинчатым панцырем [1]. Вся эта группа содержит погребения одного типа, который получил в степях Приаралья и Прискапия широкое распространение в период VIII—XII вв. Для выяснения этнической принадлежности указанной группы погребений необходимо учитывать данные исторических источников, локализующих в этих районах сначала огузско-печенежские, а позже — половецкие племена.

Что касается второй группы кочевнических погребений, то она хорошо известна по многочисленным памятникам Нижнего Поволжья, относящимся к эпохе Золотой Орды.

В результате работ экспедиция получила разнообразный материал, на основе которого представляется возможным проследить развитие культуры древних племен на обследованной территории, начиная с эпохи неолита — от времени охотничье-рыболовческих племен дюнных поселений, вплоть до позднего средневековья.

2. Работа в с. Горная Пролейка Сталинградской области

Работы в районе с. Пролейка являлись продолжением наших раскопок 1946—1947 гг. группы каменных курганов, известных у местного населения под названием «Царские могильницы». Курганы расположены на высоком плато Волго-Донского водораздела, в 6 км к северу от села и в 4 км к западу от правого берега Волги (между Камышином и Сталинградом).

Группа состоит из двух больших каменных курганов (диаметром до 40 м) и 10 небольших, из них два с земляной насыпью. Раскопками 1946—1947 гг. в этой группе было вскрыто 6 курганов, содержащих погребения эпохи бронзы и скифского времени. Среди инвентаря скифских погребений характерны такие вещи, как бронзовое зеркало, состоящее из большого диска, с широкой пластинчатой ручкой, бронзовые трехгранные наконечники стрел, пряслица. Указанный комплекс предметов весьма типичен для скифских погребений V—III вв. до н. э.

Для выяснения содержания больших каменных курганов в 1947 г. были начаты раскопки одного большого кургана, обозначенного нами № 6. В 1949 г. основные работы были сосредоточены на продолжении раскопок этого кургана. В центральной части кургана в течение 1947 и 1949 гг. вскрыта площадь в 625 м^2. На вскрытой площади никаких признаков могильной ямы в грунте не обнаружено. Раскопки на этом закончены с расчетом на продолжение их в будущем.

Наряду с раскопками большого каменного кургана экспедиция обследовала курганную группу, расположенную в 7 км к северо-востоку от Пролейки, и в местности под названием «Красные камни», поризвела раскопки кургана. В кургане обнаружено пять погребений. Грунтовые могилы прямоугольной формы, сверху покрытые бревнами. Во всех могилах отмечен один и тот же способ захоронения: покойники положены скорченно, на левом боку; ориентированы головой на север, руки согнуты в локтях так, что кисти расположены перед лицом. Во всех могилах одиночные захоронения. Только в одной могиле (№ 5) два скелета — подростка 10—12 лет и ребенка 4—5 лет. Погребальный инвентарь оказался бедным; при

[1] И. В. Синицын. Указ. соч. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

каждом погребении находился лишь глиняный горшок. Все горшки баночной формы и имеют прямые или слегка выпуклые стенки.

Особого внимания заслуживает горшок из могилы № 5 детского погребения. Он имеет обычную баночную форму, слегка выпуклые стенки, высота его 11 см, диаметр горла 11 см, дна — 8 см (рис. 35—5). По краю обреза венчика идет ряд глубоких вдавлений, нанесенных путем защипа пальцами. При отсутствии другого орнамента на одной стороне у верхнего края нанесены своеобразно пересекающиеся линии, представляющие ряд отдельных знаков. Знаки нанесены концом тонкой палочки на сырую глину сосуда до обжига (рис. 37). Несомненно, эти знаки имели не декоративное, а смысловое значение. Подобные знаки известны на сосудах из погре-

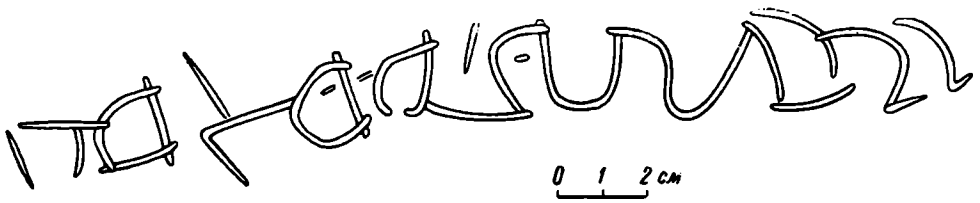

Рис. 37. Прорись знаков на сосуде из погр. № 5 у с. Пролейки

бений эпохи поздней бронзы степей юго-востока и на них неоднократно обращалось внимание [1].

Исследованные нами в районе Горной Пролейки курганные погребения относятся к ярко выраженной, этнически однородной группе погребений родового общества конца эпохи бронзы. В заключение необходимо отметить, что среди погребений, открытых в разных группах в районе Пролейки, совершенно отсутствуют погребения катакомбной культуры, столь характерные для южных астрахано-манычских степей Нижнего Поволжья и Северного Предкавказья.

---

[1] В. В. Гольмстен. Об элементах орнаментации керамики родового общества Юга СССР. Тр. Отд. ист. первобытной культуры, т. I, Л., 1941.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

С. И. РУДЕНКО

ПЯТЫЙ ПАЗЫРЫКСКИЙ КУРГАН

Раскопкой большого пятого Пазырыкского кургана и трех малых, рядовых погребений в 1949 г. закончилось исследование всей группы Пазырыкских курганов.

Курган пятый расположен особняком по отношению к остальным четырем большим курганам, в 460 м к ЮЮВ от них и на 30 м ниже. Он, как и все курганы Пазырыкской группы, имел явные следы ограбления. На выбросе грунта из грабительской воронки сформировался плотный дерновый слой.

Для сооружения этого кургана использована небольшая площадка на склоне долины р. Большой Улаган, на краевой морене, прикрытой слоем озерного песка мощностью 1,75 м, с почвенным (гумусовым) слоем толщиной около 35 см. При диаметре кургана 42 м наивысшая точка каменной его наброски была 3,75 м над уровнем верхней поверхности погребенной почвы, а в центральной, пониженной части — всего 2 м. В отличие от первых четырех курганов, к востоку от этого кургана не оказалось ряда вертикально поставленных камней. С другой стороны, по окружности пятого кургана, отступя 2,5—3 м от края каменной его наброски, на некотором расстоянии одна от другой были врыты каменные плиты. Сверх того, обнаружен ряд каменных кладок (5—7 м длиной), непосредственно примыкающих к кургану и радиально от него расходящихся.

В центральной части кургана была обширная впадина около 16 м диаметром, с выкидом земли в ее юго-восточной части. Впадина таких больших размеров, как выяснилось впоследствии, образовалась не только в результате грабительского раскопа, но и вследствие пожара во время ограбления кургана, когда в его центре выгорело несколько слоев бревенчатого навала.

Первоначальная высота земляной насыпи кургана в центре была около 1,5 м, а высота каменной наброски — около 2 м. От центра к периферии высота земляной насыпи сходила на-нет, а каменная наброска по окружности заключалась в кольце из камней высотой до 0,5 м.

Каменная наброска состояла из угловатых камней россыпи, преимущественно из красного туфо-песчаника (с глинисто-гематитовым цеплитом), собранных по склонам долины. Немало также встречалось и валунов гранито-порфировых и кварцевых, собранных на тех же склонах. В промежутках между крупными камнями в изобилии попадалась щебенка и частично речная галька.

При снятии каменной наброски раскопом, проложенным с юга к центру кургана (14 × 29 м), в наброске обнаружено впускное телесское погребение. По снятии земляной насыпи на погребенном слое почвы четко обозначились границы могильной ямы. Она имела прямоугольную форму со стенками, ориентированными по сторонам света, размером 6,65 м в меридиональном направлении и 8,25 м в широтном. На уровне верхней поверхности погребенной почвы внутри могильной ямы была уже вечная мерзлота, в условиях которой велись все дальнейшие работы.

После уборки с поверхности могильной ямы камней и грунта (песка и глины) был обнаружен пятислойный накат из бревен, положенных в широтном направлении. В верхнем слое накатки наряду с бревнами лежали массивные брусья дрожины телеги. В центральной своей части, как уже упоминалось, накат этот выгорел.

Под верхним накатом из бревен оказался слой из 50—60 камней, преимущественно из валунов, часть которых весом свыше тонны каждый; ниже снова шел трехслойный накат из бревен, положенных в меридиональном направлении. В верхнем слое этого наката, в западной его части, вместе с бревнами лежали четыре бруса с выдолбленными отверстиями, повидимому также дрожины телеги, и 7 обрубков таких же брусьев.

Грабительский ход четко обозначился уже в верхнем слое нижнего наката из бревен, где было прорублено 8 бревен и северные их концы вынуты. Получилось отверстие 1,45 × 1,90 м. Непосредственно под нижним накатом бревен был наружный потолок двойной камеры, прикрытый берестяным полотнищем. В этом потолке грабители прорубили 5 бревен, получив лаз 89 × 93 см; во внутреннем потолке они прорубили только 2 бревна, лаз сузился до 43 × 90 см. Огонь, о котором упоминалось выше, проник до верхнего, наружного, потолка камеры, над которым к СВ от грабительского лаза выгорел участок берестяного полотнища 0,7 × 2,0 м и обуглилась поверхность 11 бревен. Все данные указывают на то, что огонь был разведен грабителями в центре кургана после того, как они разобрали каменную наброску и прошли земляную насыпь. Если бы бревна горели до ограбления кургана, то в грабительском выбросе вместе с землей обязательно встретились бы и угли. Между тем, в последнем не обнаружено и следов углей. Повидимому, встретившись с мерзлотой, грабители для облегчения работы развели огонь в центре кургана, на бревенчатых накатах.

Размеры могильной ямы уменьшались ко дну, особенно за счет северной ее части, и площадь дна была 5,85 × 8,0 м; глубина ямы 4 м. На дне ямы была поставлена бревенчатая с двойными стенками и, как уже было отмечено, с двойным потолком погребальная камера. Камера из бревен лиственницы строилась где-то вдали от места захоронения. До перевозки все ее бревна были тщательно размечены насечками топором. Оба сруба собирались в могильной яме одновременно. На дне ямы сперва был поставлен нижний венец наружных стен камеры; затем был настлан пол из 13 тесаных лиственничных плах. На них был положен нижний венец внутреннего сруба. В дальнейшем последовательно накладывались второй венец наружного сруба, за ним второй венец внутреннего, затем третьи, четвертые венцы и т. д.

То, что постройка велась таким именно путем, вытекает из следующих наблюдений. Сруб внутренних стен камеры был настолько плотно вставлен в наружный сруб, что торцы бревен внутреннего сруба упирались в бревна наружного. При извлечении из кургана внутреннего сруба многие его бревна не могли быть вынуты вследствие того, что они, хотя и незначительно, прикрывались бревнами вышележащего венца наружного сруба. Чтобы извлечь бревна внутреннего сруба, приходилось подтесывать изнутри бревна вышележащего венца внешнего сруба. Наружный сруб (3,6 × 6,8 × 1,9 м)

состоял из 10 венцов, внутренний (2,35 × 6,05 × 1,40 м) — из восьми венцов. Стены внутреннего сруба изнутри были отесаны. Внутренний сруб был покрыт потолком из 14 бревен, внешний — из 19. Сверху камера была закрыта в два слоя двойным берестяным полотнищем 5,2 × 8,2 м. У южной и у северной стенок погребальной камеры стояло по три столба, на которых лежали толстые балки, поддерживающие вышележащие навалы из бревен и камней.

После освобождения погребальной камеры от заполнявшего ее льда и камней с землей, насыпавшихся в камеру через грабительский лаз, выяснилось, что грабители забрали из нее все, что возможно, за исключением тел погребенных.

Стены камеры внутри были покрыты тонким войлочным ковром, закрепленным по верхнему краю, а в пазу между двумя верхними венцами сруба — деревянными гвоздями-колышками. Хотя ковер этот был сорван со всех стен и уцелели только незначительные его клочья, все же по этим остаткам можно составить представление о его первоначальном виде. Он был большой, из тонкого белого войлока; на лицевой поверхности в технике апликации был нашит по краям бордюр довольно сложного орнамента, а на фоне последнего были многокрасочные изображения птиц, крылатых и рогатых львов с человеческим туловищем.

В саркофаге-колоде, выдолбленной из цельного ствола лиственницы (длиной 5 м, высотой 0,5 м), типа, известного по раскопкам первых четырех Пазырыкских курганов, в западной половине лежали одно над другим тела погребенных. Тело мужчины лежало на спине головой на восток; поверх него грабителями было положено тело женщины, также на спине и головой на восток. Колода была прикрыта крышкой с отломленным краем, положенной слегка вкось так, что закрывала тела мужчины и женщины, за исключением головы последней.

Колода с крышкой, стоявшая у южной стенки погребальной камеры, при захоронении была прижата сверху 7 обрубками бревен, вставленными в специально прорубленное в южной стенке окно. Грабители, прикрыв колоду крышкой, задвинули ее под этот «клин».

Несомненно, что в то время, когда грабители проникли в погребальную камеру, она была свободна от льда и заполнилась им только впоследствии.

Тела погребенных сохранились хорошо. Мужчина и женщина скорее европеоидного типа, чем монголоидного. Волосы у них мягкие: у мужчины — слегка вьющиеся, темные; у женщины — темнорусые. Лица узкие и длинные, особенно у мужчины, с резко выступающим носом с горбинкой. Голова мужчины, за исключением затылка, обрита; обрита и голова женщины, только на макушке оставлена косичка. Оба тела оказались мумифицированными, причем один и тот же метод бальзамирования, за исключением некоторых деталей, был применен к обоим телам. Из трепанированных черепов удален мозг; через прорез на животе, от ребер до паха, вынуты внутренности. Кроме того, через специальные разрезы на груди, спине, на руках и на ногах удалены все мышцы тела так, что остались только скелеты в коже. Там, где телу нужно было придать соответствующую форму (шея, грудь), по извлечении мышц под кожу подложен конский волос. Все разрезы на коже, после проделанной операции, зашиты витым из конского волоса шнуром.

На голове женщины был своеобразный деревянный крытый кожей головной убор. В круглые отверстия последнего продета женская косичка; она обмотана вокруг жгута, свитого из конского волоса и узких полосок кошмы, сколота железной булавкой; на конце привязана коса из волос погребенной.

В камере обнаружены следующие вещи: две половины (одна целая) одностороннего барабана из бычьего рога, точно такого же, какой был найден во втором кургане; два древка хорошо нам известной по раскопкам того же второго кургана «шетиноги» — части приспособлений для курения конопли; шкуры овцы и козы; небольшая войлочная подушечка, набитая оленьим волосом; козий рожок с деревянной ложечкой внутри; деревянные ножки от трех низеньких столиков и часть крышки от одного из таких столиков; часть войлочного чулка; черепок от горлышка глиняного кувшина; прямоугольная доска с ремнями на коротких ее сторонах. При разборе пола в щели между двух плах найдена оброненная, видимо, грабителями большая биконическая бирюзовая бусина. В колоде и возле нее найдено большое количество семян посевного кориандра.

Из находок 1949 г. в камере, помимо остатков настенного ковра и тел погребенных, особого внимания заслуживает шкура домашней козы. До этого не было находок костей домашней козы и тем более ее шкур, и не было уверенности, входила ли она в состав стад домашних животных. Теперь в этом нет никаких сомнений. Масть ее была серая, пух чрезвычайно тонкий.

Конское захоронение в северной части могильной ямы представляло достаточно сложную картину. Размер этой части могильной ямы оказался недостаточным для того, чтобы уложить в нее за пределами камеры все, что требовалось. Подпочвенный глинистый грунт не весь был вынут, и площадь дна получилась меньше, чем площадь этого участка могильной ямы вверху. В результате, за камерой получилась сравнительно узкая площадка дна, и уложить конские трупы так, как они укладывались в первых четырех курганах, не представлялось возможным. Кроме того, туда же надо было уложить большую четырехколесную повозку, две телеги, конскую упряжь, лестницу и другие вещи. В северном секторе могильной ямы были помещены девять сравнительно хорошо сохранившихся трупов коней, два ковра, части повозки и телег. Из девяти коней пять были верховые, захороненные с уздами и седлами, четыре упряжные; с последними были положены только узды. В восточной половине ямы один на другом были положены три коня, в западной — два рядом; между ними за средним столбом — еще один конь в продольном направлении и к западу от него — конь в поперечном направлении. Последние два коня были уложены в северо-западном углу могильной ямы за столбом. Кони разномастные, с преобладанием рыжих и гнедых, разновозрастные, все с подстриженными гривами, черными подстриженными хвостами, заплетенными в три пряди. Посередине хвостов имелись кожаные крытые золотым листком повязки.

При обследовании лошадиных трупов выяснилось, что все они принадлежали меринам: среди них нет ни одного принадлежащего кобылице или жеребцу. На их ушах имелись частновладельческие метки нарезами. За исключением одного, хорошо упитанного головного коня, все прочие оказались тощими. Отсюда можно заключить, что захоронение было весной или в начале лета.

Помимо узд и седел с их нагрудными и подхвостными ремнями, при каждой лошади под седлом лежал еще и чепрак. Удила все были железные, того же двусоставного типа, что и в первых четырех курганах. У одной из лошадей, кроме того, был кожаный нагривник и кожаная «маска» с навершием в виде вырезанной из дерева и окрашенной в красный цвет головы оленя с приставленными кожаными рогами.

В северном же секторе могильной ямы, над лошадьми, помимо уже упоминавшейся лестницы, выделанной из цельного бревна, были положены цельные колеса с осями от телеги, большие со ступицами и многими спицами колеса и оси специальной повозки, дышловое приспособление для

Рис. 38. Деревянные украшения конской сбруи. Пятый Пазырыкский курган

1, *2* — уздечные подвески; *3* — седельная подвеска; *4* — украшение подхвостного ремня; *5* — псалия уздечная

упряжки, плетенка с четырьмя привязанными к ней войлочными скульптурными фигурами лебедей, набитыми оленьим волосом, бархатный стриженый ковер и огромный (4,5 × 6,5 м) войлочный ковер.

Остановимся вкратце на описании перечисленных вещей.

Уэды и седла такого же типа, как и в третьем кургане. Большой удачей раскопок 1949 г. была прекрасная сохранность седел. После раскопок третьего и четвертого курганов было ясно, что седла этих курганов существенно отличаются в деталях (в частности высотой лук) от седел первого и второго Пазырыкских курганов. Появились новые типы роговых и деревянных седельных накладок, но не для всех из них было выяснено место закрепления на седле. Теперь нам в деталях известны типы узды и седла не только в пятом, но и в третьем и четвертом курганах. Уэды в пятом кургане сделаны из сложенных вдвое и прошитых вдоль сухожильной ниткой тщательно выделанных ремней. Псалии и наборы уздечных украшений все деревянные, крытые листовым золотом (рис. 38).

Седла пятого кургана отличаются большими и высокими луками, верхние края которых покрыты вырезанными из кожи накладками и дужками. У всех седел между луками имеются специальные деревянные распорки, которые находили и ранее (Шибе, Каракол), но назначение их не было понято. Распорки эти удерживались на месте ремнями, связывающими спереди и сзади седельные подушки. Особенностью седел пятого кургана является и закрепление подхвостного ремня в особых широких седельных ремнях; этим достигалась возможность укорачивать или удлинять подхвостный ремень. В конечном счете седла пятого кургана являются значительно более усовершенствованными, чем седла первых двух Пазырыкских курганов.

Вырезанные из дерева уздечные и седельные украшения весьма разнообразны (рис. 38). Узды четырех упряжных коней имеют совершенно одинаковые украшения, мотив которых — круглая полушарная бляха или бляха с полушарной выпуклостью в центре. Украшения узд и седел верховых коней много разнообразней. Среди них головки грифа, льва или тигра, сайги (украшения псалий). Головки сайги, львиные или тигровые, целые фигуры тигров, оленьи фигуры с вывернутым задом и приставной скульптурной головой украшают конскую упряжь. Фигуры лосей с вывернутым задом и конские головы, вырезанные на коже седельных накладок, лосиные головы впрямь, мотивы растительные и геометрические фигуры — все это имеется на конской упряжи.

Новым элементом являются чепраки, впервые найденные в пятом кургане. Это — широкие и длинные войлочные лопасти, почти на метр спускающиеся по обе стороны из-под седла. Поверхность этих чепраков в трех случаях покрыта узором, вырезанным из разноцветного тонкого войлока в разнообразном узорном обрамлении, с бахромой или подвесками по нижнему краю. В двух случаях чепраки покрыты многоцветной переднеазиатской шерстяной тканью и шелковой китайской с вышитым на ней узором. По нижнему краю этих чепраков кисти из волос яка или шерстяные в деревянных ворворках. Каждый чепрак имеет нагрудник, узор которого соответствует, как правило, узору обрамления соответствующего чепрака.

Войлочные узоры чепраков вместе с узорами на других предметах пятого кургана представляют исключительный интерес в том отношении, что все мотивы этих узоров, да и самую технику их выполнения мы находим у казахов и киргизов, унаследовавших эту древнюю традицию декоративного искусства.

Очень интересна белая шелковая ткань типа чесучи, покрывающая лицевую сторону одного из чепраков (рис. 39). Интерес ее не только в том, что мы имеем здесь древнейшую из всех известных китайских тканей,

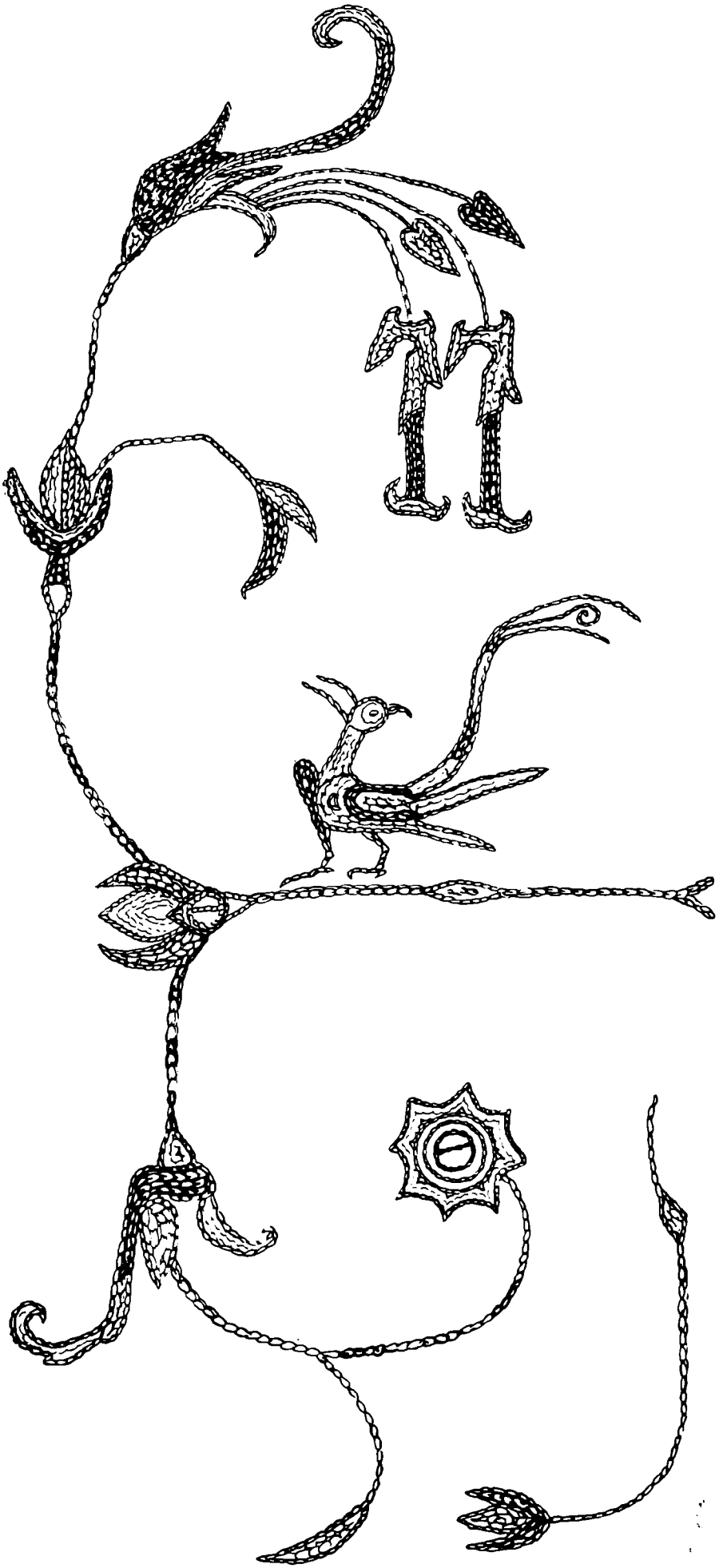

Рис. 39. Вышивка из китайской шелковой ткани с чепрака. Пятый Пазырыкский курган

но и в художественной вышивке, на ней выполненной. Разноцветными шелковыми нитками тамбурным швом вышиты великолепные деревья «удцы» с сидящими на них самцами фениксов. Самочки этой птицы в различной трактовке вышиты и на чистом фоне. По своему стилю фениксы эти близки к изображениям фениксов на китайских зеркалах династии Чжоу, ранних циньских.

Совершенно исключительную ценность представляют тончайшие шерстяные ткани с другого чепрака, выполненные в гобеленной технике. Особенно замечательны изображения львов на нагруднике, идущих один за другим в совершенно такой же трактовке, в какой мы их видим на ассирийских барельефах и в скульптуре, но чаще всего в персидских ахеменидского времени. Достаточно указать на идущих один за другим львов фриза одежды Ксеркса или на рельефе с могилы Артаксеркса II (оба памятника из Персеполя), и, наконец, на фризе из знаменитых цветных кафель (Сузы). Не менее замечательна ткань, использованная для окантовки того же чепрака. На ней мы видим в центре курильницу, по обе стороны которой стоят по две женщины в молитвенных позах с коронами на голове. Точно такие же ассирийские курильницы с колпачком на цепочке известны по их изображениям перед алтарями огня по памятникам Хорсабада и Куюнжика, позднее — на персидских цилиндрах и в барельефах Персеполя. Самое позднее изображение такой курильницы, со стоящей перед ней женщиной в короне, относящееся к первой половине V в. до н. э., мы видим на известном цилиндре из коллекции Клерка.

Неожиданной для затерянной среди гор долины р. Большого Улагана оказалась находка легкой четырехколесной повозки с оригинальной решетчатой платформой. Повозка эта на резных колонках была, видимо, крытая, но конструкция этого покрытия еще не разобрана. В повозку запрягалась четверка коней, из них — пара в дышло, со своеобразными рогатками и пара с боков на постромках, от которых сохранились вальки. Помимо такой упряжи практиковалась еще запряжка в оглобли, одна из которых хорошо сохранилась. К сожалению, хомутов или шорок не сохранилось.

Находка повозки очень важна в том отношении, что показывает, насколько был усовершенствован в данную эпоху в Горном Алтае, помимо верхового, и колесный транспорт. Повозка эта, повидимому, во время погребальной процессии была накрыта огромным войлочным ковром, который был затем брошен в могильную яму вместе с частями повозки. Ковер, несомненно, был настенным в жилище. Помимо бордюрных орнаментов на нем изображена одна и та же повторяющаяся сцена. На троне сидит изображенная в профиль богиня в длинной одежде с зубчатым головным убором на голове и с цветущей ветвью в левой руке, правая рука приподнята. Перед богиней всадник верхом на оседланном коне, с горитом у левого бока. Не входя в рассмотрение деталей этой замечательной композиции, замечу только, что ее можно сопоставить с аналогичным изображением на золотом ритоне из Мерджаны, где конный скиф предстоит перед богиней, сидящей на троне; рядом стоит дерево.

Для той цели, для которой этот ковер понадобился в погребальной процессии, размер его оказался недостаточным; поэтому к нему пришили справа полосу от другого, тоже настенного ковра, который был использован для драпировки стен погребальной камеры. Последнее дало возможность из отдельных лоскутов восстановить узор ковра и в камере. На этой полосе вверху мы имеем многокрасочные изображения задней половины птицы, а внизу изображение льва с человеческим туловищем, приподнявшегося на задние лапы. Фигура эта крылатая, с львиным хвостом между ног, оформленным наподобие «оленьих рогов»; оленьи же рога венчают и

человеческую голову. Голова с большим звериным ухом, горбатым носом и закрученными кверху черными усами. И этот мотив ведет нас к древним переднеазиатским изображениям получеловека-полузверя, но в данном случае мотив в такой степени переработан на месте, что передает только самый общий сюжет.

Нельзя переоценить находку бархатного ковра замечательной работы, который примерно на две тысячи лет старше самых древних известных нам стриженых ковров. Помимо его расцветки, растительных орнаментов, он ценен воспроизведенными на нем изображениями пасущихся оленей, грифонов и пеших и конных всадников (рис. 40). С точки зрения выяснения происхождения и датировки этого ковра наиболее показательны изображения всадников. Конь изображен с круто изогнутой шеей, подстриженной гривой, челкой в виде «султана», хвостом, завязанным узлом. Подобные детали наблюдаются на персепольских барельефах, на золотой рукоятке меча персидской работы из Чертомлыцкого кургана, на многочисленных геммах ахеменидского времени. Показательно сопоставление тех изображений, где пешие фигуры идут рядом с конем, с соответствующими изображениями на персепольских рельефах. И там и здесь мужчина идет по левую сторону коня, причем его правая рука опирается на спину коня у шеи.

Независимо от того, чьей работы этот ковер — мидийской, персидской или парфянской,— во всяком случае он средне- или переднеазиатский, его датировка V в. до н. э. вполне вероятна.

В заключение обзора находок Горноалтайской экспедиции 1949 г. следует упомянуть еще об одной, которая также имеет значение для датировки Пазырыкской группы курганов, — о китайском зеркале из шестого рядового кургана той же группы. Курган этот, судя по характеру погребального инвентаря, особенно роговых седельных накладок, современен третьему и четвертому большим курганам. Зеркало принадлежит к типу китайских зеркал, известных под названием «цинь». Китайские зеркала типа цинь очень редки в коллекциях китайских зеркал и с трудом датируются. Тем не менее, на основании анализа орнамента в виде стилизованных животных (перьев и крыльев), посаженных на этом фоне косых букв Т с парами сердцевидных листьев между ними, покрывающего весь фон тыльной поверхности зеркала, можно заключить, что перед нами одно из ранних зеркал типа цинь, относящихся к эпохе воюющих княжеств (уделов). Наиболее вероятное его время V в.— начало IV в. до н. э.

Раскопки 1949 г., завершающие исследования Пазырыкской группы курганов, оказались исключительно плодотворными. Во-первых, они значительно расширили наши представления о культуре Горного Алтая в скифское время и, во-вторых, впервые дали материал, позволяющий объективно, на основании конкретных фактов, уточнить датировку этих курганов.

До раскопок пятого и шестого курганов при определении времени сооружения Пазырыкской группы приходилось исходить из сопоставления найденных в курганах вещей с подобными же вещами, главным образом из скифских погребений Причерноморья и из сопоставления некоторых мотивов горноалтайского изобразительного искусства с мотивами изобразительного искусства Передней Азии. В настоящее время нет особой нужды в этих сопоставлениях, так как имеются подлинные импортные вещи, время которых, как было показано выше, может быть установлено с достаточной долей вероятности.

На основании исторических данных можно думать, что скифо-сакская культура в Азии слагается раньше архаического периода пребывания скифов в Европе, древнейшие памятники которых относятся к VII в. до н. э. Если в VII в. скифо-саки не только подчинили своей власти Мидию, но и продвинулись далеко в Закавказье, господствовали в Передней Азии в

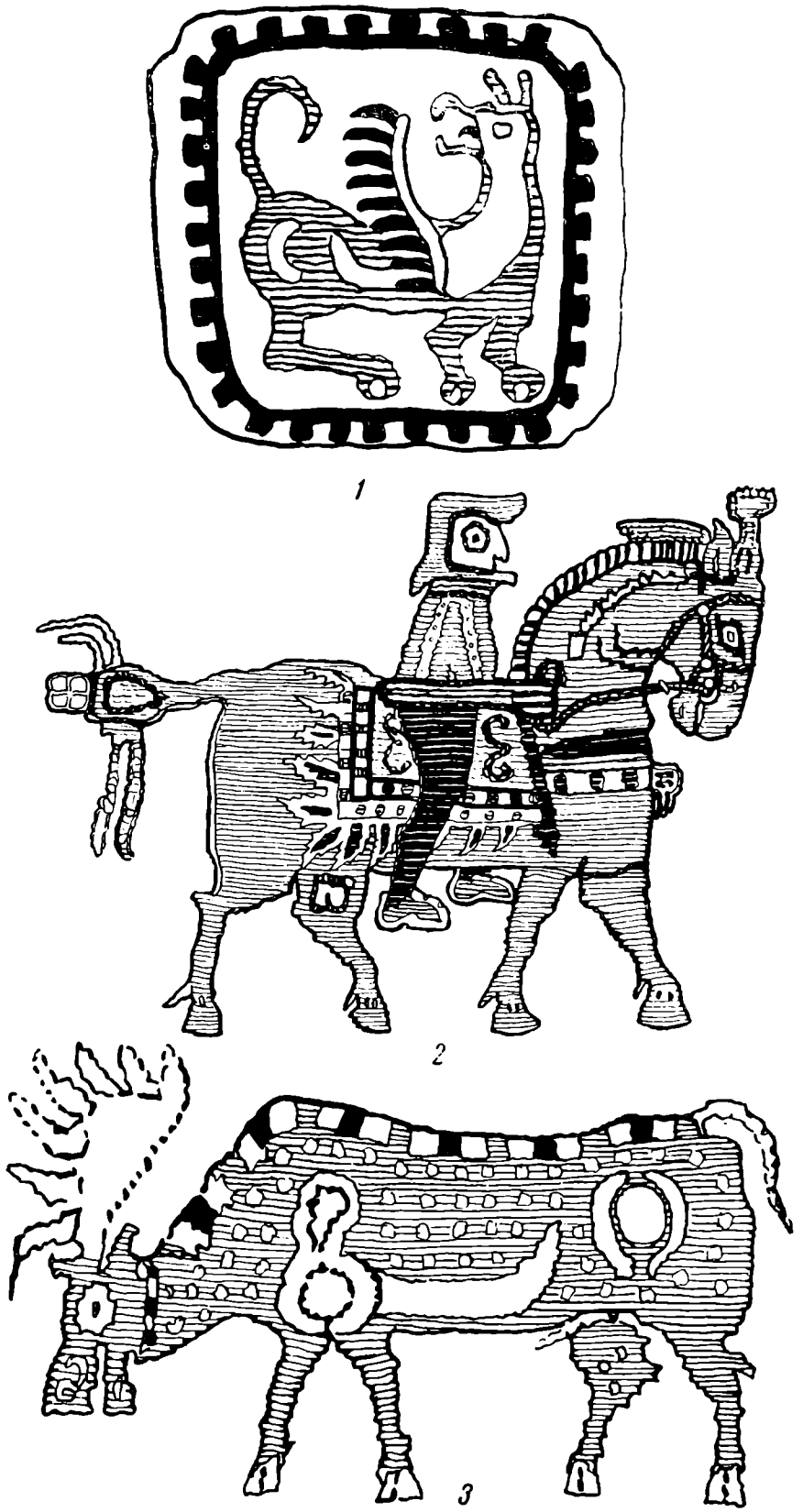

Рис. 40. Изображения на бархатном ковре. Пятый Пазырыкский курган

1 — грифон; *2* — всадник; *3* — лань

течение 28 лет, то уже тогда они должны были представлять собой мощный племенной союз с сильной военной организацией. Отсюда можно заключить, что тот общественный строй и культура, которые были характерны для скифо-сакских племен в VII в. до н. э., сформировались на основе пастушески-скотоводческого хозяйства раньше, в IX—VIII вв. до н. э. Вполне вероятно, что культура эта складывалась на обширной территории, в частности предгорий Тянь-Шаня, Тарбогатая, Алтая и прилегающих к ним с юго-запада степей. Именно здесь, в горных долинах, на границе безбрежных степей, были все условия для успешного перехода к новым формам производства, когда пастушеское скотоводство становится основным промыслом.

Время, к которому относятся Пазырыкские курганы, было, повидимому, временем расцвета скифской культуры не только на Алтае, но и в более южных областях. Не следует при этом забывать, что Алтай был все же северной окраиной скифо-сакской культуры и в своей общественной организации его население оставалось, вероятно, позади других южных сакских племен, достигших уже высшей ступени варварства, с городским населением, выделившимися ремеслами, рабами.

При единстве скифо-сакской культуры на огромном пространстве евразийских степей и предгорий должны были наблюдаться и местные племенные различия. В то время как в Азии поддерживались древние связи с переднеазиатским культурным миром, в Европе скифские племена вошли в соприкосновение с культурой греческой, оказавшей некоторое влияние, повидимому, только на высший слой скифского общества. Алтай в рассматриваемое время был связан непосредственно или через посредство соседних сакских племен с Передней Азией, о чем убедительно свидетельствуют Пазырыкские курганы.

Со временем, когда накопится больше конкретного археологического материала, из общей массы скифо-сакских племен возможно будет выделить более или менее обособленные племенные, этнические группы. Одной из таких групп будет горноалтайская.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

СКИФСКАЯ ДНЕПРОВСКАЯ ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1949 г. скифская экспедиция Института археологии АН УССР осуществила следующие работы: 1) доследовала большой курган «Сторожевая могила» около г. Днепропетровска; 2) произвела разведки в узле верховий рек Ингула, Аджамки, Ингульца и Тясмина в северной части Кировоградской обл. и небольшие раскопки предскифского городища и скифского курганного могильника в Черном лесу, близ станции Хировки, Знаменского района; 3) произвела небольшие раскопки на памятниках белогрудовского типа близ Умани [1].

Курган «Сторожевая могила» находится на правом берегу Днепра, в 18 км к югу от Днепропетровска, в 3 км к западу от с. Старый Кодак. Насыпь кургана, достигавшая 7 м высоты, была срыта во время земляных работ. К моменту доследования от нее сохранилось основание, не превышавшее 1 м высоты; при расчистке насыпи были открыты три древнеямных захоронения: основное в центре и два впускных с ямами в грунте.

Для центрального захоронения была вырыта небольшая яма неправильной формы, ориентированная по длине с ЮЗ на СВ, глубиной 70 см. Над ямой замечены следы бревенчатого перекрытия. Костяк был потревожен норами зверьков, он лежал скорченно на спине, с согнутыми в коленях ногами, свалившимися на правую сторону, головой на СВ. На плечевых костях и на кресте — пятна красной краски, у правой руки — комок такой же краски. В ногах найден зуб овцы или козы. Могилу окружало кольцо из камней, внутри которого открыт еще кладоискательский ход, не затронувший могилу.

Вторая могила впущена через насыпь в виде широкого овального котлована до грунта, в котором вырыта уже обычная могильная яма правильной четырехугольной формы. Могила покрыта хорошо сохранившимся продольным бревенчатым накатом; глубина ямы 0,9 м, ориентирована по длине с СЗ на ЮВ. Костяк лежал на спине головой на СЗ; ноги согнуты в коленях. На костях сохранились следы яркокрасной краски.

На уступе вокруг могилы лежали полусгнившие остатки деревянной двухколесной арбы. На одной стороне лежали два колеса (одно почти совсем истлело), сделанных из сплошного куска дерева, рассеченного продольно, с толстыми ступицами и круглыми отверстиями для оси.

[1] Коротке звідомлення за 1925 р. Київ, 1926, стр. 74 и след.

Наибольший сохранившийся радиус колеса 25 см. На другой стороне могилы находились прочие части повозки в виде длинных плах (возможно, от дышла) и различных мелких деревянных частей, повидимому, от кузова, из которых некоторые сохранились довольно хорошо —балясинки, столбики, палочки (рис. 41).

Третья могила прямоугольной формы углублена в грунт на 1,3 м и имеет ориентировку с запада на восток, перекрытие — продольный бревенчатый накат. Сверху накат был покрыт камышом, устилавшим и уступ вокруг могилы. Покойник был захоронен головой на запад; лежал на спине, с согнутыми и свалившимися на правую сторону ногами. На стопах ног и на голове — красная краска. Под кистью левой руки лежала обугленная с одной стороны овальная дощечка.

Погребения, открытые в «Сторожевой могиле», принадлежат к группе обычных для степного Поднепровья древнеямных и в общем повторяют тот же обряд, который довольно хорошо был выявлен исследованиями Б. Н. Гракова в курганах близ г. Никополя [1]. Это дает нам право датировать их, примерно, второй половиной III тысячелетия до н. э. Находка остатков арбы имеет большое историческое значение, так как она является древнейшим в Восточной Европе свидетельством о колесных перевозочных средствах и введении упряжки. В этом отношении с ней может сравниться только находка остатков повозки в большом кургане урочища «Три брата», около г. Степного, которую принято датировать значительно более поздним временем [2].

Глубокая древность арбы из «Сторожевой могилы» не вызывает сомнений в ее местном происхождении: последнее закономерно связано с ранним возникновением и значением здесь пастушеского скотоводства. Находка в Поднепровье арбы второй половины III тысячелетия до н. э. позволяет поставить вопрос о возможности распространения этого древнейшего перевозочного средства в пределах степной полосы Евразии. Вместе с тем находка указывает, что уровень развития древнеямной культуры был значительно выше, чем о нем можно было до сих пор судить по обычным для древнеямной культуры находкам в курганах круглодонных и остродонных сосудов, отдельных каменных, костяных орудий и редких изделий из меди.

На необходимость возобновить изучение памятников белогрудовского типа обратил наше внимание П. П. Ефименко. В 1949 г. в окрестностях Умани нами были осмотрены бугры на Белогрудовской лесной даче и в Синицком лесу, несколько западнее с. Кочержинцы, причем в последнем и около с. Краснополки проведены разведочные раскопки.

В Синицком лесу на площади до 750 м в поперечнике насчитывается 25 бугров белогрудовского типа — плоские земляные возвышения, напоминающие небольшие курганы (диаметр 15—20 м, высота 0,5—0,6 м), в качестве которых они и были освещены в литературе при первоначальных исследованиях [3]. Частичными раскопками одного возвышения (на площади в 48 м^2) установлено, что в буграх белогрудовского типа под дерновым слоем залегает сплошной культурный слой средней насыщенности, содержащий золу, угольки, обломки глиняной посуды, пряслица, отдельные кремневые и каменные орудия, небольшое количество костей животных, мелкие гранитные камни, зернотерки. Толщина культурного слоя 25—30 см. Под центром возвышения находились три открытых очага.

---

[1] Б. Н. Граков. Археол. раскопки близ Никополя. ВДИ, № 1, 1939, стр. 272.

[2] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, т. X, 1948, стр. 143 и след.; ср. Б. А. Куфтин. Археол. раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 95 и след.

[3] Коротке звідомлення за 1925 р., Київ, 1926, стр. 74 и след.; Коротке звідомлення за 1926 р., Київ, 1927, стр. 79 и след.

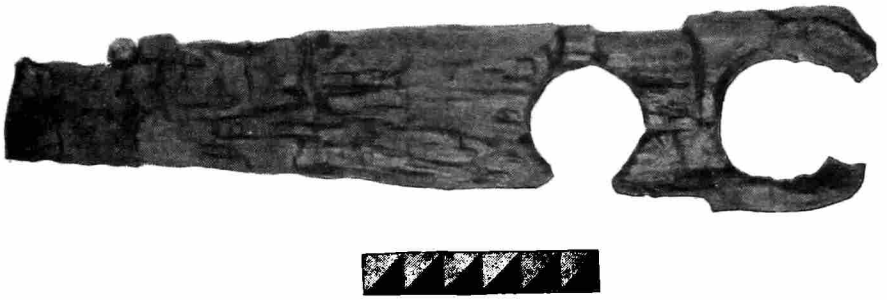

Рис. 41. Деревянная деталь (вверху) и колесо от арбы (погр. № 2 в Сторожевой могиле близ Днепропетровска)

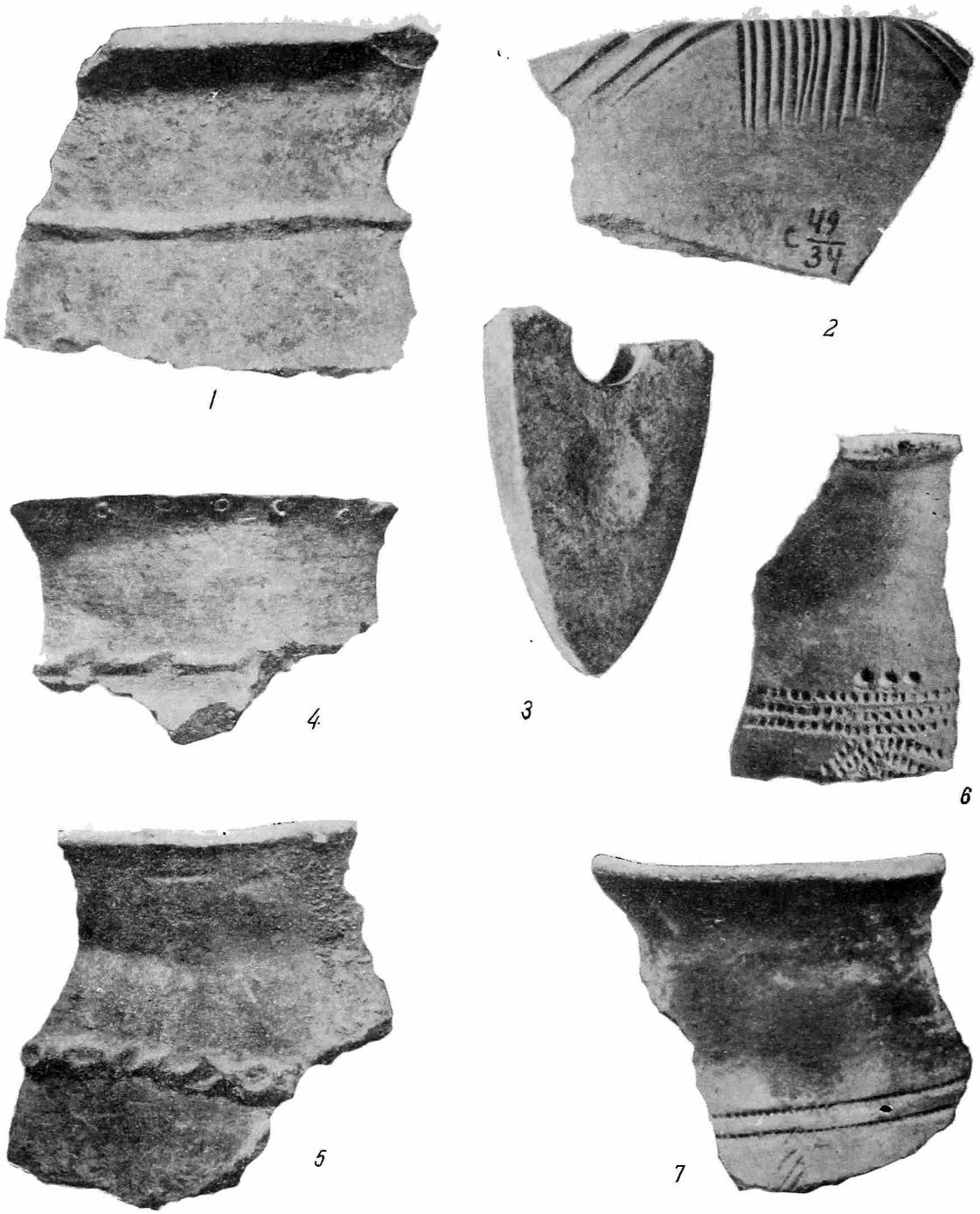

Рис. 42. Керамика и обломок каменного топора

1, 2 — с поселения в Синицком лесу, близ г. Умани; *3* — обломок каменного полированного топора с того же поселения; *4—7* — из зольника во II укреплении Чернолесского городища

Чаще всего в культурном слое встречались обломки сосудов в виде высоких банок со слегка выпуклым корпусом, чуть выделенной горловиной и несколько отогнутым краем, в большинстве случаев украшенных по плечику треугольным или овальным в сечении налепным валиком (рис. 42—*1, 2*). Валик гладкий и в отдельных случаях имеет редкие пальцевые вдавления, концы его иногда заходят наискось один за другой или загибаются вниз. Поверхности таких сосудов шероховатые. В небольшом количестве найдены обломки глубоких блюд с профилированными стенками и отогнутым наружу краем, обломки маленьких кружечек с ленточными ручками и каких-то сосудов с низким, но сильно выпуклым корпусом. Все сосуды более или менее тщательно залощены, причем сосуды последнего из описанных типов украшены глубоким мелкозубчатым чеканом. Многочисленны обломки от миниатюрных грубо вылепленных сосудиков, на одном из которых имеется пиктограмма, прочерченная по плечику. Возможно, что миниатюрные сосудики составляли принадлежность жертвоприношений.

Глиняные пряслица отличаются значительным разнообразием форм. Обычны маленькие лепешечки. Из кости делались проколки. Из кремня изготовлялись, повидимому, в основном вкладыши для серпов; часто попадаются кремневые осколки, указывающие, что эти орудия изготовлялись на месте. Интересен обломок каменного сверленого топорика (рис. 42—*3*).

Небольшие раскопки были проведены на поселении у с. Краснополки, обнаруженном при закладке почвенного шурфа студентами Уманского с.-х. института. Культурный слой здесь залегал на глубине 0,5—0,7 м и содержал довольно обычные культурные остатки белогрудовского типа. Среди находок важен кусочек сыродутного шлака, содержавший 58% железа.

Учитывая данные имеющихся публикаций и результаты проведенной работы, можно сделать несколько заключений. Бугры белогрудовского типа, интерпретированные ранее как погребальные курганы, на самом деле представляют собой возвышения, образовавшиеся на местах древних наземных жилищ. Вопрос о конструкции этих жилищ остался пока открытым. В соответствии с таким выводом, совокупности подобных бугров следует рассматривать, как остатки поселений.

Новые материалы не оставляют сомнения в том, что белогрудовский этап восходит к предскифскому времени и должен изучаться в круге памятников ранне-киммерийского возраста, а именно поселений типа, который представлен памятником на берегу Белозерского лимана, у с. Каменки в Запорожье [1], поселением Сабатиновка II на среднем течении Южного Буга (раскопки А. В. Добровольского), поселениями на Днепре у порогов [2], памятниками позднекомаровского типа [3] и ранневысоцкой культуры [4]. Синхронность указанных памятников определяется наличием в составе их инвентаря простой посуды с валиковыми налепами, распространением лощеной посуды протоскифского типа. К белогрудовским блюдам и мискам восходят, повидимому, подобные же сосуды с отогнутым краем, известные по материалам с Немировского городища конца VII в.

В материальной культуре сказывается острый недостаток в металлах, который компенсируется применением отживавших уже на юге свой век кремневых и каменных орудий. Тем не менее это явление, повидимому, не говорит об отсталости ее, что подтверждается находкой железного шлака на поселении у Краснополки. Железный шлак на поселении белогрудов-

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 76 и след.

[2] А. В. Добровольский. Камьяні спорудження в Надпоріжжі. Археол. пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 191 и след.

[3] Tadeusz Sulimirski. Kurhany Komarowskie. Złoty Szlak. Stanisławów, 1939.

[4] Его же. Kultura Wysocka. Kraków, 1931.

ского типа нельзя считать какой-то случайностью. Это явление стоит в прямом соответствии с общим своеобразием путей развития материальной культуры в конце бронзового века на юге Восточной Европы, где почти полное отсутствие местных месторождений меди еще в довольно раннее время толкает к самостоятельным поискам заменителя ей в виде железной руды (поселение срубной культуры близ Воронежа).

Наши суждения о хозяйстве носителей белогрудовской культуры, как и о других сторонах их жизни, могут иметь пока лишь предварительный характер. Обращает на себя внимание большое количество находок кремневых вкладышей для серпов (4 вкладыша на раскоп в Синицком лесу), указывающее на существенную роль земледелия. Повидимому, на это же указывают и остеологические материалы. Кости коров, овец, свиней и лошадей встречаются в слоях в таком небольшом количестве, что есть основание думать о большей роли в питании земледельческих продуктов, чем продуктов скотоводства. Совершенно незначительную роль могла иметь охота.

Разведками в верховьях рек Ингула, Аджамки, Ингульца и Тясмина обнаружены крайне незначительные следы стойбищ эпохи неолита и бронзового века. Возможно, что это объясняется промежуточным положением данных районов между областями распространения на западе и северо-западе племен трипольской культуры и областями охотничьих и пастушеских племен на востоке. Изредка встречались остатки небольших поселений предскифского времени, сборы на которых дали обломки глиняной посуды с валиковыми налепами. Основную массу открытых поселений составили поселения с культурными остатками времени полей погребений черняховского типа. Скифские же памятники оказались сконцентрированными в Черном лесу, около ст. Хировки.

Главным объектом изучения явилось большое городище на правом берегу речки Чернолески, укрепленное тройственной системой валов и рвов, построенных с целью использования обрывистых в древности оврагов: первым и наименьшим по размерам укреплением занят маленький мыс между двумя оврагами; вторым поясом укреплений, состоящим из двух параллельных валов, соединяются вершины тех же оврагов; третий вал, прослеживаемый не на всем протяжении, охватывает укрепления с напольной стороны, так что общая площадь городища достигает примерно 2 км в поперечнике. На площади между вторым укреплением и внешним валом расположен обширный курганный могильник, в котором насчитывается свыше 250 насыпей, таких скученных, что они местами просто сливаются между собой.

На площадке первого укрепления открыт культурный слой конца бронзовой эпохи, в котором сохранились следы поселения, существовавшего до времени сооружения укрепления (последнее установлено специальной шурфовкой вала этого укрепления). Слой, залегая на небольшой глубине, содержал много костей домашних животных и мелкие обломки глиняной посуды с поверхностями, покрытыми гребенчатой штриховкой и украшенными валиковыми налепами с вдавлениями пальцами, косыми нарезками и прочими простыми узорами. Характерно помещение валика под венчиком, что наблюдается на некоторых поселениях конца бронзы в районе порогов Днепра и, в частности, на поселении № 12 на р. Обиточной в Приазовье, исследование которого было начато О. А. Граковой в 1949 г.

Площадь, ограниченная вторым укреплением, частично выходящим на древнюю лесную поляну, почти сплошь занята большими зольниками различной конфигурации; высота зольников достигает 0,5—1,0 м. На одном зольнике произведены раскопки (152 м^2), давшие довольно значительные по количеству культурные остатки. Преобладающую массу их составили обломки простых сосудов (рис. 42—*4*—7) в виде высоких банок с слегка

отогнутым краем, украшенные всегда по плечику налепным валиком с вдавлениями пальцами, нарезками, изредка без них. Есть валики с несомкнутыми, наискось заходящими или волютообразно загнутыми концами, Есть обломки таких же сосудов без валиков, украшенных по плечику рядом вдавлений пальцами. Часто встречались обломки мисочек и блюд с загнутым внутрь краем. Чаще всего они бывают лощеными, иногда у них по краю снаружи имеются чуть заметные косые желобки (гофрировка).

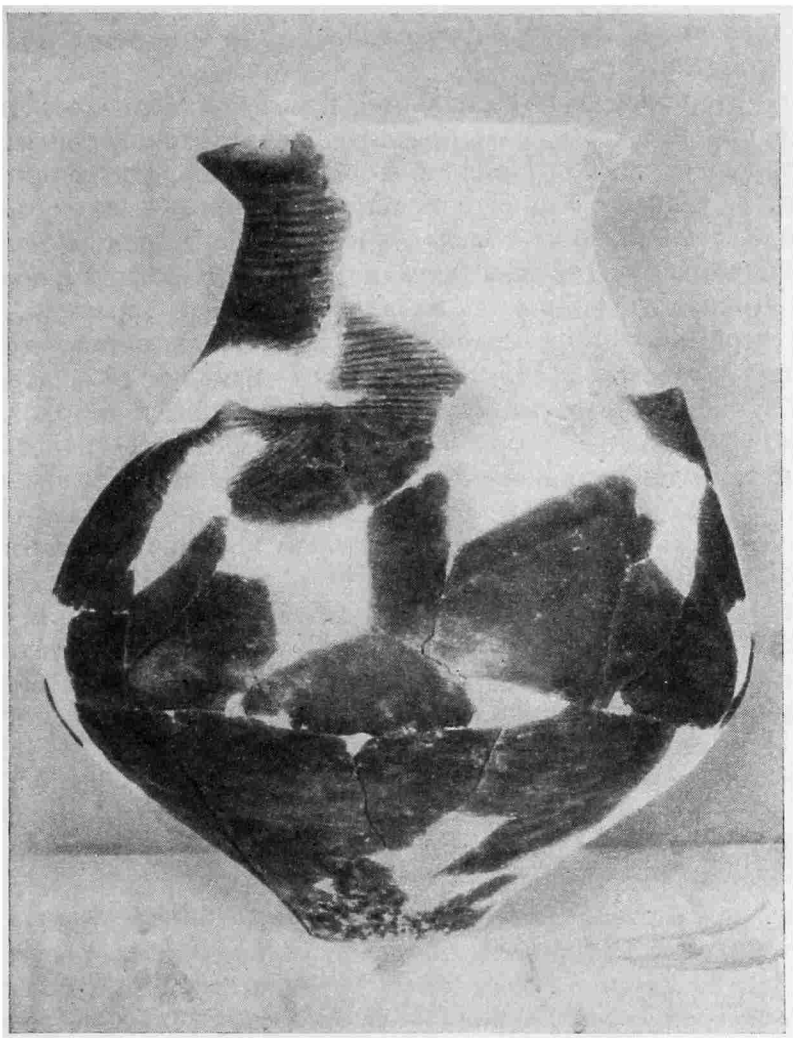

Рис. 42а. Черный лощеный сосуд из Чернолесского городища

Как те, так и другие сосуды украшались по краю круглыми сквозными проколами, причем у горшков часто очень грубыми.

Сосуды других форм более редки. К их числу принадлежит один черный лощеный сосуд с маленьким донцем, очень большим выпуклым корпусом и высоким коническим горлом с горизонтально желобчатой поверхностью; по плечикам сосуд украшен четырьмя крупными сосковидными выступами (рис. 42а). Высота его 57 см. Среди прочих упомянем обломки лощеных сосудов (круглотелых и черпаков), которые украшены чаще всего геометрическими узорами, нанесенными, как правило, зубчатым чеканом и, редко, нарезками. Несколько в меньшем количестве, чем на поселениях белогрудовского типа, встречаются грубые миниатюрные сосуды; пряслиц почти нет.

Самыми обычными изделиями из кости являются тупики, сделанные из челюсти коровы, есть отдельные лощила и проколки. К числу одиночных находок принадлежат зернотерки, песчаниковые точильца. Попадались осколки кремней, из которых один является обломком вкладыша для серпа, какие обычны для Белогрудовки.

В стаде домашних животных, судя по костным остаткам, первое место занимал крупный рогатый скот, за ним следуют лошади, свиньи; овцы и козы стояли на последнем месте. Кроме того, есть кости собак и оленей.

На признаках, связывающих Чернолесское городище с памятниками белогрудовского типа, мы не останавливаемся — они ясны из приведенных выше характеристик.

С другой стороны, в материальной культуре Чернолесского городища имеются все признаки, которые принято считать характерными для скифской культуры среднего Поднепровья, начиная со второй половины VII в. до н. э. Однако они еще крайне архаичны — валик, например, помещается только на плечике сосуда, а небольшие лощеные сосуды украшаются преимущественно зубчатым чеканом, а не нарезным, который становится здесь господствующим с начала скифского времени. Совершенно одинаковый керамический комплекс дает нам Залевкинское городище близ г. Смелы, на котором П. Н. Третьяковым найден замечательный предскифский клад бронзовых изделий [1]. Залевкинское и Чернолесское городища можно датировать второй половиной VIII в.— первой половиной VII в. до н. э. Имея одинаковый возраст с Каменномостским могильником в Кабарде, исследованным в течение последних лет Е. И. Крупновым, они составляют остававшееся до сих пор неизвестным связующее звено между сабатиновско-белогрудовскими памятниками конца бронзового века и памятниками собственно скифской эпохи. Важное историческое значение этих древнейших на нашем юге городищ, вероятнее всего, было вызвано движением кочевых скифов с востока в Северное Причерноморье и их борьбой с киммерийцами и другими оседло-земледельческими племенами Поднепровья.

В курганном могильнике Чернолесского городища раскопано пять погребений. Все они были разграблены кладоискателями. Неразрушенные погребения обнаружены только в полах и даже между курганами: два детских и три взрослых. Покойники сопровождались крайне незначительным количеством предметов, как то: бусами, бронзовыми браслетами, серьгами, горшком и амфорой. Судя по этим предметам, погребения можно датировать IV в. до н. э. Костяки в могилах лежали в вытянутом положении, а один (без вещей) лежал в сильно скорченном положении на боку; по времени он, повидимому, может быть поставлен в связь с древнейшим периодом жизни городища.

Место поселения, которое относилось бы к одному времени с главной массой захоронений в курганах, на площади городища найти пока не удалось.

---

[1] П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні Росі і Тясмину. Археологічні пам'ятки УРСР, том I, Київ, 1949, стр. 230.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

И. И. ЛЯПУШКИН

ПОСЕЛЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ ДЕР. ПОЖАРНАЯ БАЛКА, ПОЛТАВСКОЙ ОБЛ.

Полевые работы Днепровской левобережной археологической экспедиции 1949 г. являются новым этапом в изучении Левобережья. От разведочных работ экспедиция перешла к углубленному изучению памятников путем раскопок. Начато исследование поселения зольничного типа скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл. и района, открытого экспедицией в 1946 г.

Поселение с хорошо выраженными внешними признаками в виде курганообразных зольных насыпей (зольников) находится на правом берегу р. Ворсклы, в 1,0—1,5 км к юго-западу от деревни. В границах поселения и за его пределами — курганный могильник (рис. 43а).

При исследовании поселения экспедиция ставила, помимо задач общего порядка (изучение хозяйственной, общественной и духовной жизни населения), также задачи частные: а) изучение образования зольников; б) выяснение места зольников в системе поселений раннескифского времени.

Участок, подвергнутый раскопкам, включал в себя два зольника, межзольничную площадку и курган. Всего вскрыто около 480 м^2. На всей площади раскопа прослежены культурные отложения, однако мощность их и насыщенность культурными остатками не везде одинакова. Наиболее обильно они выступают в зольниках, представляющих собой полусферические линзы, состоящие из зольных отложений с включением большого количества самых разнообразных культурных остатков. Наибольшая мощность отложений здесь достигает 1,5 м (в центре зольника). На участке между зольниками культурный слой не превышает 0,5 м и по существу является почвенным слоем с незначительным содержанием культурных остатков. Последние, как в зольниках, так и на участках между зольниками, принадлежат к одному раннезольничному культурно-хронологическому комплексу.

Основную массу культурных остатков на поселении составляют обломки глиняной лепной посуды. По технике выделки она делится на две группы — лощеную и без лощения. Остатки лощеной посуды составляют не менее 25% общего числа просмотренных обломков. Качество лощения далеко не одинаковое. Черные сосуды имеют прекрасное лощение. Некоторые из них по своему общему облику напоминают чернолаковые греческие сосуды. Лощение светлых сосудов (желто-красных и серых) значительно хуже. Иногда даже трудно проследить разницу между сосудами лощеными и без лощения.

Подавляющее большинство остатков черной лощеной посуды относится, по-видимому, к столовым сосудам: мискам с загнутым внутрь краем; ковшам с высокими рогатыми ручками и округлым дном; сравнительно крупным ребристым (биконическим) сосудам с широким плоским отогнутым венчиком и некоторым другим, пока не установленным формам. Среди обломков черных лощеных сосудов имеются обломки «друшлаков».

Многие сосуды этой группы, особенно ковши, украшены врезным геометрическим орнаментом, часто инкрустированным белой пастой [1]. На поверхности некоторых сосудов иногда встречаются выпуклости в виде валиков, сосочков, ушек и т. п.

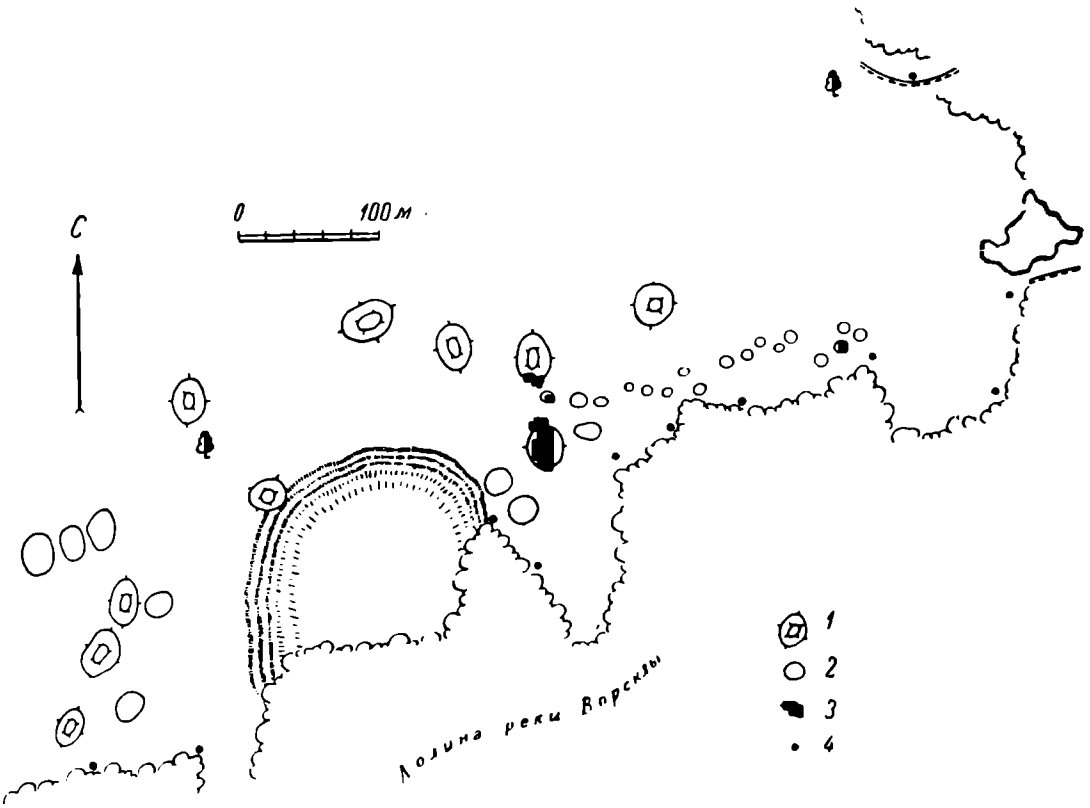

Рис. 43а. План поселения и курганного могильника близ дер. Пожарная Балка
1 — зольники; *2* — курганы; *3* — раскопы; *4* — межевые знаки лесной дачи

Остатки светлой лощеной посуды принадлежат не только столовым сосудам, но и сосудам для хранения продуктов и кухонным горшкам. В большинстве случаев это обломки крупных сосудов, часто украшенных налепным валиком и сквозными отверстиями. В каком соотношении находятся эти две группы лощеных сосудов — одновременны они или нет, сказать пока трудно.

Подавляющее большинство остатков нелощеной посуды относится к кухонным сосудам, преимущественно горшкам самых различных размеров. Форма их довольно однообразна. Они плоскодонные, со слабо выраженной шейкой, переходящей в слегка выпуклые стенки. Наиболее характерны для них — сквозные отверстия и налепной валик ниже края венчика [2].

---

[1] В. А. Городцов. Дневник археол. исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 154 и след., табл. I, рис. 1—3.

[2] Там же, табл. I, рис. 5, 9.

Валик чаще всего орнаментирован щипками. Край венчика иногда бывает также защипан. У некоторых сосудов валик располагается несколько ниже шейки, на месте перехода к туловищу. Некоторые сосуды не имеют налепного валика, а только сквозные отверстия. Есть и такие, у которых нет и сквозных отверстий. Последние два типа не имеют широкого распространения и не являются особенностью только этого периода, а бытуют и позже. Цвет большей части нелощенных сосудов светлый — красный, оранжево-красный, темножелтый, бурый. Некоторые сосуды в изломе имеют черную полосу, вследствие недостаточности обжига. Глина сравнительно чистая, с незначительной примесью дресвы. Незначительное число обломков доньев имеет отпечатки ткани.

Значительное место среди культурных остатков занимают всевозможные поделки из глины — пряслица, грузики, пуговицы, катушки и другие предметы, не всегда понятные по своему назначению.

Численно первое место среди этих вещей занимают пряслица и грузики. По форме они довольно разнообразны — конические и биконические, усеченные, шаровидные, чечевицеобразные. Высота их 2,5—3,0 см, диаметр основания 2,5—4,0 см.

Меньшим числом представлены пуговицы. Это — сравнительно плоские, округлые в плане, глиняные поделки (диаметром 3—4 см), с двумя сквозными отверстиями в центре (диаметром 3—5 мм). Как и грузики, они сделаны из более или менее чистой глины. Поверхность их часто орнаментирована насечками.

Катушек, или шпулек, найдено немного. Это — небольшие округлые в сечении стерженьки, несколько утолщенные на концах. Длина их около 3,4—4,0 см, сечение концов около 2,0—2,5 см, сечение в средней части около 1,5 см.

Кроме поделок хозяйственного назначения найдена одна фигурка животного, повидимому, медведя. Назначение — неясно.

Поделки из глины были найдены на всех участках раскопа. Основная масса их связана с зольными отложениями. За границами зольников найдено всего лишь несколько пряслиц-грузиков.

Мало найдено поделок из кости. В их составе несколько скребел, или тупиков, из челюстей крупных животных, проколок, кнопка от конского снаряжения, обломок псалия, украшенного резной головкой грифона с бараньими рогами, и обломок костяной поделки неизвестного назначения с тремя сквозными отверстиями.

Из металлических вещей найдено: а) три бронзовых втульчатых наконечника стрел скифского типа; один из них двухлопастной, с овальной головкой и шипом и два — трехлопастные; б) бронзовая шпилька, длиной 14 см с плоской головкой; в) два обломка железных ножей; г) несколько невыразительных обломков железных острий (иглы, шилья и т. п.).

Изделия из камня представлены обломками точильных камней (преимущественно из сланца и песчаника), пращевыми камнями шаровидной формы, диаметром около 5 см. Кроме того, найдено два обломка каменных блюд (бортики) и один обломок зернотерки.

Второе место по количеству среди находок занимают кости животных. В подавляющей своей массе это кухонные отбросы, в силу чего значительный процент их оказался непригодным для научной обработки. Всего определено около 2000 костей. На основе этих данных установлено, что в составе животных домашние животные составляют 87—88%, дикие 12—13%. Домашние животные по числу особей распределяются следующим образом: мелкий рогатый скот — 28%, свинья — 28%, крупный рогатый скот — 16,8%, лошадь — 13,6%, собака — 12,8%, осел (?) — 0,8%. Из состава диких животных следует отметить благородного оленя, косулю, бобра, лисицу, зайца-русака; из птиц — серую утку и серую куропатку.

Обращает на себя внимание наличие среди костных остатков костей человека. Последние совершенно целые, чем резко отличаются от костей животных. Кости человека найдены на всех трех участках раскопа, причем в самых различных местах. Кроме того, в южном раскопе, в квадрате Ч12 на глубине около 0,6 м в зольных отложениях обнаружен целый скелет человека. Покойник лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЗСЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая лежала поверх таза. Длина костяка 1,25 м. Никаких вещей при покойнике не обнаружено.

Наряду с остатками бытовых вещей в зольнике обнаружены и другие следы человеческой жизни. Здесь открыты развалины глинобитной печи, значительное число открытых очагов, хозяйственные ямы, большое число небольших столбовых ямок, остатки жертвенного сооружения и наземные изображения (рельефы). Стратиграфически перечисленные сооружения связаны с различными этапами человеческой жизни, однако выявить место каждого из них не представляется возможным. Можно произвести лишь грубое членение их на две группы — раннюю, связанную с горизонтом погребенной почвы, и позднейшую, связанную с зольными отложениями без подразделения на отдельные горизонты.

К ранней группе относятся наземные изображения (рельефы), жертвенное сооружение и некоторые хозяйственные ямы; к позднейшей — печь и некоторые хозяйственные ямы. Столбовые ямы относятся к обеим группам, однако связать каждую из ям с определенным горизонтом не представляется возможным.

Из хозяйственных сооружений позднейшей группы стратиграфически наиболее четко определяется местоположение хозяйственной ямы № 8 (кв. 033—34) и печи (кв. $У_7$). Печь была сооружена на культурном слое мощностью около 0,35—0,40 м (от уровня погребенной почвы), состоящем из зольных отложений с включениями разнообразных культурных остатков. Яма № 8 (северный участок) была заложена в зольном слое, мощность которого в момент сооружения ямы достигала не менее 0,3 м. Прорезав зольный слой, яма врезалась в погребенную почву и материковый лёссовидный суглинок. Выбросы последнего перекрыли прилегающую к яме зольную поверхность, отметив тем самым горизонт, на котором была заложена яма.

Несколько сложнее обстоит дело с выделением поздней группы столбовых ямок. Незначительный диаметр (0,15—0,30 м) почти исключал возможность их выявления в зольном слое. Из общего числа около 20 ямок лишь 5—6 были прослежены в зольных отложениях, да и то в самом нижнем горизонте, буквально над слоем погребенной почвы. Все остальные были выявлены после того, как полностью был снят зольный слой и открыта погребенная почва.

Большая часть ямок размещена в определенном порядке.

Сооружения ранней поры стратиграфически выступают более отчетливо.

Жертвенное место представляет собой округлую в плане яму, вырытую в материковом лёссовидном суглинке и расположенную под южной полой зольника (кв. $Х_{1-3}$, $Ц_{1-3}$). Глубина ямы не превышает 0,50 м, верхние диаметры 3,20 м и 2,85 м; нижние — 3 м и 2,40 м. Яма сверху была перекрыта золистым слоем, но сравнительно более темного цвета, чем слой центральной части зольника. Заполнение ямы состояло из землисто-золистых отложений с большим количеством культурных остатков — обломков глиняной лепной посуды, костей животных и единичных поделок из глины. В центре ямы обнаружен небольшой открытый очажок, едва опаливший поверхность дна. На очаге — костяк собаки, вытянутый по оси С—Ю головой на юг. Поверх костяка — несколько обломков лепного сосуда раннезольничного типа (с налепным валиком). Перед очагом с восточной

стороны небольшое зольное возвышение, почти квадратное в плане, покрытое сверху слоем твердой белой массы (глины?). Поверхность возвышения имеет покатость в западную сторону. Длина возвышения 1,10 м, ширина 1,0 м, высота в восточной части около 0,3 м, в западной — около 0,20 м. Вскрытие возвышения показало, что нижняя часть его состоит из золы с незначительным содержанием угольков, раздробленных костей животных и нескольких мелких обломков глиняных лепных сосудов зольничного типа. Слой белой обмазки, покрывавший возвышение, не превышал 0,10—0,15 м. Под юго-западной полой возвышения лежал череп лошади без нижней челюсти и несколько других лошадиных костей.

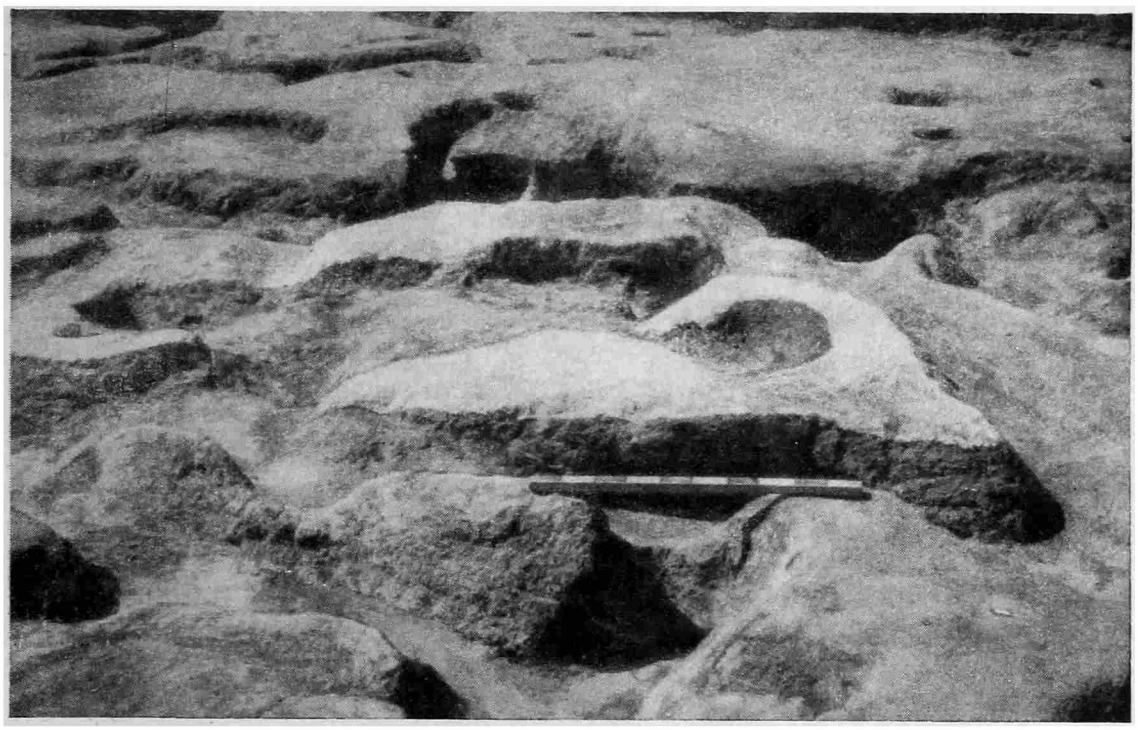

Рис. 436. Землянка № 1. Наземные изображения (рельефы)

К северу от жертвенного места под зольными отложениями были обнаружены остатки наземных изображений (рельефов). Общая площадь, занятая изображениями, на исследованном участке достигает 150 м^2. Какая-то часть их, расположенная в восточной поле зольника, осталась еще не вскрытой. На вскрытой площади было не менее 15 изображений, однако значительная часть их в силу характера материала, на котором они были нанесены (дерновая поверхность почвы), разрушилась. Сохранилось всего лишь 5—7 изображений (рис. 436), которые в какой-то мере могут быть определены. Несколько поврежденных, не поддающихся осмыслению изображений, находится к СЗ от жертвенного места.

По технике резьбы рельефы плоские и довольно схематичные, передающие лишь общие контуры изображаемых фигур. В отдельных местах чувствуется намек на объем. Размеры сохранившихся изображений 1,5 × 2 м — 2 × 2,5 м, высота рельефов 0,10—0,30 м и более. Изображения были вырезаны на ровной, повидимому, хорошо задернованной площадке, имеющей незначительную покатость в юго-вост. сторону. Время и хозяйственные постройки многое разрушили. Особенно пострадали изображения от хозяйственных и столбовых ям. Разрушению сильно способствовал также характер материала, на котором были нанесены изображения. Сохра-

нившуюся часть уберегла, повидимому, только зола. Благодаря ее структуре, а главное цвету, отличному от цвета погребенной почвы, создалась возможность вскрыть эти любопытные изображения.

Анализ добытых материалов и полевые наблюдения приводят нас к выводу, что исследуемое нами поселение у дер. Пожарная Балка принадлежит к памятникам зольничного типа раннего этапа, мало еще известного нам, но довольно широко распространенного в лесостепной полосе. В области Левобережья наиболее близки ему поселение у г. Мачуха, раскопанное в 1946 г. М. Я. Рудинским [1], и нижние слои Бельского поселения (догородищенского периода), раскопанного В. А. Городцовым [2]. Из числа нераскопанных можно указать поселения у сел Петровки, Стаси и некоторые другие, обследованные нами в 1940 г. [3] О близости этих поселений говорит все, начиная с внешнего их облика и кончая характером культурных остатков — керамики, поделок из глины, состава костных остатков, вплоть до наличия в культурном слое костей человека.

Общий облик материалов, а также и отдельные вещи, например, бронзовые наконечники стрел скифского типа, некоторые поделки из кости (головка грифона), комплекс керамической посуды и т. д., дают основание датировать этот памятник у дер. Пожарная Балка временем не ранее конца VII и начала V в. до н. э.

То, что поселение у дер. Пожарная Балка существовало короткое время, очень важно для изучения многовековой культуры зольничного типа. В частности, материалы этого поселения дают возможность выявить характерные черты керамического комплекса раннего периода развития этой культуры и тем самым проверить наши выводы, сделанные на основании материалов, собранных при разведочных работах на многочисленных зольничных поселениях, положенных нами в основу хронологической классификации этих памятников [4].

Раскопки 1949 г. на поселении у дер. Пожарная Балка в какой-то мере отвечают и на вопрос о месте зольников в системе поселений зольничного типа. Сейчас, как нам кажется, не может уже быть никакого сомнения в том, что зольники есть не что иное, как культурные отложения на участках, где были расположены жилищно-хозяйственные сооружения, где протекала вся частная и общественная жизнь населения.

В отношении наземных изображений (рельефов) и жертвенного места следует отметить, что при полном отсутствии археологических параллелей, если не считать изображений, трудно сейчас делать какие-либо выводы, тем более, что памятник и не вскрыт еще полностью. Несомненно одно — вскрытые наземные изображения и жертвенное место будут иметь громадное значение при исследовании вопросов, относящихся к области духовной жизни населения лесостепи скифского времени.

---

[1] М. Рудинський. Мачухська експедіція Інституту археології 1946 р. Археологічні памъятки УРСР, т. II, Київ, 1949.

[2] В. А. Городцов. Дневник археол. исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г Труды XIV АС, т. III, М., 1911.

[3] И. И. Ляпушкин. Археол. памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII.

[4] И. И. Ляпушкин. Археол. памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XIX; его же, Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного левобережья. СА, т. XII, 1950.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

Б. Н. ГРАКОВ

О РАБОТЕ СТЕПНОЙ СКИФСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1949 г. Степной скифской экспедицией ИИМК была вскрыта большая площадь на Каменском городище, против Никополя, и произведены значительные разведки в Приазовье, охватившие половину береговой линии между Утлюжским лиманом и устьем р. Обиточной. Короткий срок работ экспедиции (2 месяца) не дал возможности произвести осмотр всех известных городищ скифо-сарматской эпохи между Никополем и Херсоном. Однако и в этом направлении были проведены разведки на городище в с. Б. Лепетиха. Работы были выполнены довольно успешно, особенно в Приазовье [1].

Раскопки на Каменском городище в 1949 г. преследовали цель приступить к изучению почти не затронутой ранее западной части городища, уточнить его план и путем обследования найти возможно большую площадь, не разрушенную движением песков. На всех 900 га ремесленной части древнего города много участков нетронутого культурного слоя, но все они невелики и дают возможность развертывать лишь относительно небольшие раскопы.

При раскопках двух холмов в северо-восточной части кучугур были обнаружены значительные, но все же несплошные площади культурного слоя, со следами старого разрушения его движением песков. Однако при закладке раскопа IX на третьем холме с плоской вершиной было обнаружено, что большая часть его отличается хорошей сохранностью древнего рельефа и, очевидно, культурного слоя. Полное вскрытие этого холма вместе с наметившейся в 1949 г. в раскопе IX землянкой явится основной задачей изучения городища в 1950 г. Из-за невозможности разбить раскоп на одном месте (лишь раскоп V позволил вскрыть в одном месте около 750 м^2) пришлось заложить 10 раскопов в разных местах, общей площадью 2000 м^2. Однако нежелательная разбросанность раскопов дала возможность получить много новых данных, особенно по устройству жилищ, о ремеслах, в частности металлургии, а также о местном земледелии, о котором до сего времени косвенно свидетельствовали только зернотерки.

На основании многочисленных обходов и осмотров обнажений в предшествующие годы создалось впечатление, что огромная площадь дюн, занятая скифским населением, повсеместно дает находки скифского времени

[1] В экспедиции, кроме сотрудников ИИМК, принимали участие студенты МГУ Седов, Янин, Формозов и шофер Калугин.

(IV—III вв. до н. э.). Лишь по отдельным единичным находкам предполагались более древние и более поздние поселения. В результате обследования, проведенного студентами Седовым, Формозовым и Яниным, прежнее положение подтвердилось: было зафиксировано повсеместное господство скифского слоя и отмечено два-три пункта находок вещей эпохи энеолита и бронзы. Разведки на площади городища уточнили расположение остатков северной половины городищенского вала в с. Каменке, между Белозерским лиманом и Конкой. При этом за концом вала над Конкой был обнаружен, по выпадающим из обрыва костям, грунтовой могильник. Раскопки здесь произвести было нельзя, так как площадь могильника находилась под огородом. На самых же кучугурах описан и нанесен на план вал, ограничивавший крепость XVIII в. с востока и только в одном месте уцелевший.

До сих пор находки поздней русской эпохи известны были лишь в самой северной части дюнного поля, поблизости от пристани, т. е. на территории той же крепости. Теперь обнаружены находки XVII в. на западной околице Каменки, а именно две монеты Яна Казимира и королевы Христины (по определению В. Л. Янина), а в раскопе VI, близ Каменского кладбища, давшем исключительно скифский материал и остатки исчезнувшего жилища той же эпохи, обнаружен русский топор, относящийся к XVII—XVIII вв.

Раскопки на городище привели к уточнению представлений о наземных постройках. В предшествующих докладах приходилось сообщать, что остатки этих построек бывают представлены в виде канавок, соответствующих внешним контурам всего сооружения и делению его на комнаты, заполненных черной землей, шириной в 30—50 см и глубиной до 0,5 м. Наиболее вероятным представляется, что стены таких строений состояли из вертикально врытых в землю столбов и что так же были сделаны и внутренние перегородки. Такое устройство жилищ представляется наиболее вероятным по точной аналогии с погребальными камерами в виде имитаций жилищ в некоторых курганах Киевской обл.

В 1949 г. на Каменском городище были вскрыты остатки семи таких построек, тогда как за 1938—1940 гг. на дюнной части городища их было обнаружено три, все неполные. Из семи жилищ, обнаруженных в 1949 г., четыре сохранились настолько, что по ним вполне можно судить о типичной форме их. Основная часть каждого жилища расположена в длину по меридиану, имеет яйцевидные очертания; дверь расположена иногда к северу (раскоп V), иногда к югу (раскоп X). При северном положении дверного проема вход имел сени, из которых дверь вела внутрь основной комнаты. Эта последняя имела в длину 12—14 м, при 7—11 м ширины. Считаю такое яйцевидное жилище основным потому, что оно одно иногда составляло все жилище (раскоп I; раскоп V, жилище № 1). Иногда к такой основной части присоединялись еще одна-три боковые комнатки. По сторонам почти всех дверных проемов сохранились круглые ямки от более солидных косячных столбов. Примечательно, что оба жилища раскопа V и жилище соседнего раскопа IX обращены выходами к северу. Не является ли это указанием на проходившую перед этими двумя постройками улицу или дорогу? Эти жилища в качестве очагов имели только очень небольшие ямы, круглых и овальных очертаний, с незначительными остатками угля или золы. Только в сильно разрушенном жилище раскопа VI сохранилось немного кусков обожженной глины, напоминающих остатки глинобитных очагов в двух землянках из раскопок 1940 г.

В большинстве раскопов и в некоторых обнажениях найдены остатки кричного, кузнечного и бронзолитейного дела (куски металла, шлак, следы глинобитных горнов и, в одном случае, обломки самого горна). Обработка

металлов велась по соседству с жилищами, за их стенами, как это наблюдалось по раскопкам предыдущих лет. Однако в раскопе V было установлено, что, кроме металлургических работ, производившихся в период существования двух бытовавших здесь жилищ, после их уничтожения здесь же был сооружен столбовой заслон, за которым производилось восстановление железа из руды и кузнечные работы. Таким образом, к прежним данным можно добавить еще и наличие специального сооружения для металлургических работ. Это сооружение, несомненно летнее, служило для ограждения работавших и их горнов от восточных и северо-восточных ветров. Это соображение подтверждается не только расположением самого заслона, но и нахождением небольшой ямы — очажка с остатками крицы и шлаков с западной стороны от этого заслона. Заслон состоял из стенки-частокола, врытой основанием в такие же канавки, как и стенки обычных наземных жилищ.

Орудия кузнечного дела, к сожалению, попрежнему малочисленны. Здесь найдены очень небольшие зубильца и пробойнички с сильно разбитым верхом, назначавшимся, вероятно, для работы над ножичками или другими мелкими вещами. Совершенную новость для нас представляет первый крупный кузнечный инструмент, своеобразный молот-штамп с плоским и слегка округленным по контурам рабочим концом. Можно предположить, что он служил для изготовления панцырных чешуек. Из вспомогательных орудий следует отметить разного рода точильные камни, особенно одну узкую и длинную (45 см) точилку из песчаника, отлично сохранившуюся.

Литейное дело представлено каплями металла, медными литейными шлаками, бронзовыми, свинцовыми и даже одним серебряным изделием. Литейных же форм не найдено. Из находок отмечу конец бронзового псалия в виде сильно стилизованной ноги копытного, край бронзового котла и бракованную серебряную головку орла, а также обычные наконечники стрел из бронзы и свинцовые пряслица. Очень интересны остатки мастерской по выделке ножей в раскопе VIII. Они состоят из нескольких кусков кости в разных стадиях обработки. В их числе две бракованные ручки от ножей. Поблизости обнаружена заготовка лезвия ножа, уже откованная в обычной форме, но без отковки и заточки лезвия и без отверстий для заклепок. В других раскопах найдены еще две такие же заготовки. Со стороны ручки хорошо заметно, как они отрублены от полосы небольшим зубилом.

Вообще говоря, железных изделий самого разнообразного назначения в 1949 г. найдено более ста экземпляров. Кроме упомянутых инструментов и многочисленных ножей обычных типов и шильев, встречены: наварное лезвие от топора, искривленная небольшая игла, прямая игла длиной 16,4 см, целый прямой железный псалий с двумя отверстиями, конец такого же S-образного псалия, одно коромысло обычных удил, шип для вбивания в дерево, костыли и гвозди, разные скобы и скрепки, железная полоска от колеса и т. п.

Из керамики местной работы нет ничего нового, если не считать двух небольших, почти целых сосудиков-стопок, позволяющих создать представление о крупных сосудах формы № 1 (по Книпович) Елизаветовского городища на Дону, с которым Каменское городище имеет очень много общего по керамике. Есть еще ручки глиняного сосуда, точно подражающего бронзовым котлам. Попрежнему много отпечатков ткани на донышках. Найдено несколько обломков от крышек: один — от очень большой крышки с ручкой и ушком в середине. Имеется обломок донышка глиняного друшлака. Греческая керамика представлена всего одним обломочком чернолакового сосуда, что вполне обычно, и многочисленными обломками позднеклассических и

эллинистических амфор. Встречены также три ручки с синопскими клеймами второй половины III и начала II в. до н. э., два фрагмента с клеймами Гераклеи Понтийской, почти неразборчивыми, и две ручки, повидимому, с фасосскими клеймами. Состав клейм, таким образом, не отличается от обычного.

До 1949 г. о земледелии на Каменском городище не было никаких серьезных данных, если не считать весьма обычных обломков и случайных находок больших зернотерок. Этого рода находки встречены и теперь: два серпа (один из них полный) и отпечаток на стенке сосуда ячменного зерна в шелухе; рядом — заключенное в глине такое же обгоревшее зерно. Это, бесспорно, свидетельствует о местном земледелии.

Попрежнему весь раскопочный и подъемный материал говорит исключительно о IV и III вв. до н. э. Среди подъемного материала имеется медная монета Александра Великого.

В двух пунктах городища были найдены остатки погребений в виде отдельных человеческих костей. В раскопе VI, кроме отдельных костей, обнаружено почти истлевшее детское погребение, накрытое в головах и в ногах двумя большими обломками горшка. Сопоставление его с развеянным детским погребением 1945 г., детским погребением 1946 г. на акрополе Каменского городища, почти полным отсутствием детских погребений в нижнеднепровских курганах этого времени и, наконец, с обычаем детских захоронений в сосудах на городище в Неаполе Скифском — заставляет предположить, что обычай захоронения детей на территории поселений может оказаться общим для всей степной полосы.

Для разрешения вопроса о дальнейшем развитии нижнеднепровской Скифии имеет огромное значение выявление возможно большего числа городищ и селищ того же или близкого времени.

Ограниченность сроков не позволила широко поставить разведки в окрестностях Каменки. Однако сотрудник экспедиции А. А. Формозов обследовал тянущиеся вверх от Каменки на протяжении около 25 км. Водянские кучугуры (дюны) от с. Водяного до с. Ново-Украинки. На этом отрезке среди развеянных дюн был отмечен 21 пункт находок, представляющих собой в той или иной степени развеянные стоянки и селища разного времени и различной сохранности. 10 из них восходят к катакомбной, срубной и киммерийской культурам, 8 — к скифскому времени, преимущественно к эпохе Каменского городища; остальные три совершенно не определимы по времени. Только в пунктах 9 и 18, предположительно относимых к катакомбной культуре, сохранились, повидимому, достаточно большие участки культурного слоя.

По указанию любителя археологии, каменского агронома В. Г. Скрипниченко, мы осмотрели городище в с. Большая Лепетиха. Оно тянется примерно на 350 м вдоль высокого берега Днепра. Упоминалось ли оно ранее в литературе или нет, неясно. Может быть, оно соответствует круглому лепетихинскому городищу, упоминаемому в одной из сводок А. А. Спицына.

По подъемной греческой керамике селище это должно датироваться в основном со II в. до н. э. по III—IV в. н. э. Лощеная и грубая местная керамика вполне соответствует по времени позднейшим находкам из раскопок акрополя Каменского городища, т. е. связана с корчеватовской и черняховской эпохами полей погребений; это поселение является в Нижнеднепровской излучине вторым памятником, связывающимся с более ранней эпохой корчеватовской группы и имеющим в то же время своеобразные местные черты. На обломке поднятой на этом городище глиняной обмазки видны отпечатки ячменного зерна и какой-то соломы.

Продолжая регистрацию и описание крупных курганов Правобережья, в 1949 г. экспедиция описала группу курганов по дороге от Васильевки на Запорожье.

Целью разведок по северному побережью Азовского моря было установить наличие поселений скифо-сарматского времени для перенесения в дальнейшем стационарных раскопок с Каменского городища в Приазовье. Территория эта, долженствующая сыграть столь крупную роль в археологии и истории скифо-сарматской эпохи, до сих пор почти не изучена. Между тем историческая традиция говорит об этой территории, как о местожительстве господствующих кочевых скифских племен; она и позднее остается важнейшей частью степных кочевий Причерноморья.

Начав с осмотра береговых обрывов моря, которые на значительном протяжении не дали никаких памятников, мы обследовали устья и частью нижние течения всех речек от Б. Утлюга и до Обиточной ниже Ногайска включительно; результаты оказались вполне удовлетворительными. За исключением Домузглы, все остальные речки дали много селищ от эпохи энеолита до сарматского времени. Кроме немногих из них, находящихся на морском берегу и связанных с пресной или малосоленой водой впадающих здесь в море источников и рек, все расположены вверх по рекам. Наиболее насыщены остатками древних поселений нижние течения рек Молочной и Обиточной. Ни одного городища на всем этом маршруте не было найдено. Пунктов, где с очевидностью преобладали находки энеолита или бронзы, нам удалось обнаружить всего четыре. В огромном большинстве ранние остатки перекрыты селищами скифо-сарматской эпохи. Последние с полной ясностью выделяются обилием черепков амфор эллинистического и римского времени. Всех поселений скифо-сарматского времени с подстилающим слоем энеолита или бронзы — 13. Из ранних селищ следует выделить три, из которых одно обнаружено перед самым впадением речки Б. Утлюг в море, а другие два — у устья Обиточной и на речке Соленой. Эти селища дают подъемный материал в виде своеобразной керамики с высоко расположенным (почти под бортиком) орнаментальным налепным валиком. Руководствуясь данными других близких местностей, эту керамику нужно отнести ко времени, переходному от бронзы к железу. Ввиду важности выделения таких поселений из общей массы, той же осенью были произведены О. А. Граковой раскопки на поселении в устье Обиточной.

Эти раскопки подтвердили предварительные заключения по данным разведок. 24 селища носят на себе следы позднескифского, сарматского времени и раннего средневековья. Наиболее значительными из таких поселений были поселения №№ 70—72 на речке Б. Утлюг, повидимому, составляющие части одного и того же древнего поселения — зимовки. Если это так, то это поселение тянется на протяжении 6 или 7 км и содержит находки переходного от бронзы к скифскому времени, вплоть до эпохи поздних сарматов. Подобное же поселение (№ 18) в устье р. Корсак тянется на 2 км и содержит находки за столь же большой период.

Помимо остатков ордынских трубок крымского происхождения, посуды и черепиц на трех селищах скифо-сарматской эпохи, два довольно крупных поселения позднего средневековья обнаружены в устьях М. Утлюга и Домузглы. На последнем из этих поселений обнаружено, как и на одновременном селище в Старо-Бердянском лесничестве, близ Мелитополя, много керамических и металлических шлаков. Все же большинство открытых поселений (40 из 54) относится к скифо-сарматской эпохе, от самого ее начала и до IV в. н. э. включительно. Эти, вероятно, зимовки кочевников в нижнем болотистом течении степных речек как бы лишний раз подтвер-

ждают слова Страбона: «Они следуют за своими стадами, выбирая местности, всегда покрытые травою,— зимою в болотах Мэотиды, а летом — и на равнинах». Разведки этого года дают предварительную характеристику памятников скифо-сарматского времени на обследованной части побережья. Силами основной части экспедиции П. Д. Либеров произвел раскопки трех небольших курганов у с. Константиновки, под Мелитополем. Эти раскопки дали несколько погребений катакомбной и срубно-киммерийской эпох и одно скифское погребение рубежа VII и VI вв. до н. э. Об этом см. следующую статью.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

П. Д. ЛИБЕРОВ

КУРГАНЫ У СЕЛА КОНСТАНТИНОВКИ

В 1949 г. Степная скифская экспедиция под руководством Б. Н. Гракова провела небольшие раскопки курганов у с. Константиновки Мелитопольского района Запорожской обл. Здесь курганы самых разнообразных размеров, от еле заметных до 7 м высоты, разбросаны в степи, в самом селе и в пойме р. Молочной. Вследствие ограниченных средств и времени, а также параллельных разведок по р. Молочной и Приазовью, к востоку от этой реки, экспедиция ограничилась раскопками трех малых курганов (0,4—1 м высоты), расположенных в степи к востоку от села (курган № 1, группа I) и в пойме р. Молочной (курганы №№ 1 и 2 группа II). Эти курганы подверглись сильной распашке, вследствие чего потеряли свою первоначальную высоту и значительно увеличились в диаметре, а имевшиеся ранее рвы стали почти незаметными.

Погребения в этих курганах относятся к самому разнообразному времени, начиная от ямной культуры до средневековья. Как можно проследить по остаткам погребений и погребальному инвентарю, курган № 1 в степи содержит погребения ямной, катакомбной и срубной культур, а курганы №№ 1 и 2 в пойме р. Молочной содержат погребения катакомбной и других позднейших культур, вплоть до средневековья. Это указывает на более интенсивное использование поймы реки, начиная со времени катакомбной культуры. Ограничиваясь пока этими предварительными замечаниями, рассмотрим некоторые особенности погребений в отдельных курганах.

Курган № 1 (высотой до 1 м, диаметром до 34 м) расположен в степи, к востоку от с. Константиновки. При раскопках было обнаружено пять грунтовых могильных ям разной глубины и размеров, но обычной формы. Три ямы расположены в центре (погр. №№ 4, 5, 6), четвертая — к СВ от центра (погр. № 3) и пятая, представляющая катакомбу, расположена в западной половине (погр. №№ 1, 2). Характерно, что находки отдельных предметов сосредоточены главным образом вокруг центральных могил и западной катакомбы. В центре насыпи, на уровне горизонта встречались обломки керамики (в том числе и срубно-киммерийского времени), кости животных, угольки, а над погребением № 4 — целое кострище с большим количеством древесного угля и обуглившимися остатками дерева крупных размеров. Выкид наблюдался только к северу и югу от центрального погребения, другие могилы этой части кургана выкида не имели. Это означает, что погребения №№ 3 и 5, а может быть и № 4, относятся к погребениям впускным. Такой вывод подтверждается обнаружением впускной ямы

в восточной бровке (погр. № 5). Однако могут быть сомнения относительно погребения № 4, над которым имеется большое кострище с ответвлениями в сторону на значительное расстояние.

Вокруг катакомбы (погр. №№ 1, 2) в насыпи и на горизонте встречались обломки керамики с веревочным орнаментом; найден глиняный лепной сосуд катакомбного типа, костяное орудие в виде мотыжки, а также скорлупа птичьих яиц (возможно, куриных). Был обнаружен также выкид к северу от катакомбы. Наличие выкида из катакомбной могилы указывает на самостоятельный характер катакомбного погребения, как можно предполагать, более позднего времени, чем центральные ямные погребения. Если исходить из того факта, что первая насыпь создана над центральным погребением, конус которого заметен в северной части профиля бровки на расстоянии 10 м от центра, то катакомба должна быть за пределами ее, так как входая яма расположена в 11,5—12 м к западу от центра.

Заслуживает особого внимания устройство центральных могильных ям (погр. №№ 4, 6) и катакомбы. Центральная могильная яма (длиной 1,8 м, шириной 1,7 м, глубиной 1, 2 м) ориентирована на ВЗ, с небольшим отклонением на ЮЗ—СВ; углы ее закруглены; яма повреждена, вероятно, грабителями. В северо-западном и юго-западном углах имелись ниши, аналогичные нишам рядом расположенной могилы (погр. № 4). Эта последняя (длиной 2 м, на дне — 2,2 м; шириной 1,15 м, на дне — 1,2 м; глубиной 1,65 м) находилась на расстоянии 2 м к ЮВ от центральной могилы; она ориентирована на СВ — ЮЗ. Засыпка состояла из черной земли с обильной примесью угольков из тростника, кусков древесного угля и прокаленной земли. Особенно много угля было с глубины 1,35 м до самого дна. Дно было покрыто пятнами от угля и обожженной земли, а стенки обожжены докрасна.

В северном и южном углах и в северо-западной стенке было по нише. Северная ниша имела глубину 0,6 м, ширину 0,5 м, высоту у входа 0,6 м. Дно задней стенки было ниже на 0,1 м. В 0,5 м от устья имеется уступ высотой 0,15 м. Южная ниша имела глубину 0,45 м, ширину 0,5 м, высоту устья 0,4 м. Дно ниже дна могилы. По дну у северо-западной и юго-восточной стенок сделаны канавки глубиной 0,15 м, шириной до 0,4 м. Эти канавки сходятся у третьей ниши, сделанной в северо-западной стенке, в 0,15 м от западного угла. Свод ниши, вероятно, осыпался; высота ее 0,7 м, глубина 0,6 м. Дно ниже дна канавки на 0,10 м.

Таким образом, правильность очертаний этих ниш, соединенных в свою очередь канавками, и определенное сходство с нишами центральной могилы создают полную уверенность в том, что происхождение ниш ритуальное; более того, сходство в устройстве указанных могил, имеющих ниши, позволяет считать их одновременными или близкими друг другу.

Большой интерес в связи с этим представляет устройство катакомбы.

Входная яма ее (длиной 1,1 м, шириной 0,9 м, глубиной 0,6 м) ориентирована на ВЗ, углы несколько закруглены. Входное отверстие в катакомбу было в южной стенке и захватывало почти половину дна входной ямы. В юго-западной половине имелась ступенька глубиной 0,25 м, шириной 0,2 м; она захватывала весь юго-западный угол и сходила на-нет к середине входной ямы.

Катакомба в плане имела яйцевидную форму, ориентирована на СВ—ЮЗ; длина ее была 1,5 м, ширина 1,0 м, высота около 0,8 м; глубина от уровня горизонта до дна 1,3 м. В западной стенке катакомбы была устроена ниша значительной величины, в плане аналогичная самой катакомбе, и ориентирована на СЗ — ЮВ; длина около 0,75 м, ширина и высота около 0,4 м. Дно ниши было выше дна катакомбы на 0,21 м и имело покатую к середине форму. В катакомбе и в нише находилось по одному детскому

погребению: в первой — ребенка лет 10—12, во второй — очень малолетнего, судя по расположению и незначительным остаткам костяка. По своему устройству ниша в катакомбе очень близка к нишам центральных могил.

Различие их заключается только в том, что ниши центральных погребений не используются для погребения покойников и имеют, повидимому, какое-то ритуальное назначение, тогда как в катакомбе ниша используется по прямому назначению.

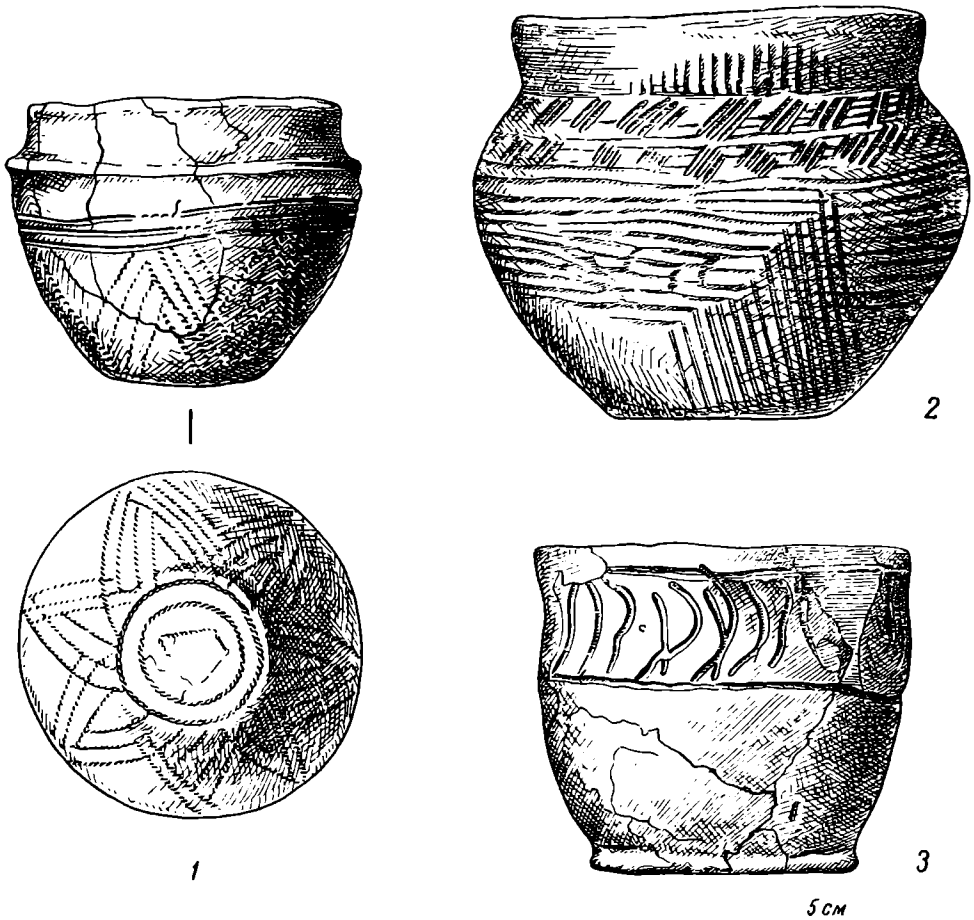

Рис. 44. Сосуды из курганов близ Константиновки

1 — из погр. № 2 (курган № 1, группа 1); *2*, *3* — из погр. II группы (курган № 1)

Другие могилы (погр. №№ 3, 5) по устройству обычны, и только в могиле № 5 отмечено наличие деревянного сооружения, вероятно крыши, покоившейся на двух деревянных тонких столбиках.

Погребальный обряд — с трупоположением; человеческие остовы лежали скорченными на спине в центре кургана (погр. № 5) и в северо-восточной его части (погр. № 3) и на боку — в катакомбе. В центральном погребении остались только две берцовые кости ног, указывавшие на скорченное положение остова, остальные кости выброшены грабителями и только частью были обнаружены в засыпке ямы. В погребении № 4 костей не обнаружено. Однако вряд ли можно предполагать, что здесь произведено трупосожжение, хотя и имеются остатки большого кострища. Не наблюдается ли здесь случай совершения ритуального обряда и не имеет ли эта могильная яма отношения к центральной могиле? Ответ на этот вопрос сейчас дать невозможно. Решение его будет зависеть от дальнейших исследований.

Инвентарь в могилах очень немногочисленный. В погребении № 5 около скорченного остова справа, напротив плеча, лежал граненый со всех сторон камень (длиной 10 см, шириной 9 см, толщиной 5 см) и у шейных позвонков — круглый песчаниковый шарик булавовидной формы, диаметром до 4 см. В катакомбе (погр. № 2) был маленький лепной сосудик с веревочным орнаментом (рис. 44—*1*). Во всех могилах, за исключением могилы с кострищем (погр. № 4), наблюдались иногда следы красной краски. Хронологические рамки погребений этого кургана весьма широки.

По определению О. А. Граковой, центральная могила и погребения в восточной половине кургана, судя по форме могил, по положению остовов, по инвентарю (погр. № 5), относятся ко времени ямной культуры. Катакомбное погребение с сосудом яйцевидной формы и дном малого диаметра, орнаментированным так же, как и стенки сосуда, может быть отнесено к началу катакомбной культуры. Наличие обломков прямостенного сосуда в верхнем слое насыпи, в центре кургана, указывает на возможность впускного погребения срубно-киммерийского времени, уничтоженного распашкой.

Отмечается хронологическая близость погребения в катакомбе к центральным ямным погребениям. Сходство же в устройстве ниш позволяет предполагать возможность появления ниш уже в ямной культуре как нового обычая, оформившегося позднее в катакомбы, наряду с которыми ниши еще продолжали существовать в катакомбных сооружениях. Если это так, то в указанном факте надо видеть еще одно доказательство генетической связи ямной и катакомбной культур, помимо связей, проявляющихся в инвентаре [1].

Курганы №№ 1 и 2 группы II подверглись настолько сильной распашке и может быть размыву разливом реки, что представляют почти плоскую лепешку, высотой 0,4—0,6 м, диаметром 32—36 м. Современный диаметр кургана по поверхности значительно превышает первоначальные его размеры. В кургане № 1 находки немногочисленны. В первом пласте оказалось пять находок, в том числе кости животных и уголь; во втором пласте — три: зольное пятно и кости животных (лошади и грызуна); в третьем пласте — четыре, состоявшие из мелких бесформенных обломков импортной керамики красного цвета, костей животных и человека и обломков речной раковины.

В кургане оказалось пять погребений, расположенных на уровне горизонта и ниже. Основное центральное погребение обнаружено несколько к югу от центра, на глубине 1,2 м от уровня древнего горизонта. Это — обычная могильная яма прямоугольной формы, ориентированная на СВ — ЮЗ; длина ямы 1,7 м, ширина 1 м. В могиле лежали два человеческих остова (детский справа и взрослый слева), головой на восток (с небольшим отклонением на СВ), скорченных на спине, с коленями, свалившимися направо; руки были вытянуты вдоль туловища. Напротив лица детского остова стоял горшок катакомбного типа (рис. 44—*2*). Слева у бедра был маленький округлый серый камень около 1,5 см в диаметре; у шейных позвонков взрослого остова лежал слева же кремневый отщеп. Дно могилы было густо посыпано красной краской. Особенно много краски было в ногах; отдельные кусочки ее находились и в головах.

Остальные погребения были впускными на разной глубине, без признаков могильной ямы, в том числе на уровне горизонта (погр. №№ 1, 2) и несколько ниже — на 0,4—0,8 м от уровня древнего горизонта (погр. №№ 3, 4). Погребения №№ 1, 2 и 3 относятся к срубной культуре, судя по сосудам баночного типа, стоявшим напротив лица погребенного

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Сб. статей по археологии СССР, вып. VIII, стр. 33 и след. Изд. ГИМ, М., 1938.

(рис. 44—*3*). Остовы сильно скорчены, лежали на левом боку, головами на восток и ВСВ. Под остовами очень плохой сохранности (в одном случае сохранился только череп; погр. № 2) были следы подсыпки светлого песка (погр. №№ 1, 3). Костяк № 4 лежал вытянуто на спине, головой на восток (с небольшим отклонением на ВСВ). Правая рука была согнута и лежала на пояснице, кистью на тазу, левая была вытянута.

Под левой челюстью лежало бронзовое пустотелое спиральное (в два оборота) кольцо, диаметром до 2,5 см. Сверху остова и под ним — слой светлого песка. На некотором расстоянии от этого остова были найдены различные предметы, относящиеся, вероятно, к этому погребению и позволяющие датировать его эллинистическим или римским временем. Так, например, на уровне горизонта, на расстоянии 2,5 м к ЮЗ от остова, были найдены обломки сосуда эллинистического времени; менее чем в 2 м к югу, на глубине около 0,25 м от уровня горизонта был обнаружен обломок железа, а в 0,5 м к западу от ног остова, на глубине 0,6 м от уровня горизонта лежало пряслице диаметром около 5 см, сделанное из стенки амфоры.

В кургане № 2 (высотой 0,4 м, диаметром 32 м) в насыпи обнаружены немногочисленные предметы, в том числе кости животных (лошади), бронзовая бляшка с изображением свернувшегося животного и с ушком на оборотной стороне; вторая такая же бляшка обнаружена при засыпании кургана. Основное грунтовое погребение № 5 оказалось к северу от центра. Могильная яма длиной 1,6 м, шириной 1,2 м, глубиной 2,05 м ориентирована на СВ—ЮЗ с покатостью дна до 2,2 м к юго-восточной стенке могилы. Углы ямы закруглены. Кроме небольших признаков красной краски, в могиле ничего не оказалось.

Наибольший интерес представляет погребение № 3, относящееся к раннескифскому времени. Погребение без признаков могильной ямы находилось под центром кургана. Остов лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Правая рука, согнутая в локте под прямым углом, лежала на животе; кисть левой руки находилась у подбородка. Справа, в области грудной клетки, на уровне локтя лежала бронзовая двойная бляшка с ушком на обороте (рис. 45—*1а*). Слева, напротив таза, в 15 см к северу, лежали кости барана, на которых были бронзовые удила стремяновидной формы (рис. 45—*1б*) и костяные псалии роговидной формы, с тремя отверстиями (рис. 45—*1в*). Один псалий сохранился только наполовину. Судя по неопределенному характеру ямы, обнаруженной рядом с этим погребением, и отсутствию второй половины псалия, к этому же погребению, повидимому, относятся и две указанные выше бляшки в зверином стиле, выброшенные грабителями (рис. 45—*г*, *д*).

Остальные три погребения (№№ 1, 2, 4) относятся к более позднему времени и не имеют существенного интереса.

Таким образом, исследованные курганы дают интересный материал об их хронологической последовательности, начиная от времени ямной культуры до эпохи средневековья. Хотя на основании трех исследованных курганов нельзя делать каких-либо решительных утверждений, полученные данные все же позволяют строить некоторые предположения, правильность которых может быть подтверждена или опровергнута последующими раскопками в этом районе.

На основании того, что самые ранние погребения в курганах поймы р. Молочной относятся к катакомбной культуре и следуют за курганами степи, можно предполагать, что курганы поймы р. Молочной обязаны своим происхождением племенам скотоводов, которые во время катакомбной культуры использовали речные долины более интенсивно, чем в предшествующее время, в связи с более широким развитием скотоводства, хотя связь с

возвышенным плато и степью не порывается. Такой процесс перемещения деятельности человека из степи в пойму реки не представляет исключения в Приазовье. Он характерен и для других мест Северного Причерноморья на правобережье Днепра, Побужья и Поднестровья в позднетрипольское время, как это отмечает Т. С. Пассек в своих работах [1].

Установленная О. А. Граковой [2] генетическая связь ямной и катакомбной культур на основании сходства погребального инвентаря, а также

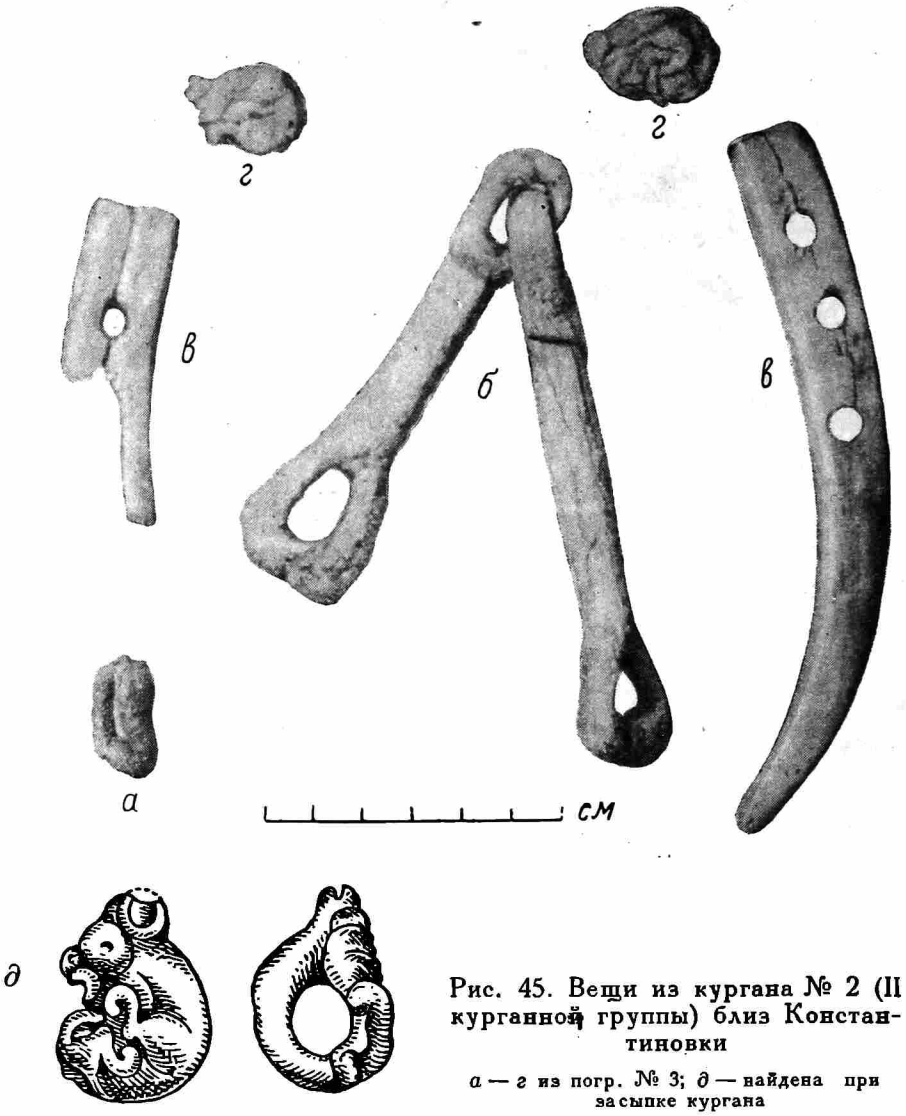

Рис. 45. Вещи из кургана № 2 (II курганной группы) близ Константиновки

а — г из погр. № 3; *д* — найдена при засыпке кургана

одновременного существования погребений в ямах и катакомбах (что подтверждают и погребения в курганах № 1, I и II групп наших раскопок), вероятно, дополняется переходными формами погребальных сооружений в виде ниши в обычных могилах ямной культуры и в катакомбах (курган № 1, I курганной группы). Если бы удалось более основательно подтвердить этот факт последующими раскопками и доказать, что ниши существуют в ямной культуре как новое явление в погребальном обряде, подготавливающее позднее появление катакомб, тогда точка зрения В. А. Городцова о заимствовании катакомб из ранних среднеземноморских

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.
[2] О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.

культур в результате проникновения сходных религиозных представлений в Северное Причерноморье в эпоху бронзы [1] была бы поставлена под серьезное сомнение.

Наконец, заслуживает большого внимания раннескифское впускное погребение, датируемое не позднее VI в. до н. э., может быть рубежом VII — VI вв.

Такие ранние погребения на левобережной Украине Нижнего Поднепровья очень редки и все оказываются впускными [2]. Их инвентарь имеет несомненное сходство с инвентарем лесостепной полосы скифского времени. Однако, если в лесостепной полосе Среднего Поднепровья земледельческий оседлый образ жизни скифов не вызывает сомнений и подтверждается большим количеством основных скифских подкурганных погребений, то Нижнее Левобережье пока таких данных не дает. Отсюда возникает предположение о возможном кочевом образе жизни ранних скифских племен в этой области.

---

[1] В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Росс. истор. музея, М., 1915, стр. 170—179.

[2] Кроме упомянутого в статье погребения, можно указать еще только на два погребения у Цимбалки и Нижних и Верхних Серогоз, опубликованные в ОАК за 1868 г. и в ИАК, вып. 19.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

С. С. ЧЕРНИКОВ

ВОСТОЧНОКАЗАХСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В задачи экспедиции входило обследование южной части Восточного Казахстана, проверка сведений об археологических памятниках Чиликтинской долины (Тарбагатай) и раскопка курганов в горах Чингиз-Тау (рис. 46). В 1949 г. рекогносцировочное обследование было проведено в Чингиз-Тау, к югу от озера Зайсан, и в районе между Тарбагатаем и Джунгарским Ала-Тау, с заездом в Джунгарские ворота. Всего зарегистрировано 113 курганных групп [1].

Материалы обследования показали, что курганные могильники, в большей своей части относящиеся к эпохе ранних кочевников, группируются преимущественно в местах, наиболее благоприятных для зимнего выпаса скота (предгорья, долины рек). Их почти совершенно нет в открытой степи и в других районах летних пастбищ. Обычай хоронить своих покойников только на зимовках, существующий до сего времени у казахов и киргизов, несомненно, идет из глубокой древности. Эта закономерность в расположении курганов поможет при дальнейших раскопках определить районы расселения древних кочевых племен.

Чиликтинская долина находится между хребтами Саур и Монрак и необычайно благоприятна для скотоводства в течение круглого года. В центре ее находится могильник, состоящий из 57 курганов, тянущихся неправильной цепочкой с севера на юг. 13 из этих курганов имеют диаметр около 100 м и высоту 8—10 м, остальные от 20 до 40 м, при высоте 3—5 м. В других местах долины находятся еще четыре могильника того же типа, но меньшие.

В центральном могильнике был раскопан курган № 7, диаметром 42 м и высотой 3 м. Насыпь состоит из галечника и глинистого суглинка. На глубине 2,4 м были обнаружены остатки лиственничных бревен, которые перекрывали могильное сооружение. Оно имело вид круглой ямы, диаметром 5 м и глубиной 1,8 м. Ввиду близости грунтовых вод яма была вновь засыпана на высоту 0,6 м. На восток от ямы шла выкопанная в земле траншея, шириной 1,1 м, длиной 9 м и глубиной 1,0—1,3 м. Все сооружение было перекрыто лиственничными бревнами, поверх которых над могильной ямой были обломки гранита и курганная насыпь, в которой встречались кости лошади, быка и овцы. Могила была ограблена подкопом сбоку. Грабители

[1] Экспедиция была организована Ин-том истории, археологии и этнографии АН КазССР, при участии Центр. музея Казахстана и ИИМК.

проникли в яму, пройдя по коридору до того как бревна перекрытия рухнули вниз. В яме были обнаружены разрозненные кости мужского скелета (частично окрашенные окисью меди) и следующие предметы: 1) золотая бляшка, изображающая оленя с рогами и хвостом, трактованными в виде

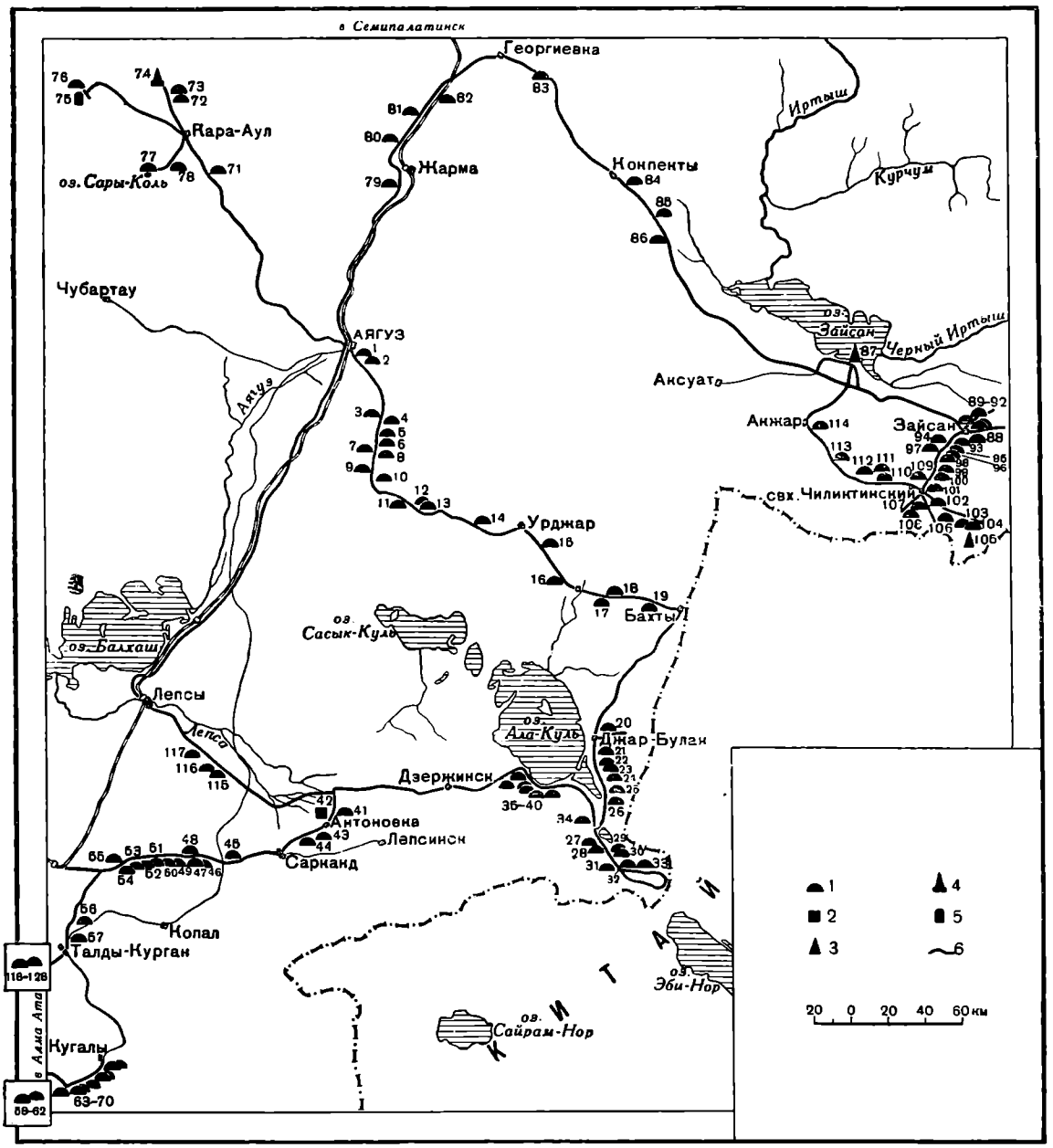

Рис. 46. Район обследования Восточноказахстанской экспедиции 1949 г.
1 — курганы; *2* — поселения; *3* — каменные изваяния; *4* — наскальные изображения; *5* — пещеры; *6* — маршрут 1949 г.

голов хищных птиц; 2) три золотые бляшки в виде головы хищной птицы с змееподобным туловищем; 3) золотая бляшка в виде рыбы, изображенной в плане; 4) две золотые бляшки с пунсонным орнаментом (рис. 47); 5) железный нож без рукоятки, с остатками деревянных ножен и оковка кончика ножен из золотого листка; 6) клык кабана с отверстием у основания; 7) четыре бараньих астрагала, лежавшие кучкой; 8) бронзовое четырехгранное шило; 9) обломок предмета из белого мрамора (последние два предмета найдены в коридоре).

Весь комплекс найденных в кургане № 7 предметов позволяет датировать его V—IV вв. до н. э. Золотые бляхи, выполненные в типичном

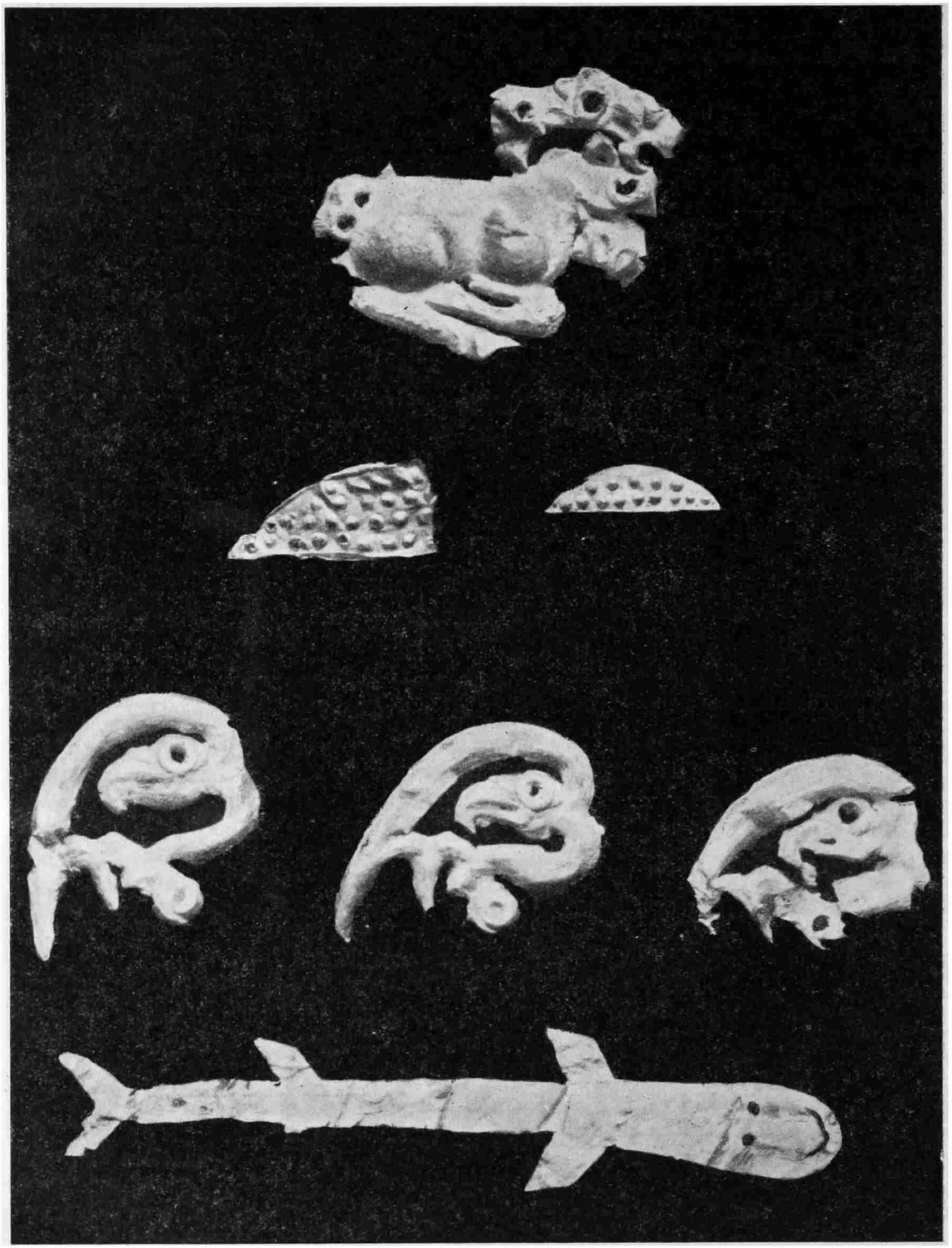

Рис. 47. Золотые бляшки из кургана № 7. Чиликтинская долина

скифо-сибирском зверином стиле, имеют аналогии во многих курганах именно этого времени (Катанда, Пазырык, Аксютинцы, Ак-Мечеть, Зуевский могильник).

Необходимо отметить, что могильное сооружение кургана № 7 совершенно не имеет аналогий в Казахстане и на Алтае. План его ближе всего напоминает планы могильных сооружений скифских курганов Поднепровья. По условиям грунта в Чиликтинской долине нельзя выкопать катакомбу или подземную камеру и, видимо, она была заменена ямой, перекрытой бревнами.

Несомненно, что как раскопанный нами курган, так и весь могильник принадлежит крупным племенным вождям, которые из поколения в поколение погребались в этой, столь благоприятной для скотоводов долине. Это не массовые могильники рядового населения, которые мы наблюдали на северных склонах Монрака. Чиликтинская долина по своему географическому положению должна была стать одним из первых заповедных кочевий, которые китайские летописи отмечают у усуньских гуньмо. Мы имеем все основания отнести Чиликтинский могильник к сако-скифской культуре и предположить, что в этой заповедной долине погребались вожди тех сакских племен, которые играли столь большую роль в судьбах Средней Азии и ахеменидской Персии.

В горах Чингиз-Тау раскопки производились на двух могильниках.

Могильник № 1 находится в 12 км к востоку от озера Сарыколь и состоит из курганов, имеющих плоскую насыпь, обставленную большими гранитными плитами. Часть курганов плоские, с прямоугольной или круглой оградкой из поставленных на ребро гранитных плит. Особенно выделяется один курган, диаметр которого 25 м, при высоте 1,5 м. Он обставлен по кругу гранитными плитами, слегка наклоненными внутрь. Длина плит 1,3—1,7 м, ширина 0,8—1,1 м. Всего в этом могильнике раскопано пять курганов — три нами и два экспедицией Центрального музея Казахстана в 1947 г.[1] Все они имеют каменные ящики, находящиеся очень неглубоко от поверхности земли (в одном случае две стенки ящика сложены из плит). В четырех курганах в ящике найдены мелкие кальцинированные кости и обломки сосуда, в пятом — разбросанные кости мужского скелета и сосуд.

Все сосуды типично андроновского типа без уступа на плечиках с богатой геометрической орнаментацией. То же можно сказать и о характере могильного сооружения.

Курганы, обставленные большими плитами камня и имеющие диаметр до 25 м, для этой культуры встречены впервые. Несомненно, что под этими курганами похоронены выдающиеся представители андроновских племен, что указывает уже на какое-то социальное неравенство, впервые отмечаемое для андроновской культуры.

Могильник № 4 у западного берега озера Сарыколь состоит из курганов иного типа. Это — курганы с полусферической насыпью из обломков гранита (большей частью с грабительскими воронками), диаметром до 35 м и высотой до 2 м. Большинство курганов окружено кольцеобразной каменной выкладкой шириной до 0,5 м. Рядом с некоторыми курганами (за пределами кольца) находятся небольшие каменные выкладки, имеющие форму курганчиков. Раскопки их показали, что камни были положены прямо на поверхность почвы. Всего было раскопано шесть курганов и 14 выкладок. Все курганы оказались почти дочиста ограбленными. Захоронение производилось в грунтовой яме, в вытянутом положении, головой на запад. Только в кургане № 1 (диаметром 35 м) могильная яма была перекрыта большими

[1] Л. К. Нифонтова. Андроновское погребение в Абаевском районе Семипалатинской обл. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1950.

гранитными плитами. Количество находок очень невелико. Во всех шести курганах найдено несколько небольших обломков глиняных сосудов, обломок железного ножа, железный крючок (лежал на тазовых костях) и кости человека. Судя по форме курганов, аналогичных Берккаринским [1], и найденным предметам, мы можем отнести этот могильник к III—I вв. до н. э., оговариваясь, что материала для точной датировки все же недостаточно.

По определению В. В. Гинзбурга, антропологический тип погребенных в этом могильнике европеоидный, близкий к андроновскому.

Работы 1949 г. и предшествующих лет охватили в основном все районы Восточного Казахстана (за исключением Павлодарской обл.), что позволяет нам, привлекая также и весь имеющийся материал, сделать некоторые общие выводы.

1. На всей территории Восточного Казахстана, начиная с эпохи бронзы, преобладающим видом хозяйства было кочевое скотоводство. Земледелие существовало, но всегда играло подчиненную роль. Обращает на себя внимание отсутствие видимых остатков оседлых поселений, что так характерно для Южного Казахстана и Семиречья. Имеющиеся кое-где остатки оросительных систем невелики, и явно, что не они определяли основное направление хозяйства. Древние поселения (Семипалатинск, Мечеть, М. Красноярка) никак нельзя считать крупными оседлыми центрами, хотя часть из них существовала в течение длительного времени. Основные археологические памятники Восточного Казахстана — это огромное количество курганов, бо́льшую часть которых можно отнести к эпохе ранних кочевников. Характерными памятниками являются также многочисленные древние выработки на медь, олово и золото и наскальные изображения, датируемые тем же временем.

2. Культура ранних кочевников развивается в Восточном Казахстане непосредственно на андроновской основе и генетически с ней связана. Поселение у М. Красноярки как раз и указывает эту переходную стадию. То же мы можем сказать и о Северном Казахстане, где генетическая связь андроновской и раннекочевнической культуры прослеживается особенно четко на материале поселений Степняка. Поздний этап андроновской культуры в Казахстане синхроничен Карасуку на Оби и Енисее. Археологические исследования здесь проведены сейчас уже в таком объеме, что не заметить карасукских памятников было бы невозможно. Они не распространяются на запад дальше верховий Оби. Сходство же некоторых форм бронзовых орудий указывает скорее на культурные связи.

Переход от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому произошел на базе естественного развития части андроновских племен, все более и более развивавших у себя скотоводство, освоивших коня как средство передвижения и затем как боевую силу и начавших кочевание в поисках лучших пастбищ для увеличивавшихся стад, а также и для грабежа оседлых соседей. Ограбление и захват одними племенами других, неравномерность накопления богатств (главным образом скота), большие передвижения племен в результате военных столкновений создали условия для неравномерного развития отдельных групп населения. Разница в хозяйственных укладах (кочевание и оседлость) создает ощутимую разницу и в памятниках материальной культуры (например, майэмирский этап, большереченская культура и семипалатинские дюны). Былое культурное, этническое и хозяйственное единство андроновских племен, под влиянием перехода в кочеванию, все более и более ослабевает и к VII в. до н. э., видимо, исчезает почти полностью.

---

[7] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 15.

Крупнейший центр добычи и обработки меди, олова и золота в Западном Алтае с переходом к кочеванию получает вначале новый стимул для своего развития. Усилившаяся потребность в металле, главным образом для выделки оружия, так как война становится постоянным промыслом, заставляет усиленно эксплоатировать месторождения Кальбы и Нарыма. Исключительное богатство медью и оловом и высокое техническое совершенство получаемых бронзовых орудий отдалили по крайней мере на два-три века переход к железу, по сравнению с причерноморской Скифией, где в это же время протекали аналогичные исторические процессы. Однако дальнейшее развитие общества и просто естественный рост населения уже не могли базироваться на бронзовой индустрии. В Восточном Казахстане и на Алтае переход к железу происходит в V—IV вв. до н. э.

Значение металлургического центра в Западном Алтае выходит далеко за пределы его территории.

4. Еще большее значение этот центр имел для развития культуры эпохи бронзы, оказывая влияние на темпы развития местных племен. С прекращением добычи меди и олова Восточный Казахстан становится к III в. до н. э. окраиной кочевого мира. Начиная примерно с V в. до н. э. и позднее мы уже можем проследить некоторые конкретные особенности культурного развития отдельных племен, населявших Восточный Казахстан и Алтай.

Формы материальной культуры пазырыкских, большереченских, кулажургинских, сарыкольских и чиликтинских племен, несомненно, имели уже существенные этнографические различия (например, форма погребального обряда), хотя основные элементы хозяйства и всего культурного облика были для всех одни и те же. Эта разница отмечается также и в китайских письменных источниках.

5. Население Восточного Казахстана эпохи ранних кочевников автохтонно. Оно является прямым потомком андроновских племен, что неопровержимо доказали антропологические исследования Г. Ф. Дебеца и В. В. Гинзбурга. В эту эпоху здесь складывается так называемый «южносибирский» антропологический тип, тип современных казахов. Появляющаяся монголоидность, видимо, связана с передвижениями больших масс гуннских племен. Нам кажется, что здесь нужно еще учитывать и длительные естественные изменения антропологического типа, связанные со всей социальной и хозяйственной историей общества. В отношении языка раннекочевнические племена Восточного Казахстана шли по пути сложения тюркских языков. Намеки на это мы имеем у их южных соседей, усуней, а пятью столетиями позднее их тюркоязычность уже не вызывает сомнений (тюркский каганат, карлуки, тюргеши, кипчаки, кимаки).

6. История ранних кочевников Восточного Казахстана неразрывно связана с Алтаем, пограничной Джунгарией и Семиречьем. Племена, населявшие всю эту территорию, находились в тесных экономических, культурных и политических связях друг с другом, и амплитуда кочевания их захватывала все три района. Невозможно себе представить уже по самому характеру находок, чтобы пазырыкские вожди сидели только в горных теснинах Алтая и не показывались в степи. Берельский вождь также вряд ли ограничивался только верховьями Бухтармы и не интересовался, например, долиной Иртыша. Дальние кочевки и особенно военные походы не являлись прерогативой только гуннов, а были свойственны всем племенным объединениям степей. Особенно важно учитывать культурные и, видимо, хозяйственные и политические связи Восточного Казахстана с Семиречьем, начавшиеся еще в андроновское время, на что указывает удивительная близость состава бронзы верхнего Иртыша и Семиречья. В эпоху ранних кочевников эти связи крепнут. Несомненно, что северная периферия сакских племен,

их кочевой тыл, делавший их столь грозными для ахеменидской Персии, достигала Восточного Казахстана. В I в. до н. э. прямые политические связи иртышских племен с югом засвидетельствованы китайскими летописями в рассказе о Чжи-Чжи-Шаньюе. А в материальной культуре племени У-ге прослеживаются явные культурные связи с усунями Семиречья.

7. Обращают на себя внимание существенные различия в материальной культуре, а следовательно, и в историческом развитии племен Западного и Восточного Казахстана. На западе мы имеем единую сарматскую культуру, как показал Б. Н. Граков, уже с VI в. до н. э., распространяющуюся на большую территорию от Дона до Тургая и не имеющую пока четких локальных вариантов. Эта культура также входит в круг общестепных «скифских» культур, но отличается от соседей некоторыми этнографическими особенностями и, видимо, языком и генезисом. На востоке же мы имеем несколько культур, бытующих на значительно меньшей территории и имеющих иной облик и происхождение. Племена Северного и Центрального Казахстана нам еще не ясны из-за отсутствия материала. Исторический процесс в Восточном и Западном Казахстане имел свои конкретные особенности, выяснение которых станет возможно только в результате накопления нового материала путем дальнейших археологических исследований.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

К. Ф. СМИРНОВ

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ МЕОТСКОЙ И САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИКУБАНЬЯ И ДАГЕСТАНА

В течение трех лет (1947—1949) экспедиция ИИМК совместно с ГИМ производила археологические раскопки грунтовых могильников в районе станицы Пашковской Краснодарского края.

Открытый в 1934 г. М. В. Покровским Пашковский могильник № 3— один из многочисленных меото-сарматских памятников, исследование которых уже более двух десятилетий успешно производит Краснодарский историко-краеведческий музей. Своеобразные черты в обряде и инвентаре погребений Пашковского могильника № 3 отличают его от других меотских могильников Прикубанья. Эти своеобразные черты на фоне общего сходства меотских могильников, расположенных от станицы Елизаветинской до Усть-Лабинской, очевидно, носят характер племенных различий древнемеотского населения правобережья Среднего Прикубанья.

В результате раскопок могильника Н. В. Анфимовым и М. В. Покровским было исследовано 18 погребений [1]. Экспедиция ИИМК 1947—1949 гг., связанная с разработкой вопроса о происхождении и развитии меото-сарматской культуры Прикубанья, исследовала еще 34 погребения, из них 10 погребений в 1949 г. [2].

Исследования могильника дали возможность поставить вопрос о генезисе меотской культуры Прикубанья, установить генетическую преемственность между населением доскифского времени и раннемеотской группой Среднего Прикубанья.

Прикубанские грунтовые могильники, содержащие могилы раннескифского времени (VI—V вв. до н. э.), равно как и могильники этого же времени в центральных районах Северного Кавказа (Моздокский могильник, Нестеровский могильник), дают значительный процент скорченных погребений, продолжая тем самым погребальную традицию местного населения эпохи бронзы.

На Пашковском могильнике № 3 было обнаружено 12 скорченных захоронений, которые составляют почти четвертую часть всех исследованных

[1] М. В. Покровский. Могильник станицы Пашковской (близ г. Краснодара). ПИДО, № 5—6, 1935, стр. 150; Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 218.

[2] К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. XXVI; его же. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

с 1934 г. погребений могильника. Они рассеяны между могилами более позднего времени. Ориентировка погребенных разнообразна. Костяки лежат на левом или на правом боку. Некоторые вовсе не имеют погребального инвентаря или сопровождаются преимущественно лепным глиняным сосудом перед лицом (горшок, миска, кувшинчик). По керамике и по аналогии в погребальном обряде со скорченными погребениями Усть-Лабинского могильника № 2 (реальгар, галька в ногах) большинство этих захоронений относится к раннескифскому времени (VI—V вв. до н. э.). Эта группа генетически связана с основной меотской группой вытянутых погребений с южной или юго-восточной ориентировкой. Некоторые из скорченных погребений имеют южную или юго-восточную ориентировку. Лепные сосуды из этих могил (миски, кувшинчики) по глине и форме близки мелким сосудам основной меожской группы. Погребение № 6 (1948), относящееся к концу V—IV вв. до н. э., дало переходную форму от древнего обряда скорченности к типичному обряду IV—III вв. до н. э. В группе могил IV—III вв. до н. э. при погребенных по древнему обряду лежат отдельные гальки или кучки камней, иногда в сосуде.

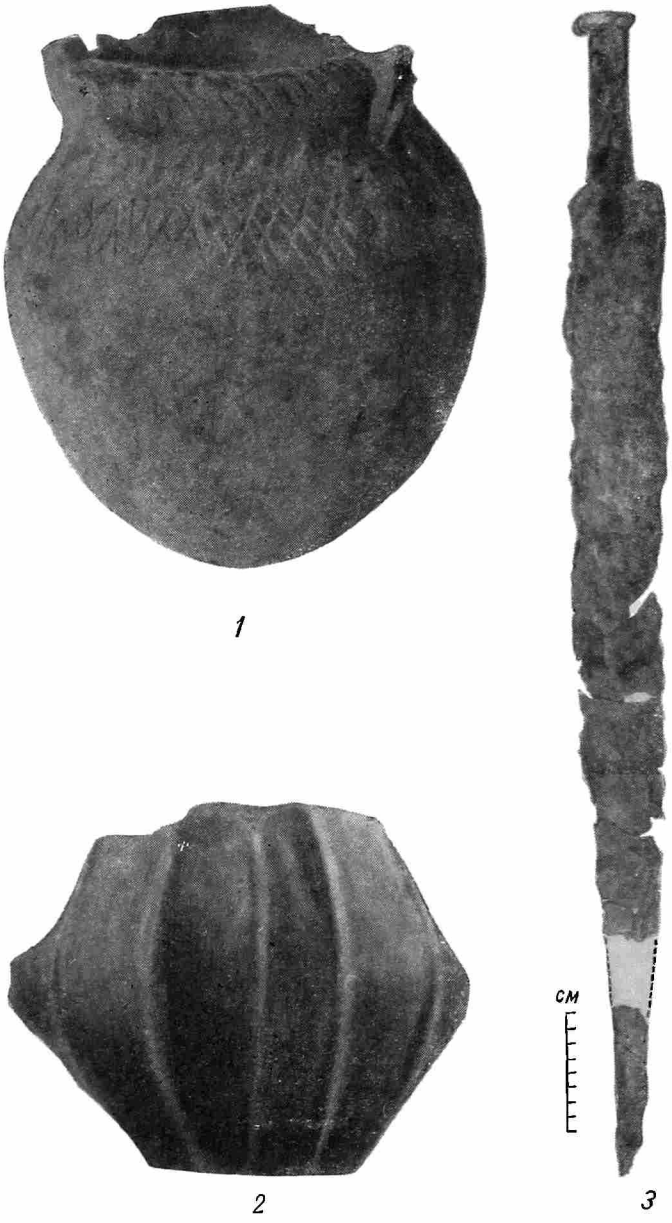

Рис. 48. Вещи из Пашковского могильника № 3

1 — глиняный горшок из погр. № 1 (1/3 нат. вел.); *2* — глиняный сосуд с вертикальными ребрами из погр. № 4; *3* — железный меч из погр. № 4 (1/7 нат. вел.)

Таким образом, две основные погребальные группы могильников отражают последовательные этапы развития одного и того же древнего меотского племени. Данные могильника позволяют также установить родство этого племени с местным населением эпохи бронзы. На могильнике были обнаружены два скорченных погребения доскифского времени. Одно из них было исследовано в 1946 г. Н. В. Анфимовым и М. В. Покровским (погр. № 2 с терочником северокавказской культуры эпохи бронзы, вторая половина II тысячелетия до н. э.). Другое, исследованное нами в 1949 г. (погр. № 1), отличается противоположной, северо-восточной, ориентировкой. Костяк находился в

обычной для ранней группы пашковских погребений позе: перед лицом, как и в других могилах, стоял глиняный лепной сосуд, резко отличающийся от прочих сосудов скорченных погребений могильника. Сосуд круглодонный, с яйцевидным туловом и отогнутым коротким венчиком. Верхняя часть венчика украшена косой нарезкой; по основанию венчика — ногтевой орнамент, а по плечикам — нарезная сетка (рис. 48—*1*).

Доскифский облик сосуда очевиден. По форме и орнаменту он очень близок горшкам степной ямной культуры эпохи бронзы, но отличается от них ногтевым орнаментом и наличием отогнутого бортика.

37 погребений основной меотской группы конца V — III вв. до н. э. составляют около 70% вскрытых погребений Пашковского могильника.

В 1949 г. удалось окончательно подтвердить верхнюю дату этой группы. В женском погребении № 3, с типичным набором лепной и гончарной керамики, найден венчик чернолакового лекифа. По определению В. Д. Блаватского, лак — III в. до н. э. В богатых погребениях № 4 и 10 были найдены раннеэллинистические амфоры (среди них одна фасосская не позднее III в. до н. э.).

Инвентарь обнаруженных в 1949 г. могил основной меотской группы (№ 3, 4, 6, 7, 9, 10) в целом дает известные по прежним раскопкам вещи. В мужских погребениях обязательно оружие и прежде всего копья с узким и длинным пером. Число копий в одной могиле колеблется от одного до семи. Могила № 4, где было найдено семь наконечников копий,— одна из самых богатых; в ней был обнаружен целый колчан стрел с железными втульчатыми наконечниками. Здесь же был найден третий по счету для данного могильника меч с плоской рукояткой, заканчивающейся коротким брусковидным навершием, и без металлического перекрестия (рис. 48—*3*). Меч из могилы № 4 имеет широкий плоский клинок; его длина 75 см, форма и размер целиком соответствуют мечу из кургана № 15 у станицы Воронежской, раскопок Н. И. Веселовского 1903 г. (ГИМ, № 48478, III/286, № 1).

Керамика погребений, вскрытых в 1949 г., за редким исключением дала уже известные на этом могильнике формы Среди лепной лощеной посуды найдена новая форма — плоскодонный горшок с округлыми боками и массивными ручками-выступами (рис. 48—*2*). Корпус сосуда покрыт вертикальными валиками, придающими сосуду вид тыквы. Такие сосуды были найдены в двух могилах (№№ 4 и 9); в обоих сосудах лежали округлые камни (от 11 до 19).

Исследования Пашковского могильника показали, что «скифоидная» черная лощеная керамика — миски, корчаги, блоковидные кубки, близкие по форме сосудам Моздокского могильника VII — VI вв. до н. э., доживает в Прикубанье до III в. до н. э. [1]

В составе погребального инвентаря могил №№ 6 и 10 имеются копья (погр. № 6) и наконечники стрел (погр. № 10). Оба погребения имеют также предметы женского инвентаря, которые не типичны для мужских могил, а именно бусы (могила № 6) и пряслице (могила № 10). Не были ли это погребения женщин с оружием? Известно, что воинственные черты были свойственны не только женщинам савроматов, но и меотянкам.

Эти погребения интересны и в другом отношении. В могилах отсутствуют человеческие костяки, при полной сохранности всего инвентаря и хорошей сохранности костей животного. Возможно, что это кенотафы.

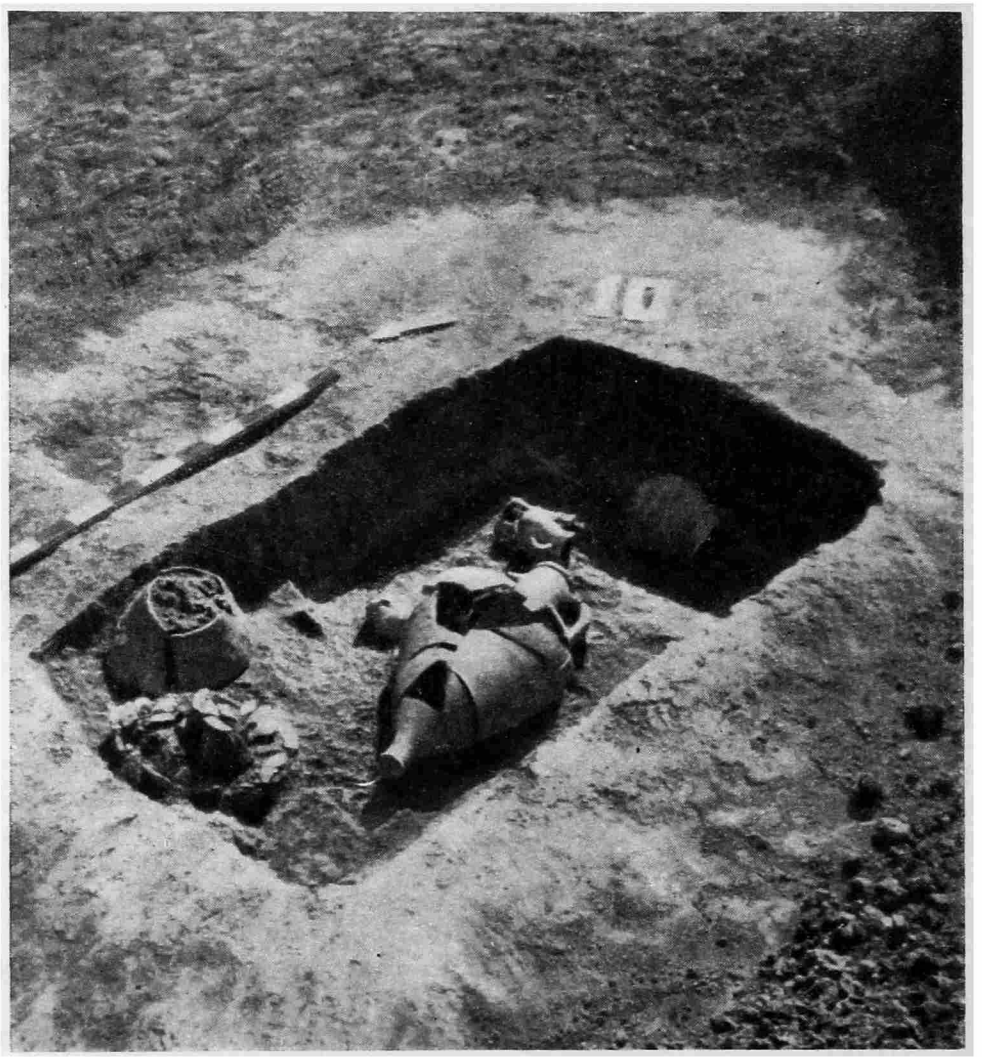
Наконец, следует отметить один из новых результатов исследования могильника в 1949 г.— фиксация формы могильной ямы, которая уходила

---

[1] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 88, рис. 36—*1, 2, 5*; его же. Новые данные по сарматской культуре на Сев. Кавказе. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

1

2

Рис. 4). *1* — глиняные сосуды из погр. № 3 (1948) Пашковского могильника ($^1/_3$ нат. вел.); *2* — могила № 10 Пашковского могильника № 3

глубже уровня других могил. Н. В. Анфимову на этом же могильнике ранее удалось также зафиксировать форму могилы в ее нижней части. Нами было зафиксировано в плане могильное пятно погребения № 10 на 0,3 м выше дна самой могилы, находящейся на глубине 1,9 м от поверхности земли (рис. 49—2). Могила имела прямоугольную форму, размером 1,0 × 1,8 м. Судя по расположению инвентаря, другие имели ту же прямоугольную форму и приблизительно те же размеры. Некоторые богатые мужские могилы (погр. № 1, 1947 г.; погр. № 4, 1949 г.) были бóльшего размера.

На Пашковском могильнике № 1 экспедиция обследовала в 1948—1949 гг. на площади около 200 м² 29 грунтовых могил. В результате трех археологических сезонов, включая раскопки Н. В. Анфимова в 1936 [1] г., на этом могильнике было вскрыто 49 погребений, относящихся к одному времени и одной культуре. Близость инвентарей погребений Пашковского могильника № 1 к инвентарям ранней группы крымских и черноморских могильников V — VIII вв. (Суук-Су, Агойский, Борисовский могильники) уже отмечались М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым [2]. В целом дата Пашковского могильника № 1 может быть сокращена до второй половины IV — V вв. н. э. на основании аналогий с поздними памятниками сарматской культуры степного юга нашей страны и по отмеченным нами ранее общим чертам — с поздней группой приднепровских полей погребений [3].

Пашковский могильник № 1 — памятник кубанского населения, который сохраняет основные черты сарматской культуры поздней стадии ее развития. Господствующий погребальный обряд весьма устойчив и продолжает ту традицию сарматского обряда, который лучше всего изучен в степях Северного Прикаспия.

Господствующим обрядом погребения на Пашковском могильнике № 1 является трупоположение. Как показали исследования 1949 г., покойников погребали в очень узких могилах, расширяющихся в головах и суживающихся к ногам. К концу позднесарматской стадии (III—IV вв.) в Поволжье такая форма погребальной ямы, наряду с узкой подбойной могилой, становится господствующей формой. Погребения, как правило, индивидуальны, за исключением погребения № 5 1949 г., где вместе с женщиной был погребен ребенок с молочными зубами. Ориентировка погребенных очень устойчива — всегда головой на запад, с небольшим отклонением к северу или югу.

В могиле № 1 1949 г. череп погребенного носит явные следы искусственной деформации. Плохая сохранность скелетов в прочих могилах не дает возможности судить, насколько этот, столь характерный для ряда сарматских племен II — IV вв. н. э., обряд был присущ погребенным в данном могильнике. Искусственная деформация головы становится характерным признаком аланского населения III—VI вв. в центральных районах Северного Кавказа (в том числе и на Верхней Кубани) и отчасти в Крыму. В то же время она, вероятно, распространяется и на племена Прикубанья, откуда известно, кроме Пашковского могильника № 1, еще три пункта с деформированными черепами: могила № 3 Пашковского могильника № 3, могильник у станицы Ново-Лабинской (раскопки Н. В. Анфимова в 1947 г.) и в районе Фанагории [4].

Сероглиняная лощеная керамика Пашковского могильника сделана на гончарном круге и представлена главным образом кувшинами с низким ту-

---

[1] Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 215.

[2] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, 1936; Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 215.

[3] К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

[4] ОАК за 1870 г., стр. VII—VIII; В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938/39 г. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 293.

ловом, низким или высоким цилиндрическим горлом, иногда со стилизованными зооморфными ручками (глазки на них), кувшины типа энохойи,

Рис. 50а. Вещи из погребений Пашковского могильника № 1

1 — каменные бусы; *2* — инструменты; *3*, *5* — браслеты; *4* — фибула; *6* — витая гривна; *7* — цепочка (из погр. № 15; 1948). Номера *2*, *3*, *5*, *6*, *7* — бронза; *4* — серебро

маленькие узкогорлые кувшинчики без ручки. Реже встречается лепная посуда в виде горшков со слабо выраженными плечиками. Формы гончарной глиняной посуды непосредственно развились из сарматской керамики Северного Кавказа и волго-донских степей первых веков нашей эры.

Сарматскими по происхождению являются также витые и гладкие гривны (рис. 50а — *6*: 50б—*9* и 51—*1*) туалетные коробочки, зеркальца с петелькой в центре и рельефным орнаментом на одной стороне (рис. 50б—*10*). Последние, как правило, разбиты в соответствии с обрядом, распространившимся у некоторых древних племен Юга нашей страны, очевидно, под влиянием сармат. Ритуальная деформация или разбитые зеркала ранее всего фиксируются в погребальном обряде сармат Северного Прикаспия.

В целом погребальный обряд у населения, оставившего Пашковский могильник № 1, значительно упрощается, по сравнению с меотским погребальным обрядом. В могилу ставили не более трех сосудов, а чаще всего — один. Мужчин хоронили с оружием (мужских могил на вскрытом участке

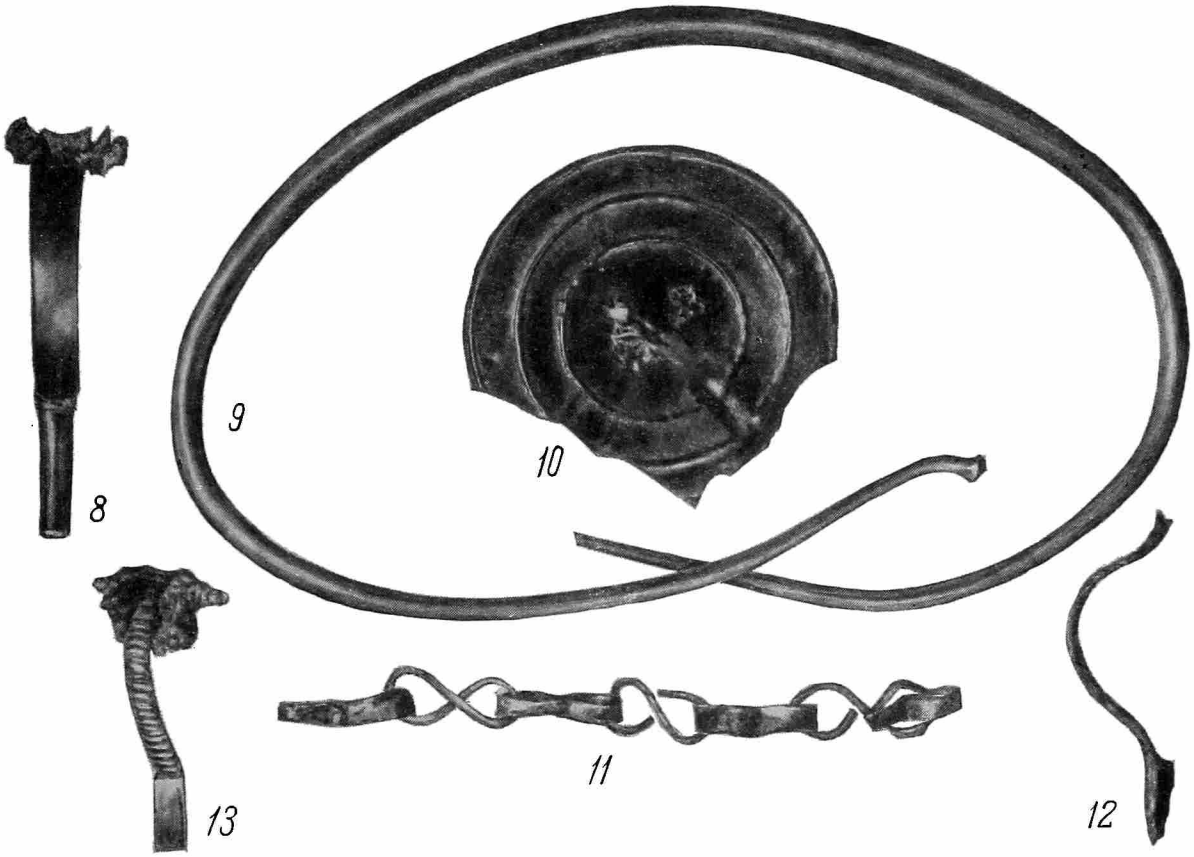

Рис. 50б. Вещи из погребений Пашковского могильника № 1

8 — фибула; *9* — гривна; *10* — зеркальце из сплава; *11* — цепочка; *12* — фибула (из погр. № 1; 1949). *13* — фибула (из погр. № 5; 1949; $^4/_5$ нат. вел.). Номера *10—12* — бронза; *8*, *9*, *13* — серебро

могильника очень мало), детей и женщин — с их украшениями (браслеты, гривны, туалетные коробочки, серьги, цепочки, большое количество бус, особенно из янтаря и пр.). Упрощение погребального обряда дает возможность лучше усмотреть имущественную дифференциацию населения. В 1949 г. при наиболее богатых погребениях (№ 2 и 5) обнаружены тайники, в которых была запрятана самая ценная часть погребального инвентаря. Здесь найдены серебряные гривны, браслеты, фибулы, пряжки, серьги, бронзовые туалетные коробочки, цепочки, зеркальце, бусы из янтаря, халцедона, горного хрусталя, египетской пасты, пестрого стекла, т. е. наиболее типичные вещи этого могильника (рис. 51).

Сарматские черты обряда и инвентаря являются ведущими в данном могильнике. Являясь памятником позднесарматской культуры Прикубанья, Пашковский могильник № 1 представляет непосредственное связующее звено

между сарматской культурой первых веков нашей эры и аланской культурой раннего средневековья, широко распространившейся от Дона до Северного Кавказа, т. е. на территории бывшей азиатской Сарматии Птолемея. Основные формы керамики, браслеты, зеркальца Пашковского могильника находят свое дальнейшее развитие в культуре северокавказских и подонских племен VI — IX вв.

С распространением сарматской культуры в Северном Причерноморье в костюме населения этой области широкое применение находят фибулы, которые становятся характерными главным образом для женского костюма. Для Пашковского могильника типичен поздний вариант фибулы с подвязанным приемником (рис. 51—*3*), фибулы с пластинчатой дужкой и трубчатым приемником (рис. 50б—*8, 13*), фибулы пластинчатые с треугольными щитками (рис. 51—*2*) и пальчатые или лучевые (рис. 50—*4*).

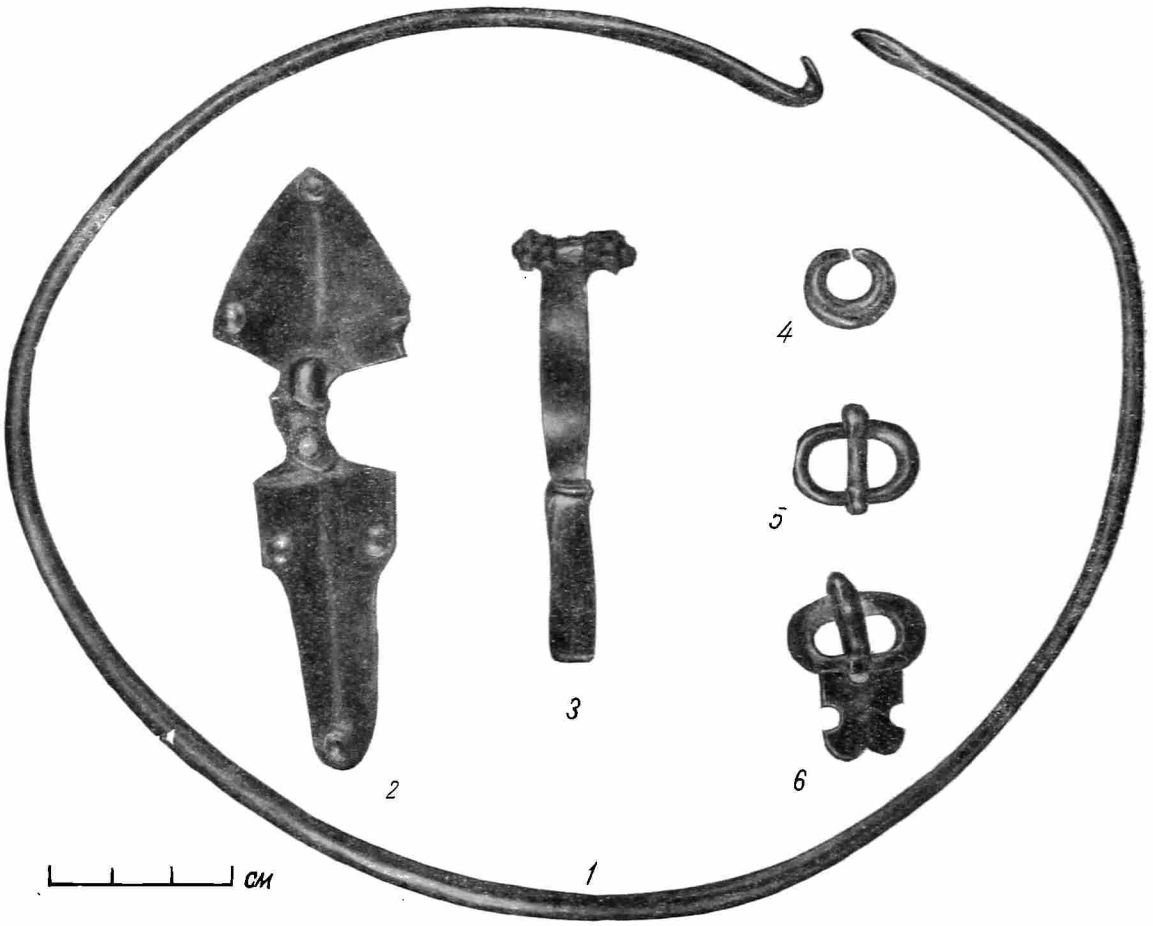

Рис. 51. Часть серебряных вещей из тайника при погр. № 5 (1949) Пашковского могильника № 1

1 — гривна; *2*, *3* — фибулы; *4* — серьга; *5*, *6* — пряжки (нат. вел.)

Широкое распространение подобных фибул мы наблюдаем также в поздних полях погребений Приднепровья и в памятниках Северного Причерноморья, близких или одновременных культуре полей погребений. Определенная общность материальной культуры Прикубанья, Крыма и Поднепровья, наблюдаемая в это время при сравнении погребальных инвентарей местного населения, свидетельствует, во-первых, о торговых связях этих областей с центрами, где производились или откуда поступали многие серебряные и бронзовые изделия, бусы и пр.; во-вторых, о тесном общении между насе-

лением указанных областей, возможно, опять-таки через эти производящие и торгующие центры Северного Причерноморья, каковыми, очевидно, являлись старые северочерноморские города античной эпохи.

Очевидно, из Приднепровья на Кубань попадал в значительном количестве янтарь — янтарные бусы обязательно входили в состав ожерелья погребенных в Пашковском могильнике. Мы уже отмечали общие черты Пашковского могильника № 1 с поздней группой приднепровских полей погребений, выразившиеся в инвентаре и некоторых чертах погребального обряда [1]. Действительно, поразительно сходство формы ребристых мисок Пашковского могильника и мисок «черняховской» культуры. Причем в погребении № 3 1948 г. в такой миске стоял маленький сосудик (рис. 49—*1*) — черта обряда, известная и в полях погребений Приднепровья.

Раскопками 1949 г. было установлено наличие в Пашковском могильнике обряда трупосожжения, чуждого сарматскому миру и племенам Прикубанья в целом в предшествующий период.

На глубине 1,2 м были обнаружены сильно кальцинированные и обожженные кости (погр. № 6) рядом с серебряной фибулой, на которой сохранились отпечатки ткани (рис. 50б—*13*), и сероглиняный сосудик характерной для данного могильника формы — с эллипсоидным туловом и узким горлом. Мы имеем дело с трупосожжением на стороне. Обожженные кости были сложены в кучу, вероятно, в специальную ямку; рядом были положены сосудик и фибула.

При раскопках могильника нам несколько раз встречались отдельные сосуды без всяких признаков человеческого скелета. Не были ли они также остатками детских трупосожжений?

Проникновение в Прикубанье нового обряда трупосожжения, наряду с определенной общностью культуры Пашковского могильника и приднепровских полей погребений, еще более подтверждает тесное общение между сарматским населением Прикубанья и племенами Поднепровья в IV—V вв. и, возможно, свидетельствует о проникновении какой-то группы населения из восточных районов культуры полей погребений в Среднее Прикубанье.

В Дагестане экспедиция ИИМК, совместно с Дагмузеем, производила в течение трех лет (1947—1949 гг.) раскопки Таркинского могильника [2]. За это время бóльшая часть могильника была раскопана, в результате чего было исследовано 54 погребения, значительная часть которых принадлежит погребениям I — II вв. н. э.

Раскопками 1949 г., как и прежде, было обнаружено 11 погребений двух культур: семь могил, относящихся к сарматскому времени, и четыре каменных ящика каякентско-хорочоевской культуры.

Последние сходны с каменными ящиками Каякентского могильника, исследованного В. И. Долбежевым в 1898 г.: небольшие каменные ящики, ориентированные длинными сторонами главным образом до линии СВ—ЮЗ; в них погребены один или два человека, вероятно в сидячем положении [3]. В гробницах также были найдены кости домашних животных и глиняные сосуды. Среди сосудов преобладают формы больших горшков с узким дном и отогнутым широким венчиком. Тулово сосуда до шейки обычно обмазано снаружи глиной, а по основанию шейки часто имеются один или два налепных валика с косой насечкой. Таркинские сосуды сходны с сосу-

---

[1] К. Ф. Смирнов. Новые данные о сарматской культуре Сев. Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

[2] Е. И Крупнов. Археол. работы на Сев. Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1950, стр. 19—20; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

[3] ОАК за 1898 г.

дами Каякентского и Хорочоевского могильников [1]. Налепной орнамент более характерен для второго могильника.

Из немногих бронзовых вещей найдена ворворка вместе с остатками конского черепа, около каменной гробницы № 35. Подобные ворворки встречаются в составе конского убора в погребениях раннескифского времени на Северном Кавказе.

Среди погребений сарматского времени (№ 32—34, 36, 38, 40, 41) преобладают грунтовые погребения. Полуразрушенный каменный ящик № 41 с остатками детского погребения сарматского времени свидетельствует о том, что в это время местное население продолжало сооружать каменные гробницы или использовало для погребений старые. Некоторые черты погребального обряда роднят эти погребения с сарматскими Нижнего Поволжья: положение кисти руки на таз, посыпка могилы мелом (погр. № 36).

Интересно захоронение целой лошади рядом с женской могилой № 32. Захоронение целого коня у сарматов северокаспийских степей не наблюдалось. На Кубани погребения лошадей, очевидно, как пережиток конских гекатомб Ульского кургана, встречаются в грунтовых могильниках последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры.

В погребальном инвентаре могил сарматского времени выделяются вещи, характерные для степных сарматских районов Предкавказья и Нижнего Поволжья: бронзовые украшения — фибулы, браслеты с утолщенными концами, витая проволочка с петельками на концах, височные кольца в 1,5 оборота, алебастровая бочковидная пронизка или пряслице, миски с загнутыми внутрь краями, миски на поддоне. Сарматские формы посуды по составу теста и выработке (аккуратная формовка без гончарного круга) не отличаются от других форм глиняных сосудов местного изготовления, сходных с керамикой ялойлутапинской культуры и синхронных ей грунтовых и кувшинных погребений Мингечаура. Оригинальной находкой является железный нож с серповидным лезвием и с кольцом на ручке. Кольцевидное навершие характерно для коротких сарматских мечей I в. до н. э.— II в. н. э. Таркинскому ножу близки ножи с подобной рукояткой из кувшинных погребений Мингечаура.

Раскопки Таркинского могильника в 1949 г. подтвердили выводы, основой которых послужили исследования могильника Е. И. Крупновым в 1947 г. и наши исследования в 1948 г.: культура местного населения прикаспийского района Дагестана родственна ялойлутапинской культуре Куро-Араксинского Двуречья; она подверглась значительной сарматизации вследствие образования большого аорского союза сарматских племен в Северном Прикаспии, в который, возможно, входили племена Северного Дагестана или, во всяком случае, находились в непосредственном соседстве и тесном общении друг с другом.

В результате произведенных разведок в Карабудахкентском районе ДАССР (южнее Махач-Калы, тоже в приморской части Дагестана) экспедицией был зафиксирован новый могильник сарматского времени на окраине с. Карабудах-Кент, по керамике очень близкий Таркинскому.

---

[1] А. П. Круглов. Предскифские памятники Северо-восточного Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 114, рис. 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

А. Н. КАРАСЕВ

РАСКОПКИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Тавро-Скифская экспедиция Крымского филиала АН СССР, ИИМК и ГМИИ провела в 1949 г. пятую полевую кампанию по изучению Неаполя Скифского [1]. В 1949 г. все работы были сосредоточены в раскопе «А», на котором в предыдущие годы были открыты остатки оборонительных сооружений главной линии обороны города — центральные городские ворота, мавзолей (рис. 52). Работы велись на пяти участках раскопа. Вскрыто 500 м^2 новой площади.

Юго-восточный участок. Основным достижением работ 1949 г. на этом участке является полное раскрытие остатков боевой башни. Она расположена к востоку от ворот, у внешней стороны передовой стены, протейхизмы, впритык к последней. Как и все оборонительные сооружения на главной линии обороны Неаполя Скифского, открытая в 1949 г. боевая башня, первый из известных нам памятников этого рода, имела несколько последовательно возведенных каменных поясов.

Сравнительно хорошо сохранился первый пояс башни — все три ее стены; четвертой же являлась протейхизма, причем южная стена башни частично достигает высоты 2 м. Подошва первого пояса башни почти полностью совпадает с подошвой протейхизмы. Стены этого пояса имеют одинаковую ширину — 1,3 м. Нижние ряды стен сложены из крупных грубо обколотых камней, верхние части — из более мелких, плоских. Внутри башни имелась камера размером 5 × 3,5 м.

В глинистом слое, лежащем над скалой внутри башни, обнаружены обломки керамики II в. до н. э. Нет никакого сомнения в том, что открытая в 1949 г. башня, с первым поясом ее стен, была возведена вскоре после сооружения протейхизмы или, что более вероятно, одновременно с ней. Очевидно, первоначально выводились стены протейхизмы, после чего к ним с наружной стороны пристраивались стены башни. Отсутствие переплета стен башни, примыкавших к протейхизме под прямым углом,— явление, характерное для скифского строительного искусства; точно так же сопрягаются каменные цоколи зданий внутри городища. Совпадение уровней подошв протейхизмы и первого пояса башни также свидетельствует об единовременности их сооружения. Обнаруженные находки II в. до н. э. внутри

[1] Начальник экспедиции П. Н. Шульц. Раскопки города проводились Симферопольским отрядом экспедиции под руководством А. Н. Карасева. Работами на юго-восточном и западном участках раскопа руководила Н. Н. Погребова; на северо-восточном и северном — О. Д. Дашевская.

башни подтверждают ранее установленную дату сооружения протейхизмы во II в. до н. э.

От второго пояса башни сохранились только остатки восточной и южной стен и юго-западного угла, западная же стена полностью выбрана. Ширина южной стены второго пояса 2,2 м.

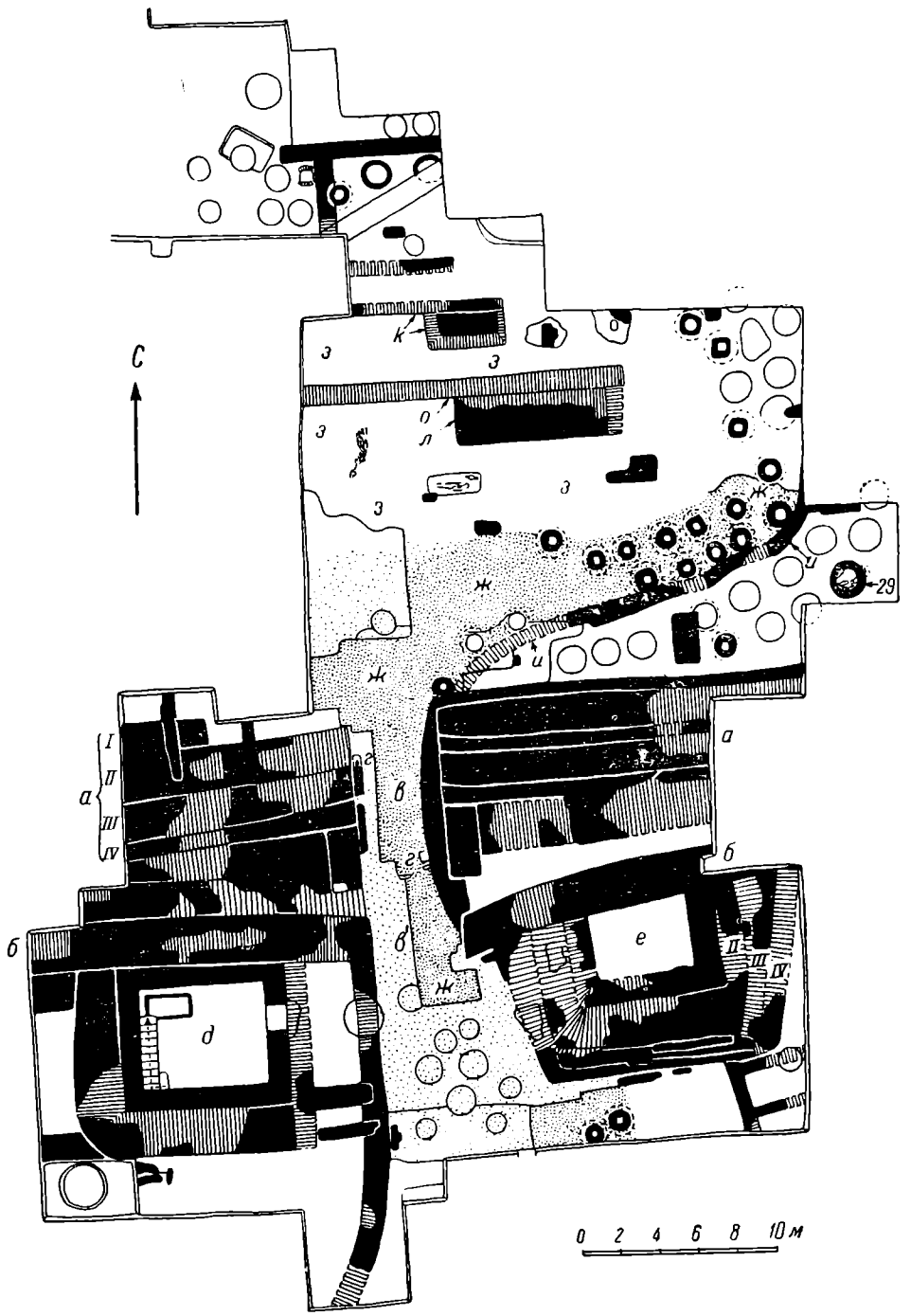

Рис. 52. Сводный план раскопов „А" и „Б" Неаполя Скифского

Подошва первого пояса лежит на специально подготовленном основании, на скале с выбранной наскальной коркой, подошва же второго пояса лежит на культурном слое толщиной 0,4—0,6 м. Наружный, панцырный, ряд пояса сложен из крупных камней, забутовка — из более мелких.

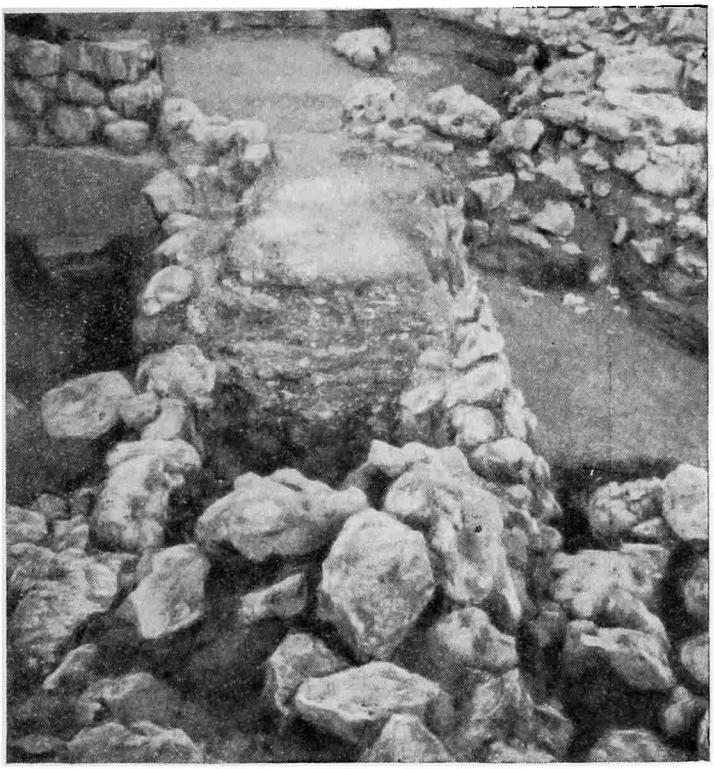
Второй пояс датируется обломками ручек амфор с клеймами, обнару-

женными в культурном слое под подошвой второго пояса, также II в. до н. э., скорее его концом.

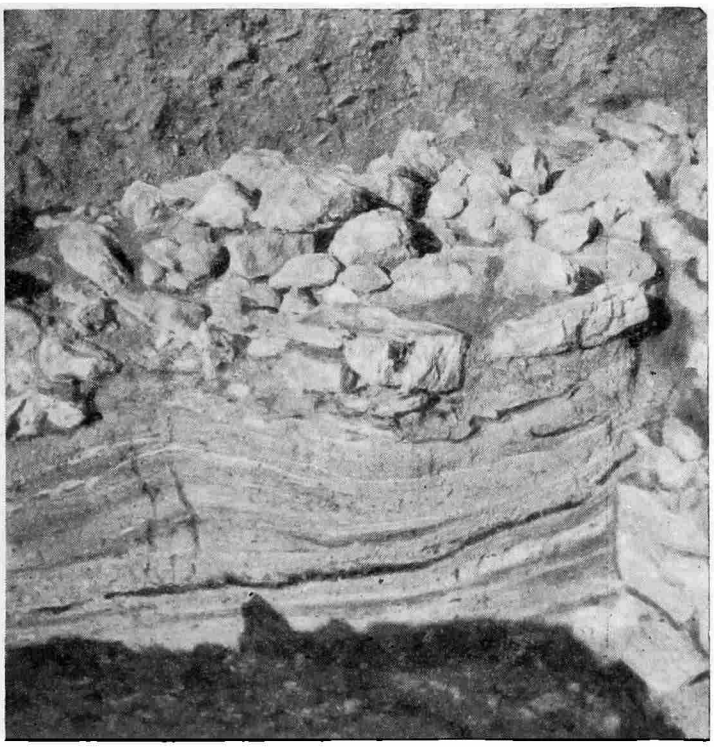
Третий и четвертый пояса башни дошли до нас в крайне фрагментарном состоянии. Подошвы их лежат значительно выше подошвы второго пояса.

Кладка последних двух поясов отличается от кладки предыдущих небрежностью и носит следы поспешности их сооружения. Толщина стен различна: южные стены башни этих поясов тонки и имеют характер скорее новой облицовки, восточная и западная стены постепенно расширяются по мере приближения к протейхизме. Датируются третий и четвертый пояса I—II вв. н. э.

Необходимо отметить, что часть четвертого пояса лежит на вымостке из мелкой гальки, в плотном слое известняковой крошки или известкового раствора. Остатки этой чрезвычайно крепкой вымостки частично вскрыты у юго-западного угла башни. Вымостка на юге уходит в нерасследованную раскопками площадь, а на севере обрывается у третьего пояса башни. Вдоль южного борта раскопа в вымостке имеются две зерновые ямы, дошедшие до нас в полной сохранности. Они были закрыты плотно пригнанными крышками из плоских плит. Глубина ям 1,6 м, диаметр дна 1,1 м и 1,3 м. К сожалению, датирующих находок в ямах не оказалось. Ямы — обычной формы и по характеру своего устройства могут быть отнесены к I в. н. э.

1

2

Рис. 53. Неаполь Скифский

1 — первый древнейший пояс оборонительной стены III в. до н. э.; *2* — забутовка третьего пояса оборонительной стены (II в. до н. э.), покоящаяся на золе

У юго-восточного угла башни открыты остатки небольшого здания, расположенного за пределами оборонительных сооружений. От здания сохранилось два-три ряда лежащего на наскальной корке каменного цоколя, который частично перекрыт кладкой четвертого пояса башни. Открыто два помещения здания. В одном из них обнаружены остатки очага; здесь же найдены куски металлического шлака. Здание датируется позднеэллинистическим материалом, найденным в его помещениях.

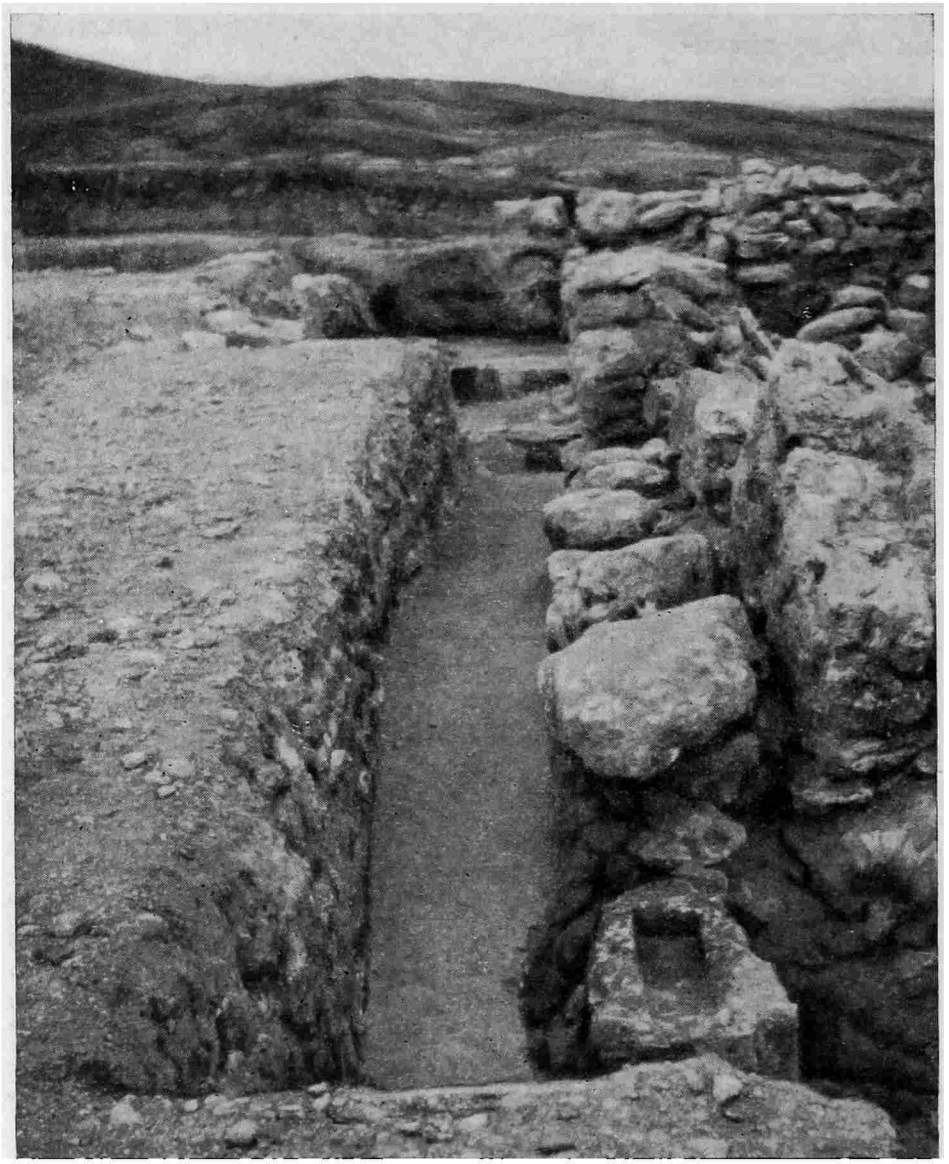

Рис. 54а Неаполь Скифский.

Остатки западной стены пролета ворот с квадром, имеющим паз для стояка древнейших ворот (III в. до н. э.).

Западный участок. Основной задачей раскопок на этом участке являлось полное доследование оборонительных стен, расположенных к западу от городских ворот. В результате раскопок 1949 г. удалось выявить пояса основной стены, конструктивные особенности отдельных поясов, уточнить датировку их сооружения.

Первый по времени сооружения пояс, относящийся к III в. до н. э., отличается от всех остальных поясов стены. Подошва его лежит частью на скале, частью на погребенной почве. Внутренний и внешний панцыри пояса

сложены из крупных плоских камней, середина же заполнена частью бутом, частью засыпью мелкой наскальной корки (рис. 53—*1*). Точно такая же особенность первого пояса наблюдалась и при раскрытии его на участке к востоку от городских ворот.

С внешней стороны к первому поясу примыкает толстый слой золы, местами достигающий почти 1 м высоты. Зола лежит тонкими горизонтальными прослойками различной окраски — от светлосерой до черной. Все последующие пояса городской стены к югу от пояса первого строительного периода лежат на золе (рис. 53—*2*). Пояса, построенные на таком плохом основании, как лежащая толстым слоем зола, дали неравномерную осадку. В связи с этим панцырный ряд третьего пояса, сложенный из крупных блоков, не только осел значительно ниже забутовки, но и, оторвавшись от нее, в значительной мере накренился в наружную сторону.

Рис. 54б. Неаполь Скифский

горловина и крышка зерновой ямы № 21 (I—II вв. н. э.)

Последующий, четвертый пояс стены, сложенный из плоских крупных камней и имеющий ширину всего в 1 м, укрепил пришедший в ветхость этот участок стены. Пояс стены второго строительного периода, примыкавший к поясу III в. до н. э. на севере (т. е. со стороны города), лежит на тонком культурном слое, который состоит в основном из рушенного сырца. В отличие от аналогичного пояса, лежащего к востоку от ворот, первый пояс западного участка не доходит на 7 м до ворот, обрываясь прямоугольным торцом.

Общая ширина стен к западу от ворот, от первого пояса основной стены до примыкавшего к протейхизме мавзолея, 12,5 м.

Городские ворота. В 1949 г. были произведены частичные доследования центральных городских ворот. Раскрытые полностью в 1948 г. остатки городских ворот давали возможность судить о размерах и устройстве только для последнего периода их существования.

Задачей работ 1949 г. являлись дополнительные исследования для раскрытия остатков ворот более раннего времени. Необходимо было убедиться

в правильности отнесения нами второго пояса оборонительных стен к первому строительному периоду. Для этой цели вдоль всей западной стены пролета ворот была удалена верхняя вымостка полосой в 1 м ширины, с последующим углублением до более ранних горизонтов.

В результате этих работ удалось выявить характерные скифские строительные приемы. Например, облицовочные наружные ряды всех поясов оборонительной стены сложены из крупных, грубо оболваненных камней, положенных постелью; торцы же третьего и четвертого поясов, обрывающиеся по одной прямой линии с торцом второго пояса и образующие в целом западную стену пролета ворот, облицованы очень крупными поставленными на ребро плитами. Кроме того, наружная, панцырная, кладка поясов неизменно имеет постепенное западание к центру стены, а поставленные на ребро толстые (до 0,4 м) плиты торцов строго вертикальны.

К сожалению, часть второго, самого раннего пояса городской стены около ворот оказалась полностью выбранной, но сохранились четкие следы границ этого пояса. Углубляясь в метровой полосе на линии прохождения древнейшего пояса, мы обнаружили на глубине 0,45 м ниже поздней вымостки большой квадр с прямоугольным неглубоким пазом на верхней плоскости для установки деревянного стояка для навесных ворот (рис. 54а).

Вновь обнаруженная деталь устройства ранних ворот находится на 0,6 м ниже подпяточной плиты ворот позднего периода, во время которого городские ворота окончательно были разрушены.

Таким образом, работами 1949 г. доказано, что второй пояс является древнейшей частью городской стены, что в данном месте всегда находились городские ворота и что навесные ворота первого строительного периода, относящегося к III в. до н. э., были более совершенными, чем ворота периода упадка города.

На северо-восточном участке производилось дальнейшее раскрытие большого комплекса зерновых ям, расположенного внутри города, в районе городских ворот.

Всего здесь раскрыто 40 зерновых ям, из них 16 открыто в 1949 г. Зерновые ямы этого района делятся на две группы: 1) ямы, расположенные в вымостке, идущей от городских ворот на северо-восток, и 2) ямы, расположенные в непосредственном соседстве с городской стеной. Обе группы ям, разделенные фрагментарно сохранившейся подпорной стеной, шедшей от ворот по плавной кривой на северо-восток, отличаются одна от другой формой, размерами и залегают на различных глубинах.

Подпорная стена оформляла широкую площадку, постепенно суживающуюся по мере приближения к воротам и возвышавшуюся над остальной территорией этого района. Не исключена возможность, что в данном случае мы имеем плохо сохранившиеся остатки пологого пандуса для подъема на городские стены. В результате этого венцы ям, расположенных на возвышенной площадке, на 1,5 м выше венцов рядом лежащих ям в вымостке.

В 1949 г. открыто восемь ям верхней группы. Найденный в них материал смешанный и крайне незначительный, что затрудняет определение времени их существования.

В одной из ям этой группы (№ 29) было обнаружено захоронение человека с конем. Верхняя узкая часть ее, сложенная из мелких плоских камней, была разобрана. Для захоронения человека в северо-восточном секторе ямы, в скале была выдолблена трапециевидная в плане ниша, шириной 0,7—0,5 м, глубиной 0,35 м, высотой 0,6 м. Дно ниши совпадает с дном ямы. На то, что ниша была сделана в яме специально для захоронения человека, указывает известняковая крошка по всему дну ямы, образовавшаяся при выдалбливании ниши. Захоронение было совершено в сидячем положении в нише. При человеческом костяке найдена золотая круг-

лая оправа с зернью, два бронзовых предмета (возможно, оправа для ремней), лезвие железного ножа и обломки длинных костяных орудий неясного назначения, в виде узких пластинок, с отверстием на одном конце и с нарезками на другом, скошенном конце.

На дне лежал костяк лошади с подогнутыми ногами. При захоронении яму засыпали землей и камнями. Судя по найденным в засыпи обломкам краснолаковой керамики, это погребение может быть датировано не ранее II—III вв. н. э.

Продолжалось раскрытие и другой группы зерновых ям, расположенных на уровне вымостки. К сожалению, большая часть их оказалась разрушенной еще в древности. Ямы, как и вымостку внутри города, покрывал темный золистый слой.

На расстоянии 21 м на северо-восток от городских ворот вымостка из мелкого хорошо утрамбованного камня оборвалась, и все открытые вне ее пределов зерновые ямы оказались или полностью разрушенными, или полуразрушенными. Зерновая яма № 21 дошла до нас в полной сохранности; сохранилась не только покрывавшая ее крышка, но и раствор, при помощи которого были тщательно залиты все швы между крышкой и круглым венцом ямы (рис. 54б).

Эта яма, как и все другие дошедшие до нас в целом виде, оказалась заполненной темной крупичатой землей, мягкой и однородной по своему составу от верха и до дна ямы. По своей фактуре эта земля очень напоминает землю кротовин. В яме № 21 обнаружены костяки 20 мелких грызунов. Они попали сюда через маленькое отверстие из соседней ямы. Таким образом выяснилось, почему в зерновых ямах Неаполя Скифского мы нигде не обнаружили следов хранившегося в них зерна.

После гибели хранилища в ямы проникали грызуны, которые полностью уничтожили остатки зерна, заполнив яму переработанной ими землей. Ямы на раскрытой раскопками площади расположены с предельной густотой, и так как иногда перегородки очень тонки (4—5 см), то между ямами имеются небольшие сквозные отверстия.

Часть ям, вследствие чрезвычайной близости соседних ям имеет не круглую, а приплюснутую или овальную форму. Всего в северо-восточном участке раскопа открыто 40 зерновых ям, причем комплекс их уходит на север и на восток, в нерасследованную часть городища.

Расположение зерновых ям у городских ворот и большое число их свидетельствует о том, что раскрытый раскопками комплекс не мог принадлежать частному лицу. Перед нами, очевидно, крупное, принадлежавшее городу зернохранилище с запасами зерна на случай осады или для прокормления гарнизона крепости. Караул, охранявший городские ворота, одновременно охранял и запасы зерна.

Северный участок. Весьма успешные результаты дали раскопки района, непосредственно прилегавшего к городским воротам с севера. Здесь впервые за все время работ в Неаполе Скифском открыты строительные остатки большого сооружения, безусловно общественного назначения. По своим размерам, монументальности и строительному мастерству эти остатки резко отличаются от всех ранее открытых на городище остатков строений.

От сооружений сохранилась только часть цоколя прямоугольного выступа (размером 7,70 × 2,45 м), с облицовкой южного и западного фасадов. Восточный фасад, к сожалению, не сохранился. Цоколь облицован крупными, хорошо отесанными прямоугольными квадрами, очень плотно пригнанными.

Ввиду того, что здание стояло на покатом основании, подошвы облицовочных плит цоколя лежат на разных уровнях, верхняя же, несущая плоскость выведена строго по одной горизонтали. На восточной части

цоколя на протяжении 2,6 м сохранился один ряд кладки стены, высотой 0,4 м.

Прямоугольная часть сооружения примыкала к длинной стене, расположенной напротив городских ворот, на расстоянии 15 м к северу от них. К сожалению, эта стена полностью выбрана, но следы ее хорошо сохранились на подошве и на бортах раскопа. Все сооружение стояло на плотной вымостке из известняковой крошки, лишь слегка врезавшись в нее. Вымостка из крошки раскрыта на пространстве в 180 м^2. На севере эта вымостка уходит под более поздние вымостки; по всей вероятности, она доходила до городских ворот.

Очень плотный, хорошо утрамбованный слой крошки (толщиной в 5—6 см) лежит на плотном глинистом слое (толщиной в 10—15 см), который являлся, очевидно, подготовкой для вымостки. Глинистый же слой, в свою очередь, лежит на погребенной древней почве. Таким образом, эта вымостка относится к древнейшему на данном участке слою.

Вся вымостка имеет равномерный уклон к западу. На севере она обрывается по прямой линии, доходя до частично сохранившихся нижних рядов кладки стены, также шедшей в направлении с востока на запад, в месте соединения раскопов «А» и «Б».

Стена шириной 0,55 м была сложена из необработанных камней среднего размера. К ней примыкают остатки забутовки от прямоугольного выступа. От выступающей части сооружения, помимо забутовки, на подстилающем слое сохранились четкие следы прямоугольных квадров полностью выбранного облицовочного ряда, а примыкавшая к облицовке выступа вымостка из известняковой крошки обрывается по ровным прямым линиям. Размеры выступа 3,9 × 1,8 м.

Рассматриваемое нами сооружение с прямоугольным выступом относится к наиболее ранним строительным остаткам, открытым внутри городища.

Каково же назначение открытого в 1949 г. сооружения на северном участке раскопа? Это не жилое здание и не храм, имевшие четыре стены с кровлей. Сооружение имело только одну длинную стену с прямоугольным выступом. Стена эта находится против городских ворот, на расстоянии 19,5 м от них и расположена параллельно оборонительным стенам.

Хотя сооружение раскопано частично и, по нашим предположениям, открыта только восточная его половина, тем не менее остатки дают возможность предположительно восстановить и определить его назначение. Эта стена, находясь напротив ворот, не продолжается далеко на восток, а обрывается на линии восточного фасада выступа. Если мы продолжим ось пролета центральных городских ворот на север, то место пересечения оси со стеной будет серединой всего сооружения.

Прямоугольный выступ начинается от проложенной оси на расстоянии 3,8 м и продолжается далее на восток, длиной 3,9 м, составляя в общем восточную половину постройки. Таким образом, все сооружение было около 16 м в длину. Стена с двумя прямоугольными выступами на концах, расположенная по другую сторону от ворот у хорошо вымощенной площади, закрывала вид на городище с площади и оформляла ее. Нет никакого сомнения, что здесь была парадная часть этого района города. А так как и сами центральные городские ворота служили, по всей вероятности, только для торжественных случаев, на что указывает полная неизношенность вымосток, отсутствие следов колеи, то вполне понятно богатое оформление въезда в город. Не исключена возможность, что сооружение имело и культовое назначение. Это сооружение существовало, очевидно, сравнительно недолго, так как еще в эллинистический период взамен его возводится новая стена с прямоугольными выступами на концах, полностью повторяющая по форме и назначению первую, не только несколько

бо́льших размеров. Второе сооружение на 4,5 м стоит ближе к городским воротам.

По тем же расчетам, какие мы применили к сооружению первого периода, длина всего сооружения второго периода была около 27 м. Вообще все сооружение второго строительного периода имеет более монументальный характер и, по всей вероятности, было более роскошным. Если раскрытие остатков первого строительного периода сопровождалось малым количеством находок, то при раскрытии остатков сооружения второго строительного периода количество их было огромно. На север от сооружения залегал глинистый слой, образовавшийся от оседания частиц разрушенного сырцового кирпича. Слой образовывался постепенно и в дальнейшем мало был потревожен. Он датируется находками II в. до н. э. Особенно важны находки, непосредственно связанные с парадным сооружением второго

Рис. 55а. Обломок мраморной плиты с посвятительной надписью Деметре (II в. до н. э.);

строительного периода. В слое, у юго-западного угла выступа, была обнаружена прекрасно сохранившаяся капитель из известняка, одинаково обработанная со всех четырех сторон.

Капитель принадлежала свободно стоящему квадратному в сечении каменному столбу, размером $0{,}35 \times 0{,}35$ м в верхней части. Здесь же найдены мелкие обломки скульптуры из мрамора, обломок большого известнякового рельефа с изображением кисти правой руки, держащей посох или древко копья, а также обломок мраморного постамента небольшой статуи и посвятительной надписью Деметре на древнегреческом языке (рис. 55а).

Кроме того, найдено очень много обломков черепицы и значительное количество кусков литой бронзы; по всей вероятности, это обломки бронзовой статуи.

Нет никакого сомнения в том, что капитель, принадлежащая сооружению второго строительного периода, упала при разрушении постройки и, будучи прикрытой другими камнями, случайно сохранилась. Прямоугольный удлиненный выступ являлся, очевидно, одним из двух портиков, а именно — восточным. От портика дошла до нас только нижняя часть подиума, на котором стояло несколько квадратных колонн, поддерживавших антаблемент. Портики были перекрыты черепичной кровлей. Очевидно, в интерколумниях портиков были установлены статуи, а вдоль задней стены в портиках были размещены рельефы.

Будем надеяться, что дальнейшее раскрытие западной половины сооружения даст новые данные для восстановления его. В начале нашей эры стена с портиками второго строительного периода была, вероятно, разрушена. Выше остатков восточного портика находились остатки небрежно сложенной кладки II—III вв. н. э., имевшей направление с ЮЗ на СВ.

К этому же периоду относится и открытое в 1949 г. у юго-западного угла восточного портика полностью сохранившееся погребение воина. Погребение было совершено тогда, когда уже не существовало сооружения с портиками, а городские ворота, очевидно, уже не действовали. При устройстве могилы прорезали культурные слои, вымостку из известняковой крошки и на 0,5 м углубились в скалу. Могила была использована дважды. От первого захоронения сохранилось лишь несколько человеческих костей, медный браслет и фибула лучкового типа.

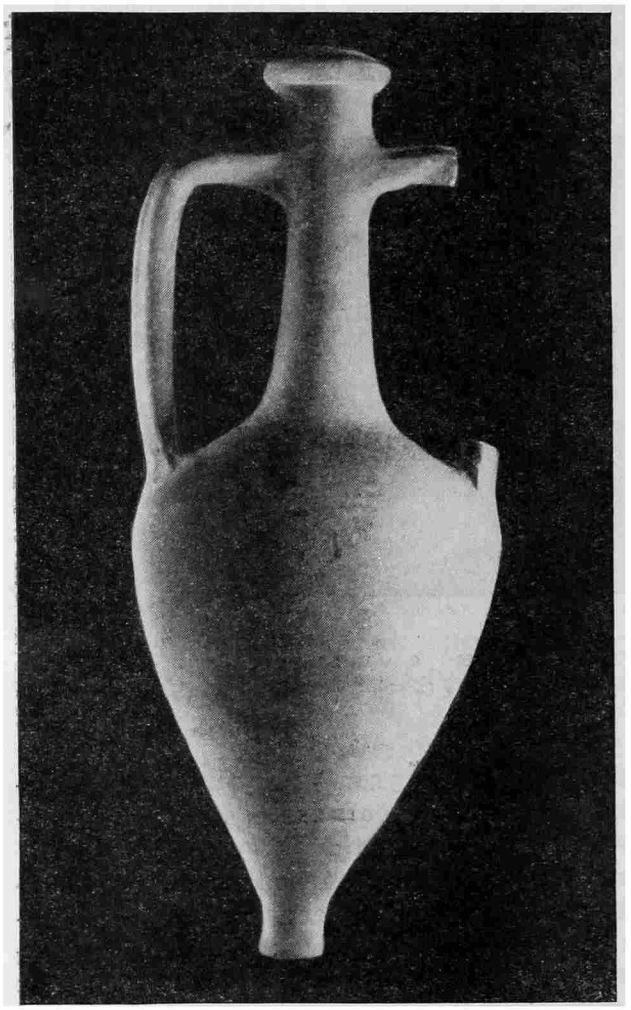

Рис. 55б. Остродонная амфора из погребения воина

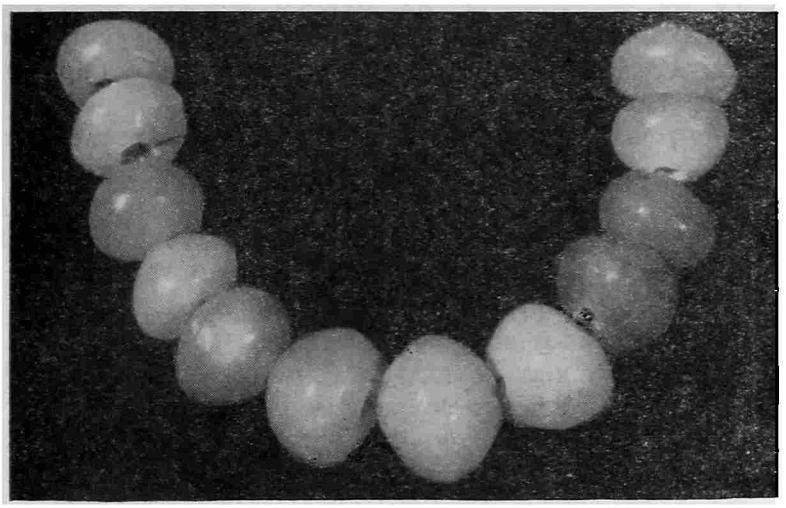
Второе захоронение дошло в полной сохранности. Мужской костяк лежал головой на восток в вытянутом положении. Вдоль правого бедра находился короткий меч, в головах — остродонная амфора с поломанной ручкой и с маленькой пробоиной в тулове (рис. 55б).

Около амфоры найдена кость конской ноги с железным ножом в вертикальном положении; он, очевидно, был воткнут в мясо. По краям могилы лежало 16 крупных халцедоновых бус (рис. 56—*1*). В ногах костяка обнаружено 38 бронзовых крупных пластин различной формы, обтянутых с лицевой стороны золотой фольгой (рис. 56—*2*). Из них 4 в виде круглых выпуклых щитков, 4 подковообразных, 4 — в виде буквы «П» и 14 листовидной формы.

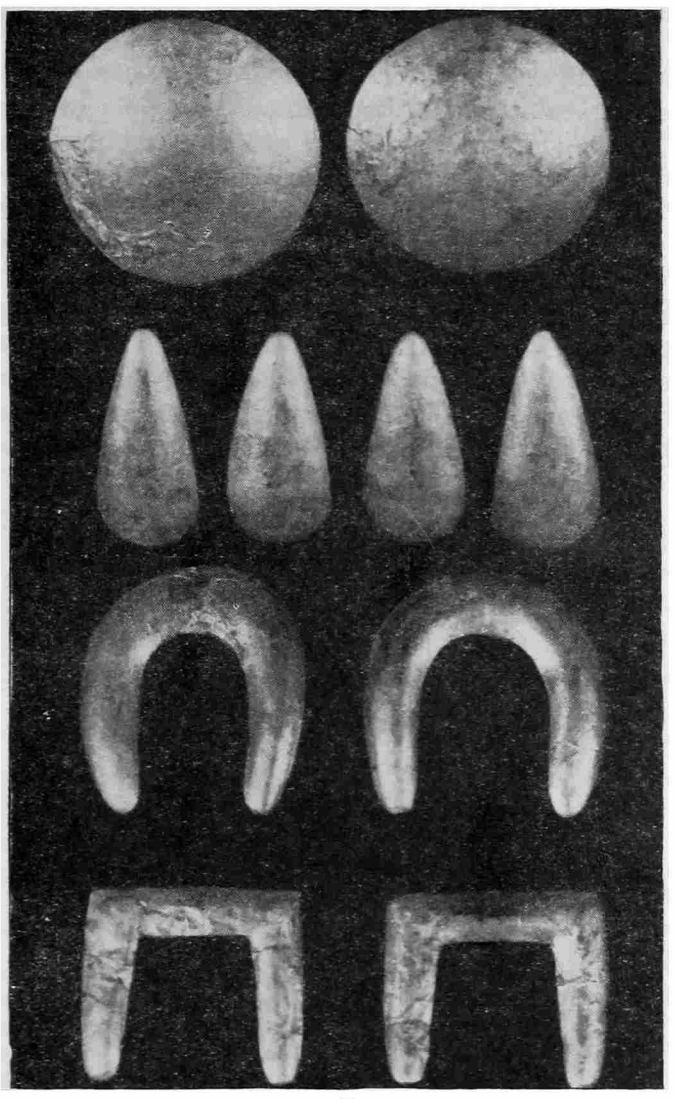
Все предметы имели бронзовые скрепки, которые были пропущены через толстый слой кожи. Все позолоченные предметы принадлежали к конскому убору, положенному на ноги покойника. Кроме того, в ногах костяка найдены железный конский налобник, удила и мелкие железные части узды.

По найденной при погребении узкогорлой амфоре погребение датируется III в. н. э. Следует отметить, что три аналогичных комплекса того же времени были найдены в XIX в. на Боспоре.

После захоронения могильная яма была засыпана землей и завалена крупными камнями. Очевидно, к этому захоронению относится и конский

1

2

Рис. 56. Вещи из погребения воина

1 — халцедоновые бусы от конской сбруи; *2* — бронзовые пластины, обтянутые листовым золотом

костяк, лежавший поблизости на спине, с подогнутыми ногами. Любопытно, что у коня не сохранилось ни одного копыта; они, вероятно, были отрублены при захоронении. Конь был погребен на расстоянии 3 м к западу от могилы. Ни одного предмета при коне не обнаружено. Конский костяк был также завален камнями.

В связи с тем, что в 1949 г. над остатками мавзолея был сооружен каменный футляр-павильон, предварительно, в начале лета П. Н. Шульцем было произведено доследование мавзолея. Для этого была удалена часть панцырного пояса вдоль западного фасада мавзолея и произведено расследование нижних частей сооружения вдоль южного фасада и северной стены мавзолея, где он примыкал к протейхизме.

В результате этих работ полностью раскрыты западный и южный фасады мавзолея, за исключением юго-восточного угла, где по ряду соображений остатки панцырного пояса сохранены полностью.

Как и другие фасады мавзолея, западный фасад был расчленен по вертикали на два пояса. Нижний пояс облицован приемом кордонной кладки из широких, на ребро поставленных плит, выше которого мавзолей был облицован большими, постелью положенными квадрами. Ниже облицовки, совпадающей с уровнем вымостки из крошки известняка, раскрыт неглубокий фундамент, выполненный в бутовой кладке.

В результате доследований внутри мавзолея, по удалении плит осевшей части лестницы, зафиксированы четкие следы пяти параллельно лежавших деревянных косоуров, поддерживавших каменные ступени лестницы, ведшей во второй этаж башни. Кроме того, прослежены детали сооружения каменного ящика, в котором было совершено основное погребение внутри мавзолея. Первоначально был выдолблен в скале неглубокий котлован; по краям его были установлены на ребро боковые плиты ящика, после чего снаружи их укрепили бутовой кладкой.

В настоящее время каменный павильон над мавзолеем полностью закончен, и остатки мавзолея защищены от дальнейшего разрушения атмосферными осадками.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

Е. И. ЛЕВИ

ИТОГИ ОЛЬВИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Несмотря на то, что раскопки Ольвии ведутся уже много лет, до сих пор еще важнейшие проблемы остаются нерешенными, как, например, проблемы о догреческом поселении, о времени возникновения колонии; до сих пор неясна история Ольвии на всех этапах ее развития, особенно в эллинистическое время, когда город оказался в подчинении у скифских царей; недостаточно раскрыто своеобразие культуры и т. д.

Экспедиция 1949 г. продолжила планомерное расследование трех важнейших участков — Верхнего города: участка «И» — северной окраины, на которой в архаическое время был расположен некрополь, и центральных участков «А» и «Е». Новым в работах экспедиции 1949 г. явился широкий выход за пределы Ольвии для изучения поселений Нижнего Побужья; в некоторых пунктах были организованы стационарные работы. Кроме того, впервые было положено начало изучению отдаленных от Ольвии районов на Березанском лимане [1].

Ольвийская экспедиция была организована Ольвийским заповедником УССР совместно с ЛОИИМК и Гос. Эрмитажем [2]. Ленинградский отряд работал, в основном, в Ольвии, поэтому мы остановимся главным образом на результатах полевых исследований Ольвии и лишь вкратце охарактеризуем основные достижения работ по изучению поселений Нижнего Побужья.

Раскопки в Ольвии

Задачей работ текущего года на участке «И» являлось дальнейшее изучение непосредственного окружения ямы с амфорами, открытой в 1947 г., а также расследование большого, богатого дома, начатое в 1948 г. [3]. В резуль-

[1] Работы эти относятся уже к новой Очаково-Березанской экспедиции, организованной Ин-том археологии УССР и Одесским историческим музеем. Ввиду огромного значения исследования Березанского района для понимания ранних этапов развития Ольвии, в разведочных работах у с. Викторовки приняли участие сотрудники Ольвийской экспедиции — С. И. Капошина и студент ЛГУ Я. Даманский.

[2] Начальником экспедиции, как и прежде, был Л. М. Славин.

[3] Руководитель — Т. Н. Книпович. В Ленинградский отряд, возглавляемый Т. Н. Книпович, входили: С. И. Капошина, А. Н. Карасев и Е. И. Леви, Т. И. Фармаковская. От Гос. Эрмитажа работали А. А. Передольская и А. И. Вощинина, от научных учреждений УССР — Ф. И. Штительман и Б. Л. Рабичкин. Как всегда, большая группа студентов ЛГУ и Киевского Гос. университета проходила полевую практику в Ольвии; из них Е. Петровская (Киев), Л. Гольдфарб, Я. Даманский и А. Любимова (Ленинград) работают в Ольвии в течение ряда лет.

тате работ по изучению дома раскрыты помещения полуподвального этажа. В центральное, наибольшее помещение вела каменная лестница, от которой сохранились всего три ступени. Почти против входа обнаружена прямоугольная база столба (рис. 57—*1*), основанием для которой служила впущенная в глинобитный пол плита. Поблизости была найдена другая архитектурная деталь — профилированный камень с отверстием для штыря; очевидно, его капитель. Этот столб служил опорой для междуэтажного перекрытия. Помещение выделяется не только своими размерами, но и

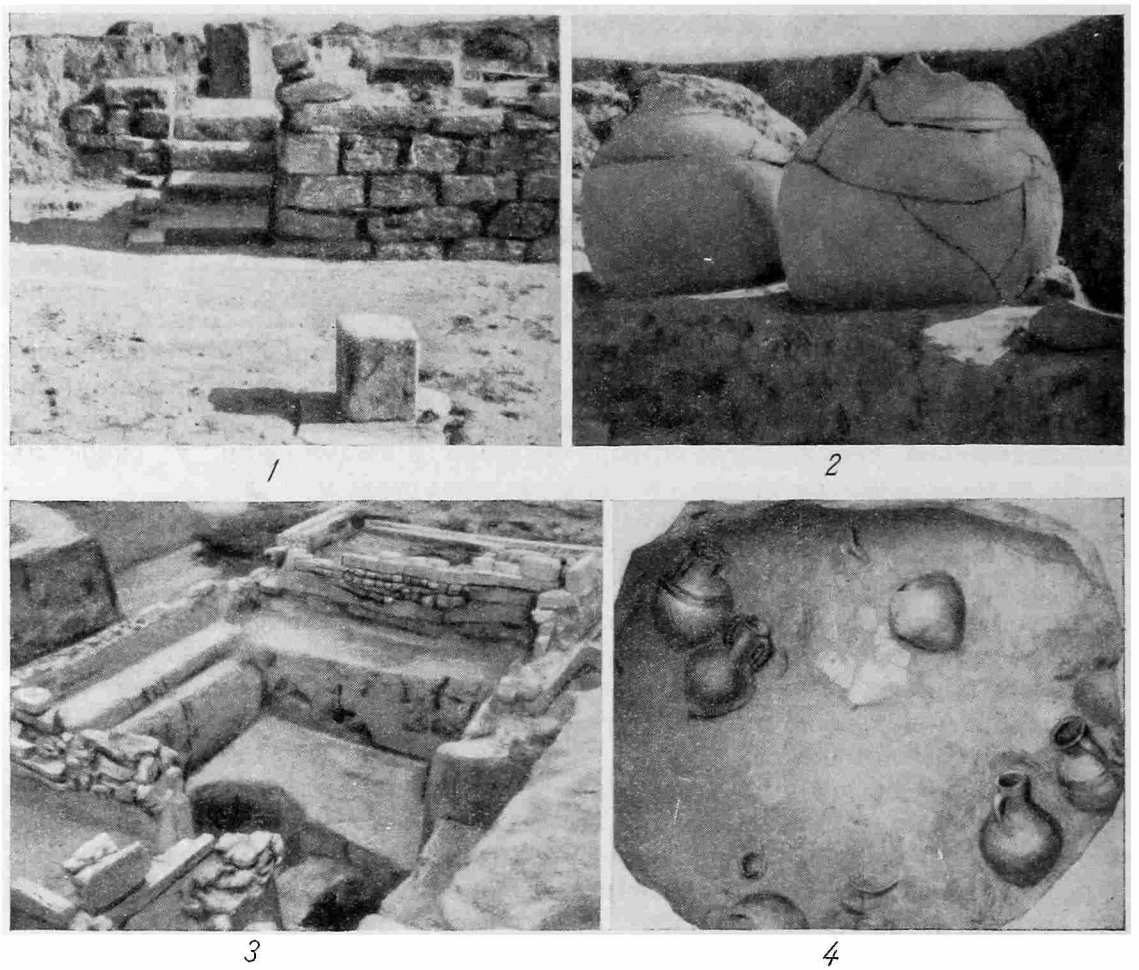

Рис. 57. Ольвия

1— общий вид помещения с остатками столба: *2*— пифосы хозяйственного назначения (раскоп „И"): *3*— общий вид раскопа „А": *4*— Яма с амфорами (раскоп „А")

тщательностью кладки стен; остатки красной штукатурки, найденные в большом количестве при его расчистке, свидетельствуют, что стены помещения были облицованы штукатуркой. Обращает внимание обилие обломков черепицы, среди которой встречены обломки с клеймами, позволяющие датировать постройку дома III в. до н. э.

Открытое здание, еще не до конца изученное,— одно из наиболее богатых домов всего участка «И», на котором исследован ряд жилых кварталов. Оно расположено на краю верхней террасы, у склона к Нижнему городу. Изучение этого дома дает новый материал, существенно дополняющий наше представление о районе участка «И». Выясняется, что наряду с домами среднего класса населения, расположенными на нижележащей террасе в древней балке, на краю верхней террасы находились богатые дома, обращенные главным фасадом в сторону Нижнего города.

Особый интерес представляет большой хозяйственный комплекс, расположенный у начала склона.

Здание пережило несколько строительных периодов в пределах IV—III вв. до н. э. Открыто большое помещение, прямоугольное в плане. Первоначально оно служило складом для хранения амфор, почти вплотную приставленных одна к другой в один ряд; насчитывается до 30 амфор, из которых часть дошла в обломках. Интересно, что все они были обращены горлом вниз; очевидно, помещение служило складом для тары. Таким образом, в непосредственном соседстве с ямой-складом 59 амфор находилось еще одно помещение с большим количеством тары для вина и масла. Время того и другого комплекса совпадает; во вновь открытом помещении часть амфор также имела клейма, преимущественно, гераклейские.

Позднее в этом помещении были установлены три огромных пифоса (рис. 57—2), которые вследствие общего повышения уровня, оказались расположенными выше амфор. Два периода использования помещения не слишком далеко отстоят друг от друга, и, как уже указывалось, более поздний период не выходит за пределы III в. до н. э.

Два пифоса сохранились почти целиком; от третьего дошло лишь днище, на котором находится 11 свинцовых скреп. Значительное количество костей рыб, обнаруженное при расчистке описываемого днища, указывает на то, что пифос служил хранилищем запасов рыбы.

Расчистка второго, среднего пифоса, сохранившегося почти полностью, ничего существенного для выяснения вопроса о его назначении не дала. Зато третий пифос представляет особый интерес: на дне его оказался отстойник, заполненный смолянистым, буроватого тона веществом, напоминающим винный осадок в амфорах; очевидно, этот пифос служил хранилищем для вина.

Хозяйственный комплекс, проливающий свет на экономику Ольвии в эллинистический период, представляет большой интерес и требует дальнейшего планомерного изучения.

Привлекает внимание и открытие на участке «И» гончарной печи для обжига посуды. Выявлен ее корпус, приближающийся по форме к кругу (размер 1,87 × 2,01 м). Стенки печи сложены из многих глинистых прослоек, общей толщиной 10 см. Сохранились топочное отделение и нижняя часть обжигательной камеры. Устье топки, выходившее на север, сложено из двух поставленных на ребро плит, перекрытых третьей плитой. При расчистке в топочном отделении обнаружено большое скопление золы, керамического шлака и обломков посуды. От обжигательной камеры сохранилась часть пода с люфтами. Большое количество керамического брака дает яркое представление о характере продукции, обжигавшейся в этой печи. Это были исключительно одноручные кувшины из обычной для Ольвии сероватой глины, переходящей в красный цвет; поверхность некоторых из них была покрыта светлой обмазкой.

Хорошая сохранность печи дает новый материал для изучения местного производства ольвиополитов. Эта печь относится ко времени около I в. н. э. Гончарные печи, относящиеся к этому же времени, были открыты в 1929—1932 гг. в северо-западной части раскопа около городских стен. Печь 1949 г., расположенная по другую сторону древней балки, указывает на то, что изучаемый район на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. являлся производственным районом, в котором были сосредоточены керамические мастерские. Этот факт чрезвычайно важен. Хорошо известно, что возрожденная после гетского разгрома Ольвия занимала вдвое сократившуюся территорию. На участке «И» после II в. до н. э. жилые кварталы перестают существовать. В конце I в. до н. э. на уже затянувшихся землей разрушенных зданиях, на довольно значительном отдалении от города, создается

производственный район, существовавший сравнительно короткий период. Ибо на рубеже I—II вв. н. э., как и в более ранний период, территория участка «И» вновь превращается в некрополь, как свидетельствуют о том погребения римского времени, открытые еще в 1937 г.

Наряду с исследованием города велось и изучение раннего некрополя. Обнаружено три детских погребения в архаических амфорах; одно из них исключительной сохранности. Аналогичные погребения были открыты и в западной части раскопа. Материал V—IV вв. до н. э., найденный в значительном количестве в ненарушенном слое при исследовании до материка, свидетельствует о частичном заселении территории участка «И» еще до конца IV в. до н. э., как это вытекало из материалов предыдущих лет. Обнаружены интересные находки; среди них формы для литья, для оттиска терракот.

Особого упоминания заслуживает обломок терракотовой формы для оттиска большого рельефа исключительно художественной работы. Сохранилась незначительная часть рельефа с изображением женской фигуры в профиль, очевидно, изображение танцовщицы, держащей в правой изогнутой руке цветок. Находка этой формы вписывает новую страницу в наши знания о художественном ремесле ольвиополитов.

На участке «А», лежащем к С. от Зевсова кургана [1], продолжались работы главным образом по раскрытию ранних напластований (рис. 57—*3*). В 1949 г. была исследована большая глубокая яма, расположенная в непосредственном соседстве с ямой 1948 г. с производственными остатками. Эта яма, как и соседняя, была перекрыта остатками кладок V в. до н. э.

Яма 1949 г., вырытая в материке, имеет грушевидную форму, сильно расширяющуюся книзу (диаметр дна 3,2 м; глубина ее 3,18 м; от современной поверхности 6,78 м). Яма была заполнена материалом конца VI — начала V в. до н. э. Она имела очень плотное, хорошо утрамбованное дно, в центре которого выявились очертания другой, более ранней ямы, округлой формы; от нее сохранилась лишь нижняя часть (диаметром 1,8—1,3 м). В этой более ранней яме обнаружены исключительно важные в научном отношении материалы. Она оказалась хозяйственным складом амфор середины VI в. до н. э. (рис. 57—*4*), древнейшим из известных памятников этого рода в Ольвии. Обнаружено 8 целых расписных, раннеархаических амфор и 8 амфор в обломках. Часть из них украшена поясами, идущими вокруг и вдоль тулова сосуда, нанесенными то непосредственно по глине, то поверх светлой обмазки; некоторые из них имеют знаки, исполненные краской; последние, как известно, указывают обычно либо на содержание сосуда, либо на его емкость.

Особенно важным является находка на дне ямы двух раннескифских сосудов с черным лощением и геометрической орнаментацией, исполненной резьбой. При расчистке дна был обнаружен медный наконечник стрелы со втулкой, форма наконечника плоская, листовидная. Забегая вперед, укажем, что на том же участке при расчистке подвала большого дома эллинистического времени в 1949 г. был найден обломок сосуда со светлым лощением и врезанной геометрической орнаментацией еще более раннего времени. На участке «Е» в 1949 г. в мусорной яме позднеэллинистического времени был также найден ранний лощеный сосуд с резным орнаментом. Все перечисленные предметы относятся к периоду, предшествующему времени образования колоний в Северном Причерноморье.

Впервые при раскопках Ольвии найдены характерные памятники раннескифской культуры, археологически подтверждающие существование на месте Ольвии догреческого поселения.

---

[1] Руководитель — С. И. Капошина.

Обломки сосудов раннескифской культуры встречались в Ольвии и ранее. Так, например, на участке «И» найдено несколько образцов; но все эти обломки не были столь характерными и находились спорадически в смешанных слоях со значительно более поздними вещами. Тем большее значение приобретает комплекс находок в одной из наиболее древних ям Ольвии. Сопоставление этих находок с другими ольвийскими вещами раннескифского периода, хотя и довольно еще малочисленными, начинает проливать свет на проблему догреческой Ольвии.

Кроме исследования архаической ямы, продолжалось изучение дома эллинистического времени, частично открытого ранее. Дом расположен на углу пересечения улицы и проулка; вход был со стороны проулка. Центральную часть занимал небольшой мощеный дворик, вокруг которого группировались с трех сторон помещения. Открыто три помещения и частично начато раскрытие подвала, упомянутого в связи с находкой обломка раннескифского сосуда.

Исследование дома еще не закончено. Этот дом, относящийся к IV—II вв. до н. э., дает дополнительный материал, подтверждающий, что если в раннее время в районе участка «А» были сосредоточены мастерские, в эллинистическое время он был тесно застроен большими домами богатых ольвиополитов. При перепланировке района во второй половине IV в. до н. э. поверхность его была снивелирована, о чем свидетельствуют мощные глинистые трамбовки, обнаруженные ниже подошвы стен здания. Аналогичные трамбовки были зафиксированы в свое время и Б. В. Фармаковским при раскрытии дома в 1902—1903 гг. Подведение глинобитных массивов диктовалось, очевидно, необходимостью укрепления грунта, нарушенного более ранними ямами и постройками. Итак, результаты работ на участке «А» заставляют с вниманием относиться к данному району.

Участок «Е» является сравнительно новым объектом, работы на котором ведутся с 1946 г.[1]. Он расположен в центральной части Верхнего города, к югу от Зевсова кургана и раскопа «А»; небольшая балка отделяет его от последних. Южной границей участка является так называемая вторая поперечная балка, за которой начинаются оборонительные сооружения Ольвии римского времени. Таким образом, участок «Е» лежит вне стен Ольвии. Почти по середине участка проходит современная пешеходная дорога, ведущая из с. Парутино через все городище к южной оконечности древней Ольвии. Эта дорога совпадает с направлением главной уличной магистрали Ольвии, шедшей от северных городских ворот, частично вскрытой Б. В. Фармаковским в 1926 г.

В 1946—1948 гг. изучалось большое общественное здание с культовыми находками, расположенное у начала склона. Еще в результате работ 1948 г., когда разведочными работами по изучению окружения здания были зафиксированы остатки черепяной вымостки к западу и северу от него, встал вопрос — не являлся ли в древности участок «Е» большой городской площадью. На это указывали и разрезы траншей, в которых прослеживались черепяные напластования на значительном протяжении. Решение этого вопроса, наряду с исследованием северо-восточной части раскопа, являлось одной из основных задач, стоявших перед экспедицией 1949 г.

В итоге работ установлено, что в догетский период Ольвии на участке «Е» находилась центральная городская площадь, покрытая черепяной вымосткой (рис. 58). Об этом свидетельствуют разведочные квадраты, которые выявили одну и ту же картину — распространение черепяного замоста без строительных остатков. Черепяная вымостка зафиксирована к

---

[1] Руководители — А. Н. Карасев и Е. И. Леви.

западу от общественного здания на протяжении 60 м; на северо-восточной оконечности она была вскрыта на протяжении 5 квадратов.

Границы площади с севера и востока четко обрисовываются небольшой балочкой и началом склона; с запада и юга они еще не ясны.

Городская площадь бытовала с V до II в. до н. э. включительно. Об этом свидетельствуют три горизонта напластований, из которых верхний,

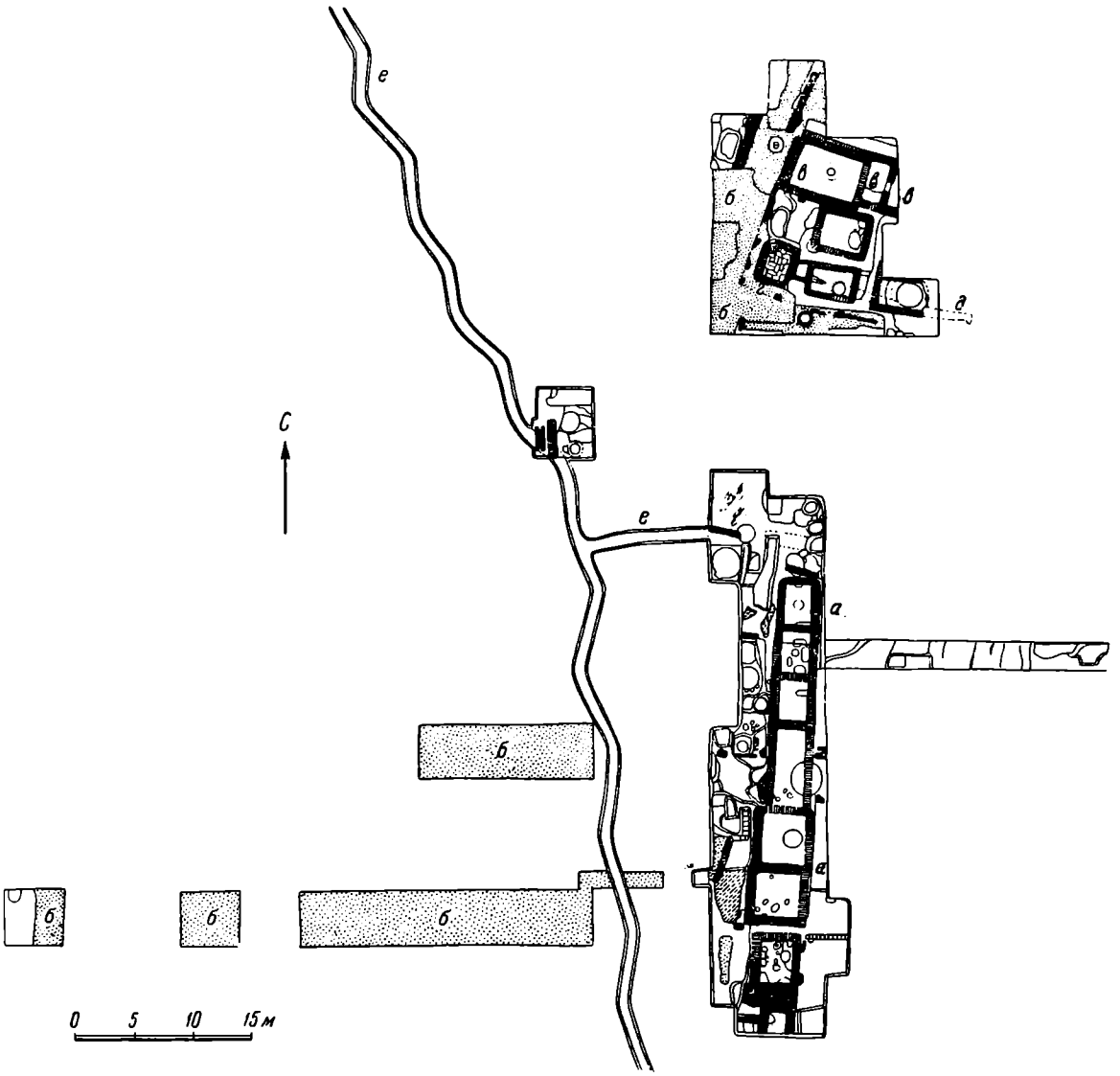

Рис. 58. Ольвия. План раскопа „Е"

а — общественное здание, открытое в 1946—1948 гг.; *б* — черепяная вымостка площади; *в* — общественное здание, открытое в 1949 г.; *г* — водоем; *д* — подземные галереи гидротехнической системы; *е* — румынские траншеи

включающий обломки амфорных родосских ручек с клеймами, мегарских чашек и других позволяет довольно точно установить дату последнего замоста площади; наиболее ранний горизонт лежит прямо на материке. Вымостка сбита преимущественно из обломков амфорных стенок; встречаются обломки амфорных горл, днищ, ручек, изредка — обломки сероглиняной, чернолаковой посуды и др.

Уже в настоящий момент, несмотря на сравнительно небольшие масштабы исследования площади, можно говорить о частичном видоизменении ее границ и планировки в различные эпохи. В V—IV вв. до н. э. большие общественные сооружения, о которых речь будет ниже, были сосредото-

чены у северо-восточной оконечности площади. На грани IV—III вв. до н. э. площадь перепланируется; упомянутые здания к тому времени, по неясным еще причинам прекратившие свое существование, засыпаются и перекрываются черепяной вымосткой, причем производится предварительная нивелировка поверхности: вымостка выведена почти по идеальной горизонтали.

Таким образом, к III в. до н. э. площадь на северо-восточном конце была расширена по направлению к склону за счет упраздненных построек. Наряду с этим в центральной части, у склона, возводится новое большое общественное здание, явившееся основным объектом изучения в 1946—1948 гг. К I в. д. н. э. вся площадь оказалась уже вне городской черты и перестала функционировать как место общественной и политической жизни города.

Планировка площади — сосредоточение общественных зданий по краям,— ее местоположение около главной магистрали, в центре города, характер самого участка — малая застроенность его, резко отличающая участок «Е» от других районов Ольвии, характер построек и связанных с ними находок — все это приводит к выводу, что мы открываем Ольвийскую агору.

О наличии большой площади в Ольвии имеются и литературные и эпиграфические данные. О площади упоминает Геродот, рассказывая легенду о Скиле; о специальном рыбном рынке говорится в декрете Протогена. Но впервые в археологической практике не только Ольвии, но и других городов Северного Причерноморья открывается народная площадь, древняя агора, являвшаяся сердцем города. Значение этого факта нельзя не дооценить.

Кроме того, открытие центральной городской площади, впервые зафиксированное в Ольвии, несмотря на многолетние раскопки, вносит существенные дополнения в наше представление об общем облике города, его планировке, благоустройстве.

Наряду с выяснением вопроса о значении данного участка, шло изучение упоминавшихся выше строительных остатков классического времени, расположенных в северо-восточной части площади.

Начато раскрытие большого, богатого здания, вероятнее всего общественного назначения; оно выстроено еще в конце V в. до н. э., частично перестроено в IV в. Сохранился полуподвальный этаж, который в пределах открытой в 1949 г. площади состоит из трех помещений, следуемых одно за другим по направлению к склону [1].

Стены здания были сырцовые, возведенные на каменном цоколе; хорошо сохранилась во всех помещениях глинисто-зольная промазка пола.

Особый интерес представляет смежная стена между крайними восточными помещениями, в которой обнаружен хорошо сохранившийся дверной проем шириной 0,9 м.

Сырцовая кладка этой стены сохранилась до семи рядов кирпичей, общей высотой 0,7 м. Кроме хорошей сохранности сырцовой кладки, с четко обрисовывающимися отдельными кирпичами, особенно примечательно, что впервые при раскопках зданий древних городов Северного Причерноморья обнаружены остатки облицовочной белой штукатурки на самой стене. Штукатурка прекрасного качества нанесена тонким слоем поверх специальной глинистой обмазки и перекрывает значительную часть восточной стены среднего помещения. Кроме того, огромное количество больших кусков сырцовых кирпичей с красной и белой штукатуркой, целиком заполнивших своим завалом все три помещения, свидетельствует,

[1] Третье, восточное помещение вскрыто лишь частично.

что за белым поясом росписи шел пояс красного цвета, т. е. что стены помещений были полихромные. Найденные, хотя и в незначительном количестве, мелкие кусочки штукатурки черного и розового тонов дополняют гамму цветов.

Планировка здания, характер внутренней отделки выделяют его среди обычных жилых комплексов Ольвии, а ранняя дата памятника — среди уже известных строительных комплексов Ольвии.

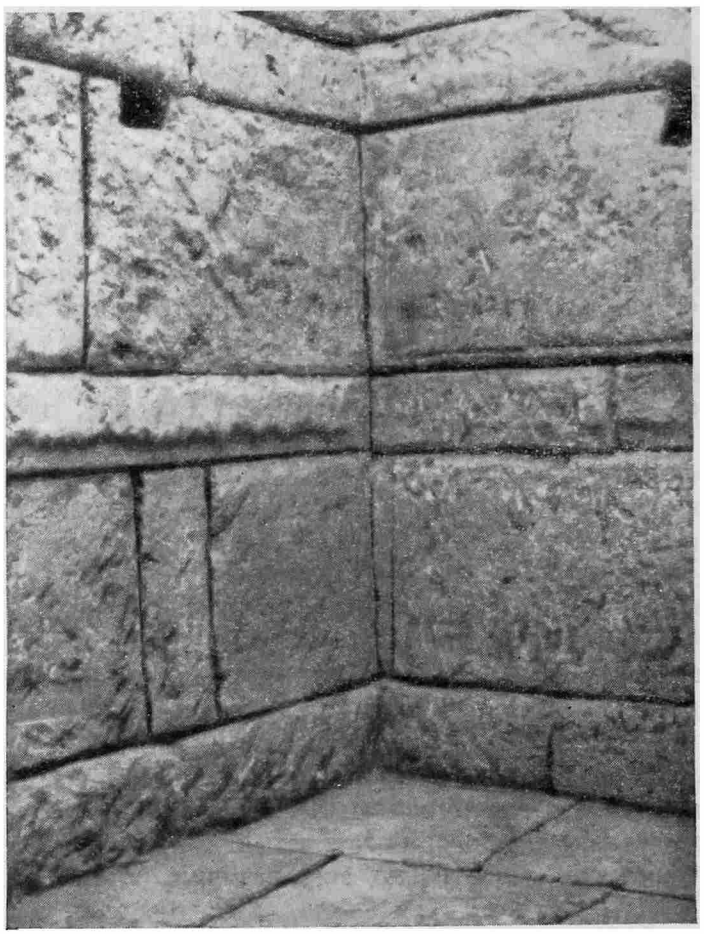

Рис. 59а. — Ольвия. Раскоп „Е". Угол нижней части водоема

Во второй половине V в. до н. э. был сооружен и каменный водоем — уникальный памятник по своему устройству и по сохранности. Водоем — прямоугольной формы, 2,72—2,80 м длины, 2,01—2,03 м ширины и 3,95 м глубины. Дно было выложено большими плитами известняка, тщательно отесанными и настолько плотно, насухо пригнанными, что местами швы между плитами едва уловимы. Кладка стен водоема, сложенных по принципу кордон на ребро, плита на образок, является типичным образцом кладки V—IV вв. до н. э. Сохранилось 11 рядов; из них три верхних, сложенных частично из камней вторичного использования, относятся к более поздней перестройке водоема. Во всех четырех стенах имеется по четыре прямоугольных паза (глубиной 10 см), расположенных симметрично один против другого в два ряда, по два паза в каждом ряду. Значение их, несомненно, конструктивное. Водоем служил для сбора дождевых вод с площади; об этом свидетельствует каменный желоб, плотно вделанный в северо-западный угол водоема (рис. 59а), над которым он слегка нависает.

Общественный характер водоема не подлежит сомнению. В классическое время он входил как составная часть в сложное гидротехническое сооружение для подачи воды с верхнего плато на нижележащую террасу. В настоящее время открыта часть каменного водопровода, подававшего воду из водоема по несохранившимся глиняным трубам через шахту в подземную галерею. Открыты две шахты, соединяющиеся подземной галереей, и вторая галерея, подходящая к третьей шахте, расследование которой не начиналось. Последняя расположена уже в начале древнего склона.

Общая протяженность раскрытого подземного хода 12,5 м. Обе шахты находились в особых прямоугольных помещениях, обнесенных каменными стенами. Изучение этой системы, с которой мы впервые столкнулись в археологической практике [1], только началось; дальнейшее исследование ее является одной из основных задач экспедиции 1950 г.

Было бы преждевременно говорить что-либо определенное о назначении гидротехнической системы, деталях ее устройства; несомненно одно — большое значение этого открытия, свидетельствующего о высоте технического развития ольвиополитов уже к IV в. до н. э. К концу IV в. до н. э. гидротехническая система утрачивает свое значение [2], водоем, надстроенный соответственно повышению уровня площади, продолжает функционировать, как водосборный бассейн, до середины II в. до н. э. В верхней части северо-восточного угла его хорошо сохранились небольшие вдавлины, образовавшиеся вследствие длительного трения о стенки предметов округлой формы [3]. На прекращение действия водоема к середине II в. до н. э. указывает единовременная засыпь его, однородная от начала до конца и относящаяся в подавляющем большинстве ко II в. до н. э., частично — к концу III в. до н. э.

Найдено много обломков так называемых мегарских чашек, чернолаковой посуды, значительное количество лишь слегка фрагментированных сосудов местного производства. Большое значение имеют массовые находки (около 400) амфорных клейменых ручек, почти исключительно от родосских амфор. Особого упоминания заслуживает находка на дне водоема почетного декрета, высеченного на мраморной плите. Хотя до нас дошла лишь верхняя часть декрета, но трафаретность его формулировки, хорошо известная по другим памятникам этого рода из самой же Ольвии, дает право охарактеризовать его как почетный декрет о проксении, дарованной ольвиополитами гражданину Херсонеса. Надпись повествует, что совет и народ, по предложению Гефестодора, сына Диогена, постановили двадцатого числа за то, что Дионисий, сын Тагона, херсонесит, пребывает благосклонным и дружественным к народу, как вообще, так и в частности, и оказывает услуги гражданам, прибывающим в Херсонес... На этом надпись обрывается; далее должно было следовать самое постановление. Декрет, судя по начертанию букв, должен быть датирован не ранее второй половины III в. до н. э.

В настоящем кратком отчете мы не можем останавливаться на разборе этого документа, свидетельствующего о дружественных торговых связях Ольвии с Херсонесом. Отметим только, что среди имен привлекает внимание негреческое имя отца чествуемого херсонесца — Θάγων, впервые встречающееся среди имен надписей Северного Причерноморья. Не прихо-

---

[1] Эти сложные работы велись под руководством А. Н. Карасева.

[2] Об этом свидетельствует засыпь двух шахт и галерей, давших огромное количество хорошо датируемых чернолаковых и краснофигурных черепков; найдено также значительное количество еще не определенных монет.

[3] Аналогичные вдавлины имеются на стенках колодца во дворе дома с алтарем, открытого Б. В. Фармаковским в Нижнем городе в 1909—1910 гг.

дится говорить о ценности данного документа: впервые за советский период работ в Ольвии найден эпиграфический документ такой сохранности.

Итак, в результате работ 1949 г. на участке «Е» установлено наличие городской площади, открыты новые памятники, освещающие различные стороны общественной жизни и материальной культуры ольвиополитов.

Уже на данном этапе исследования агоры можно отметить какой-то экономический и политический кризис, переживаемый городом во второй половине IV в. до н. э., который привел к разрушению общественных зданий на площади, к уничтожению гидротехнического сооружения и т. д. [1]. Но экономический упадок Ольвии в этот период был кратковременным, и вскоре площадь вновь застраивается и перепланируется.

Раскопки поселений Нижнего Побужья

Кроме работ в Ольвии, Ольвийская экспедиция, как указывалось, впервые широко развернула работы по исследованию местных поселений Нижнего Побужья. Стационарные работы велись в трех ближайших от Ольвии поселениях — у Закисовой балки, в 4 км от Ольвии; у Петуховской балки, в 18 км, и у Широкой балки, в 2 км. Остановимся вкратце на основных результатах этих работ.

Раскопки поселения у Закисовой балки, начатые еще в 1948 г., особенно широко развернулись в экспедиционную кампанию 1949 г. [2]. Основные работы в 1949 г. были сосредоточены на двух участках: кроме того, была проведена широкая разведка для определения границ поселения. В итоге выяснилось, что поселение, существовавшее с IV в. до II в. до н. э., было расположено вдоль береговой полосы, что это поселение открытого типа; никаких следов укреплений не обнаружено.

В 1949 г. был расследован большой строительный комплекс, состоящий из небольших вымощенных двориков с группировавшимися вокруг них помещениями. Обращает внимание использование в значительном количестве камня для его постройки, своеобразие технических приемов, которое сказалось в особой планировке, в типично не ольвийских приемах использования грубообработанных камней крупных размеров и др.

Многочисленные зерновые ямы, открытые в 1948 и 1949 гг., свидетельствуют о большом значении сельского хозяйства в экономике населения.

Интересно открытие древнего колодца в Закисовой балке. Глубина сохранившейся части колодца 4 м; верхняя часть его (до глубины 2,5 м) была выложена камнем; ниже он был врезан в материковую скалу. При окончании раскрытия колодца появилась хорошего качества питьевая вода.

Разведочными работами 1940 г. у Петуховской балки было зафиксировано наличие двух поселений V—II вв. до н. э. и городища I—IV вв. н. э., огражденного валом и рвом. Ольвийский отряд работал над изучением поселения V—II вв. до н. э. [3].

Как у Закисовой и Широкой балок, поселение у с. Петуховки располагалось вдоль береговой полосы и представляло собой поселение открытого типа (рис. 59б). Частично исследован жилой дом. По сравнению с благоустроенным строительным комплексом Закисовой балки бросается в глаза меньшая оборудованность отдельных помещений и более небрежная техника постройки. Наряду с этим открыта фрагментарно сохранившаяся стена, сложенная из облицовочных плит, с забутовкой внутренней части; по всей вероятности, это остатки здания общественного назначения.

---

[1] Не связано ли это с походом на Ольвию македонского полководца Зопириона?

[2] Руководитель отряда — научный сотрудник Ин-та археологии АН УССР Ф. М. Штительман.

[3] Руководитель отряда — Т. И. Фармаковская.

Следует отметить, что керамический материал здесь значительно разнообразнее, чем в поселении у Закисовой балки; наряду с преобладанием местной посуды, найдено довольно значительное количество привозной. По своему характеру материал обоих поселений мало отличается от материала, находимого в Ольвии.

Особенно характерно для Петуховки большое количество зерновых и хозяйственных ям, планомерно расположенных. Открыто 11 ям. Большое количество их свидетельствует об интенсивности сельского хозяйства, обилие рыбных остатков — о широко развитом рыбном промысле. Значительное количество костей животных, найденных в Петуховке и у Закиска, указывает также и на довольно развитое скотоводство.

Рис. 59б. — Петуховка. Общий вид раскопа

Особенного внимания заслуживает изучение поселения у Широкой балки[1]. Это поселение начинается непосредственно за границей Ольвийского некрополя. Впервые развернутые стационарные работы дали богатейший материал, освещающий своеобразие поселения, расположенного в ближайшей округе Ольвии. Площадь его очень обширна, следы укреплений на поверхности незаметны; очевидно, это было поселение открытого типа. Основанное в VI в. до н. э., поселение у Широкой балки существовало до II в. до н. э. включительно. Работы велись, главным образом, по береговой полосе, где было сосредоточено более раннее поселение; позднее оно распространилось глубже в степь.

Открыт ряд чрезвычайно своеобразных жилищ; в раннюю эпоху они имели характер полуземлянок, в эпоху эллинизма каменные постройки возводятся уже на земле.

[1] Руководитель отряда — Б. М. Рабичкин, научный сотрудник заповедника «Ольвия».

Чтобы уяснить характер ранних жилищ, остановимся вкратце на описании одного из них. Помещение небольших размеров впущено наполовину в материк; оно прямоугольной формы, облицовано изнутри крупными, неправильных очертаний камнями, уложенными по принципу полигональной кладки. Вход в помещение был с севера, в северо-западном углу находился небольшой очаг. Вблизи описанного помещения расположены подвал хозяйственного назначения и две зерновые ямы; остатки зерен еще сохранились на стенках и днищах ям.

Открыты жилища, частично впущенные в материк; одни из них имеют прямоугольную форму, другие — прямоугольную с закругленными углами; имеются и круглые в плане помещения. В некоторых из них хорошо сохранилась глинисто-зольная промазка пола, остатки очагов. Близ каждого жилища находились одна-две хозяйственные ямы. Большое количество ям для хранения зерна и для иных хозяйственных целей вообще характерно для поселения у Широкой балки. Скопление зерновых ям, из которых часть была связана с жилищами, указывает на большое значение сельского хозяйства. Возможно, о последнем говорит и весьма интересный производственный комплекс также раннего времени.

Открыта большого диаметра (2,85 м) круглая яма, из которой попадали в прямоугольное помещение (4,3 × 2,7 м), впущенное в материк. Сохранился камень порога с пазом для двери и каменные ступени. Стены помещения были выложены камнем и сырцовыми кирпичами; половину его занимала большая печь (2,4 × 2,3 м) сложного устройства с тремя отделениями. Сохранилась топочная часть и под трех отделений. Около одной из стен зафиксированы остатки дымохода.

Материал, найденный при расчистке печи, был крайне малочислен и невыразителен; никаких отходов производственного брака, шлаков и других производственных остатков, которые помогли бы расшифровать ее назначение, не найдено. Возникает мысль, базирующаяся на этнографических параллелях,— не служила ли данная печь для просушки зерна? Ответ на этот вопрос может дать, конечно, только дальнейшее раскрытие окружения этого комплекса и специальное изучение его устройства.

Уже первый год развернутых работ у Широкой балки дал яркий материал, обрисовывающий хозяйственный уклад жителей этого поселения, тип ранних жилищ и др. Поселение у Широкой балки представляет особый интерес и потому, что на данном этапе изучения оно является одним из наиболее ранних поселений племен, населявших близлежащие районы Ольвии.

Работы у с. Викторовки носили в основном разведочный характер [1]. Этот район, ближайшее окружение Березани, уже давно привлекал к себе внимание археологов; в 1949 г. было положено начало его исследованию. Разведками установлено наличие трех поселений, одно из них относится к раннеславянскому времени. Сотрудники Ольвийской экспедиции работали над изучением поселения VI—IV вв. до н. э. Определены границы поселения открытого типа, расположенного вдоль береговой полосы. Исследовано плохо сохранившееся жилище-полуземлянка. Материал весьма типичен для поселения Ольвийской округи. Кроме того, по произведенным рекогносцировочным маршрутам установлено наличие поселений в окрестностях с. Викторовки.

Таковы основные итоги весьма плодотворных работ Ольвийской экспедиции 1949 г. Эти работы поставили ряд новых вопросов, решение которых возможно лишь планомерным исследованием городища и местных поселений.

---

[1] Руководитель отряда — С. И. Капошина.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

И. Б. ЗЕЕСТ

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАСКОПКИ В ФЕОДОСИИ

Разведочные работы, производившиеся в Феодосийском городище в 1949 г., положили начало археологическому изучению этого города.

По сведениям древних авторов, Феодосия была одним из наиболее значительных и крупных городов северного побережья Понта, о чем свидетельствуют многочисленные памятники лапидарной эпиграфики и другие источники.

Феодосия была расположена в хлебородном, земледельческом районе. Она обладала прекрасной морской гаванью и портом, через который шла торговля хлебом с греческим Средиземноморьем.

Значение Феодосии, как приморского портового города, тесно связывало ее экономику с хозяйством окружающего района и ставило ее в зависимость от роста и развития зернового хозяйства страны. Уже в конце V в. до н. э. Феодосия имела настолько важное самостоятельное значение, что чеканила свою монету. Возрастающее экономическое значение города и его важное стратегическое положение у западной границы Боспорской державы побудило правителей Боспора настойчиво добиваться присоединения Феодосии к своей территории.

После завоевания Феодосии, происшедшего в IV в. до н. э., ее хлебная торговля приняла еще бóльшие размеры. В этот период через порт Феодосии направлялось не менее половины всего хлебного экспорта Боспора. Экономический расцвет города, последовавший в IV—III вв. до н. э., связан с большими работами по строительству города и его порта, который, по свидетельству Демосфена, не уступал по благоустройству порту самого Пантикапея [1].

О дальнейшей истории жизни города сведения более отрывочные. Известно, что Феодосия была одним из очагов рабского восстания на Боспоре в эпоху Савмака. Здесь назревали политические конфликты среди местной рабовладельческой знати, не один раз пытавшейся освободиться от боспорской зависимости.

Около II в. н. э. Феодосия подверглась сильному разрушению и, как свидетельствуют очевидцы, превратились в «опустевший город» [2]. Но жизнь его продолжалась и в последние века существования Боспорской державы, которая настойчиво сохраняла свое административное влияние на Феодосию.

[1] Dem adv. Lept., 33; S. et C., I, 565.
[2] Arr. peripl., 30; S. et C., I, 224.

Изучение Феодосии представляет большой интерес не только для истории самого города, но и обширного прилегающего к нему района, населенного земледельческими скифскими племенами. Ознакомление с жизнью этого города не менее важно и для изучения истории Боспора и Херсонеса, с которыми Феодосия находилась в самых тесных отношениях. Однако, несмотря на столь очевидное научное значение исследования Феодосии, это городище никогда не изучалось археологически.

Весь известный керамический материал, происходящий отсюда [1], носит характер случайных находок и получен в результате земляных работ, производившихся в связи со строительством городского порта в конце XIX в. В середине того же столетия частично был раскопан курганный могильник Феодосии [2], давший представление о характере погребений зажиточной части населения города V—III вв. до н. э., в то время как могильник, содержащий погребения широких слоев жителей города, до сего времени остается не исследованным и даже место его нахождения не установлено.

Небольшие работы разведочного характера, производившиеся в 1949 г. на Феодосийском городище, были начаты с выяснения примерных его границ и степени сохранности.

Городище занимает район «Карантинной горки». Вся северо-западная часть, некогда доходившая до моря, уничтожена земляными работами в конце XIX в. В результате этих работ было срыто не менее одной трети всей площади античного городища и уничтожены остатки древнего мола, обнаруженного во время этих работ.

Западный профиль городища возвышается над низко расположенным районом городского порта. С восточной стороны склон городища круто спускается к балке, и только южная окраина не имеет четко выраженного рельефа, постепенно переходя в равнинную местность, окруженную амфитеатром гор.

На поверхности городища вдоль восточного и южного склона тянутся генуэзские крепостные стены с башнями. Внутри стен часть территории застроена современными небольшими постройками, что значительно сокращает возможную раскопочную площадь городища.

Для выяснения характера культурных напластований были вскрыты две небольшие площади: одна — на восточном участке города, другая — в его северо-западной части сохранившегося массива городища, на возвышенности «Карантинной горки».

На восточном участке обнаружена кладка стены, фундамент которой лежит непосредственно на материке, на глубине 3,12 м. Стена была прослежена в длину на 4,0 м. Сохранившаяся часть стены достигает 1,15 м высоты. С восточной стороны к этой стене примыкает другая кладка, выложенная в переплет с первой, образуя таким образом внутренние углы двух смежных помещений здания.

Раскопанная постройка представляет собой часть подвального помещения, о чем свидетельствует характер самой кладки: наружная стена хорошо обработана лишь с одной внутренней стороны; ее внешняя часть небрежно выложена из мелкого рваного камня. Основание стены с этой стороны не совпадает с основанием внутренней части и находится на более высоком уровне, подобно кладкам подпорных стен. Внутренняя часть постройки была заполнена плотно слежавшимся мусорным грунтом, содержащим культурные остатки античного времени от V в. до н. э. до I—II вв. н. э. включительно, с явно преобладающим материалом IV—III вв. до н. э. С наруж-

---

[1] Э. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906.

[2] ДБК, LXX[a], 1, 4, 6, 10. Скифия и Боспор, стр. 251; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 192 и след.

ной стороны здания грунт оказался сильно перекопанным и до самого материка содержал, наряду с находками античного времени, средневековый и новейший материал.

Поврежденность слоя с внешней стороны здания и ограниченность раскопанной площади лишают возможности окончательно решить вопрос о времени сооружения данной постройки. Однако, на основании даты заполнения внутреннего помещения, можно заключить, что гибель здания произошла не позднее I—II вв. н. э., так как никаких позднейших находок в этом слое не оказалось.

С большей осторожностью можно судить о времени возникновения здания. Основание для датировки дает явное преобладание находок IV—III вв. до н. э. в заполняющем слое. Учитывая, что данное помещение было подвальной, а не надземной частью постройки, его стены должны были прорезать культурный слой, предшествовавший времени постройки здания. Разрушение верхних частей стен и перекрытия повлекло за собой разрушение этого слоя, заполнившего внутреннее пространство помещения, чем и объясняется преобладание здесь материала IV—III вв. до н. э.

Учитывая все эти обстоятельства, можно предположительно решить, что здание было построено не ранее III в. до н. э. или в III—II вв. до н. э., а погибло оно в первые века нашей эры.

Сохранившиеся остатки здания и слой, заполняющий внутреннее пространство здания, представляют собой нижний горизонт античного культурного слоя городища. Верхние пласты античного города на этом участке были полностью уничтожены в средневековый период, к которому относится вышележащий слой, не содержащий никаких архитектурных остатков, перекопанный и почти полностью разрушенный в новейшее время. Верхние слои оказались насыщенными находками античного времени, преимущественно эллинистического периода; находки же позднеантичного периода составляли сравнительно небольшую часть.

Повидимому, городские слои Феодосии I—IV вв. н. э. были менее значительными, чем слои предшествовавшего периода, что совпадает с историческими сведениями об упадке экономического значения Феодосии в этот период. Находки, сделанные на данном участке, как уже было сказано, в большей части относятся к периоду расцвета Феодосии: выделяется большое количество строительных материалов, главным образом черепицы, привозимой из Пантикапея, из Синопы, а частью, повидимому, сделанной на месте. Встречаются обломки красной стенной штукатурки, качество которой не уступает лучшим образцам, найденным в Пантикапее и Фанагории. Эти находки свидетельствуют о развитом городском строительстве в IV—II вв. до н. э.

Среди обломков керамики видное место занимает группа привозной, преимущественно аттической, причем наряду с чернолаковой посудой массового производства встречаются обломки дорогих краснофигурных ваз. Встречено несколько обломков терракот, отличающихся тщательной выделкой изготовления. Таковы головка Силена III в. до н. э. в пышном головном уборе, сохранившая следы полихромии (рис. 60); торс женской статуэтки с объемными детально моделированными складками хитона и др.

Встречено много обломков амфор, преимущественно гераклейских и синопских, а также большое количество местной простой и тонкостенной кухонной керамики. Особенно следует указать на сравнительно большое количество лепной керамики с прекрасным черным лощением. Этот материал, впервые обнаруженный в слоях Феодосии, свидетельствует о наличии местного этнического элемента среди жителей города.

Небольшой раскоп на восточном участке города носил разведочный характер, и наблюдения, которые удалось сделать, нуждаются в подтвержде-

нии раскопками более обширной площади. Однако произведенные работы позволяют сделать предварительные общие выводы, существенные для первого ознакомления с городищем.

1. Установлено, что данный участок вошел в городскую черту не позднее IV—III вв. до н. э.

2. Насыщенность культурного слоя и характер находок указывают на высокий уровень экономической жизни города, на его развитое городское строительство, обширные внешние торговые связи и на несомненное присутствие местного этнического элемента среди городского населения.

Исследование северо-западного участка городища показало, что мощность культурных напластований здесь более значительна, чем в восточной

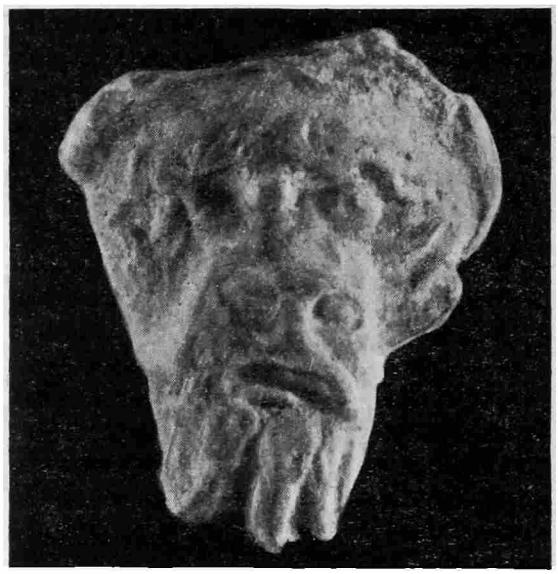

Рис. 60. Голова Силена (терракота)

части, и доходит до 4,5—5,0 м толщины. Верхний горизонт античного культурного слоя был обнаружен на глубине 2,0 м. Этот слой перекрыт средневековыми слоями города, содержащими многочисленные и хорошо сохранившиеся архитектурные остатки. Общая мощность средневековых напластований доходит до 1,3 м. К архитектурным остаткам этого слоя относятся кладки стен двух больших зданий, каменная вымостка и сооружения, связанные с системой водоснабжения города: каменные водостоки, цистерна. Архитектурные остатки находятся в прекрасной сохранности и занимают почти всю площадь раскопанного участка. Это обстоятельство затруднило процесс дальнейших раскопок по исследованию античного культурного слоя, который был вскрыт лишь на отдельных участках площади на небольшую глубину (до 0,60 м).

Однако счастливая случайность позволила с уверенностью заключить, что общая мощность античного слоя на этом участке равна не менее 2,5 м. На это указывает глубина цистерны средневекового периода (2,73 м), прорезавшая античный слой до материка (рис. 61). Пройденный верхний горизонт античного слоя содержал материал IV—III вв. до н. э. Здесь были встречены обломки краснолаковой посуды, преимущественно I в. и отчасти II в. н. э. В этом слое содержалась и керамика более раннего времени, в том числе и обломки чернолощеной посуды, но в меньшем количестве, чем находки первых веков нашей эры.

Преобладание находок первых веков нашей эры дает основание считать, что вскрытый горизонт античного культурного слоя относится к I—II вв. н. э.; повидимому, этот слой частично разрушил нижележащие слои.

Позднейший материал, в том числе обломки больших красноглиняных амфор III—IV вв. н. э., светлоглиняных узкогорлых амфор, встречался в средневековом слое, совместно с находками эллинистического времени, в сравнительно ограниченном количестве. Это свидетельствует о том, что слой античной Феодосии III—IV вв. на данном участке был уничтожен в средневековый период существования города и, по всей вероятности, не был особенно значительным.

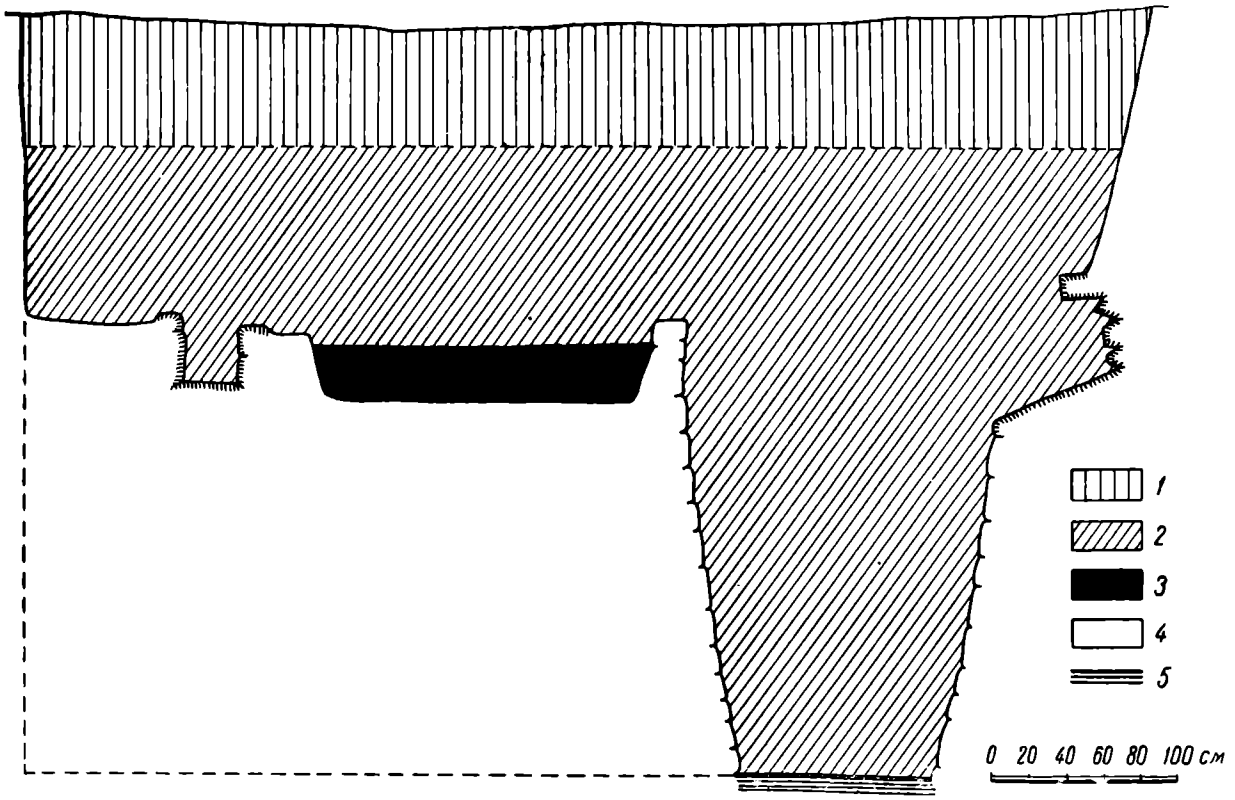

Рис. 61. Разрез раскопа „Карантинная горка"

1 — современный слой; *2* — средневековой слой; *3* — вскрытый раскопками античный слой; *4* — нетронутый античный слой; *5* — материк

Окончательное решение стратиграфии слоев на данном участке требует вскрытия значительно большей площади. Данные разведочные раскопки позволяют все же сделать следующие выводы:

1. Мощность античного культурного слоя на данном участке вдвое превышает хорошо сохранившийся слой средневековой Кафы и достигает 2,5 м толщины.

2. Верхний горизонт античного слоя не сохранился. Он был разрушен в позднейший период существования города, но, повидимому, его мощность не была значительной, что подтверждает исторические сведения об упадке городской жизни в первых веках нашей эры.

Большой интерес Феодосийского городища заключается в его значении торгового центра обширного земледельческого района, населенного местными племенами. Здесь возник и развился на основе античной формы рабовладения один из местных очагов культуры.

Мы не знаем всех особенностей общественных отношений, существовавших в данных условиях. Несомненно, что они складывались в самом

тесном общении с окружающей племенной средой, культура которой участвовала в создании новых хозяйственных и общественных форм жизни этого «античного» города. Несомненно и то, что бытование на протяжении почти целого тысячелетия этого города, как и других приморских городов, не могло не отразиться на культуре окружающих племен, в первую очередь на культуре скифов. Именно в это время, в период расцвета Боспорского государства, скифы перенесли свой главный центр в район по соседству с Боспором и Херсонесом, куда были направлены не только их экономические, но и политические интересы.

Изучение Феодосии как одного из приморских «античных» центров будет содействовать выяснению конкретных исторических форм взаимных общений обитателей Восточного Крыма, находившихся в то время на ранней стадии цивилизации.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

И. Б. ЗЕЕСТ

ЖИЛЫЕ ДОМА ДРЕВНЕГО КИММЕРИКА

Раскопки 1949 г. в Киммерике производились на Змеином холме, где в 1948 г. было открыто здание с мукомольной мастерской, погибшее в III в. н. э.

Работы на этом участке велись в двух направлениях: доследование архитектурных остатков самого здания и выяснение его расположения в планировке данного района города. Были закончены раскопки двух помещений, частично открытых в 1948 г., что позволило судить с большей определенностью об устройстве здания в целом (рис. 62) [1]. Одно из этих помещений (*Г*), расположенное в южной части дома, служило складом продуктов или кладовой; оно оказалось сравнительно больших размеров (12,0 м в длину и не менее 6 м в ширину). Почти вся площадь пола представляет ровно подтесанную площадку скалы, уровень которой несколько выше уровня пола открытого дворика *А*. В скале же высечено основание восточной подпорной стены, которая представляет собой продолжение восточной стены дворика. Южная стена оказалась разрушенной береговым обвалом. От нее сохранился только небольшой выступ подтесанной скалы, служивший основанием кладки.

В восточной части кладовой, под слоем горелых остатков пожарища, была обнаружена хозяйственная яма неправильной продолговатой формы, глубиной 1,7 м. Для устройства этой ямы была использована естественная расселина в скале, расширенная вертикальной отеской ее стен. Яма была засыпана землей в первоначальный период бытования здания, т. е. в конце I — начале II в. н. э. О времени засыпки ямы свидетельствует найденный здесь разбитый на части краснолаковый сосуд с процарапанной трехстрочной надписью:

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ ΑΥΡΗΛΙΟΥ
ΕΠΙ /ΤΟΥ ΛC/ (перечеркнуто)
ΕΠΙΚΤΗΤΟϹ

и на обороте ΕΠΙΤ..., вероятно испорченное и неоконченное начертание имени дарителя (рис. 63).

Сосуд имеет форму глубокой чаши с канфарообразными ручками. Этот тип сосуда был особенно распространен на рубеже нашей эры, когда в подражание металлическим изделиям подобные кубки выделывались с

[1] И. Б. Зеест. Киммерикская мукомольная мастерская, КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

очень тонкими стенками, отличались большим изяществом и четкостью формы и обычно украшались накладным рельефным орнаментом.

По сравнению с этими чашами, краснолаковый сосуд, найденный в Киммерике, отличается упрощенностью формы и грубоватостью выделки. Корпус его сильно вытянут, стенки толстые, а ручки непропорционально малы. Эти особенности формы не позволяют отнести сосуд ко времени ранее конца I в. н. э. На эту же дату сосуда указывает и особенность его лака оранжеватого оттенка, образующего темные подтеки и неровности на поверхности.

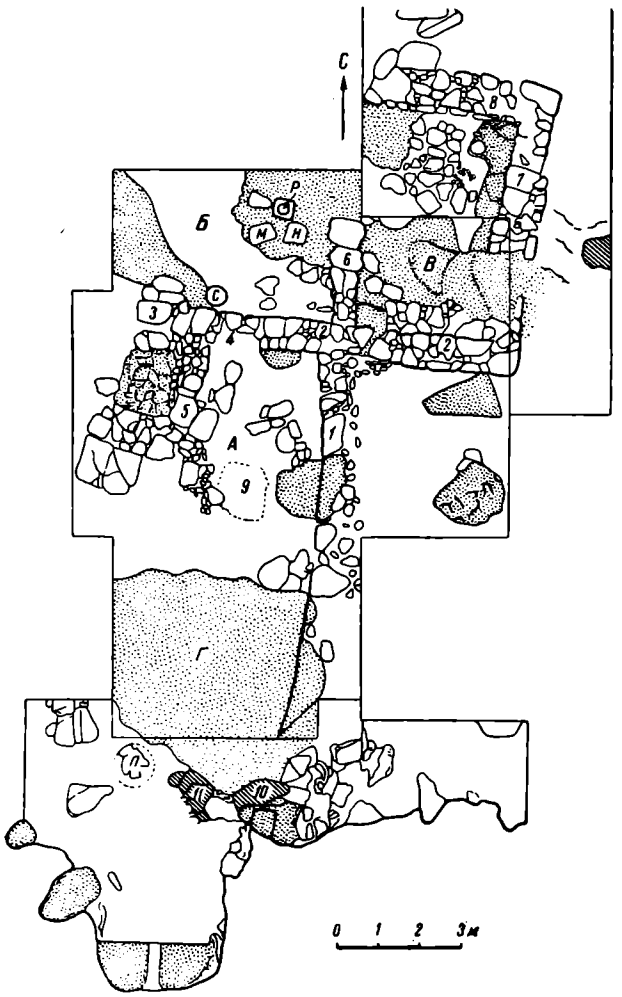

Рис. 62. План раскопа „Змеиный холм"

А — открытый дворик; *Б* — мукомольная мастерская; *В*— подсобное помещение; *Г* — кладовая; *1, 2* — подпорные стены; *3* — лестница; *4* — окно; *5—8*— кладки стен; *9* — углубление для пифоса; *10—11*— хозяйственные ямы; *С, Р* — каменные ступы; *М* — жернов; *Н* — столик, сложенный из камней; *П* — дно пифоса с остатками рыбы

Находки более позднего времени содержались лишь в самом верхнем горизонте засыпки ямы, в грунте, перемешанном с горелыми остатками, как и на остальной площади помещения.

В последний период существования здания зерно и другие продукты хранились в больших амфорах и пифосах, обломки которых оказались в слое пожарища вместе с рассыпанными по полу обгорелыми зернами пшеницы и ячменя. Эти обломки амфор принадлежат к различным типам, встречающимся в поздних слоях боспорских городов. Найденные совместно с ними монеты боспорской чеканки середины III в. н. э. и обломки

краснолаковых мисок того же времени позволяют уточнить время данного комплекса.

В восточной части помещения в небольшой выемке, вырубленной в скале и заполненной грунтом, обнаружена in situ нижняя часть пифоса, наполненная остатками соленой рыбы [1]. Здесь же находились рыболовные пирамидальные грузила плоской формы, подобные тем, которые были найдены в 1948 г.

Другое раскопанное помещение, расположенное в северо-восточной части здания, находилось рядом с мукомольной мастерской, сообщаясь с ней через дверной проем в смежной стене.

Пол обоих помещений находится ниже уровня дворика на 0,5 м. Он выложен каменными плитами и плоскими камнями различной величины, а

Рис. 63. Краснолаковый сосуд

местами представляет собой поверхность подтесанной скалы. С южной стороны это помещение ограничено подпорной стеной. Две другие внешние двухсторонние стены образуют северо-восточный угол здания. При устройстве этого помещения была широко использована скала, являющаяся частью поверхности пола и служащая основанием стен.

В отличие от южного помещения и дворика, где скала подвергалась тщательной отеске, в этом помещении части скалы, впущенные в кладку стен, оставлены без обработки и образуют большие неровные выступы. Нарочитая упрощенность и грубость строительной техники соответствовала, вероятно, второстепенному или подсобному назначению самого помещения, что, отчасти, подтверждается его расположением рядом с мукомольной мастерской.

Находки, сделанные при раскопках этой части здания, не дают дополнительных сведений о ее назначении: здесь было найдено некоторое количество обломков остродонных амфор позднебоспорских типов, обиходной простой керамики и костей домашних животных.

Северо-восточное помещение, как и все остальные части дома, за исключением дворика, были перекрыты камышевой кровлей, обмазанной

[1] По предварительному определению В. Д. Лебедева, в пифосе находилась мелкая рыба типа керченской сельди и барабули.

глиной; что видно по толстому пласту обожженной глины, обугленным прутьям и остаткам стропил, находившимся в слое пожара, заполнявшего оба северных помещения и кладовую. Среди горелых остатков совершенно отсутствовала кровельная черепица, что также подтверждает более примитивное устройство кровли.

Раскопками 1949 г. завершено исследование восточной части здания и выяснены некоторые особенности в планировке дома. Здание строилось с учетом склонов холма и было расположено на разных уровнях. Наружные стены верхней части здания были подпорными по отношению к вершине холма, проходя по северному и западному склонам. С юга и севера здание замыкалось двухсторонними стенами. Вдоль подпорной стены на западном склоне было расположено помещение кладовой и открытый дворик. Вдоль северного склона — два других помещения, находящихся на более низком уровне. Одно из них служило мукомольной мастерской, другое — каким-то подсобным хозяйственным помещением.

Раскопки на небольшой площади к востоку от здания показали, что непосредственно за внешними стенами дома находится неровная скальная поверхность холма, покрытая слоем мусорного грунта. Нижний горизонт этого слоя образовался в первые века нашей эры и содержит значительное количество обломков керамики более раннего времени. Верхний горизонт мусорного слоя современен последнему периоду жизни здания. Этот мусорный слой с большим количеством сильно измельченных обломков посуды, костей животных и мелкого щебня представляет собой плотно утрамбованную поверхность открытого участка двора или прохода между домами. Накопившийся мусорный слой находится на более высоком горизонте, чем само здание, и, вероятно, образовался на участке другого дома, находившегося на верхней части того же склона.

Это предположение подтвердилось исследованием участка (5 × 6 м) к востоку от раскопанного здания в 5 м от него. Здесь обнаружена часть помещения дома, пол которого выстлан нерегулярными каменными плитами, а местами на его поверхность выходит подтесанная скала, что указывает на идентичность строительной техники обоих зданий. Уровень пола этого дома находится примерно на 3 м выше уровня пола мукомольной мастерской и образует следующую террасу по склону холма. Это здание погибло от пожара одновременно с первым, и остатки его находились под толстым слоем следов пожарища.

Среди находок в этом слое были обломки простой посуды, больших остродонных амфор III в. н. э. и совершенно отсутствовала кровельная черепица. Это дает основание считать, что верхний дом, как и дом с мукомольной мастерской, был перекрыт не черепицей, а простой камышевой крышей, обмазанной глиной.

Раскопки жилых домов Киммерика дают новые сведения о жизни города в первые века нашей эры и в последний период его существования. Они дают новые сведения о характере городского строительства и об экономических условиях жизни города.

Раскопанный в Киммерике дом в значительной части представляет хозяйственное помещение. В самом доме не только хранили, но и обрабатывали зерно; жители этого дома питались рыбой своего улова, которую они заготовляли впрок и хранили в большом количестве.

Все это рисует картину постепенного перехода к натуральному хозяйству и известной степени экономической изоляции сельскохозяйственного района, центром которого был Киммерик.

Интересен факт внезапной гибели города и большого пожара, на развалинах которого уже не возобновилась городская жизнь. Пожар, очевидно, произошел во время одного из опустошительных набегов степных

кочевых племен, частых на Боспоре в III—IV вв. н. э. Та же картина одновременного опустошения рисуется и в других городах Боспора, известных по раскопкам последних лет.

Новые археологические сведения, полученные в связи с раскопками жилых зданий Киммерика, дают основание считать, что окончательная гибель города произошла в середине III в. н. э., одновременно с Тиритакой, Илуратом и, вероятно, некоторыми другими малыми городами Боспора.

Во время гибели Киммерика жизнь Пантикапея еще продолжалась, о чем имеются исторические сведения.

Разрушение Киммерика было одним из звеньев постепенного процесса гибели Боспорского государства, начавшегося в III в. н. э. с разрушения периферийных городов и окончившегося гибелью Пантикапея.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЛУРАТА

Летом 1949 г. Боспорская экспедиция провела тринадцатую кампанию полевых исследований. Экспедиция была организована ЛОИИМК АН СССР совместно с Ленинградским гос. университетом им. А. А. Жданова и Керченским археологическим музеем. Как и в предыдущие годы, экспедиция работала на территории Керченского полуострова. Были продолжены раскопки развалин боспорских городов — Илурата, Мирмекия и Тиритаки [1]. Кроме того, экспедиция произвела несколько разведочных работ. Сюда относится обследование побережья Керченского пролива в самой узкой его части — от пос. Еникале, далее на север до дер. Осовины. В результате удалось уточнить местоположение двух древних прибрежных поселений — Парфения и Порфмия. Первому соответствует городище, находящееся на северной окраине пос. Опасное [2], второму — городище, расположенное на расстоянии 1 км к югу от дер Осовины [3]. Попытки локализовать Парфений около Еникальского маяка следует признать необоснованными. Разведочная раскопка, осуществленная на городище Парфения [4], дала первый вещевой материал (от конца VI в. до н. э. до III в. н. э.), характеризующий названное поселение, которое было самым крупным в этом районе.

Экспедиция 1949 г. продолжила также изучение Киммерикского (Аккосова) оборонительного вала и в связи с этим обследовала повторно городище у дер. Наташино [5]. Здесь вал органически соединен с древним поселением, служившим, повидимому, одним из опорных стратегических пунктов на линии вала. Материал, полученный с этого городища разведкой, относится к римскому времени.

---

[1] Экспедиция работала под руководством В. Ф. Гайдукевича и состояла из трех отрядов: Илуратского (руководитель И. В. Викторов), Мирмекийского (руководитель Е. Г. Кастанаян) и Тиритакского (руководитель М. А. Наливкина). В экспедиции участвовала большая группа студентов исторического факультета ЛГУ и Академии художеств.

[2] Впервые городище правильно отождествил с Парфением К. Э. Гриневич. См. К. Э. Гриневич. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова. ИТОИАЭ, I, 1927, оттиск, стр. 5—6.

[3] Этот район был в свое время тщательно обследован Дюбрюксом (см. ЗОО, т. IV, стр. 7—10). В архиве ЛОИИМК нами обнаружен подлинный план, снятый Дюбрюксом с городища и его окрестностей и считавшийся до сих пор утраченным.

[4] Исследование проводила Е. Г. Кастанаян.

[5] Первый раз экспедиция обследовала это городище в 1940 г.

Основные работы экспедиция проводила в Илурате, т. е. на городище около дер. Ивановки, в 17 км на юго-запад от Керчи [1]. В настоящем кратком обзоре мы приводим результаты археологических исследований Илурата; итоги работы других отрядов экспедиции за 1949 г. будут изложены в другой статье.

Второй сезон раскопок Илурата, производившихся в достаточно широком масштабе, дал очень ценные результаты, которые не только существенно обогащают наши знания по истории культуры Боспора, но и позволяют сделать ряд новых принципиально важных выводов о роли местных этнических элементов, как основы социального и культурного развития Боспора.

Напомню, что впервые планомерные раскопки Илурата были начаты экспедицией в 1948 г. [2]. Уже тогда выяснилось, что мы имеем здесь дело с первоклассным по своей научной значимости археологическим памятником, поразительно ярко раскрывающим своеобразие культуры Боспора первых веков нашей эры, своеобразие, явившееся следствием длительного взаимодействия культуры коренного скифо-сарматского населения с элементами культуры, привнесенными на Боспор Киммерийский греческими колонистами.

Существенной особенностью Илурата является то, что это поселение не было приморским; оно лежало в стороне от побережья и не играло роли ни в навигационной торговле Боспора, ни в развитии тех специальных отраслей хозяйства, которые свойственны были таким прибрежным поселениям Боспора, как Тиритака, Мирмекий и др.

Илурат — это опорный пункт, крепость на подступах к столице Боспорского царства — Пантикапею. Крепость была построена в I в. н. э. и заселена повидимому уже обитавшими ранее на этом месте, а также стянутыми сюда из селений жителями. В Илурате, очевидно, они находились на положении своего рода военных поселенцев, т. е. они вели свое хозяйство (земледелие, скотоводство), но обязаны были нести военную гарнизонную службу. В случае прорыва с запада враждебных Боспору сил, Илурат должен был вступать в действие, как крепость, прикрывающая Пантикапей.

По своему этническому составу жители Илурата в основной массе принадлежали, несомненно, к коренному скифскому населению восточного Крыма, подвергшемуся эллинизации. Однако, как показывают раскопки Илурата,— и это особенно интересно,— эллинизация не подавила и не уничтожила у коренного населения основ его самобытной культуры, которая продолжала жить и развиваться, хотя и в известном сочетании с элементами греческой культуры.

Несколько слов о названии поселения. Мы считаем в высшей степени вероятным, что исследуемое нами городище представляет собой остатки именно того древнего поселения, которое упоминается Клавдием Птолемеем под именем Илурата (Ἰλούρατον)[3].

Точное совпадение указанного Птолемеем расстояния между Тиритакой и Илуратом с действительным расстоянием, отделяющим городище у пос. Аршинцева (т. е. Тиритаку) от городища у дер. Ивановки, позволяет

---

[1] В Илуратском отряде работала группа студентов — археологов и историков ЛГУ. Они не только обучались производству полевых археологических исследований, но и вложили много своего полезного и ценного труда, значительно способствуя успешности раскопок. Считаем необходимым отметить работу студентов: В. И. Овсянниковой, Н. З. Питкиной, Г. А. Ухановой, К. Н. Никитиной, В. М. Брабича, Н. Д. Грудинского, А. Д. Грача, Л. И. Большаковой, Н. Л. Журавлевой, Д. С. Рудиной, И. В. Брашинского и др.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорский город Илурат, СА, XIII, стр. 190 сл.

[3] Подробнее этот вопрос рассматривается в моей упомянутой выше статье, СА, XIII, стр. 203—204.

почти не сомневаться в правильности отождествления Илурата с раскапываемым у дер. Ивановки городищем. Конечно, до открытия эпиграфических данных, которые могли бы окончательно выяснить древнее название поселения, наша локализация Илурата будет оставаться в известной мере условной. Но это не значит, что мы не вправе пользоваться ею и

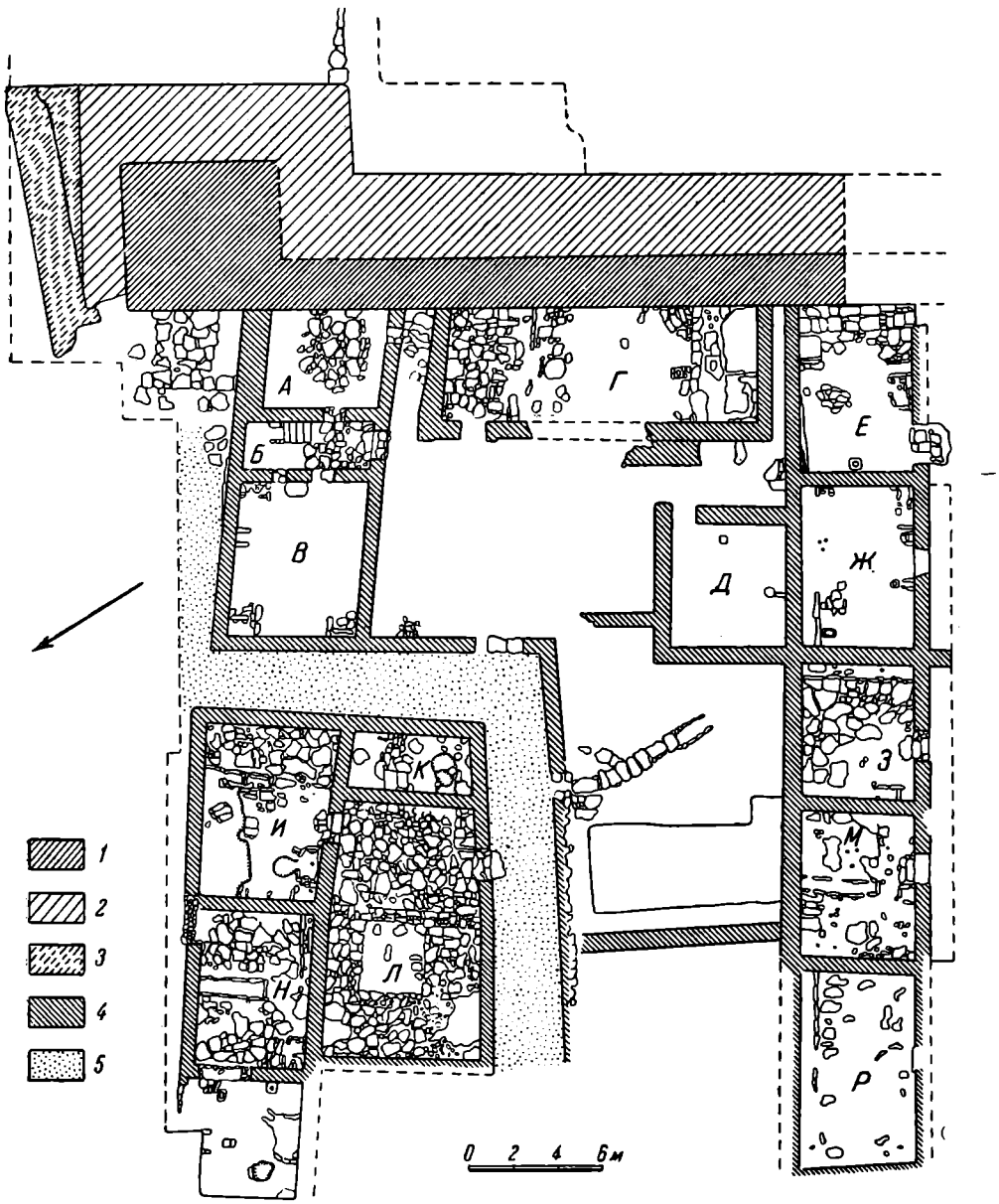

Рис. 64а. Илурат. План участка I

1 — оборонительная стена I в. н. э.; *2* — оборонительная стена II в. н. э.; *3* — утолщение башни I—III вв. н. э.; *4* — стены здания II—III вв. н. э.; *5* — улица.

настаивать на достоверности указанной локализации, поскольку она столь убедительно согласуется с показаниями Птолемея.

Название Илурата восходит, вероятно, к имени одного из скифских племен — елуров, упоминаемого Стефаном Византийским. Таким образом, само наименование данного поселения указывает на его местные этнические корни.

Благодаря очень хорошей сохранности городища, уже до раскопок было ясно, что оно представляет собой остатки мощной боспорской крепости.

Последняя расположена на возвышенности с таким расчетом, чтобы использовать ограничивающие ее с двух сторон склоны как средство усиления оборонной силы искусственных фортификационных сооружений. Площадь поселения, огражденного оборонительными стенами с башнями, невелика — она составляет всего около 2 га. Крепость в плане образует фигуру, близкую к прямоугольнику, вытянутому с юго-запада на северо-восток. Упоминавшиеся выше крутые склоны прилегают к северо-восточной и северо-западной сторонам поселения. Наличие здесь естественных препятствий, значительно облегчавших оборону, позволило ограничить мощность основных линий оборонительных стен, проходящих по краю занятого поселением плато. Зато оборонительные стены юго-восточной и юго-западной сторон, не обладавших указанными преимуществами, были построены особенно монументально. Раскопками 1948—1949 гг. оборонительные стены раскрыты на довольно значительном протяжении как с юго-восточной, так и с противоположной, северо-западной стороны городища.

На раскопочном участке *I* (рис. 64а) открыта не только часть юго-восточной оборонительной стены, но также и замыкающая ее восточная прямоугольная угловая башня I. Стена выстроена в два приема. Первоначально (I в. н. э.) была возведена каменная стена, шириной 2,40 м. Ее крайняя восточная башня имела тогда по внешнему фронту длину 7 м, выступая вперед от внешнего фасада стены на 4,4 м. Столетие спустя юго-восточная стена и все четыре ее башни подверглись перестройке с целью усиления мощи крепости. Для этого к внешней стороне стены был вплотную пристроен новый пояс стен, шириной 4 м. Одновременно в каменный панцырь были заключены и башни. Обстроенные снаружи, башни сильно увеличились в своих размерах. Восточная угловая башня I теперь имела в длину с наружной стороны 13,8 м, т. е. увеличилась почти вдвое. Облицовка нового внешнего пояса стены сложена из очень больших плит известняка, подвергнутых лишь самой общей обколке без тески (рис. 65а).

Кладка эта не без основания может быть названа циклопической. Крепость, несомненно, производила весьма внушительное впечатление внешним видом могучих шестиметровых каменных стен и башен циклопической кладки.

На раскопочном участке *III* (рис. 64б) раскрыта часть северо-западной оборонительной стены. Она не столь солидна, как юго-восточная стена: ширина первого пояса 1,84 м, внешнего, второго — 1,35 м. При наличии склона здесь не нужна была та исключительная мощность, которая придана юго-восточной линии стен. Облицовка северо-западной стены (в обоих поясах) выполнена из более мелких плит.

В 1949 г. на участке *III* удалось открыть боевую вылазную калитку, шириной 1,26 м. Она проходит через оба пояса и выводит на склон, где ниже были возведены еще дополнительные две линии передовых стен (протейхизмы) [1]. Калитка фланкировалась снаружи башней, которая еще не раскопана.

Раскопка прилегающего к калитке внутригородского квартала вскрыла важные элементы данной части крепости. Прежде всего надлежит отметить пристроенную к оборонительной стене, рядом с калиткой, внутреннюю площадку (длиной 5,4, шириной 1,8 м), служившую ходом на башню. Отлично сохранилась часть узкой каменной лестницы (шириной 0,52 м), от которой уцелело шесть ступеней (рис. 65б).

Весьма показательно, что ход на башню находится внутри двора жилой усадьбы, постройки которой примыкают к оборонительной стене. Последняя

[1] Обе эти передовые линии стен, расположенные по склону, были замечены в свое время Дюбрюксом, который и нанес их на снятый им план городища, изданный нами в СА, XIII, стр. 179.

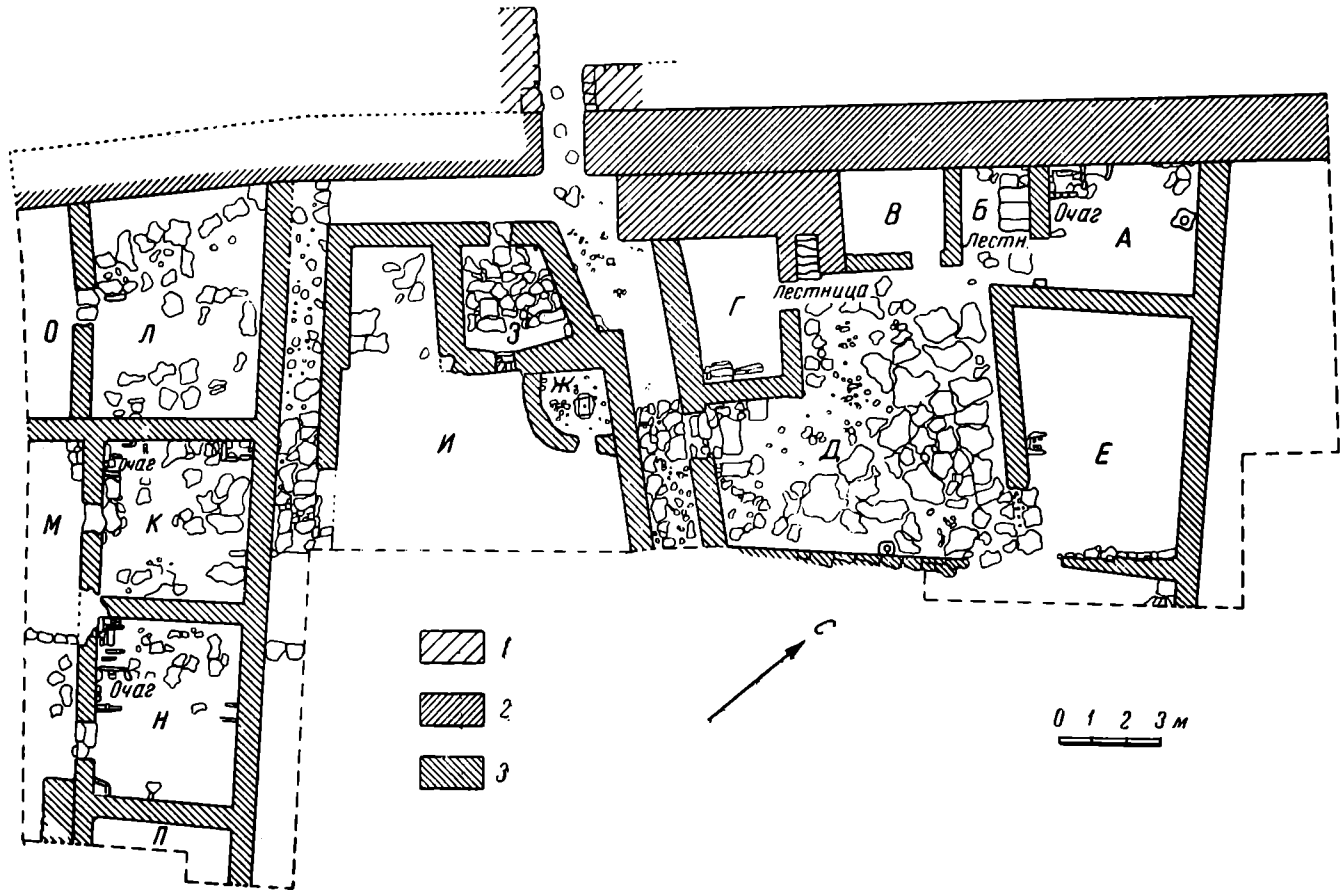
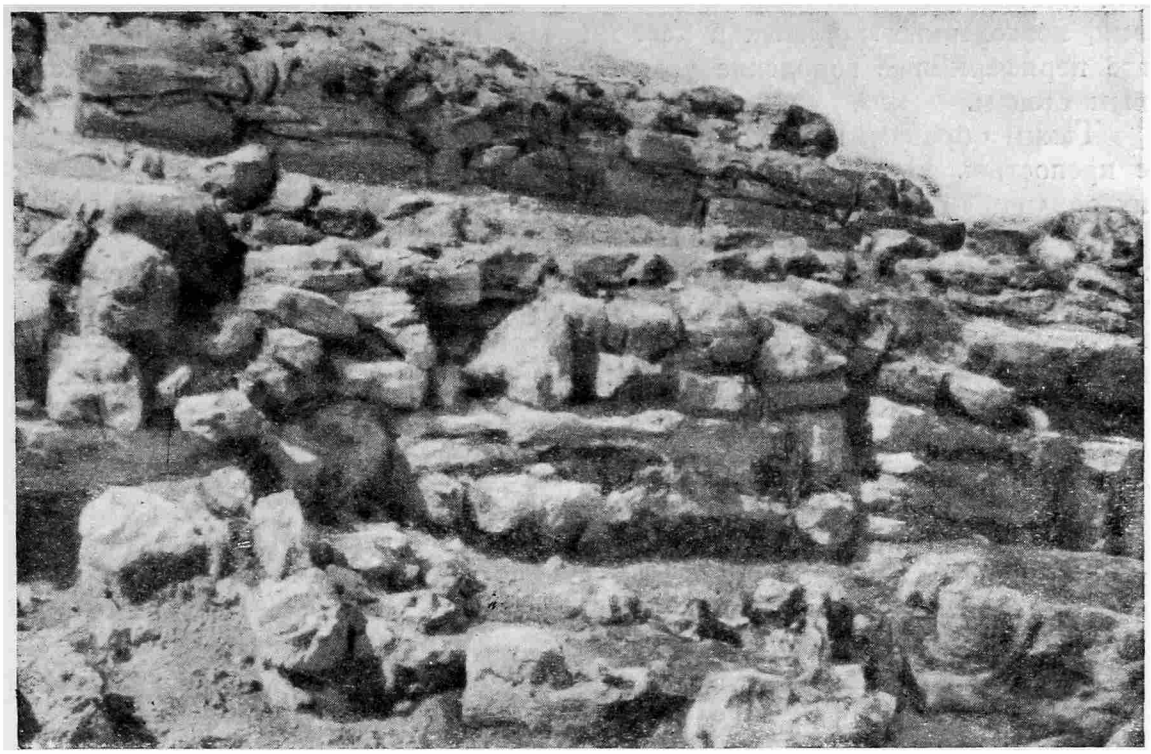

Рис. 646 — план участка *III*: *1*—оборонительная стена II в. н. э.; *3*—стена зданий II—III вв. н. э.

а

б

Рис. 65. Илурат

а — башня I: внешний вид и первоначальная башня; *б* — вид со стороны двора *Д* на помещение *В*; слева — лестница на оборонительную стену (участок III)

как правило, использована в качестве одной из стен различных помещений, возведенных впритык к ней. И это не отдельный частный случай: все периферийные городские усадьбы построены вплотную к оборонительным стенам.

Таким образом, в Илурате наблюдается теснейшая связь жилых усадеб с крепостью. На это указывает не только пристройка рядовых домов с их различными помещениями непосредственно к внутреннему фасаду стены. Еще важнее то, что столь важный элемент оборонительной системы, как ход на боевые стены, устроен во дворе обыкновенного дома. Очевидно, такое соотношение оборонительных сооружений с внутригородскими жилыми домами было обусловлено тем, что население Илурата обслуживало крепость, выполняя в ней функции военного гарнизона.

Вывод этот имеет очень важное значение для выяснения организации военного дела в Боспорском царстве и тех социальных и этнических элементов, на которые опиралось рабовладельческое государство Боспора в первые века нашей эры.

Внутренняя планировка Илурата особенно отчетливо выступает на вскрытой раскопками обширной территории участка *I*. Здесь надо прежде всего отметить улицу, идущую сначала в направлении с северо-востока на юго-запад, а затем поворачивающую на северо-запад.

Улица, наружный покров которой состоит из природной скалы, а местами из искусственной щебенчатой мостовой, имеет ширину 2,60—3,15 м. По обеим сторонам ее располагаются жилые усадьбы. Все постройки каменные. Район, где расположен Илурат, богат строительным материалом — известняком, который широко использовался и в древности.

Выявленные раскопки здания показывают, что обычно каждый жилой дом-усадьба состоял из обширного двора, по сторонам которого располагались жилые и хозяйственные помещения.

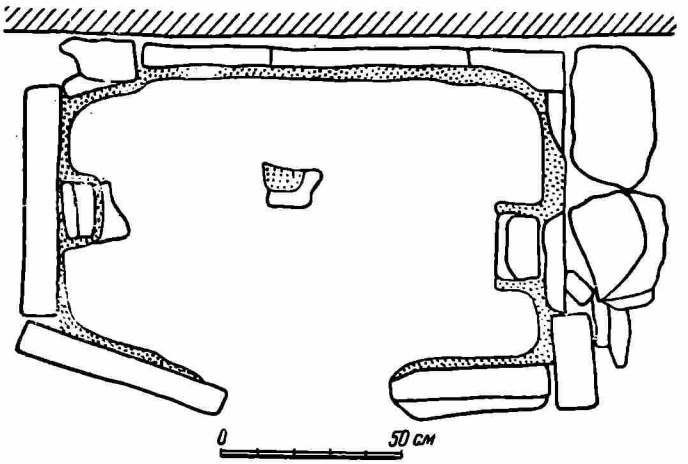
Атмосферные осадки из дворов посредством водосточных желобов выводились на улицу, где по скалистой мостовой вода сбегала за пределы поселения.

Раскопанная в 1948 г. на участке *I* группа помещений (*А, Б, В, Г, Д*), расположенных вдоль трех сторон большого двора, составляет один комплекс.

Особое внимание в нем привлекает помещение *Г*, являвшееся, повидимому, культовым. В восточном его углу был открыт составленный из каменных плит жертвенник, на котором лежал череп человека с шейными позвонками; нижний позвонок носит следы действия острого рубящего орудия [1].

В 1949 г. раскопками открыта усадьба, расположенная по другую сторону улицы, к северо-западу от указанного выше комплекса, включающего в себя культовое помещение *Г*. Усадьба состоит из вымощенного плитами двора *Л* (в него ведет вход с улицы) и помещений *И, К, Н*, сгруппированных с двух сторон двора. В южном углу двора сохранились остатки каменной лестницы, ведшей на второй этаж. Через помещение *К* проложен идущий со стороны двора водосточный канал, который из-под стены помещения выходит на улицу. В обоих помещениях (*И* и *Н*) хорошо сохранились домашние печи, служившие для отопления и приготовления пищи (выпечки лепешек и т. п.). Такие печи встречаются во всех жилых помещениях илуратских домов. Наряду с ними обычно имеются небольшие

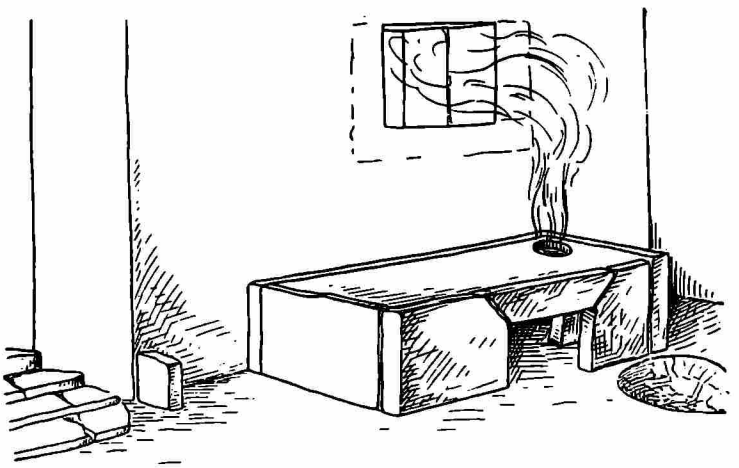
[1] Детальное описание и историческая интерпретация этого уникального культового памятника дана нами в уже упоминавшейся статье (СА, XIII, стр. 197 сл.), а также в отчете о раскопках Илурата за 1948 г. о результатах антропологического изучения черепа, см.: А. Д. Грач. Человеческое жертвоприношение в эпоху распада Боспорского царства, в журнале «Природа», 1949, № 9, стр. 81—82.

а

б

в

Рис. 66. Илурат. Печь в помещении *И*

а — план; *б* — общий вид; *в* — реконструкция

примитивные очажки открытого типа, огражденные с двух сторон поставленными на ребро каменными плитками.

Указанные выше печи представляют собой гораздо более сложные сооружения, конструкция которых во всех домах одна и та же.

В качестве примера рассмотрим печь в помещении *И* (рис. 66; на рис. 66в печь представлена в восстановленном виде). Она расположена у стены между входом и западным углом помещения. Корпус печи образуют каменные плиты. Проем спереди служил топочным устьем. Наибольшая длина печи 1,7 м, ширина 0,7 м. В средней части печи, в топке, возвышается глиняный столбик (высотой 0,5 м). Возле боковых стенок топки имеется еще по одному каменному столбику. Все три внутренние опоры поддерживали плоскую глиняную плиту, перекрывавшую сверху топку и имевшую круглое отверстие для выхода дыма. Эта плита (толщиной 4—5 см) была сделана из глины с примесью рубленой соломы. Дым из печи вытягивался во двор, повидимому, через небольшое окошко, устроенное в стене. Такое хорошо сохранившееся окно обнаружено в помещении *В* (раскопки 1948 г. на участке I рядом с печью) [1]. Накаливаясь во время топки, плита затем согревала воздух помещения. На ней можно было печь лепешки и подогревать пищу. Для варки пищи, видимо, служил открытый очажок, сохранившийся возле северо-западной стены помещения.

Рядом с печью устроена яма, куда выгребалась зола. Здесь при раскопках обнаружен каменный четырехугольный жернов, а непосредственно в очаге оказалась медная фанагорийская монета времени Митридата VI Евпатора [2]. Эта единственная столь ранняя монета, найденная в Илурате, повидимому, имеет случайный характер. Все остальные монеты, встреченные при раскопках Илурата и вполне согласующиеся с массовым вещевым материалом, относятся ко II—III вв. н. э. Кстати сказать, в том же помещении *Н* найдена медная монета Рискупорида V, а в соседнем помещении *И* — биллоновый статер Рискупорида V (264 г.). В помещении *К* при расчистке водостока оказалась точно такая же медная монета Рискупорида V 3, как и в помещении *Н*.

Следует отметить одну примечательную особенность устройства илуратских домов, а именно наличие во многих помещениях пространств, огражденных поставленными на ребро каменными плитами. Иногда так ограждены угловые части комнат, но нередко подобного рода «закрома» находятся в средней части помещений (рис. 67а). Повидимому, они служили хранилищами, предназначавшимися для складывания хозяйственного и домашнего инвентаря. В одной из загородок лежала пара каменных жерновов (помещение *Ж* на участке I), в другом помещении в подобной же загородке обнаружено 20 глиняных пирамидальных подвесок от ткацкого станка (помещение *К* на участке *III*).

Стены домов сложены из крупного бута на глине. Отличная кладка из тесаных плит применена только в облицовке дверных притолок и в наружных угловых частях зданий. Внутренние стены помещений, очевидно, были смазаны глиной, поверх которой подвергались побелке.

Встречающиеся время от времени в разных местах обломки облицовочных плиток белого мрамора, а также найденные на участке *III* плитки зеленого порфирита показывают, что в Илурате наряду с домами обычного типа были постройки с дорогой и даже роскошной внутренней отделкой.

---

[1] В Тиритаке в 1940 г. также было открыто (на участке XV) в одном из помещений дома III—IV вв. н. э. аналогичное оконце, расположенное над печью, совершенно сходной по конструкции с илуратскими печами.

[2] П. Бурачков. Общий каталог монет..., I, 1884, табл. XXIII, 21.

[3] См.: СА XIII, стр. 191.

Не совсем пока ясно устройство кровель. Черепицы встречаются единичными обломками. Между тем, если бы столь обширные помещения имели сплошные черепичные крыши, то при разрушении они дали бы огромное количество фрагментов. Поэтому приходится считать возможным, что рядовые илуратские дома имели простые глинобитные кровли, построенные на деревянной основе.

В некоторых помещениях (например, в помещении *Н* на участке *I*) сгоревшие деревянные перекрытия лежали на полу в виде громадных кусков угля.

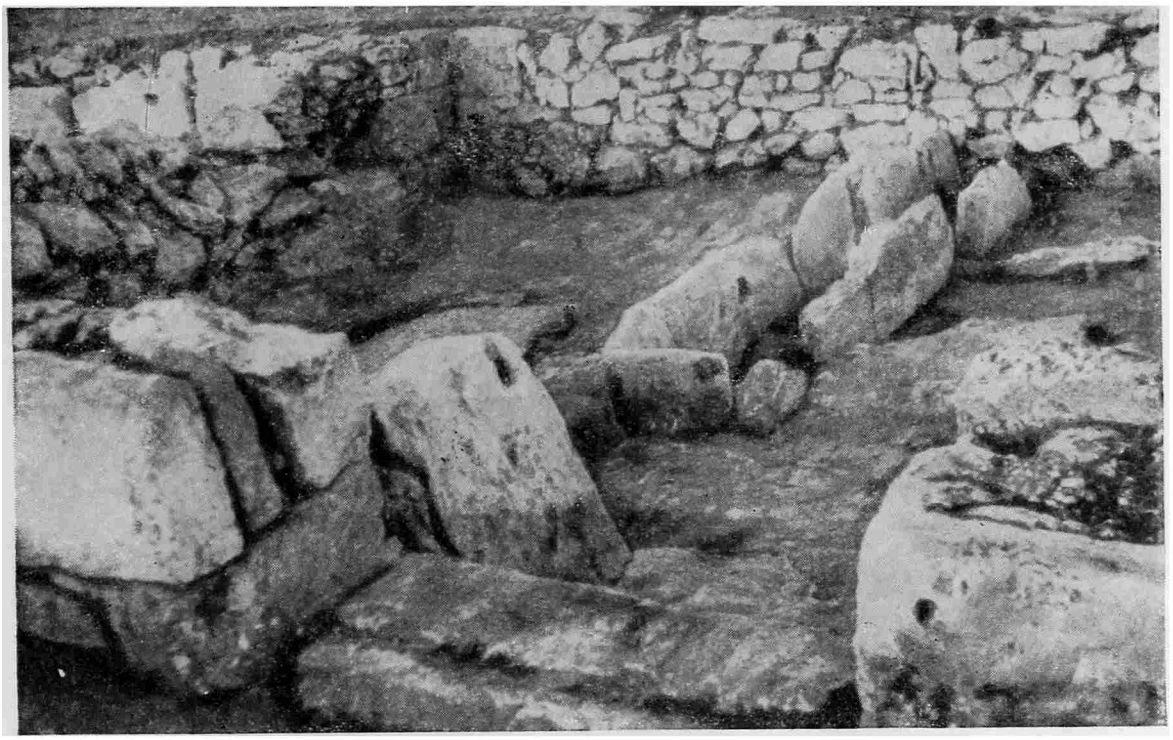

Рис. 67а. Илурат

а —вход в помещение *М* (участок I) и внутренние „закрома;"

На участке *I* раскопками 1949 г. открыт еще ряд следующих одно за другим помещений (*Е, Ж, З, М, Р*), начинающихся у оборонительной стены. Между собой они не сообщаются, все их входные проемы обращены на юго-запад. Повидимому, с этой стороны находились дворы.

В двух из упомянутых помещений (*Е* и *Ж*) имеются печи известного уже нам типа. Во всех сохранились каменные «загородки». В помещении *З*, тщательно вымощенном плитами, отгорожена часть пространства вдоль всей юго-восточной стены. В помещении *М* такого рода закрома устроены посредине, против входа.

Характерно, что в обоих помещениях, имеющих печи (*Е* и *Ж*), найдены мукомольные орудия: каменные ступы и два круглых жернова от ручной мельницы.

На участке *III* раскопанная часть города также раскрывает очень яркую картину жизни отдельных усадеб. Последние распланированы по уже известному нам принципу: жилые и хозяйственные постройки располагаются по сторонам двора. В этом отношении очень показателен комплекс помещений *А, Б, В, Г, Е*, сгруппированных с трех сторон двора *Д*. Из двора *Д* имеется выход на улицу, которая ведет к крепостной калитке.

Следует отметить, что расположенная непосредственно против калитки постройка (с помещением *З*) отделена от оборонительной стены узким переулком. Помещение *З*, вероятно, было местом, где располагалась стража, контролировавшая проход через калитку в оборонительной стене. Интересной особенностью названного помещения является наличие в нем двух дверных проемов; один обращен в сторону калитки, другой — в сторону внутреннего двора *И*. Последний узким переулком отделялся от ряда следующих одно за другим помещений (*Л*, *К*, *Н*), входы которых связаны с нераскрытыми еще дворовыми помещениями.

В жилых комнатах (*Л*, *К*, *Н*) сохранились остатки печей и очагов описанного выше типа. В помещении *Б* имеется каменная лестница на второй этаж (сохранились нижние ступени). Из предметов хозяйственного обихода отметим найденную в комнате *А* большую каменную ступу. Почти во

Рис. 67б — глиняные подвески для ткацкого станка

всех помещениях встречались в большом количестве ткацкие глиняные пирамидальные подвески, нередко украшенные орнаментом (рис. 67б). На одной подвеске имеется оттиск ключа. Десятка два таких подвесок, сделанных, против обыкновения, из необожженной глины, найдены в помещении *А*. К этому надо добавить частые находки глиняных пряслиц. Ткачество и выделка домотканных одежд, безусловно, занимали видное место в хозяйстве илуратцев.

Двухлетние раскопки Илурата дали очень много вещевого материала, который всесторонне характеризует культуру и повседневный быт жителей Илурата. Весь этот материал охватывает период I—III вв. н. э., причем как на городище, так и на огромных зольниках, которые расположены рядом с городищем (с юго-восточной и юго-западной сторон) [1], преобладают вещи II—III вв. н. э. Очевидно, это время наиболее интенсивной жизни данного поселения. Само городище выступает как памятник однослойный. Материком здесь служит природная скала, на которой и возведены все постройки.

[1] Разведочный раскоп на одном из зольников в 1948 г. показал, что глубина его достигает 5,2 м.

При раскопках встречено несколько единичных обломков античной керамики более раннего времени (IV в. до н. э.). Особого внимания заслуживает обнаруженная в разных местах на участке III серия обломков шлифованных базальтовых топоров (рис. 68—*1*). Их уже насчитывается

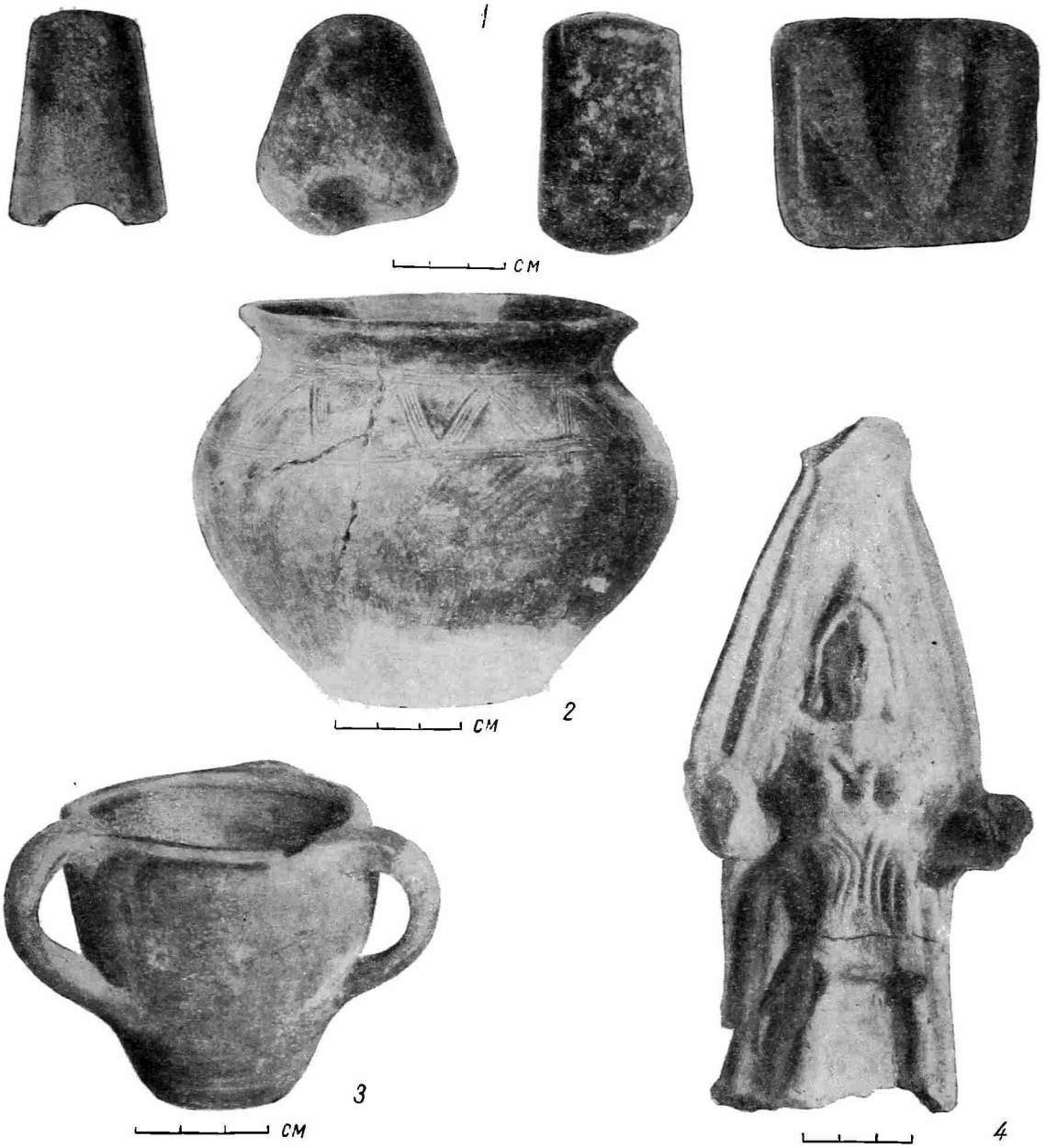

Рис. 68. Вещи из Илурата

1 — обломки базальтовых топоров; *2* — лепной сосуд с налепным орнаментом (II—III вв. н. э.); *3* — лощеный сосуд с тремя ручками (III в. н. э.); *4* — терракотовая статуэтка богини на троне (III в. н. э.)

шесть. Они найдены в помещениях домов вместе с обычным для Илурата массовым вещевым материалом II—III вв. н. э. Повидимому, илуратцы использовали указанные выше топоры для различных хозяйственно-производственных целей. Топоры эти происходят из селища периода поздней бронзы, существовавшего или непосредственно на месте Илурата или где-то поблизости.

Среди лепной керамики Илурата встречено несколько обломков крупных горшков, отличающихся характером выделки и орнаментации (укра-

шение стенок наколом), что указывает на их принадлежность также еще доскифской поре. Следует вместе с тем отметить, что в илуратской лепной керамике, которая господствовала в домашнем быту населения во II—III вв. н. э., наблюдаются явные архаизмы, т. е. пережиточное сохранение форм и приемов орнаментации, восходящих генетически к гораздо более раннему времени. Укажем в качестве примера на лепной сосуд, украшенный нарезным орнаментом (рис. 68—*2*) и происходящий из помещения *Л* на участке *III*.

Обилие столь характерной для коренного негреческого населения лепной керамики, начиная от очень крупных сосудов и кончая мелкой обиходной посудой, нередко очень затейливо украшенной, убедительно указывает на то, что основной контингент жителей Илурата принадлежал (по этническому происхождению) к скифским племенам восточного Крыма, издавна входившим в состав Боспорского царства. В первые века нашей эры сюда, несомненно, систематически вливались сарматские этнические элементы, что находило свое отражение и в культуре. Показательно присутствие среди керамических находок сосудов с зооморфными ручками, сосудов из темносерой глины с поверхностью, украшенной штрихами, зигзагами, волнистыми линиями и т. д., исполненными лощением. К этой же группе керамики сарматского типа относится интересный небольшой лощеный сосуд (сделан на гончарном круге) с тремя вертикальными ручками (рис. 68—*3*).

Впервые в Илурате встречены лепные сосуды, покрытые красным ангобом и подвергнутые лощению по ангобу. Такого рода керамика хорошо известна в Средней Азии в кушанское время. Полагаем, что ее появление на Боспоре связано с распространением здесь аланских культурно-этнических элементов. Монет в Илурате найдено пока очень мало, за два года всего шесть. Они встречаются здесь в неизмеримо меньшем количестве, чем в Тиритаке и Мирмекии. Очевидно торговля, связанная с денежным обращением, в Илурате была развита слабо.

Выдающийся научный интерес представляет группа культовых терракот, найденных в помещениях *И* и *Н* на участке I. Здесь обнаружена крупных размеров протома Афродиты в калафе и с яблоком у лона; вторая протома женского божества, статуэтка богини на троне (рис. 68—*4*) и глиняная фигурка Эрота. Последняя очень своеобразно трактована: руки Эрота сливаются с крыльями, а шея украшена варварской гривной.

Образ древнегреческого Эрота переработан боспорским мастером и передан в местной интерпретации. Присутствие фигуры Эрота среди терракот подтверждает, что женские протомы изображают именно боспорскую Афродиту, т. е. самую популярную в первые века нашей эры «верховную» богиню Боспора, почитавшуюся коренным населением и греками в качестве богини плодородия.

Вместе с упомянутыми терракотами найдена очень своеобразная терракотовая группа: мужчина с ношей (последней придана форма открытого светильника) на голове сопровождает вола. Повидимому, группа изображает сельского жителя — паломника, ведущего к святилищу предназначенного для жертвы быка и несущего дары (на спине быка видны следы бывшего на ней вьюка) [1].

Наконец, отметим глиняную фигуру, представляющую, повидимому, жрицу. Она одета в платье, сильно расширяющееся книзу. Покрой одеж-

[1] Сходную композицию представляет миниатюрная свинцовая группа, найденная еще в середине XIX в. в Ольвии: быка сопровождает женщина, несущая на голове поклажу, поддерживаемую руками. Разница лишь та, что женщина показана идущей позади быка. А. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. I, СПб., 1851, стр. 124, табл. XV, 9.

ды явно местный, совершенно не соответствующий греческому типу. На голове своеобразный пышный убор. Ноги у статуэтки — подвесные. Это позволяло с помощью нитки, протянутой через отверстие в верхней части головы, приводить ноги в движение, создавая впечатление пляса. Жрица совершала обрядовый танец.

Самой замечательной находкой, происходящей из того же дома, является глиняный штемпель с культовой композицией. Найден он в помещении *К*. Штемпель (диаметр 9,5 см), повидимому, применялся при изгото-

Рис. 69. Культовые изображения на глиняном штемпеле III в. н. э.
(рисунок со слепка)

влении священных лепешек [1]. На нем углубленно воспроизведен рельефный оттиск: в центре фигура богини, по обеим сторонам ее — крылатые звери (грифоны?), над правой рукой — крестообразный знак, видимо, изображает летящую птицу (рис. 69). Богиня облачена в платье такого же образца, как и платье жрицы отмеченной выше статуэтки,— оно придает

[1] Илуратский штемпель следует сопоставить с найденными в начале 70-х гг. XIX в. Забелиным в Фанагории аналогичными глиняными штемпелями (они хранятся в Гос. Эрмитаже), которые были при их публикации объяснены, как «формы... для изготовления терракотовых медальонов» (ОАК за 1872, стр. VIII; 1873, стр. XXI, 66). Изображенные на фанагорийских штемпелях животные — змея, пьющий из вазы павлин, вырастающая из сосуда виноградная лоза,— все это, очевидно, представляет собой аксессуары, имеющие прямое отношение к культу той же богини растительного и животного царства, которая изображена на илуратском штемпеле.

колоколовидный облик фигуре. Схематически переданные руки горизонтально вытянуты вправо и влево. Голова окаймлена лучами. Примечательны руки богини. Вместо кистей у нее древесные ветви. Особенно отчетливо это показано на левой руке, которая завершается пышным растительным побегом.

Возможно, «лучистый нимб» вокруг головы связан также с символикой растительного характера. Не олицетворяет ли голова крону дерева? Как видим, с образом дерева богиня здесь срослась неразрывно, органически.

Известна серия боспорских памятников, в которых «древо жизни» выступает как атрибут женского божества. Напомним известную золотую бляху от ритона из Мерджаны [1]. Иногда дерево фигурирует как культовый символ, замещающий образ богини,— такова золотая бляха на диадеме из пантикапейской гробницы Рискупорида II [2]; аналогичный смысл имеет изображение священного дерева в одном из керченских склепов геометрического стиля [3] и др.

Наконец, наш илуратский штамп передает богиню, органически слившуюся с «древом жизни». Близкую аналогию этому образу мы находим на фронтоне мраморного надгробия II в. н. э., найденного в Керчи. В треугольном поле фронтона изваяна верхняя часть фигуры с приподнятыми руками, у которых вместо кистей древесные ветви [4].

Тип богини, воспроизведенный на илуратском глиняном штемпеле, глубоко самобытный. Он отражает религиозные представления, свойственные коренному скифо-сарматскому населению Боспора. При этом чрезвычайно интересно сосуществование у илуратцев образа богини плодородия в эллинском аспекте Афродиты, наряду с местным чисто народным изображением той же великой богини растительного и животного царства, матери всего сущего, богини, органически слившейся с священным «древом жизни».

Как известно, глиняный штемпель найден в том же доме, обитателям которого принадлежал и весь набор культовых терракот, о которых уже речь шла выше. Надлежит особо отметить, что образ женского божества, фигурирующего на илуратском штемпеле, продолжал и после античной эпохи жить у славян, а пережитки его сохранялись еще до недавнего времени в русском крестьянском искусстве [5].

Краткий обзор итогов раскопок Илурата в 1949 г. показывает, как много они дали нового, свежего и очень выразительного материала, чрезвычайно важного для правильного понимания культуры Боспора в первые века нашей эры.

Одной из важных особенностей Илурата является именно то, что это памятник однослойный и к тому же отлично сохранившийся. Последнее обстоятельство позволяет выявить с предельной ясностью картину жизни поселения, его культуру в I—III вв. н. э., точнее говоря, во II—III вв. н. э., ибо весь основной материал, вскрываемый раскопками, принадлежит указанному периоду. Как известно, II в. и первая половина III в. н. э. — вре-

---

[1] Последний раз она переиздана в статье Б. А. Рыбакова. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, № 1, 1948, стр. 93.

[2] ИАК, вып. 49, табл. 1.

[3] Переиздано в моей книге «Боспорское царство», 1949, стр. 473.

[4] Это очень большое надгробие, высотой 4,20 м. См. ИАК, вып. 56, стр. 19. В. В. Шкорпил, издавший надгробие, не понял изображения на фронтоне, он полагал, что на нем «изваян бюст неясной фигуры с приподнятыми руками, в которых виднеются пряди волос».

[5] Обширный материал, относящийся к этой теме, представлен в широко известной работе В. А. Городцова. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. ТГИМ, I, 1926, стр. 7 и след.; см. также: Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 90 и след.

мя вторичного экономического и культурного расцвета Боспора. Мощь крепости Илурата убедительно подтверждает это положение.

Вместе с тем, II—III вв. н. э. были периодом интенсивной «сарматизации» Боспора, когда на первый план с исключительной силой выступили элементы культуры коренного населения Боспора.

Илурат доказывает, что местное население Боспора, длительно подвергавшееся культурному воздействию крупных греческих городов Боспора, продолжало сохранять основные элементы своей собственной древней культуры.

Циклопический характер кладки оборонительных стен, усиление последних посредством последовательного наращивания поясов (прием, широко применявшийся в Неаполе Скифском), огромные зольники около поселений (характерная черта скифских городищ), господство лепной керамики в быту населения, захоронения умерших совместно с конем (имеем в виду катакомбу южного илуратского некрополя, расследованную в 1947 г. [1]), наличие в городе культового сооружения, где на жертвеннике лежал человеческий череп (раскопки 1948 г.), комплекс культовых терракот и особенно глиняный штемпель с изображением местного скифо-сарматского божества, найденные в 1949 г.,— все это с поразительной конкретностью обрисовывает облик Илурата и его своеобразную культуру, развивавшуюся на местной этнической основе.

В свете сказанного совершенно очевидна настоятельная необходимость продолжать раскопки Илурата в широком масштабе, с тем чтобы в ближайшие годы полностью раскрыть этот интереснейший и крайне поучительный памятник античной культуры Северного Причерноморья.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ

Керченская археологическая экспедиция была организована в 1949 г. ИИМК, ГИМ и МГУ [1]. В 1949 г. были продолжены работы, производившиеся в 1945—1948 гг. для исследования истории города и его отдельных районов (рис. 70, *а*) Раскопки велись в четырех местах: на южном и юго-восточном склонах Второго Кресла Митридата, на Эспланадном раскопе 1945—1947 гг. и в восточной части северного склона Первого Кресла.

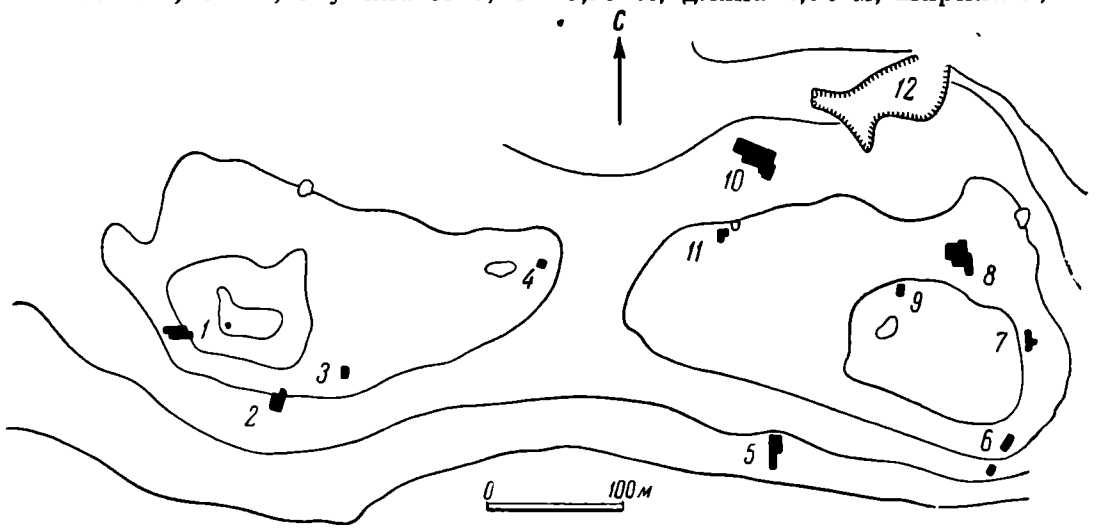
Раскоп на южном склоне Второго Кресла Митридата был разбит в верхней части покатости горы, примерно против третьего Босфорского переулка. Площадь раскопа — 150 м². Работами на III Босфорском раскопе, повсюду доведенными до материковой глины, был обнаружен бедный находками культурный слой в 0,60—1,80 м мощностью, заключавший обломки черепиц, остродонных амфор от II—I вв. до н. э. до III—IV вв. н. э., краснолаковой и сероглиняной посуды и др. Характер этих напластований, значительно более тощих, чем слои городища, указывает на то, что исследуемый участок всегда находился вне городской черты. Самый же культурный слой образовался из случайных сбросов черепков и оползней. Загородный характер исследованного участка подтверждается наличием на нем древних могил, значительная часть которых пострадала от грабителей.

Сохранившиеся могилы должны быть отнесены к позднеантичному времени. Разграбленные гробницы № 16, 17 и 28 были грунтовыми, могильные ямы их с приступками выложены камкой; ориентация ям северо-южная. Костяки лежали в гробах; глубина могил 1,95, 1,55—1,80 и 2,25 м. Плитовая гробница № 20 была 2,60 м глубиной. Костяк ориентирован головой на ССЗ. У колен находился сероглиняный лепной кувшин с зооморфной ручкой, на груди остатки ножа (?). Подбойная могила № 23, глубиной 1,75 м, имела заклад из рваных известняковых камней. Обнаружены следы гроба с обивкой. Костяк был ориентирован головой на север. Закрытая каменным закладом могила № 29 имела в глубину 2,15 м. Детский костяк (длина 1,25 м) лежал головой на север. В могиле найдены стеклянный стакан с глазками, глиняный двуручный сосуд и кувшинчик, пять

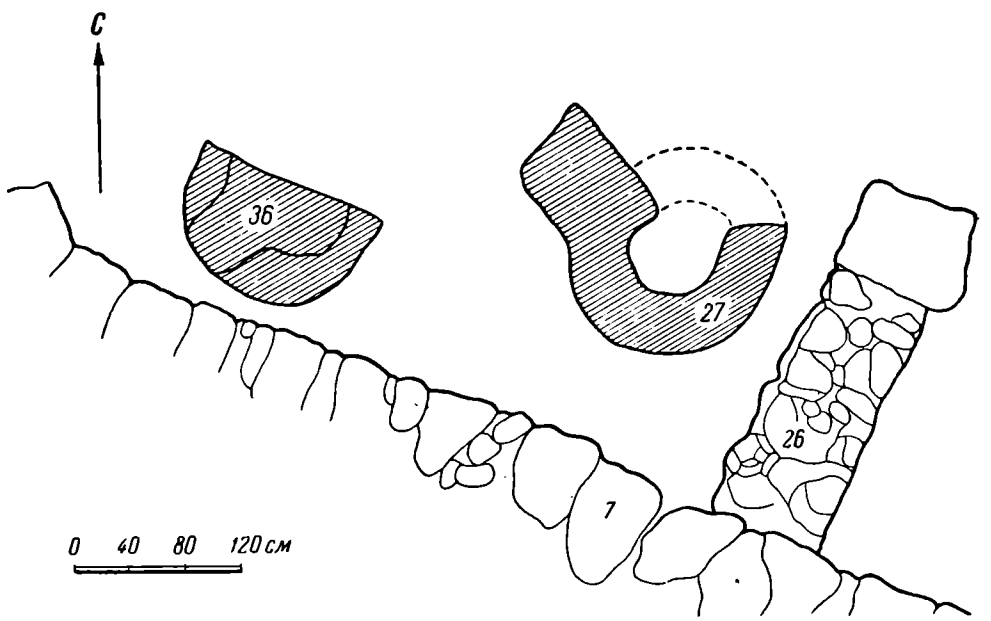
[1] В экспедиции участвовали: начальник — В. Д. Блаватский, зам. начальника — И. Б. Зеест; научные сотрудники: Т. В. Блаватская, А. К. Коровина, И. Т. Кругликова, Н. М. Лосева, И. Д. Марченко, Н. А. Сидорова и Г. А. Цветаева; архитектор Н. С. Драго, фотограф Ю. С. Панютин.

донышек от глиняных и стеклянных сосудов, бронзовые браслеты, серьга и перстень.

В северо-восточной части раскопа обнаружен развал вымостки (или россыпь камней) № 1; глубина ее 0,30—0,35 м, длина 4,70 м, ширина 3,40 м.

а

б

Рис. 70. Пантикапей

а — схематический план горы Митридат: *1* — западный раскоп 1948 г.; *2* — III Босфорский раскоп 1949 г.; *3* — II Босфорский раскоп 1949 г.; *4* — раскоп у Скалистого выступа 1947 г.; *5* — I Босфорский раскоп 1946—1947 гг.; *6* — раскоп под старым зданием Музея 1945 г.; *7* — раскоп у памятника Стемпковскому 1945 г.; *8* — верхний Митридатский раскоп 1949 г.; *9* — раскоп у Первого Кресла 1948 г.; *10* — Эспланадный раскоп 1949 г.; *11* — верхний Эспланадный раскоп 1949 г.; *12* — раскоп Думберга.
б — план эргастерия корпласта I в. до н. э.

Это сооружение не сопровождалось какими-либо городскими остатками, и если оно и представляло собой мостовую, то, вероятно, находившуюся вне черты древнего города.

Таким образом, III Босфорский раскоп уточнил наши данные о топографии Пантикапея, показав, что древний город занимал лишь самую верхнюю часть южного склона Второго Кресла, а ниже простирался некрополь.

Следующий раскоп был разбит на юго-восточном склоне Второго Кресла Митридата, в верхней части покатости горы, примерно против Второго Босфорского переулка. Площадь раскопа — 60 м².

Работы были доведены до материка (зеленоватой киловой глины), обнаруженного на глубине 2,34—2,82 м. Раскопки показали, что исследованный участок был занят древним городом. Обнаружены культурные напластования II в. до н. э.—IV в. н. э.

Первый слой (II в. до н. э.) представляет собой пласт коричневатого суглинка, до 0,23 м толщиной, заключающий многочисленные обломки черепиц, гераклейских, синопских и родосских и иных остродонных амфор эллинистического времени, чернолаковой посуды V—III вв. до н. э. и др.

Второй слой (I в. до н. э.—I в. н. э.) является пластом гумированной супеси, до 0,50 м толщиной, содержащим обломки черепиц, преимущественно боспорских, синопских, косских, родосских и иных амфор III в. до н. э.— I в. н. э., сероглиняной, чернолаковой, краснолаковой и кухонной посуды, грузил пирамидальной формы, а также медные монеты.

В конце I или начале II в. н. э. были сооружены фундаменты двух стен — № 7 и 8. Сложенные из рваного камня различной величины, они связаны в переплет и, подходя друг к другу под прямым углом, образуют угол постройки. Длина фундамента № 7 была 2,10 м, ширина 0,61—0,71 м, высота 0,42 м, глубина подошвы 2,67 м. Длина фундамента № 8 была 1 м. Эта постройка, видимо, просуществовала сравнительно недолго. Фундаменты № 7 и 8 опущены во второй слой (I в. н. э.), вместе с тем накрыты пластом мусорной земли до 1,15 м толщиной, заключавшим много щебня, раковин мидий, костей животных и обломков керамики. По находкам этот пласт нужно отнести ко II в. н. э., но в нем очень много предметов более раннего времени. Там обнаружены: обломки черепицы, в том числе боспорской, остродонных амфор III в. до н. э.— II в. н. э., чернолаковой, краснолаковой, рельефной, сероглиняной и кухонной посуды, терракотовых статуэток, грузил пирамидальной формы, кусок глиняного очага. Особо следует отметить находку железного ножа виноградаря (около 0,20 м длиной) со следами деревянной ручки (рис. 71—*1*), обломок другого ножа, бронзовые наконечники стрел, кусок плохо сохранившейся каменной формы для отливки и нижнюю часть мраморной статуэтки, от которой сохранились ступни ног (нужно думать, Артемиды) и копыта лани.

На слое II в. н. э. лежали вымостки № 5 и 6. Вымостка № 5 была плотно выложена из грубо отесанных солидных известняковых плит. Толщина ее была около 0,20 м, глубина подошвы 1,38 м. Рядом находилась вымостка № 6 из рваных известняковых камней, меньших по размерам. Выше залегали три культурных напластования II—IV вв. н. э. Общая толщина их колебалась в пределах 0,92—1,72 м. В нижнем слое обнаружены россыпи рваного камня № 3 и 4. В среднем слое открыта вымостка № 2, сооруженная из рваных известняковых камней небольшой величины. Толщина вымостки около 0,10 м, глубина подошвы 0,38—1 м, длина 7,60 м, ширина 5 м. В верхнем слое выявлена россыпь рваного камня № 1.

Вещевые находки в трех верхних напластованиях (III—IV вв. н. э.) в основном довольно схожи. Это — обломки черепиц, остродонных амфор III—IV вв. н. э., а также и более ранних чернолаковых, краснолаковых, сероглиняных сосудов, мегарских чаш, кухонной, в том числе лепной посуды, пирамидальные грузила. Следует отметить круглое грузило, на котором в качестве клейма оттиснут характерный античный ключ с кольцеобразной ручкой и коротким стержнем (рис. 71—*2*).

II Босфорский раскоп показал, что исследованный участок находился в черте древнего города уже со II в. до н. э. Тем самым можно считать окончательно решенным остававшийся до сего времени не вполне ясным вопрос о включении района Второго Кресла в городскую черту еще во II в. до н. э. Последующие напластования показывают, что наш участок оставался в городской черте вплоть до позднеантичного времени.

На участке к югу от Эспланадной улицы (Эспланадном раскопе 1945—1948 гг.) были доследованы площади, остававшиеся недокопанными в 1948 г. [1]. Работы велись до материка вязкой зеленоватой глины, обнаружен-

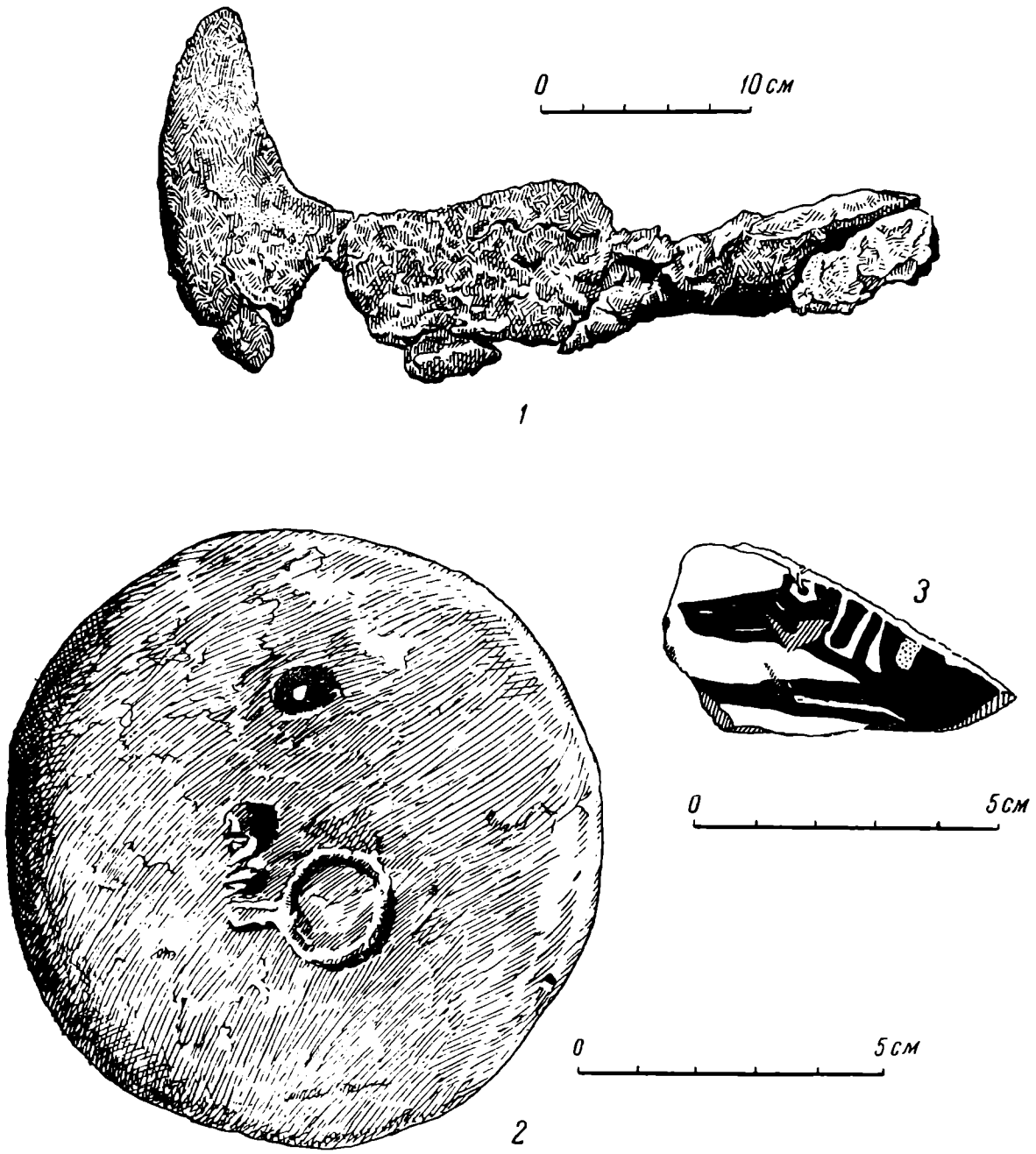

Рис. 71. Вещи из Пантикапея

1 — нож виноградаря; *2* — глиняное грузило с оттиском ключа вместо клейма; *3* — обломок вазы VII в. до н. э.

ной на глубине 3,47—4,15 м. Верхние штыки (до глубины 1,10 м) были сняты в 1948 г.

Первый слой, относящийся к VI — первой половине V вв. до н. э., состоял из пласта оливково-серой глины, до 0,83 м толщиной. Этот пласт налегал на лежащий на материке развал (№ 115) из громадных каменных

[1] Работы были сосредоточены на XIV площади, отчасти были затронуты также площади V, VI, XV и XVII.

глыб. Длина развала 5,97 м, ширина 2,34 м, высота 1,21 м. Неудовлетворительная сохранность обнаруженного сооружения позволяет говорить о нем только с большой осторожностью. Значительная ширина развала позволяет считать его бутом оборонительной стены, что представляет особый интерес, ибо в таком случае эта стена ограждала Пантикапей доархеанактидова времени. Не менее примечательно и то, что глыбы, из которых состоит развал, лишены острых углов или граней и края их сглажены. Состояние поверхности этих глыб допускает предположение, что они, прежде чем были заложены в стену, в течение долгого времени находились под открытым небом. В таком случае вполне вероятно, что материал для рассматриваемой постройки был взят с догреческих, возможно, киммерийских сооружений.

Среди находок в первом слое преобладали черепки остродонных амфор, главным образом пухлогорлых хиосских VI в. до н. э., а также амфор V в. до н. э., встречались обломки чернолаковой посуды VI—V вв. до н. э., ионийской с росписью в виде полос и чернофигурной. На черепке одного килика процарапана буква «F». Обнаружен обломок терракотовой статуэтки VI в. до н. э.

Второй слой (IV в. до н. э.), состоявший из серовато-коричневатого суглинка, в среднем был 0,50 м толщиной. К строительным остаткам этого слоя относятся: фундамент стены № 110, а также связанные с ним в переплет и примыкающие к нему с востока фундаменты № 91 и 117. Все они сложены из рваного и грубо подтесанного камня. Наиболее значительный из них (фундамент № 110) тянется с севера на юг, достигая 5,85 м длины, 1 м ширины; глубина подошвы 2,62 м; в вышину он сохранился на 0,30—0,45 м. К тому же слою относится также яма № 116, имевшая, вероятно, хозяйственное назначение и служившая для хранения припасов. Яма была врезана в материк и имела цилиндрическую форму. Диаметр ее 1,30—1,35 м, глубина дна от дневной поверхности времени ее сооружения 1,52 м, а от современной поверхности — 4,29 м. В яме обнаружено много обломков остродонных амфор VI, V и IV вв. до н. э.: хиосских, фасосских, гераклейских и боспорских. Среди них горло хиосской амфоры с круглым клеймом, изображающим сфинкса и амфору. Найдены также обломки чернолаковой посуды, сероглиняной, покрытой лаком, и краснофигурной. Выделяется обломок чернолакового сосуда с великолепно исполненным рельефным изображением женской фигуры, задрапированной в длинную одежду.

Вещевые находки второго слоя довольно многочисленны; это — обломки черепицы, остродонные амфоры, кухонная посуда, расписная керамика VI—IV вв. до н. э. Особого упоминания заслуживает чернолаковый фигурный сосуд редкой формы — в виде астрагала (рис. 72—*1*); горлышко его было отбито еще в древности и края заглажены. Не менее интересен фрагментированный простой тонкостенный кувшин из боспорской глины. На плечах этого кувшина оттиснуто круглое клеймо с изображением канфара на высокой ножке (рис. 73—*5*). Этот кувшин напоминает местные фанагорийские ойнохои IV в. до н. э., служившие, по всей вероятности, мерными сосудами.

Третий слой (III—II вв. до н. э.) состоял из гумированного коричневато-серого суглинка, заключавшего большое количество обломков керамики и раковин мидий. Толщина этого слоя была около 0,50 м. Строительные остатки этого слоя представляют продолжение большого, повидимому, жилого здания, раскрытого раскопками 1948 г. Они состоят из фундамента № 107 и подходящего к нему под прямым углом фундамента № 113. Последний в длину достигает 2,35 м, в ширину 0,63 м, в высоту он сохранился на 0,24—0,29 м; глубина подошвы 2,51 м.

Вещевые находки в третьем слое весьма многочисленны: обломки черепицы синопской, гераклейской и главным образом боспорской, остродон-

ных амфор фасосских, гераклейских, родосских и других, посуды чернолаковой, краснолаковой II в. до н. э. и эллинистической расписной.

Четвертый слой (I в. до н. э.) представлял собой довольно тонкий (0,20 м) пласт мусорного суглинка, заключавшего очень большое количе-

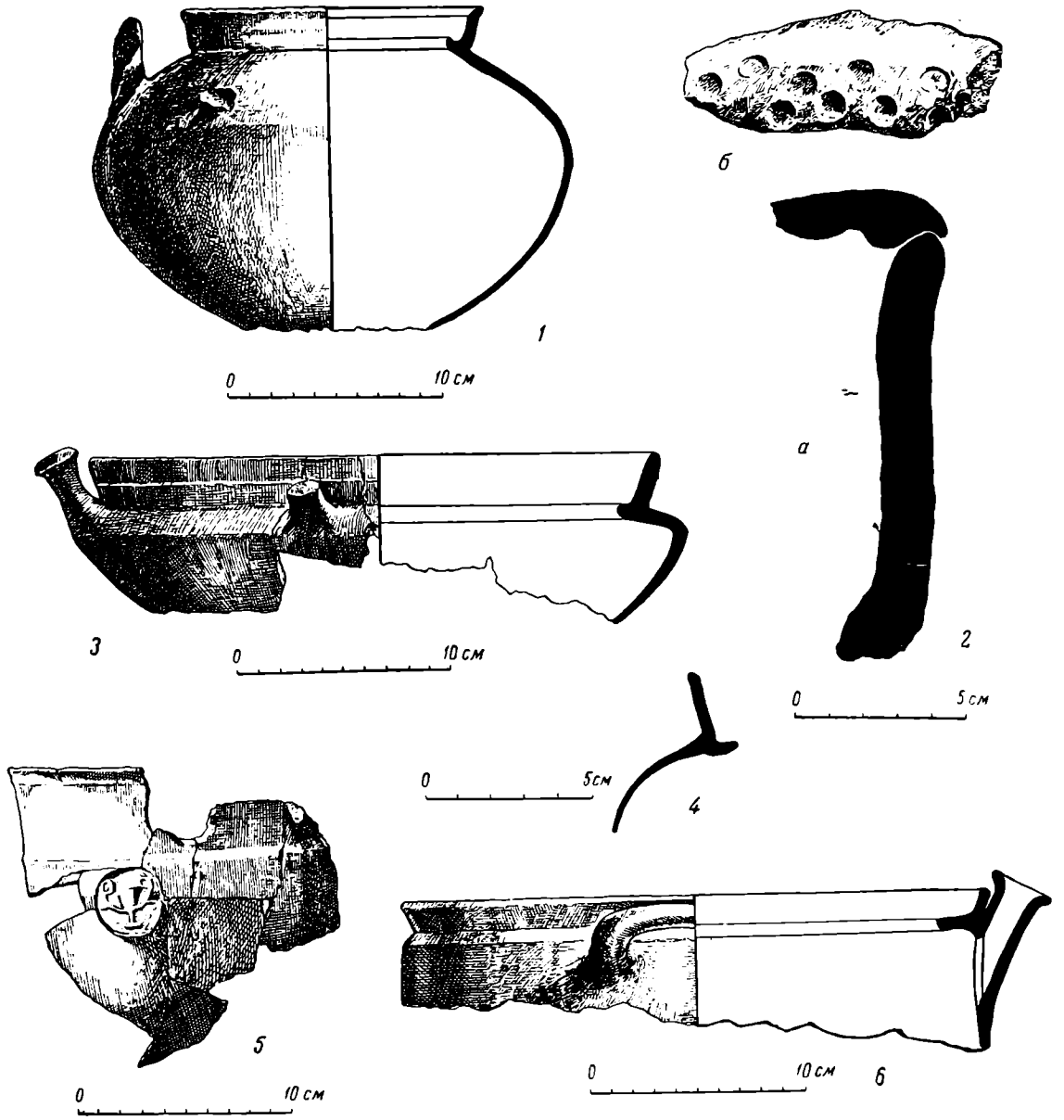
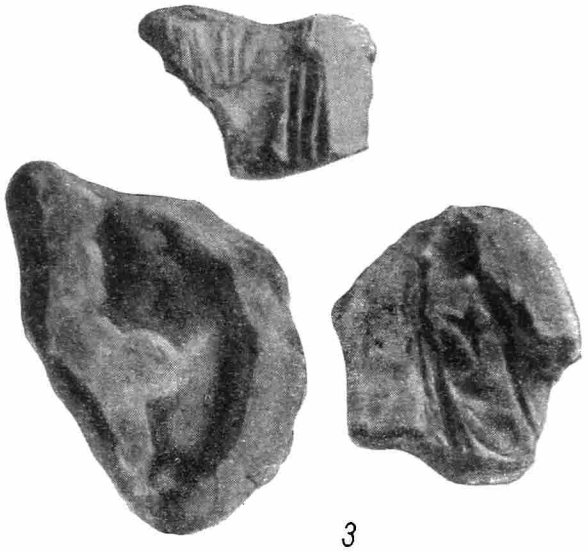

Рис. 72. Керамические изделия из Пантикапея

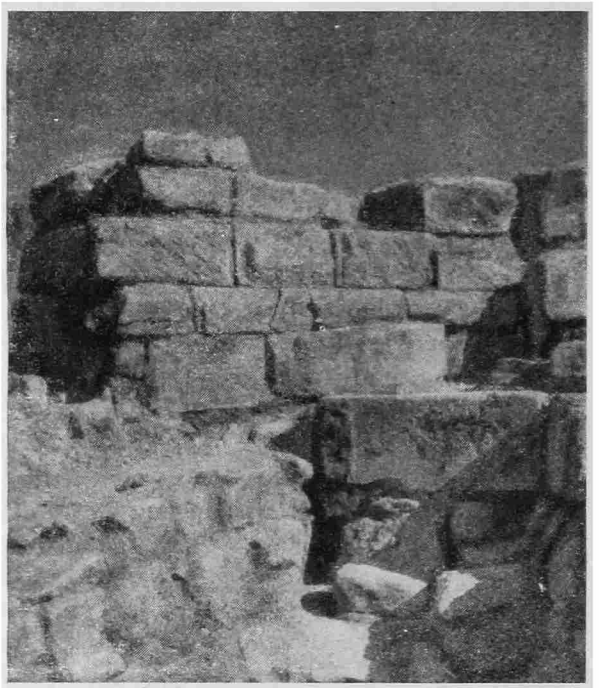
1 — горшок IV в. до н. э.; *2а* — обломок тигля; *2б* — крышка тигля; *3—4* — обломки кастрюль IV в. до н. э.; *5* — обломок боспорского кувшина с клеймом (канфар); *6* — обломок кастрюли V в. до н. э.

ство обломков керамики, особенно боспорской черепицы и амфор хиосских, фасосских, гераклейских, книдских, родосских и иных, а также чернолаковой и краснолаковой посуды. К строительным остаткам этого слоя относится только фундамент № 114 (длина его 1,90 м, ширина 0,60 м, высота 0,48 м, глубина подошвы 2,44 м).

Выше залегавшие пятый и шестой слои отвечают нижнему и верхнему горизонту свалки I—II вв. н. э., раскапывавшейся на Эспланадном раскопе в предшествовавшие годы. Пятый слой (слой I в. н. э.) в среднем 0,60 м

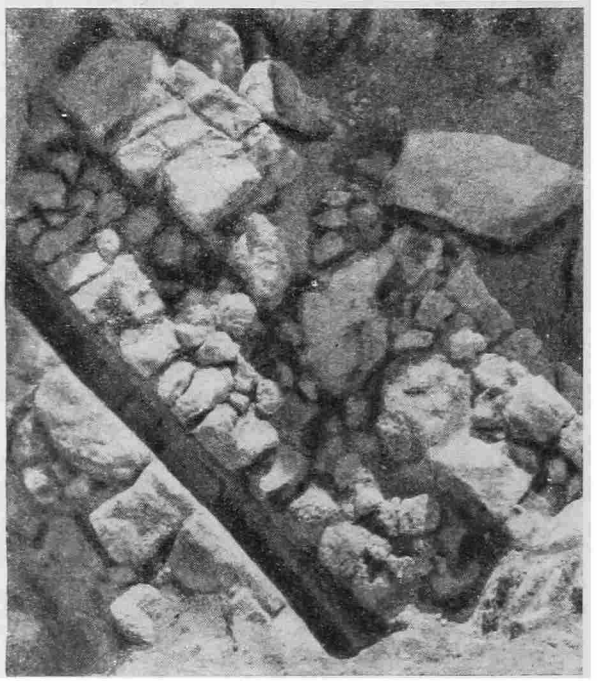
3

4

1

2

Рис. 73. Пантикапей

1 — чернолаковый астрагал; *2* — водосток и фундамент стены конца V в. до н. э.; *3* — формы для изготовления статуэток; *4* — стена II в. н. э.

толщиной и шестой слой (слой II в. н. э.), толщиной 0,45 м, дали многочисленные находки керамики и иных предметов, в основном схожих с ранее найденными в аналогичных напластованиях.

Таким образом, доследование Эспланадного раскопа пополнило наши данные по истории этого участка. Можно считать установленным, что город простирался до этого места еще в доархеанактидову эпоху. Вместе с тем вполне возможно, что, воздвигая на этом месте свои постройки в VI в. до н. э., пантикапейцы брали камень из сооружений догреческого времени.

Главные силы экспедиции были сосредоточены на Верхнем Митридатском раскопе, названном по проходящей под ним Верхней Митридатской улице. Этот раскоп был разбит на верхней покатости северо-восточной части Митридатовой горы таким образом, что он находился между тремя старыми раскопами: 1) К. Е. Думберга, 1896—1900 гг.; 2) раскопом около памятника И. А. Стемпковскому 1945 г. и 3) раскопом 1948 г. под самым Первым Креслом. Раскоп расположен на довольно крутом склоне: падение горизонтали доходило до 2,70 м на протяжении 10 м.

Площадь Верхнего Митридатского раскопа достигала 390 м². Работы были доведены до материка — известняковой скалы или лежащей над ней глины, обнаруженных на различной глубине от 2—3 до 5—6 м. Это очень резкое различие толщи культурного слоя объясняется тем, что раскоп делится на две почти равные по площади части: значительно более высокую, юго-восточную террасу, которая, круто обрываясь, резко переходит в нижнюю, северо-западную террасу.

Верхний Митридатский раскоп расположен в черте акрополя древнего Пантикапея; находки на этом раскопе отличались значительным богатством и разнообразием. Было обнаружено 11 культурных напластований от VI в. до н. э. до IV в. н. э. и 18 средневековых могил.

Древнейшая из обнаруженных на этом раскопе находок представляет собой небольшой обломок расписной вазы с изображением головы собаки (рис. 71—*3*); он относится еще к VII в. до н. э., наглядно подтверждая существование пантикапейского эмпория в это отдаленное время.

Первый слой относится к VI в. до н. э., он наблюдался на VII и особенно V площадях. В первом слое обнаружены развалины усадьбы, возникшей в начале VI в. до н. э., возможно, еще во времена пантикапейского эмпория или вскоре после основания полиса. Эти развалины открыты на верхней террасе в западине материковой скалы.

Довольно скромное помещение имело глинобитный пол, сооруженный из светлосерой глины; глубина его 1,50 м, размер раскрытой площади около 4 м². Помещение обрамляют стены с запада — № 20, с севера — № 49. Кладка № 20 плотно выложена из рваного камня средней величины: ширина ее 0,40 м, длина 2,80 м, высота 0,40 м; глубина подошвы 1,50 м. От примыкавшей к ней под прямым углом кладки № 49 сохранились лишь три плиты, поставленные на ребро наподобие орфостатов, высотой 0,35 м. Обе кладки, несомненно, служили цоколями, на которых стояли сырцовые стены здания. Остатки сырца лежали над полом в виде пласта коричневато-желтоватой глины, 0,11—0,38 м толщиной. Внутри помещения обнаружен очаг № 50, сооруженный из сырцовых кирпичей (длиной 0,40—0,45 м) непосредственно на глиняном полу и частично заглубленный в последний.

Архаический дом, развалины которого мы описали, стоял у края верхней террасы над крутым обрывом. К западу от помещения по самому краю была сооружена ограда, от которой сохранился ряд рваных камней (№ 23).

Культурный слой, лежавший над полом на 0,20 м, заключал обломки родосской расписной тарелки VI в. до н. э., ионийской посуды с орнаментом в виде полос, остродонных амфор и чернолаковых сосудов VI и

начала V в. до н. э. Это позволяет предполагать, что наше здание возникло еще в первой половине VI в. до н. э. и бытовало в течение VI в. до н. э.

Второй слой (конец VI — начало V в. до н. э.) отличается более обильными строительными остатками, дошедшими в значительно лучшей сохранности. В северо-западной части раскопа была открыта часть здания, повидимому, жилого дома. Стены его местами сохранились более чем на 2,5 м в высоту. В доме было не менее четырех помещений (общей площадью до 40 м^2), которые удалось раскопать лишь частично, ибо над ними находились позднейшие монументальные сооружения.

Первое — северное помещение было обрамлено с юго-запада стеной № 25, сохранившейся в высоту на 2,52 м. При этом 0,27 м приходятся на фундамент, для которого сделана специальная вырубка в материковой скале. Глубина подошвы 5,02 м, длина стены 2,20 м, ширина — около 0,60 м. Стена тщательно сложена на глине из небольших грубо отесанных камней (16—17 рядов) и снаружи обмазана слоем беловатой светлосерой глины. Такую же кладку с обмазкой имеют и другие стены первого помещения: № 29 и 40. Юго-восточная стена № 29 сохранилась в высоту на 1,97 м; глубина ее подошвы 5,35—6 м; примыкающая к ней под прямым углом стена № 40 выявлена лишь в небольшой части. Внутри описываемого помещения, на глубине 4,75 м, был обнаружен пол (№ 47) — трамбовка из известняковой крошки. В слое над полом, состоявшем из зеленоватой глины, обнаружены обломки хиосских амфор конца VI — начала V вв. до н. э. и чернолаковой посуды начала V в. до н. э. Несколько выше, на глубине 4,65 м, обнаружен второй пол — № 46, относящийся к тому же слою, но ко второму строительному периоду. На этом полу лежали три раздавленные остродонные амфоры конца VI—V вв. до н. э., в том числе одна хиосская, и разбитая простая миска. Наличие амфор в описываемом помещении позволяет предполагать, что оно служило складом припасов.

Второе, восточное помещение, примыкавшее к первому, было обрамлено с северо-запада стеной № 29, а с северо-востока — подходившей к ней под прямым углом стеной № 39. Обе тщательно сложены из грубо отесанных небольших блоков и облицованы глиной. Пол второго помещения глиняный, он почти на полметра ниже уровня верхнего пола первого помещения. Над полом второго помещения обнаружены раздавленные остродонные амфоры, черепки чернолаковой посуды, обломки двух жаровень — одной плоской, из боспорской глины, и другой более высокой, из коричневатой глины, а также большой узкий булыжник, служивший точильным камнем. Перечисленные находки допускают предположение о хозяйственном назначении описываемого помещения, которое, может быть, служило кухней.

В отличие от двух описанных помещений, третье, западное, по всей видимости, не имело хозяйственного назначения. Пол (№ 51) этого помещения представлял собой трамбовку из отесков известняка и мелких камней (глубина пола 3,94 м). Над полом лежал тонкий пласт сажи; в залегавшем выше культурном слое находки были самые незначительные — обломки керамики конца VI—V вв. до н. э. Третье помещение обрамлено стенами № 25, 41 и 42. Стена № 41, ограничивающая его с юго-запада, является, возможно, наружной стеной здания; она плотно сложена из рваных камней средних размеров. Примыкающая к ней юго-восточная стена № 42 сохранилась хуже других; высота ее 0,70—1,30 м.

Менее других удалось обследовать четвертое, южное помещение. Открыта обрамляющая его с юга стена № 17, сохранившаяся в вышину на 2,15 м. Она стоит на материке; глубина подошвы ее 6,18 м. Стена сложена из 16 рядов грубо отесанных камней. Полом (№ 45) описываемого помещения служит материковая зеленоватая глина и скала, выровненная подтеской. Следы пожарища в четвертом помещении выступали гораздо яснее,

чем в третьем: на полу лежал толстый (0,15—0,18 м) пласт сажи, в котором были найдены обгорелые куски сырца, плохо обожженной черепицы и большой бронзовый гвоздь. Там же обнаружены обломки простой и чернолаковой посуды конца VI — начала V в. до н. э., боспорской ойнохои, украшенной росписью в виде полос, и чернолаковый аск с кольцевидным туловом, примерно начала V в. до н. э. На донышке этого аска процарапано: KOI, т. е. Кою. На двух других керамических находках обнаруженных в описываемом здании, были надписи: КО и К. Все они, нужно думать, связаны с одним лицом, неким Коем, в котором следует видеть жителя, может быть владельца, нашего дома.

Дом Коя, сооруженный еще в конце VI в. до н. э. и бытовавший в начале следующего столетия, видимо, еще в V в. до н. э. прекратил свое существование. Залегающий между его стенами культурный слой, мощностью до 2 м, заключает находки VI—V вв. до н. э.: обломки амфор, сероглиняной, чернолаковой, чернофигурной и ионийской расписной посуды, открытые светильники, трехгранный, втульчатый бронзовый наконечник стрелы. Особого упоминания заслуживают пирамидальные грузила с двумя отверстиями и обломки кухонной посуды, в том числе большой кастрюли с упором для крышки, ручкой и трубкообразным носиком (рис. 72—*6*).

Слой конца VI—V вв. до н. э. был обнаружен не только в пределах дома Коя, но также и на площади IX, на глубине 4,20—4,40 м. Там среди черепков расписной посуды найден край красноглиняного боспорского сосуда, расписанного полосами лака.

Третий слой относится к последним десятилетиям V и первым десятилетиям IV в. до н. э., т. е. ко времени начала правления Спартокидов. Этот слой обнаружен на II, III и IX площадях. Мощность пласта его, преимущественно состоящего из коричневатого суглинка, достигает 0,70—0,80 м.

На IX площади обнаружены остатки кладок и субструкций, тянущихся в направлении с СВ на ЮЗ. Разделенные каналом водостока, субструкции № 33 и 34 служили основанием вымосток и стены. Они были сложены из рваного камня различных размеров, местами грубо подтесанного. Субструкция № 34 раскрыта в длину на 4 м, ширина ее 1,50 м, высота 0,40 м; глубина подошвы 3,45 м. Субструкция № 33 была 0,55—0,60 м в ширину. Проходящий между субструкциями водосток № 35 сооружен очень тщательно (рис. 73—*2*). Он выложен из старательно отесанных камней, выдолбленных наподобие желобов. Размеры камней: длина 0,41—0,55 м, ширина 0,22—0,27 м, глубина канала 0,04 м. Водосток имеет наклон с СВ на ЮЗ, на протяжении 2,60 м уровень его снижается на 0,05 м. Водосток и прилежащие части субструкций, несомненно, были накрыты тесаными плитами, которые в дальнейшем были выбраны как ценный строительный материал.

Параллельно водостоку на субструкции № 34 был сооружен фундамент стены № 32. Высота его 0,30—0,45 м, ширина 0,55—0,65 м, в длину он открыт на 3,75 м. Фундамент выложен насухо из рваных и грубо отесанных камней средней и крупной величины. В средней части фундамента имеется проем, появившийся, вероятно, в результате выборки камня; возможно, что здесь была дверь с тщательно отесанными наличниками и порогом, которые выбраны так же, как и плиты вымостки и блоки стен. К юго-востоку от стены № 32, видимо, находилось внутреннее помещение. Оно имело пол в виде трамбовки из известняковой крошки на подушке из зеленоватой глины. Уровень этого пола на 0,13 м выше уровня верхней части кладки № 32. При сооружении пола внутреннего помещения производились подтески выступающего массива скалы. Один из выходов ее сбит на 0,06 м ниже поверхности трамбовки.

В водостоке и над остатками прилежащих сооружений обнаружены многочисленные обломки чернолаковой посуды конца V — начала IV в. до н. э.,

в том числе фрагментированные скифос и килик, ионийский кувшинчик с процарапанной буквой «А», черепки остродонных амфор хиосских и фасосских, кухонной посуды и пр.

К третьему слою относятся также развалины подпорных стен № 11 и 13 (на площадях II и III), являющихся, вероятно, частями одного сооружения, над которым позднее была построена монументальная стена № 1. Подпорная стена № 11 вплотную приставлена к крутому обрыву скалы. Она сложена из 3—4 рядов известняковых рваных камней средней величины. Стена раскрыта в длину на 1,80 м, ширина ее 0,60 м; в высоту она сохранилась на 1,10 м; глубина подошвы ее 3,24 м. Стена № 13 из крупных и средних рваных камней выявлена в длину на 1,40 м, в высоту на 0,55 м. Открытие описанных подпорных стен свидетельствует о применении террасной планировки в Пантикапее еще в последних десятилетиях V в. до н. э. Вместе с тем следует отметить, что направление подпорной стены (№ 11—13) с СВ на ЮЗ точно совпадает с направлением стены № 32 и водостока № 35, позволяя предполагать взаимную увязку при планировке этих сооружений.

Значительно более скудны и менее выразительны остатки сооружений четвертого слоя, относящегося к IV — началу III в. до н. э. Видимо, эти постройки сильно пострадали при последовавших земляных работах и строительстве.

Рассматриваемые сооружения встречались в северо-западной части раскопа; к ним принадлежат: бут № 10 из рваных камней различной величины (толщина пласта 1,45 м, глубина подошвы 4,28 м), вымостка из больших известняковых плит № 21 (глубина 2,30—2,50 м, сохранилась в длину на 1,70 м, в ширину на 0,58 м) и развалы кладок № 28 и 48. Вещевые находки в этом слое представляют обломки черепицы, остродонных амфор (хиосских, синопских, фасосских и гераклейских), чернолаковой посуды VI — IV вв. до н. э., сероглиняных и расписных сосудов.

Значительно лучше сохранились сооружения пятого слоя, датируемого III—II вв. до н. э. К ним прежде всего относится мощная подпорная стена № 7, обращенная лицевой стороной к ССВ. Совершенно иное направление этой стены, по сравнению с подпорной стеной № 11—13 конца V в. до н. э., свидетельствует о полной перепланировке исследуемого участка и размахе предпринятых при этом работ. Стена № 7 сложена из больших и средних камней. В длину она открыта на 10,25 м; ширина ее достигает 1,65 м, высота — 0,95 м; глубина подошвы 2,98 м. К подпорной стене с северной стороны примыкает известняковая трамбовка № 8, отвечающая горизонту нижней террасы и обнаруженная на 0,67 м ниже верхнего края стены № 7. Далее на север была открыта монументальная вымостка (№ 9) нижней террасы. Она состоит из больших рваных камней. Глубина ее залегания 1,95—2,39 м; она сохранилась в длину на 5,34 м, в ширину на 1,18 м. Верхняя поверхность камней сильно обтерта, как это обычно для мостовой.

Культурный слой III—II вв. до н. э., толщиной более полуметра, состоит из серовато-коричневатого суглинка. В нем обнаружены обломки черепиц боспорских и синопских, а также остродонных амфор боспорских, хиосских, синопских, гераклейских, косских и сероглиняных, чернолаковой, краснолаковой II в. до н. э. и росписной посуды. В небольшом количестве встречались черепки кухонной посуды и медные монеты. Особо следует упомянуть обломки мраморных скульптур и каменного солена, ручку тонкостенного боспорского кувшина с клеймом, представляющим борьбу Геракла с Тритоном (примерно IV в. до н. э.), и игральную кость удлиненной формы.

Неоднократно замечавшиеся нами раньше следы разрушения Пантикапея в конце II в. до н. э. и последовавших сильных изменений города после

его восстановления можно наблюдать и на исследованном участке. В III—II вв. до н. э. он находился в черте акрополя и был занят монументальными сооружениями, от которых дошли подпорные стены и обломки украшавшей их скульптуры. В I в. до н. э. характер жизни на этом участке резко изменился: там появился эргастерий коропласта (рис. 70, *б*). Этот эргастерий занял место к северу от стены № 7, впритык к последней была пристроена кладка № 26, ограждавшая мастерскую с востока. Кладка № 26 состоит из рваных камней; длина ее 2,72 м, ширина 0,70 м, в высоту она сохранилась на 0,75 м; глубина подошвы 2,34 м.

На участке, огражденном стенами № 7 и 26, обнаружены развалины двух небольших керамических печей. Восточная печь № 27 сохранилась лучше, хотя северная часть ее повреждена глубокой могилой № 30. Печь № 27 имела в плане овальную форму. Она была сооружена на глинобитном массиве. Под печи был выстлан мелкими камнями раковистого известняка, сильно пострадавшими от огня. Толщина пласта этой части печи достигает 0,12 м. Диаметр топочного помещения 1,20 м. От обрамлявших топку стенок сохранились только глинобитные основания, выложенные сверху пластом плотно плашмя уложенных обломков соленов и небольших камней. Ширина этих стенок около 0,30 м, в высоту они сохранились на 0,27—0,31 м. К одной из широких сторон печи примыкало (с северо-востока) топочное отверстие, глинобитный массив основания которого выступал в виде прямоугольного зуба. Диаметр печи вместе с этим зубом 2 м. Глубина залегания остатков печи 1,90—1,60 м. Западная печь № 36 дошла до нас в еще более плохом состоянии. Однако не подлежит сомнению, что по размерам, устройству и назначению она близка восточной. Обе печи, несомненно, служили для обжига небольших керамических изделий, по всей видимости, терракотовых статуэток.

Вероятно, орудиями труда нашего коропласта были обнаруженные в районе эргастерия терракотовые формы (рис. 73—*3*) для оттискивания глиняных скульптур, найденные в напластованиях несколько более позднего времени — I—II вв. н. э. Таковы формы и их куски, представляющие пораженную на смерть Ниобиду, ноги мужской фигуры, скорее всего Ниобида, нижнюю часть лица, верхнюю половину задрапированной женской фигуры, нижнюю часть и небольшой кусок одетой женской фигуры.

В слое I в. до н. э. обнаружены различные обломки керамики VI—II вв. до н. э. ранее описанных типов и черепки краснолаковой посуды I в. до н. э. Примечателен обломок архитектурного профиля с сохранившейся росписью красной и синей краской.

Строительные остатки седьмого слоя (I в. н. э.) свидетельствуют о новом изменении характера жизни на исследованном участке. Здесь опять воздвигаются монументальные постройки и мощные подпорные стены.

Подпорная стена № 18, обращенная лицевой стороной к ВСВ, свидетельствует о коренной перепланировке участка и размахе строительных работ на акрополе I в. н. э. Стена № 18 сложена насухо из больших прямоугольных известняковых квадров, швы которых очень тщательно пригнаны, а торцы образуют лицевую сторону стены. Ширина стены 1,20—1,30 м; глубина подошвы 2,95 м, в вышину она сохранилась на 1,60 м, в длину — на 6,85 м. Размеры наибольших квадров: 1,40 × 0,75 × 0,55 м. За квадровой кладкой находился бут из громадных каменных глыб. К востоку от стены № 18 обнаружена вымостка № 15, показывающая горизонт террасы, прилегавшей к подпорной стене снизу. Вымостка № 15 состоит из известняковых плит, лежащих на плотном известняковом буте. Глубина залегания ее 1,70—1,85 м.

К седьмому слою относятся: фундамент солидной стены № 5, сложенный из крупного и среднего рваного камня (длина его 4,90 м, ширина

0,95 м, высота 0,60 м), и небольшие плохо сохранившиеся вымостки № 12 и 38.

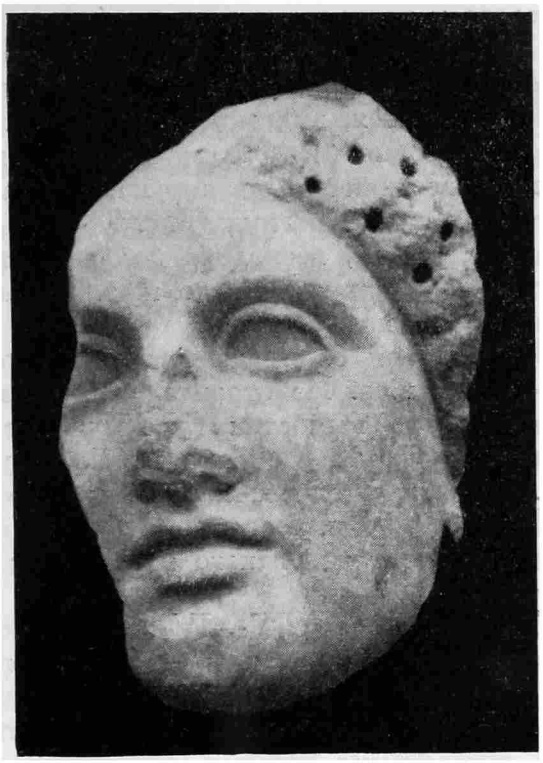
Культурный слой I в. н. э. представлял собой серовато-коричневатый или желтоватый суглинок, мощность которого колебалась в пределах 0,40—1,50 м. В нем были обнаружены многочисленные находки VI—I вв. до н. э., в частности клейменые ручки родосских амфор, а также черепки остродонных амфор I в. н. э., краснолаковой и стеклянной посуды того же времени. Примечательна нижняя часть сосуда из боспорской глины, покрытого красным лаком и украшенного белыми полосами. Особого упоминания заслуживают различные строительные остатки: куски штукатурки, покрытой красной краской; железная скрепа со свинцом (длиной 0,30 м), обломок (гутт) карниза дорийского ордера из известняка, кусок черепицы из известняка, фрагменты соленов из розоватой глины, с высоким бортиком по продольным краям, своеобразной особенностью которого было наличие (у верхнего края) довольно массивного выступа, вместо обычного небольшого валика. Затем следует отметить обломок большой бронзовой иглы, вероятно для плетения сетей, и много находок, связанных с обработкой металлов: куски железного шлака, обломки глиняного тигеля для литья (с крышкой) и глиняной формы для отливки. Исключительно интересна находка обломка бронзового предмета с вырезанной на нем надписью: ΣΩΝΑΡΤΕΜΙΕΘΕΣ, вероятно: Σῶν Ἀρτεμιδι ἔθεσ[ε. Эта надпись, судя по шрифту, относится к V в. до н. э.

Судя по остаткам восьмого слоя, во II в. н. э. исследуемый участок имел примерно такой же характер, как и в предшествовавшем столетии. Там снова были произведены грандиозные перепланировки, при которых была сооружена большая платформа, сдерживаемая мощной подпорной стеной № 1, обращенной лицевой стороной к западу. Таким образом, направления всех подпорных стен (конца V в. до н. э., III—II вв. до н. э., I в. н. э. и, наконец, II в. н. э.) резко отличаются одно от другого. Стена № 1 наиболее монументальная из всех кладок, открытых в Пантикапее за последнее время (рис. 73—*4*). Лицевая сторона ее сложена насухо из больших квадров (нередко более метра длиной), часть которых рустованы. Характер кладки не позволяет сомневаться в том, что при сооружении ее использовались материалы из более ранних построек. В приемах кладки чувствуется отголосок псевдосодомной системы. Обратная сторона стены сложена не только из тщательно отесанных квадров, но также и из грубо наломанных камней (в южной части ее выступ № 16). Ширина стены № 1—1,55 м, в длину она сохранилась на 5,28 м, в вышину на 3,04 м. Стена № 1 сооружена на склоне, в силу чего подошва ее постепенно и довольно сильно понижается к северу, достигая 4,99 м в глубину.

Культурный слой II в. н. э., состоящий из серовато-коричневатого различных оттенков суглинка (толщиной от 0,40 м и почти до 2 м), заключал многочисленные вещевые находки. Очень много было обломков керамики и иных предметов VI в. до н. э.— I в. н. э., аналогичных описанным выше. Кроме того, встречались черепки остродонных амфор и краснолаковой посуды II в. н. э. Представляет интерес обломок боспорского красноглиняного кувшина с клеймом, в котором представлен младенец Геракл, душащий змей около герма, и боспорский светильник из серой глины, украшенный очень выразительно исполненной маской Силена (рис. 74—*1*). Многие находки связаны с боспорскими промыслами и ремеслом, а именно: бронзовая игла для плетения сетей, литейная форма из камня и обломок тигеля (с крышкой) из коричневатой глины (рис. 72—*2*), имевшего вид широкого чана; на дне его сохранились следы медной окиси (толщина стенок 0,018—0,022 м, сохранился в высоту на 0,12 м, диаметр, вероятно, был 0,25 м). Значительное количество находок связано с архитектурой, с теми парад-

1

2

3

Рис. 74. Пантикапей

1 — боспорский светильник, украшенный маской Силена; *2* — мраморная голова богини; *3* — обломок мраморной базы с надписью царя Фарнака

ными зданиями, которые стояли на акрополе; к ним относятся: обломки белой раскрашенной и расписной штукатурки, куски облицовочных плиток из белого и пестрого мрамора, обломки различных архитектурных профилей и орнаментов из камня, куски каменной черепицы и обломок водомета из известняка — нижняя часть пасти льва. Эта парадная архитектура акрополя Пантикапея, видимо, имела и подобающее скульптурное убранство, от которого сохранились обломки мраморных изваяний: небольшая часть статуи из известняка — левая рука, держащая скипетр, и фрагментированная мраморная голова богини (рис. 74—*2*), вероятно Афродиты. Голова первоклассной работы, несколько больше натуральной величины. Тип восходит ко второй половине V в. до н. э., а работа — примерно I в. н. э. Голова, очевидно, побывала в огне.

Верхние три слоя (девятый, десятый и одиннадцатый) относятся к III—IV вв. н. э. Из строительных остатков в этих напластованиях сохранились только вымостки (преимущественно в восточной части раскопа); нужно думать, что все кладки в последующее время были выбраны на камень. В девятом слое обнаружены вымостки № 19; в десятом — № 2, 4, 6, 14, 22, 31, 37 и, вероятно, № 52; в одиннадцатом — № 3, 3а, 3б и 44. Все они состоят из рваного известняка; камни большей частью небольших размеров.

Культурные слои III—IV вв. н. э. состоят из коричневатого гумированного суглинка, мощность пласта которого колеблется от 0,20 м до метра и даже более. Находки в них весьма многочисленны. Помимо массового материала, аналогичного найденному в слоях VI в. до н. э.— II в. н. э., там были обнаружены черепки реберчатых амфор и краснолаковой посуды II в. н. э., куски зернотерок. Особо отметим несколько десятков обломков терракотовых статуэток боспорской работы, возможно, связанных с эргастерием, описанным выше. В числе терракот были изображения Афродиты Апатуры, женские головки, фигурки мальчиков в гиматии, детские статуэтки. Многие из них повторяют один и тот же тип и были оттиснуты в тех же формах. Встречались различные архитектурные детали, среди них обломок водомета — часть пасти льва. Найден обломок рельефа из известняка, представляющий торс мужской фигуры. Наконец, в слое III в. н. э. был обнаружен обломок прямоугольной мраморной базы (статуи?) с трехстрочной посвятительной надписью царя Фарнака Артемиде (рис. 74—*3*). Высота базы около 0,13 м. Содержание надписи:

β ασιλ]ε ὺς βασ [ιλέων
μέ]γας Φαρνάκ [ης
Ἀρ] τέμιδι συμ . . .

Последнее слово восстановить трудно, может быть это συμ[βωμὴ — соалтарной. На обломке надписи следы огня.

Таковы остатки античных городских культурных напластований на исследованном участке. Помимо них, было обнаружено еще 18 могил, относящихся к средневековому времени. Все они были сосредоточены к северо-западной половине раскопа, т. е. там, где материковая скала находится на большей глубине. Глубина могил различная: около одного метра встречаются редко; большинство — около двух метров и более, попадаются и несколько больше трех метров. Гробницы по большей части плитовые, встречаются захоронения в деревянных гробах. Ориентация головы покойников весьма различная, преобладают направления: южное, юго-восточное и восточное, встречаются западное, северо-западное и северное. Возраст в большинстве захоронений детский. Погребальный инвентарь обнаружен не во всех могилах. Встречалась посуда красноглиняная, лепная и стеклянная, бусы, пряжки, бронзовые колокольчики, костяные пластины, гвозди.

Исследования на верхнем Митридатском раскопе подтвердили существование пантикапейского эмпория в последних десятилетиях VII в. до н. э. и познакомили нас с жилыми домами VI — начала V в. до н. э. Можно считать установленным применение террасной планировки в Пантикапее уже в конце V в. до н. э. Значительно пополнились доступные нам данные о пантикапейских ремеслах, металлургическом и гончарном; в частности, обнаружены образцы боспорской расписной керамики доспартокидова времени и открыт эргастерий коропласта I в. до н. э. Обогатились наши сведения по быту Боспора, найдены различные предметы утвари, в том числе кухонной посуды V—IV вв. до н. э. Лапидарная эпиграфика нашего Юга пополнилась новой посвятительной надписью царя Фарнака, произведения искусства — мраморной головой Афродиты и другими памятниками.

Таковы результаты раскопок Пантикапея 1949 г. Они пополнили наши сведения о границах города и их изменениях; пролили свет особенно на древнейшую историю города и существовавшего на его месте эмпория; позволили собрать данные о градостроительстве, террасной планировке, по устройству жилищ, быту, ремеслам, культуре и искусству. Наконец, пополнились материалы и по могильнику Пантикапея, особенно средневекового периода.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

Д. Б. ШЕЛОВ

ГОРОДИЩЕ ОКОЛО ХУТОРА ИЛЬИЧЕВКА

Летом 1949 г. группа студентов Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, под руководством автора этой заметки, произвела небольшие разведочные работы на античном городище, расположенном на Фонталовском полуострове, около основания косы Чушка́ (Северная), на окраине хутора Ильичевка (Темрюкский район Краснодарского края). Это городище, известное в науке уже очень давно, никогда систематическим раскопкам или разведкам не подвергалось. В 1870 г. В. Г. Тизенгаузен произвел на городище пробные раскопки; не найдя ничего особенно выдающегося, он более их не возобновлял. Его работы, насколько можно судить по очень краткому отчету, коснулись не всей территории городища, а только одного из холмов, который был ошибочно принят им за все городище. Кроме этого, в литературе упоминаются лишь отдельные находки с городища или из его окрестностей.

Задачей разведочных работ 1949 г. было установление размера и приблизительных границ городища, характера и мощности его напластований, выяснение возможности проведения на нем планомерных раскопок.

Городище расположено на Таманском берегу Керченского пролива, у выхода пролива в Азовское море, на расстоянии нескольких сот метров от берега (рис. 75). Берег в этом месте высокий, обрывистый (18—20 м); в береговом обрыве выхода культурного слоя не наблюдается; пространство между городищем и береговым обрывом, в настоящее время распаханное, не дает никаких культурных остатков. Видимо, городище не имело непосредственного выхода к морю, что подтверждается и характером береговой линии в этом районе, исключающим возможность устройства здесь гавани. Впрочем, городище могло иметь сообщение с морем через косу Чушка́ или через побережье лимана, отделенного от пролива этой косой. Для решения этого вопроса необходимо детальное обследование всего пространства между городищем и косой, в настоящее время занятого хутором Ильичевка, хотя наблюдение за ямами и за выемкой земли в хуторе пока не обнаружило признаков культурного слоя на этом пространстве.

Городище занимает площадь примерно 400 × 300 м. Поверхность его представляет собой резко пересеченную местность с большим числом возвышенностей и холмов. Наибольший из этих холмов, расположенный в северо-восточной части городища, имеет до 100 м в диаметре и возвышается на 7—8 м над окружающим пространством. С юга и запада городище ограничено грядой более низких холмов (4—5 м высоты). В настоящее время

культурный слой почти на всей территории городища поврежден ямами, канавами и выборкой камня. По словам местных жителей, городище до недавнего времени служило для них источником добывания камня для всевозможных строительных нужд.

Уже сбор подъемного материала показал, что городище должно быть датировано в основном первыми веками нашей эры. В тех местах, где современная выемка грунта прорезает культурный слой насквозь и доходит до материка, можно было заметить, что слой римского времени лежит

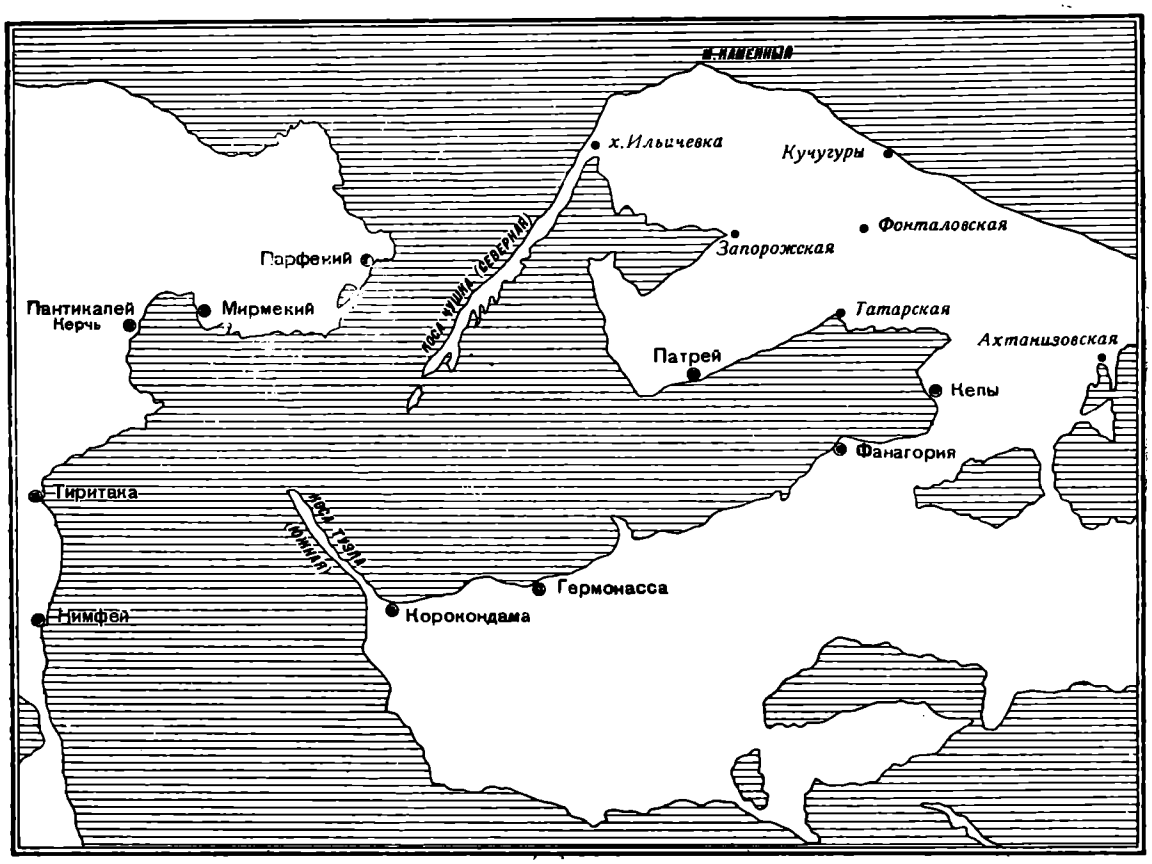

Рис. 75. Местоположение городища около хутора Ильичевки

прямо на материке, без более раннего подстилающего слоя. Это наблюдение подтвердилось и данными пробных раскопок.

Для выяснения характера культурных напластований в различных частях городища мы произвели несколько зачисток, вплотную примыкающих к современным повреждениям культурного слоя. Первый участок, заложенный на южной окраине городища, на внешнем (южном) склоне небольшого холма, ограничивающего городище с юга, дал довольно мощный (1,2—1,3 м), но неинтенсивный культурный слой с очень незначительным количеством находок — керамики и костей животных; никаких архитектурных остатков здесь не обнаружено. Этот район, повидимому, лежал уже вне городской территории и представлял собой загородный пустырь.

На втором участке раскопок, в северо-западной части городища, культурный слой достигал толщины более 2,5 м и содержал очень большое количество культурных остатков. Найденные здесь во множестве обломки сырцового кирпича свидетельствуют о существовании в этом районе каких-то построек. Фундамент одной из таких построек обнаружен в самом нижнем штыке в виде двух кладок, идущих под прямым углом одна к другой

и лежащих непосредственно на материке. Кладки состоят всего из одного ряда нерегулярных камней, причем никаких следов разрушения более верхних частей кладок не видно. Этот единственный ряд камней служил, вероятно, основанием для сырцовых стен.

Наибольшее количество находок дал третий участок работ, расположенный в западной части городища, на вершине небольшого холма. Культурный слой достигает здесь более 4 м толщины и имеет ярко выраженный мусорный характер. Кроме обломков керамики и кусков сырцового кирпича, в огромном количестве встречаются здесь кости животных и рыб, уголь, раковины, камка. На этом участке обнаружены следы пожарища.

Последний небольшой раскоп, заложенный в центральной, низинной части городища, дал типичный городской слой с фрагментами керамики и строительных материалов (камень, черепица, сырец).

Огромное большинство находок, сделанных на городище, принадлежит первым трем векам нашей эры. Наиболее характерным датирующим материалом является краснолаковая керамика, богато представленная сосудами различных форм и разного времени — с I в. до н. э. до III в. н. э. В большом количестве встречаются фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор I—II вв. н. э. и более поздних массивных и грубых красноглиняных амфор III—IV вв. н. э. Только единичные и незначительные фрагменты керамики эллинистического времени свидетельствуют о том, что жизнь на городище возникла ранее I в. до н. э. Но и эти отдельные более ранние находки найдены в позднейшем слое римского времени, который на исследованных нами участках залегает прямо на материке. Среди подъемного материала с городища встречаются отдельные фрагменты, принадлежащие уже V—VI вв. н. э.

Обращает на себя внимание наличие среди находок огромного количества обломков лепной керамики местных форм. Керамика эта количественно не уступает посуде античных форм. Она изготовлена без применения гончарного круга, из плохо промешанной темносерой глины и имеет шероховатую и неровную поверхность и пористый «рваный» излом. Из форм этой местной посуды преобладают открытые чашки с плоским дном и кувшины с вертикальной ручкой, прямоугольной или овальной в сечении. Иногда ручки кувшинов сохраняют профилировку или орнаментацию, являющуюся пережитком зооморфных форм. В небольшом количестве встречены и обломки лощеных сосудов, относящихся к сарматской эпохе. Обилие этой «варварской» керамики, несомненно, связанной с местным, негреческим населением, указывает на большую роль местных элементов в жизни античного поселения у косы Чушка́.

Во дворах у жителей соседнего с городищем хутора Ильичевка нами были обнаружены обломки трех надгробных известняковых стелл (одна из них с фрагментированной надписью); кроме того, от жителей хутора получены сведения о находке еще двух стелл, впоследствии уничтоженных (с изображениями всадника и стоящей женщины). Однако выяснить место находок этих стелл не удалось. Эти надгробия, может быть, принадлежат некрополю расследуемого городища, но не исключена возможность привоза их и из других мест, даже из Керчи, уже в новейшее время. Все виденные нами надгробные стеллы, равно как и отдельные боспорские монеты, встречающиеся на руках у жителей хутора, относятся к последнему веку до нашей эры и к первым столетиям нашей эры.

Еще Паллас высказал предположение, что городище у основания косы Чушка́ может быть отождествлено с селением Ахиллием, упоминаемым Страбоном, Птолемеем и другими авторами; к этой гипотезе присоединились потом почти все исследователи, писавшие об этом городище. Действительно, те сведения о местоположении Ахиллия, которые сообщают нам древ-

ние писатели, как нельзя лучше согласуются с расположением исследуемого городища у выхода из Киммерийского Боспора в Меотиду. Однако одно обстоятельство заставляет нас воздерживаться пока от решительной поддержки этой гипотезы: расследуемое поселение у хутора Ильичевка, судя по данным нашей разведки и по более ранним находкам на городище, возникло сравнительно поздно, не ранее позднеэллинистической эпохи; между тем есть основание полагать, что Ахиллий должен был существовать значительно раньше: за это говорит как само название поселения, так и упоминание его источниками Страбона. Возможно, что на городище у хутора Ильичевка еще будут открыты более ранние слои в процессе дальнейших планомерных раскопок, но возможно и другое — что Ахиллий нужно искать в ином месте, может быть в том же районе. Этот вопрос могут решить только дальнейшие раскопки городища у хутора Ильичевка и детальное обследование всей западной части Фонталовского полуострова, в том числе и самой косы Чушка́.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

М. М. КОБЫЛИНА

РАСКОПКИ ФАНАГОРИИ

Экспедиция в Фанагорию в 1949 г., организованная ИИМК и ГМИИ [1], продолжала работы 1948 г., связанные с изучением северо-восточной части городища Фанагории.

Результаты раскопок дали интересный новый материал для суждения о своеобразной культуре (градостроительстве, искусстве и пр.), а также о планировке города в различные периоды его существования.

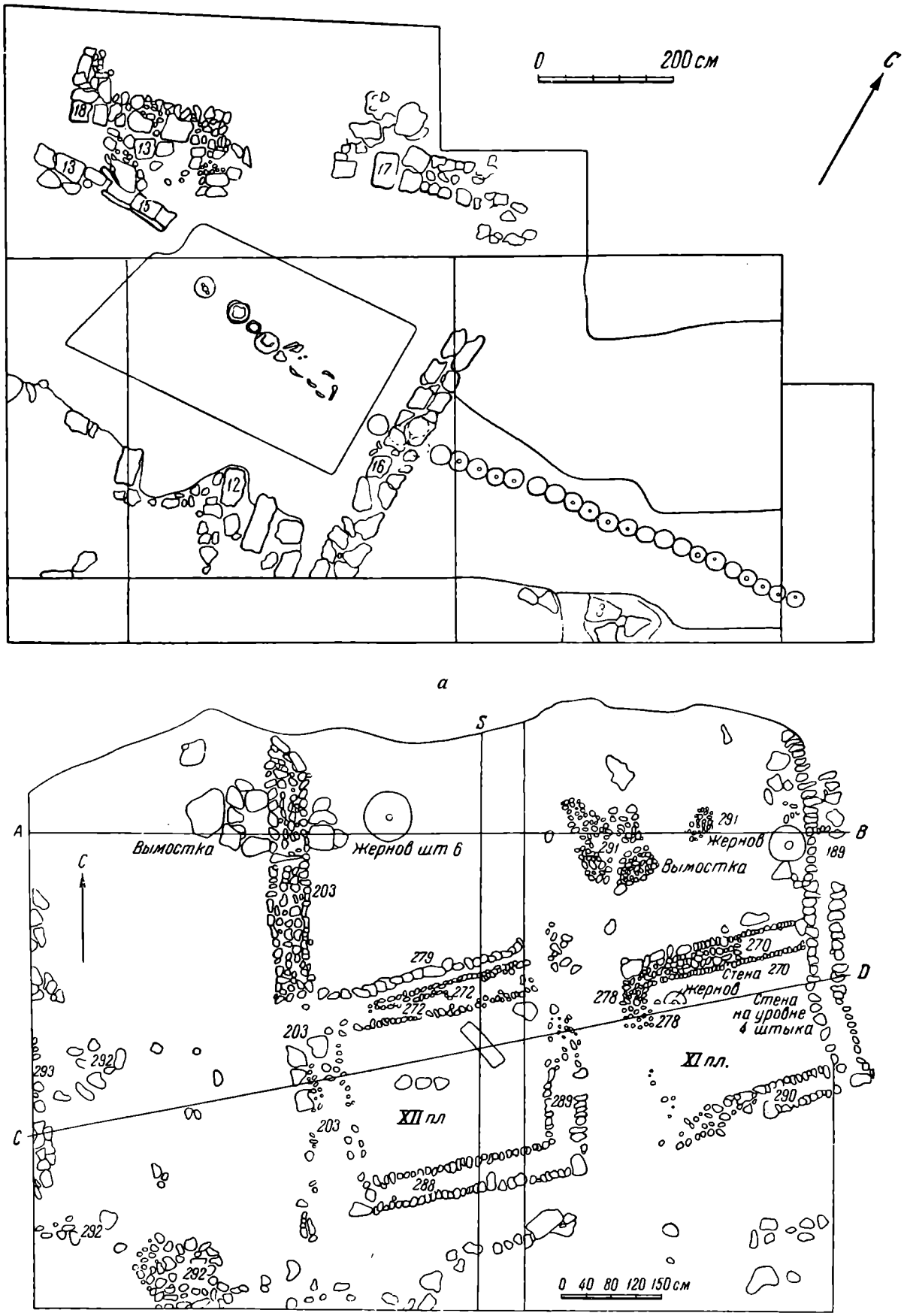
Были продолжены раскопки на холме «Г» и на берегу залива. Холм «Г» представляет собой северо-восточный угол верхнего плато городища, именно той части его, которая расположена к востоку от спуска предполагаемой древней дороги к порту. Холм «Г» выделялся среди других холмов верхней части городища, поднимающихся над нижней его террасой, своими четкими очертаниями и удивительно ровной поверхностью северного склона.

В 1853 г. на северных склонах холмов восточной части верхнего города и на их вершинах Бегичев сделал ряд разрезов, место которых приблизительно можно определить по его писаниям и сохранившимся сильно оплывшим ямам. Описания дают лишь самое отдаленное представление об этой части городища — толщине культурного слоя (до 4,5 м), о наличии пожарищ и находках городского типа.

Раскопки холма «Г» впервые раскрывают историю этого участка города. В 1948 г. на небольшой площадке (60 м^2) был обнаружен мощный культурный слой до 6,5 м толщины, свидетельствующий о существовании здесь города от V в. до н. э. по XIII в. н. э. Были открыты остатки сырцовых стен, мостовых и зернохранилищ IX—XII вв. н. э., остатки сооружений II в. н. э. На небольшом пространстве, на глубине 6, 10 м, под мощной насыпью с колоссальным количеством черепков обнаружены амфоры V в. до н. э., стоявшие горлами вверх (всего 18 шт.) и уходящие под толщу невскрытого массива культурного слоя.

Раскопки 1949 г. выяснили значение и характер этих находок. Площадь нового раскопа (96 м^2), к западу от раскопа 1948 г., была вскрыта до материка на протяжении 20 м^2 (рис. 76, *а*). Было обнаружено продолжение

[1] Работа производилась под руководством М. М. Кобылиной; в состав отряда входили научные сотрудники ГМИИ — И. Д. Марченко и А. Ф. Виноградова, Краснодарского музея — Н. В. Анфимов, студенты МГУ и Московского городского педагогического института.

а

б

Рис. 76. Фанагория

а — общий план архитектурных остатков III в. до н. э. и II в. н. э., холм „Г"; *б* — фундаменты жилого дома в верхнем слое северного раскопа

ряда амфор (еще 17), расположенных в том же направлении (с ВЮВ на ЗСЗ).

В целом комплекс амфор имел следующий вид: от восточного конца раскопа на запад 25 амфор стояли донышками вверх, касаясь туловом одна другой (24 хиосские амфоры V в. до н. э. и одна боспорская сероглиняная); они были наполовину вкопаны в материк; затем, в том же направлении, но несколько выше, стояли еще 10 амфор, но в другом положении — горлами вверх. В то время как амфоры, поставленные горлом вниз, хорошо сохранились, эти последние были раздавлены (от большинства сосудов

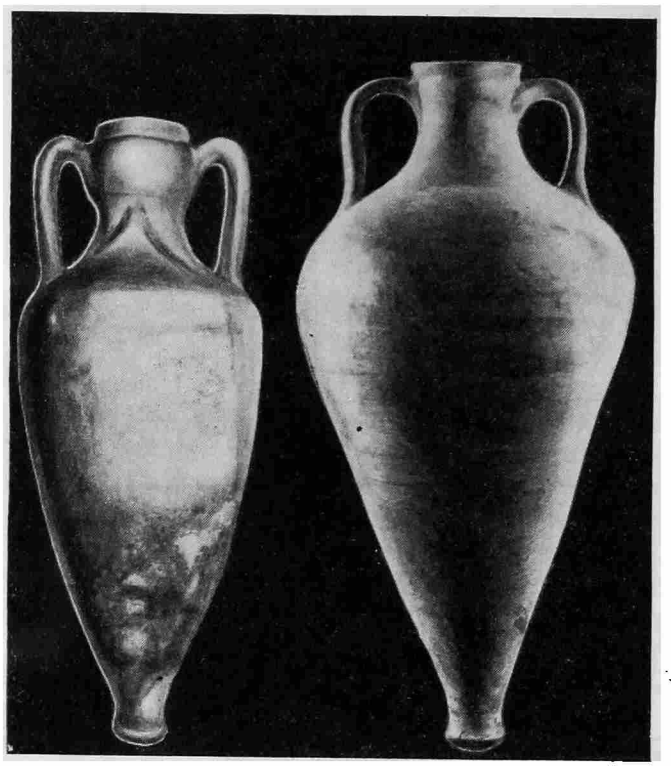

Рис. 77. Фанагория, холм „Г". Амфоры

1 — хиосская амфора V в. до н. э. с росписью; *2* — амфора V в. до н. э.

остались одни днища), только три полностью уцелели; две амфоры этой части ряда хиосские, остальные, по определению И. Б. Зеест, фасосские V в. до н. э. (рис. 77). Амфоры, стоявшие горлом вверх, находили на амфоры, стоявшие горлами вниз; сохранились две амфоры верхнего ряда над двумя амфорами нижнего ряда.

Западный конец ряда амфор обнаружен на площади раскопа, восточный же уходит в борт невскрытой площади.

Общий характер комплекса заставляет отбросить одно из предположений о его значении — о связи с погребальным культом; городской характер комплекса ясен. Открытие в Ольвии в 1949 г. склада амфор III в. до н. э., представляющего собой ряд из 30 сосудов, стоящих горлом вверх, подтверждает предположение, что в Фанагории мы имеем остатки склада.

Хорошая сохранность амфор объясняется тем, что они были засыпаны при сооружении насыпи большого общественного здания III в. до н. э. От этого здания обнаружен на раскопанной площади лишь фундамент стены (на глубине 3,31 м от поверхности), лежащий на мощной насыпи (толщиной 2,6 м), открытой по всей площади; насыпь представляет собой

субструкцию, сооруженную специально для укрепления материкового грунта (материк — песок с железистыми образованиями, перемежающийся слоями глины). Субструкция лежит на материке, покрывая и остатки склада. Она состоит из чередующихся слоев битых черепков, песка, золы, глины и имеет такую большую плотность, что поддается только кирке. Слой битой глиняной посуды V—III вв. до н. э., среди которой много фрагментов пухлогорлых амфор, лежит непосредственно над амфорами.

Субструкции встречались в Фанагории при раскопках нижнего города в 1936—1937 гг. в сооружениях эллинистического времени. В данном случае была укреплена, выровнена и, может быть, расширена площадь на краю холма верхнего города; отсюда такие правильные очертания холма, специально для здания, возвышавшегося у дороги к порту. Данных о том, какое именно это было здание, нет, но мощность субструкции, отдельные квадры, куски красной штукатурки — говорят о монументальном сооружении общественного значения. Среди упомянутых камней (вторично использованных в здании I—II вв. н. э.) имеется обломок барабана дорийской колонны, квадр плотного известняка облицовочного типа с тонкоотделанной поверхностью и др. Сохранившийся фундамент стены (длина 4,30 м, ширина 0,62 м, высота 0,62 м) сложен из больших блоков известняка по два в ряд, отесанных с лицевой стороны. Стена ориентирована с севера на юг. На северном конце она обрывается, на юг уходит в нераскопанную площадь.

Над остатками здания были обнаружены сильно поврежденные сооружения первых веков нашей эры, связывающиеся в одно целое с находками 1948 г.: мостовая и прилегающие к ней фундаменты жилых домов. Мостовая (глубина от поверхности 2,55 м) была прорезана глубокими средневековыми ямами и сохранилась отдельными большими кусками на протяжении 12 м с востока на запад; она уходит в восточный борт перекопанной площади. Мостовая сложена из камней различной величины, лежащих в один ряд, промежутки между которыми засыпаны черепками. На западном конце ее сохранился водосток, сложенный из тонких плит; по этому водостоку, очевидно, стекала вода с холма на улицу нижнего города, к заливу.

С севера и юга к мостовой прилегают фундаменты жилых домов. С севера сохранился только угол помещения; фундаменты стен, примыкающие к мостовой с юга, сильно повреждены средневековыми ямами и представляют собой лишь отдельно лежащие части кладок; общая линия направления этих остатков позволяет установить направление улицы, проходившей до края холма и, вероятно, спускавшейся с него.

В кладке стен этого комплекса кроме указанных выше квадров более ранней постройки, найден интересный памятник местной, очевидно меотосиндской, скульптуры, относящейся, вероятно, еще к эллинистическому времени. Верхняя часть плоской статуи изображает мужскую фигуру в хитоне и гиматии; правая рука, согнутая в локте, лежит на груди и вырисовывается под складками гиматия. Полная плоскостность фигуры и графичность деталей отличают эту скульптуру от античных статуй и являются чисто местными особенностями. В кругу такого рода скульптур была, очевидна, создана и анапская статуя Неокла.

В верхнем слое были открыты новые части хозяйственного комплекса тмутараканского времени, обнаруженного в 1948 г.: остатки сырцовых стен и каменных вымосток, зерновая яма и четыре огромных пифоса, из которых один был целый, закрытый жерновом.

На северном раскопе было вскрыто еще 170 м^2 верхнего слоя. Здесь были обнаружены новые части жилых кварталов — фундаменты жилого дома и часть улиц. Фундаменты сложены елочкой из мелких камней

известняка и булыжника. Лучше сохранилась восточная часть фундамента (высотой 0,35—0,65 м, шириной 0,62 м), имеющего четыре ряда кладки (рис. 76, б).

Дом в плане представляет собой четырехугольник; длина его западной стороны 8,35 м, южной — 9,75 м, восточной — 6,4 м (сохранившиеся части). Он имел два входа: один — с запада, от него сохранился выложенный камнем проход (шириной 1 м) с небольшой правильной формы четырехугольной площадкой (0,7 × 0,1 м), выходящей на улицу; другой проход (шириной около 1,5 м) вел в дом с юга. Через западный проход можно было попасть в самое большое помещение дома, длиной 7,95 м; оно сохранилось не полностью — северная часть обвалилась в залив. Здесь были найдены три жернова. К этому помещению примыкают две небольшие комнаты, выходящие в проход, ведший в большое помещение и на улицу. Западная комната (3,25 × 2,25 м) имеет небольшой дверной проем, шириной 0,83 м; около этого проема внутри комнаты обнаружена хорошо отесанная плита песчаника (длиной 0,92 м, шириной 0,2 м, толщиной 0,09 м), связанная, очевидно, с конструкцией прохода. Восточная комната сохранилась хуже; в ней была найдена реберчатая круглодонная амфора X—XI вв. и простой плоскодонный кувшин. Внешние углы фундамента обоих помещений по сторонам входа в дом сложены очень тщательно из массивных правильных блоков камня. При расчистке фундаментов дома были найдены четырехугольные каменные базы с круглой выемкой для деревянных столбов или колонн.

С южной и западной сторон к фундаментам дома примыкает сильно разрушенная каменная мостовая; с запада к ней подходит фундамент другого дома, еще не раскопанного. Расстояние между домами определяет ширину улицы, она равняется 4 м.

При раскопках здания были найдены многочисленные обломки керамики; среди них много реберчатых и рифленых обломков простой оранжевой глины, а также черноглиняных с линейным и волнистым орнаментом, поделки из кости, грузила, обломки поливной посуды, кости домашних животных (коровы, барана, свиньи).

Здесь, в мусорном грунте, на глубине 1 м найден целый черноглиняный сосуд, исполненный на гончарном круге, плоскодонный, без ручек, сплошь покрытый врезанным орнаментом: на плечах — в виде волны, на остальной поверхности — линейным. Мнения специалистов об этом сосуде расходятся: одни считают его славянским (А. П. Смирнов), другие — хозарским (И. И. Ляпушкин), но дата всеми устанавливается IX—X вв. Окончательное определение этого рода керамики, очень большое количество которой сопровождает остатки сооружений в верхних слоях Фанагории, крайне важно, ибо оно будет и решением вопроса о славянах в Фанагории.

Под развалинами верхних слоев, в виде отдельных фундаментов и вымосток, на этой площади были открыты поврежденные средневековыми ямами остатки сооружений IV—V вв. н. э. и под ними — огромный пифос (венчик пифоса появился на глубине 1,95 м от поверхности земли) высотой 2,2 м, диаметром 1,6 м; около пифоса днище другого такого же пифоса. Оба относятся ко II—III вв. н. э. и связаны с комплексом виноделен I—III вв. н. э., обнаруженных в этом районе в 1939—1940 гг. и в 1948 г.

Пифосы были глубоко врыты в землю, поэтому сильно повредили нижележащие слои; только частично сохранилось продолжение богатого эллинистического дома с фресковой росписью II в. до н. э., открытого в 1940 г. В. Д. Блаватским. На раскопанной площади были обнаружены лишь отдельные части цементированного пола с кусками упавшей со стен штукатурки с росписью того же стиля, как и найденные в 1940 г.: пластично

исполненный крупный белый меандр с карнизом, украшавший верхнюю часть стены, куски полос растительного орнамента и плетенки, оживлявших стену, расчлененную рельефно выступающими четырехугольниками красного, желтого и белого цвета. От последних сохранилось особенно много фрагментов.

Характер развалин дома свидетельствует о причинах его гибели: на полу дома лежал толстый (2—3 см) слой пожарища, и в нем было найдено большое каменное ядро. Дом сгорел во время войны. Находка ядра является документальным доказательством войны Фанагории в I в. до н. э. с Митридатом.

Под остатками дома был обнаружен фундамент классического здания IV в. до н. э., сложенный из больших булыжников; очевидно, фундамент был связан с сетью фундаментов общественного здания, залегающего в этом месте и частично вскрытого в 1939—1940 гг. Вследствие обилия источников, затопляющих раскоп, работы были на этом остановлены.

Раскопки 1949 г. позволяют сделать ряд выводов по истории, топографии и культуре города. Склад амфор указывает на торговые и культурные связи Фанагории с Хиосом, возможно Фасосом и другими центрами Средиземноморья в V в. до н. э. Среди сопровождающих амфоры обломков керамики V—III вв. до н. э. есть много архаической расписной посуды, но архаического культурного слоя в этом месте нет. Таким образом, архаическая Фанагория находилась в северо-восточной части городища лишь на нижнем плато; пока она открыта только в одном месте — на берегу залива, под морским песком (раскопки В. Д. Блаватского 1939—1940 гг.) [1].

На основании раскопок 1936—1940 гг. и раскопок 1948 г. можно говорить о расцвете города и городского строительства в IV—II вв. до н. э. В 1936—1937 гг.[2] раскопками ГИМ и ГМИИ было открыто на западной границе нижней террасы городища большое общественное здание типа гимнасия, датирующееся концом IV — началом III в. до н. э., с великолепными рустованными квадрами кладки; в 1939—1940 гг. на северном раскопе был открыт богатый жилой квартал II в. до н. э. Особенно интересны остатки дома с цементированным полом и упавшей со стены на пол штукатуркой высокой техники (с применением мраморной крошки) и фресковой росписью. Раскопки 1949 г. расширили наше представление о Фанагории IV—II вв. до н. э. Город этого времени находился и на верхнем плато, в его северо-восточной части. Там, где раньше был склад V в. до н. э., было сооружено большое общественное здание на краю холма; материковый грунт был укреплен мощными субструкциями.

Находка синдо-меотской скульптуры, а также некрополь 1948 г. на холме «Е» смешанного греко-меото-синдского типа свидетельствуют о смешанном населении города в это время.

Раскопки верхнего слоя дали представление об архитектуре жилого дома XI—XII вв.— его планировке, устройстве входов, а также подтвердили предположение о правильной планировке города по пересекающимся под прямым углом улицам, высказанное в 1939—1940 гг. В. Д. Блаватским.

---

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 220—222; его же. Раскопки Фанагории 1940 г. ВДИ, № 4, 1941, стр. 127.

[2] Его же. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, т. XVI, стр. 57.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

Н. В. АНФИМОВ

РАСКОПКИ СЕМИБРАТНЕГО ГОРОДИЩА

В 1949 г. возобновились прерванные войной раскопки Семибратнего городища. Городище расположено на левой террасе р. Кубани, к западу от станицы Варениковской, на расстоянии 11 км. Систематические раскопки городища были начаты Краснодарским музеем в 1938 г. и велись в течение трех лет. За это время было раскопано большое общественное здание жилого характера эллинистического времени и произведены разведки в области крепостных стен [1]. За время Великой Отечественной войны все открытые архитектурные памятники были уничтожены немецко-фашистскими войсками; эллинистическое здание было разобрано, а по северной границе городища до основания срыты крепостные стены.

Экспедиция 1949 г., организованная Краснодарским педагогическим институтом и Краснодарским музеем [2], ставила своей задачей изучение оборонительных сооружений в северо-восточной части городища. В результате проведенных работ была вскрыта площадь в 210 м^2 и открыты крепостные стены на протяжении 22 м (рис. 78а). Стены относятся к двум разным периодам существования города. Верхняя, относительно более поздняя стена выходила непосредственно на современную поверхность, ввиду чего сохранность ее очень плохая. От нее сохранился только нижний ряд фундамента в южной части раскопа и частично в центре его. Стена состояла из двух панцырей, пространство между которыми или было забутовано мелким камнем, или заполнено грунтом. Толщина ее 1,90 м. Сложена стена из крупных грубообработанных блоков и плит известняка (ракушечника) неправильной формы. В некоторых местах пустые пространства между плитами были заполнены мелкими камнями. Субструкция представляет собой плотно утрамбованный слой глины. Направление стены на раскопанном участке — ЮЮВ 157°. В центре раскопа стена отклоняется к СЗ на 6°. Остатки стены открыты на незначительном пространстве, что затрудняет в настоящее время ее датировку. Повидимому, время ее сооружения надо относить к концу III—II вв. до н. э.

Ниже этой стены была обнаружена мощная крепостная стена раннего периода (рис. 78б), отделенная от первой прослойкой грунта толщиной

[1] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище). СА, VII. М., 1941, стр. 258 и след.

[2] Работы проводились в основном силами студентов Краснодарского педагогического института.

0,40—0,50 м. Направление стен на исследованном участке несколько не совпадало — ранняя стена более резко поворачивала к СЗ, чем верхняя. Нижняя стена сохранилась сравнительно хорошо. На раскопанном участке открыта башня и примыкающие к ней с юга и с севера участки куртин. Стена сложена из плоских плит мягкого известняка (ракушечника) круп-

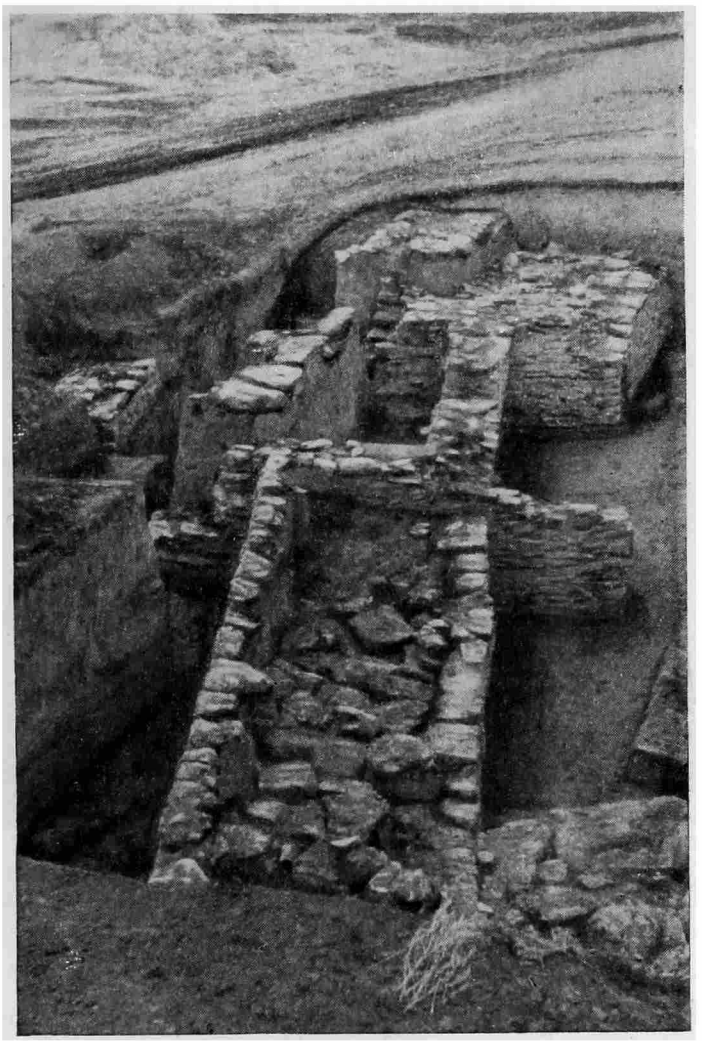

Рис. 78а. Семибратнее городище. Северо-восточный участок крепостных стен с башней

ной и средней величины, среди которых встречаются отдельные плиты плотного известняка и мелкозернистого песчаника. Плиты, составляющие наружный и внутренний панцырь, грубо обработаны и подвергнуты черновой отеске. Внутреннее пространство стены заполнено средней величины плоскими плитами (только в северной куртине встречены крупные плиты), лежащими довольно плотно одна к другой; между ними местами встречается мелкий бутовый камень. Стена сложена на глине, которая применена здесь в качестве связующего материала и заполняет промежутки между камнями как в облицовке стены, так и во внутренней забутовке.

Глубоких фундаментов стена не имела и была сложена непосредственно на материке из лёссовидного суглинка. Два-три нижних ряда кладки стены были заложены ниже поверхности почвы и составляли, таким образом,

фундамент, на что указывают камни порога в дверном проеме башни и уровень нижней ступеньки каменной лестницы (о чем см. ниже). Толщина южной куртины достигала 4,35 м, в высоту она сохранилась на 1,20—1,25 м. Участок северной куртины, примыкающий к башне, имел толщину всего 2,60—2,65 м. Это объясняется тем, что в этом месте была сооружена параллельно стене лестница, к которой был необходим подход. Далее к северу стена достигала прежней толщины (4,3 м). Описанный выше более узкий участок стены с течением времени подвергся деформации — нижние ряды кладки несколько сдвинулись в сторону рва.

Рис. 786. Семибратнее городище. Крепостная стена V в. до н. э.

С внутренней стороны северной куртины, на уровне первого ряда кладки фундамента крепостной стены, обнаружена часть черепа лошади и мелкие угольки. Нахождение костей в чистом материковом грунте и в непосредственной близости от фундамента стены наводит на мысль, что здесь мы имеем дело с жертвой строительства. Аналогичные примеры, правда относящиеся к более позднему времени, нам известны для боспорских городов [1].

В центре раскопанного участка была обнаружена башня. Она имела четырехугольную в плане форму и выдавалась за линию крепостных стен на 1,7 м. Внутренность башни представляла собой помещение, имевшее размеры с юга на север 5,35 м, с востока на запад 4,6 м. Стены башни относительно тонкие, толщиной 0,9—1,0 м. Сложены они из таких же плит известняка, как и крепостные стены, но несколько меньшей величины, что объясняется незначительной толщиной самих стен. Уровень стен и башни и толщина фундамента одни и те же. По характеру кладки башня и крепостные стены совершенно тождественны. Поперечные стены башни сложены впритык с примыкающими к ним участками куртин. Это обстоятель-

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949, стр. 380.

ство не может являться доказательством разновременности постройки башни и стен. Как указал В. Д. Блаватский, кладка башни впритык, а не в переплет,— обычный архитектурный прием, предохранявший стены от деформации в связи с их различной усадкой. Только во второй строительный период верхние ряды кладки, возможно, были сложены в переплет, на что указывает положение отдельных плит. Стены же башни между собой были сложены в переплет. Башня сохранилась сравнительно хорошо (высота стен 1,5—1,8 м), за исключением наружной (восточной) стороны, где камни из кладки были почти целиком выбраны в наше время и от восточной стены сохранился лишь незначительный участок.

В западной стене башни, приблизительно посреди ее длины, расположен дверной проем, который вел из города во внутреннее помещение башни. Ширина дверного проема 0,85 м. В дверном проеме сохранились на разных уровнях каменные пороги, которые позволяют проследить отдельные этапы как в строительстве крепостных стен, так и самой башни, которая не раз подвергалась ремонту. Первый порог расположен на уровне третьего ряда кладки и соответствует времени сооружения башни (первый строительный период крепостных стен). Выше дверной проем заполнен слоем суглинистого грунта, толщиной 0,7 м, на котором лежат две плиты, составляющие второй порог. Он соответствует большой плите, перекрывавшей угол, образованный соединением южной куртины с поперечной стеной башни, что соответствует, повидимому, второму строительному периоду. Выше второго порога шли мощные зольные прослойки и две каменные вымостки, которые сохранились не только в дверном проеме, но и частично перед ним. Зольные прослойки прослеживались на площади всей башни и представляют следы двух крупных пожаров в помещении башни. Толщина зольных прослоек достигала 0,10—0,15 м, и в них были хорошо заметны сгоревшие бревна, жерди и солома от рухнувшей кровли и куски обожженной глиняной обмазки. Пожары относятся к последнему периоду существования башни.

В юго-западном углу башни обнаружена глинобитная печь. Она расположена на одном уровне со вторым порогом в дверном проеме; сверху она была перекрыта описанными выше зольными прослойками и завалом камней от разрушившихся стен. Печь довольно сильно разрушена, и от нее сохранился только под и часть западной стенки (на высоту 0,3 м). Печь имела округлую в плане форму, диаметром 1,05 м. Свод печи обвалился. Стены, повидимому, были сложены из небольших камней, обмазанных толстым слоем глины, которая заполняла промежуток между ними. Под печи состоял из крупных и средней величины обломков стенок остродонных амфор, положенных непосредственно на грунт и сверху обмазанных глиной, тщательно сглаженной [1]. С северной стороны было расположено устье печи, шириной 0,40—0,45 м. На основании найденных керамических материалов печь должна быть датирована второй половиной IV в. до н. э. В том месте, где находится башня, крепостная стена, следуя рельефу местности, несколько меняет свое направление, отклоняясь к северо-западу (западная, продольная стена башни по отношению к южной куртине отклоняется на 12°, а северная куртина по отношению к первой — на 6°).

С внутренней стороны крепостной стены, на север от башни, на расстоянии 5 м от последней, имеется каменная лестница, которая вела на стену. Ширина лестницы 1,75 м. Всего сохранилось пять ступеней на высоту одного метра. Лестница сложена из больших массивных плоских плит известняка (ракушечника), находящих одна на другую и образующих довольно

[1] Подобная конструкция пода характерна для печей меото-сарматских городищ Прикубанья.

узкие ступеньки (ширина их в среднем 0,24—0,32 м). Каждая ступенька, как правило, образована двумя плитами. Нижняя ступенька приходится на уровне второго ряда кладки крепостной стены, что позволяет установить первоначальный уровень почвы. Лестница сложена впритык к северной куртине, и только на уровне пятой ступени кладка идет в переплет и образует общую стену такой же толщины, как и южная куртина. Совершенно аналогичную картину мы имели в 1940 г. на северном участке крепостной стены (раскоп «С»). Здесь также была обнаружена прямоугольная башня со сравнительно тонкими стенами (0,80—1,0 м), с западной стороны которой была расположена каменная лестница в девять ступенек, шириной 1,50 м, сложенная впритык к крепостной стене [1]. Сооружение крепостной стены и башни на основании стратиграфии культурных слоев и сопутствующих находок, а также характера кладки можно относить к первой половине V в. до н. э. Стена просуществовала около двух столетий, причем за этот промежуток времени она, повидимому, переделывалась и достраивалась. На исследованном участке это прослеживается только для башни. Описанный выше второй порог в дверном проеме башни относится к IV в. до н. э., когда уровень почвы намного повысился; возможно, что в это время башня подверглась переделке и достройке. На северном участке (раскоп «С») в это время на месте прежней башни была выстроена совершенно аналогичная башня, стены которой несколько не совпадали с нижележащими, будучи отделены от них прослойкой грунта в 0,35—0,40 м.

Верхние пороги (третий и четвертый) в дверном проеме и соответствующие им каменные вымостки, связанные с зольными слоями пожаров в башне, должны быть отнесены к концу IV — началу III в. до н. э.— последнему периоду существования башни. В III в. до н. э. крепостные стены уже не существовали. Указанием на это может, в частности, являться и то, что над стеной в нескольких местах были обнаружены небольшие мусорно-зольные ямы с материалом III в. до н. э. Так, например, над южным отрезком стены находилась зольная яма, в которой найдена фрагментированная гераклейская амфора и клейменая фасосская амфора с отбитым дном. Обе амфоры III в. до н. э.

Стратиграфия культурных слоев, достигающих мощности до 3 м на раскопанном участке (раскоп «Е»), представляет следующее: первый, наиболее ранний слой — конец VI—V в. до н. э., соответствует времени возникновения города и первым этапам его существования; к нему относится мощная крепостная стена с лестницей и прямоугольной башней; второй слой — IV в. до н. э., ему соответствует второй строительный период крепостных стен; третий слой — конец IV — начало III в. до н. э., к нему относятся вымостки перед входом в башню и зольные слои пожарищ; верхний, четвертый слой — III — начало II в. до н. э., содержит остатки более поздней крепостной стены. Интересно отметить, что как на данном участке, так и на раскопках «В» и «С» 1940 г. (в области крепостных стен) слой римского времени отсутствует, между тем на раскопке «А» (территория эллинистического здания) римский слой достигал мощности около 1 м.

При вскрытии культурных напластований найдено довольно значительное количество материала, в основной своей массе представляющего фрагменты керамики.

В нижнем слое (конец VI—V в. до н. э.) преобладали фрагменты пухлогорлых хиосских амфор, затем обломки небольших красноглиняных амфор V в. до н. э. с невысоким горлом и низкой ножкой, сероглиняных

[1] Н. В. Анфимов. Отчет об археологических работах в Краснодарском крае в 1940 г. (Архив ИИМК), стр. 9—10.

амфор с круглыми в сечении ручками первой половины V в. до н. э. и некоторых других типов; довольно часто встречались обломки лепных чернолощеных сосудов («скифского» типа) и в значительно меньшем количестве — фрагменты сероглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Из привозной чернолаковой керамики следует отметить часть скифоса конца VI в. до н. э., обломки краснофигурных сосудов первой половины V в. до н. э.[1], часть чернофигурного лекифа с белой облицовкой, фрагмент чернофигурной ольпы V в. до н. э., части краснофигурного стамноса аттического производства с изображением женской фигуры второй четверти V в. до н. э., обломок ионийского сосудика конца VI — начала V в. до н. э., открытые светильники классического времени.

В слое IV в. до н. э. хиосские пухлогорлые амфоры сменяются остродонными амфорами других центров, не всегда нам еще известных. В слое этом часто встречаются обломки больших амфор с высоким горлом, круглыми в сечении ручками, с горизонтальными плечиками и конусовидным туловом, оканчивающимся массивной ножкой в форме усеченного конуса с четко выраженной шейкой и углублением с нижней стороны, а также фрагменты ранних типов фасосских и гераклейских амфор и др. Сравнительно много найдено обломков чернолаковых сосудов, часть которых, несомненно, аттического производства. Найдены донца киликов и канфаров со штампованными пальметками и овами и с резным орнаментом, причем два таких донца имеют на обратной стороне graffiti, часть амфориска с орнаментом, состоящим из полосы меандра и двух рядов пальметок, фрагмент краснофигурного аска с изображением животного, обломки котил и скифосов, краснофигурный лекиф с изображением сфинкса, обломок чернолакового светильника IV в. до н. э. и др. Из предметов вооружения найдены бронзовые трехгранные наконечники стрел скифского типа, бронзовая пластинка от чешуйчатого панцыря и круглые пращевые камни.

Верхние слои, датирующиеся концом IV — началом II в. до н. э., содержали фрагменты простой красноглиняной посуды (кувшины, миски, кастрюли, лутерии и др.), фрагменты чернолаковых сосудов и местной сероглиняной посуды, изготовленной на гончарном круге, лепных не лощеных сосудов, представленных в основном обломками горшков (кухонная посуда); в довольно значительном количестве встречались фрагменты остродонных амфор. Среди последних преобладают гераклейские амфоры, на втором месте стоят фасосские и в меньшем количестве эллинистические амфоры неизвестных нам центров производства. Клейменые ручки дают несколько иную картину — подавляющее большинство (16) из найденных клейм фасосские, шесть клейм гераклейских, два синопских и два неизвестных центров. В эллинистических слоях найдено также около 10 обломков терракотовых статуэток, из которых следует отметить нижнюю часть статуэтки, изображавшей сидящую на троне богиню, со следами полихромной росписи (сохранились остатки красной, желтой и белой краски), и статуэтку Кибелы (верхняя половина отбита). В левой руке Кибела держит тимпан, у ног богини — лев. Складки платья, прочерченные в виде неровных линий, изображены весьма условно и схематично. Сама статуэтка тяжеловесна, грубой работы. Весь стиль указывает на местное ремесленное производство. Из бытовых предметов и орудий труда найдены железные ножи, глиняные пряслица, железный топор, каменная зернотерка овальновытянутой формы, обломок терочника от такой же зернотерки, лощило, сделанное из донца амфоры, перстень бронзовый с квадратным щитком, бусы. Найдено также несколько мелких медных монет, сильно окисливших-ся и не поддающихся определению.

[1] Расписная чернолаковая керамика датирована В. Д. Блаватским.

Во всех слоях встречались кости домашних животных, большинство которых принадлежит корове, овце и свинье и в гораздо меньшем количестве лошади, затем собаке и птицам (возможно, домашним). Довольно часто встречались кости рыб и раковины съедобных моллюсков.

Несмотря на небольшой объем работ, проведенных в 1949 г., полученные материалы расширили наши представления о культуре синдов. Если работы предшествующих лет давали основание относить время возникновения города на месте Семибратнего городища к V в. до н. э., то раскопки 1949 г. дают возможность отодвинуть эту дату несколько вглубь — в последнюю четверть VI в. до н. э. Открытые крепостные стены, относящиеся еще к первой половине V в. до н. э., т. е. ко времени, когда Синдика не входила в состав Боспорского царства, имеют значение для изучения архитектуры оборонительных сооружений синдов. Своеобразным моментом является сооружение лестниц, ведущих на крепостную стену, с левой стороны башни, что было дважды прослежено и приобретает, таким образом, известную закономерность. Мощность оборонительных сооружений, а также значительный импорт дорогостоящих товаров из Греции, среди которых встречаются образцы аттической художественной керамики, не уступающие столичным находкам, свидетельствуют о благосостоянии города в V—IV вв. до н. э. В этот период поддерживаются оживленные торговые связи, вернее всего через города Боспора, с ионийским побережьем Малой Азии и с Аттикой. В эпоху раннего эллинизма сюда в значительном количестве поступает импорт из Гераклеи и Фасоса. В конце III—II вв. до н. э. город, повидимому, теряет свое прежнее значение крупного стратегического и торгового пункта, что было связано с общей исторической обстановкой в азиатской части Боспорского царства.

Исследования Семибратнего городища приобретают также большое значение в связи с вопросом о социальном строе синдов и сложении в Северном Причерноморье государств — вопроса, который в настоящее время является дискуссионным.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. XXXVII МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1951 год

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАЗВЕДКИ В АНАПЕ

В 1949 г. экспедиция ГМИИ производила археологическую разведку в г. Анапе [1]. Исследование древней Горгиппии производилось впервые, в силу чего задачей экспедиции было установить территорию, занимавшуюся древним городом, характер и время культурных напластований в последнем, а также место древнего некрополя.

Наблюдения над береговым обрезом и выкидами ям, вырытыми местными жителями, позволили примерно наметить границы античного городища (рис. 79а). Городище Горгиппии занимает небольшую часть современной Анапы, примыкающую к Морской набережной и почти сплошь застроенную в новое время. Примерно в 100 м к востоку от мола, на береговом песке вдоль линии прибоя начинается полоса скопления камней и обломков керамики, образовавшаяся в результате размыва культурного слоя и достигающая в длину примерно 280—300 м. Среди этих обломков обнаружены куски черепицы, в том числе боспорской, остродонных амфор IV—III вв. до н. э. и I—II вв. н. э., стенок простых рифленых сосудов и чернолаковых черепков IV в. до н. э. Таким образом, сохранились следы культурных слоев примерно IV в. до н. э.—IV в. н. э.

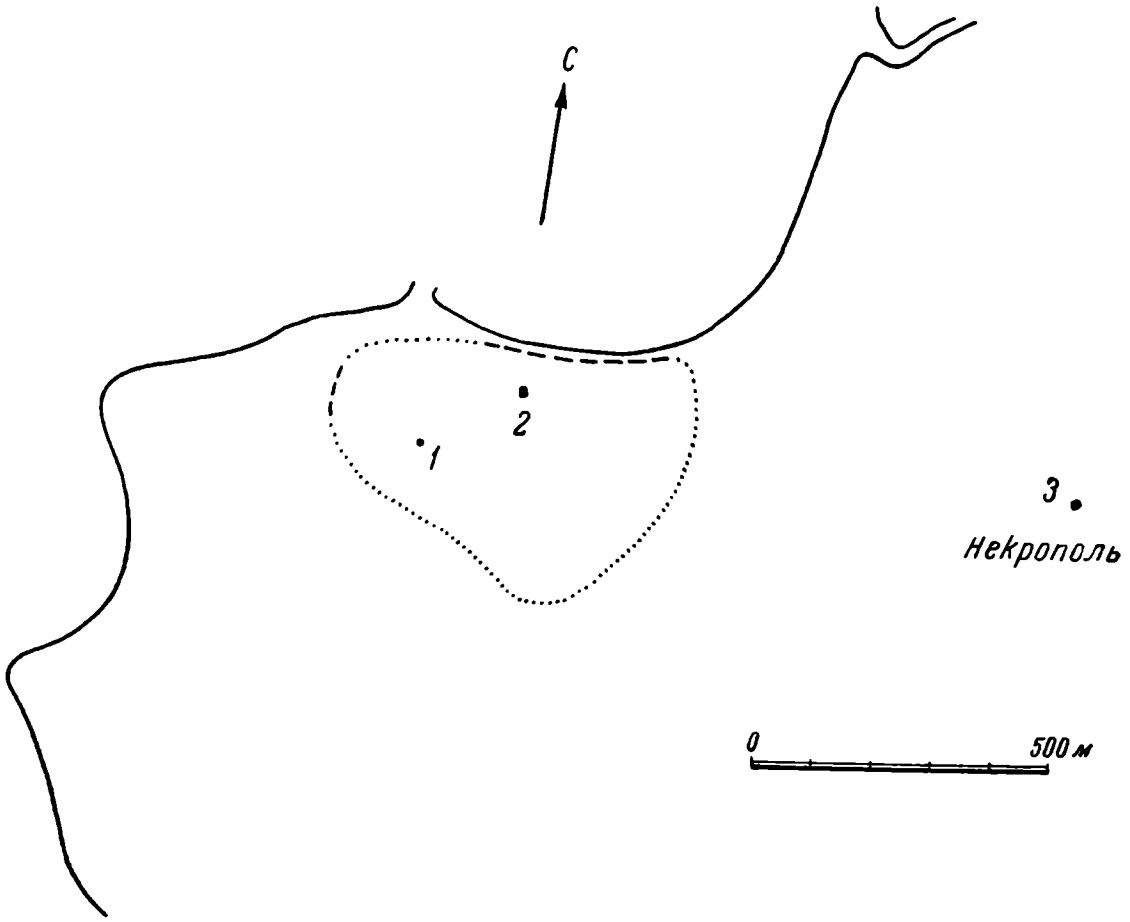
Значительно сложнее определить другие границы древнего города. Их можно наметить только по обрезам и выкидам недавно вырытых ям, позволяющим заключить, что древнее городище имело неправильную, возможно, многоугольную форму.

Западная окраина города доходила до квартала, примыкающего с запада к перекрестку проспекта Революции и Кордонного переулка. В одном из дворов этого квартала наблюдалось наличие, правда довольно тощего, культурного слоя. Осенью 1949 г. на названном перекрестке, у северного угла сквера, был вырыт для фундамента небольшой постройки котлован глубиной 1 м. Котлован прорезал насыпь, где наряду с предметами XIX—XX вв. были обнаружены обломки остродонных амфор I—II вв. н. э., краснолаковой и сероглиняной посуды.

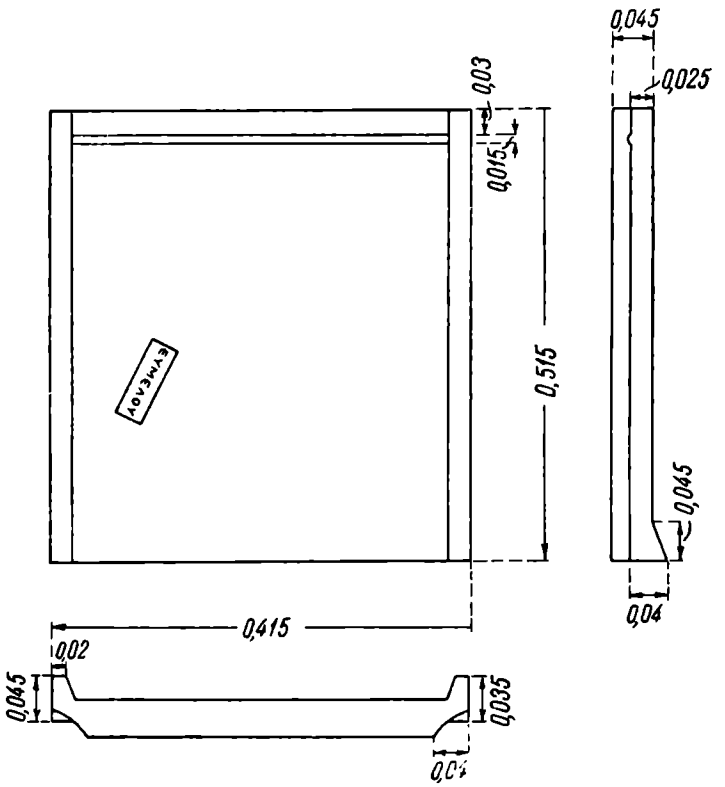
Значительно дальше на запад, на территории городского сада, встречаются отдельные случайные находки — обломки керамики V в. до н. э.—IV в. н. э., позволяющие предполагать здесь наличие не древнего города, а пустыря, где время от времени сбрасывались различные черепки.

---

[1] В экспедиции участвовали: Н. В. Анфимов, Т. В. Блаватская, В. Д. Блаватский, И. Б. Зеест, Ю. С. Панютин

а

б

Рис. 79. Анапа (Горгиппия)

а — генеральный план городища Горгиппии; – – – – приблизительная граница культурного слоя; . . . . . предполагаемая граница города; *1* — котлован в рыбколхозе; *2* — раскоп во дворе гостиницы; *3* — могила, раскопанная в 1949 г.; *б* — черепица из мастерской Евмела

Мощный культурный слой залегает на восток от угла проспекта Революции и Кордонного переулка, на территории, занятой рыбным колхозом имени Сталина. Там при земляных работах, производившихся в 1948 г., были обнаружены обломки керамики IV—III вв. до н. э.

Далее на юг обследование показало отсутствие культурных напластований во дворах, примыкающих к Черноморской улице на участке между улицами Калинина и Пушкинской. Восточнее этого места в усадьбе Поликлиники (на улице Кирова, недалеко от угла улицы Ленина), в 1948 г. найден профилированный мраморный блок. Далее к югу на территории квартала, ограниченного улицами Ленина, Крепостной, Тираспольской и Кирова, наблюдалось наличие тощего культурного слоя. Менее ясна юго-восточная граница города. Можно думать, что, следуя рельефу местности, она идет примерно с севера на юг по восточному краю плато Морской набережной.

Намеченные границы показывают, что древняя Горгиппия была сравнительно небольшим городом, площадь которого не превышала 20 гектаров.

Время и характер культурных напластований Горгиппии оказалось возможным наметить благодаря небольшому раскопу и наблюдению за копкой одного котлована. Этот котлован (1,55 × 1,50 м) был вырыт на территории рыбного колхоза. В котловане материк (желтоватая глина белоглазка) был обнаружен на глубине 3,85 м. Над материком лежал пласт желтовато-коричневатой глины около метра толщиной, заключавший многочисленные находки, характерные для античного городища. Этот слой относился к IV—III вв. до н. э., отдельные предметы в нем — к V в. до н. э. Там обнаружены обломки черепицы: горгиппийской, боспорской и синопской; остродонных амфор V—III вв. до н. э.: хиосских, фасосских, боспорских, синопских, гераклейских, херсонесских и горгиппийских; простой тонкостенной посуды, в том числе горгиппийской, чернолаковой V—IV вв. до н. э., кастрюль из коричневой глины, сероглиняных сосудов, в том числе лощеных, а также посуды из грубой глины. Выше залегал пласт несколько более гумированной глины (0,6—0,7 м мощностью). Там встречались находки, аналогичные перечисленным, а также черепки косских амфор II в. до н. э. и амфор I—II вв. н. э. Кроме того, обнаружены обломки красно-фигурного кратера конца V — начала IV в. до н. э. и бронзовый наконечник стрелы (трехгранный, втульчатый). Еще выше залегал слой XIX—XX в. толщиной 2,10 м, заключавший много обломков керамики IV в. до н. э —II в. н. э., аналогичных названным выше, а также краснолаковой посуды и горгиппийского пифоса.

Во дворе гостиницы «II Пятилетка» был заложен раскоп площадью 60 м, доведенный до материка (глина белоглазка), обнаруженного на глубине 3,8—4,4 м. Над материком лежал довольно бедный находками слой IV—III в. до н. э., толщиной 0,45 м, заключавший черепки остродонных амфор. Еще менее значительным был довольно тонкий (около 0,2 м) слой III—II вв до н. э. Зато довольно мощным (1,30 м) и богатым находками был следующий слой — III—IV вв. н. э.; верхняя часть его (0,2—0,3 м) была перерыта в средневековое время. В этом слое обнаружены обломки кирпича из горгиппийской глины (толщиной 0,035, 0,04, 0,045, 0,05, 0,06, 0,07 м), нередко покрытые известковым раствором; куски черепиц горгиппийских, синопских и боспорских; фрагменты остродонных амфор VI в. до н. э.—IV в. н. э., хиосских пухлогорлых, боспорских, фасосских, синопских, гераклейских и других; черепки сероглиняных и лепных сосудов; грузила пирамидальной формы из глины и вытянутое с двумя перехватами из известняка; два профилированных блока (0,125 и 0,23 м высотой) и кусок каменного водостока.

Выше, на глубину 2,65—2,95 м, залегали напластования XIX—XX вв., заключавшие многочисленные находки древнего времени.

Помимо обследований в черте древнего города, была произведена разведка некрополя. На Новороссийской улице во дворе дома № 155 раскопана черепичная гробница, западная часть которой повреждена новой ямой. Глубина могилы 1,44 м. Костяк лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами. Голова была ориентирована на восток. Над костяком наподобие «карточного домика» стояло шесть соленов. Срез в головах был заложен битыми черепицами (рис. 79б). Солены из горгиппийской глины. На трех из них клейма. Одно — с неясной надписью, на другом мы читаем: ΔΙΑΒΑΤΑ, нужно думать: διὰ βατὰ (κου)[1]; на третьем: ΕΥΜΗΛΟΥ. Размеры последнего солена: длина 0,53 м, ширина 0,36 м, толщина 0,02 м, В могиле обнаружены обломки боспорских соленов, в том числе с клеймом ОПА и чернолакового рыбного блюда. Дата могилы — около III в. до н.э.

По собранным сведениям, находки, повидимому связанные с некрополем Горгиппии, были обнаружены также невдалеке от исследованной могилы, на улицах Шевченко и Самбурова. Это обстоятельство позволяет считать, что восточная часть нынешней Анапы некогда была занята некрополем древней Горгиппии.

Таким образом, в результате работ в Анапе намечены границы древней Горгиппии, а также район некрополя последней. Установлено, что освоение исследуемого места, возможно возникновение там эмпория, относится, во всяком случае, еще к последним десятилетиям VI в. до н. э. Значительные культурные напластования свидетельствуют о существовании города не позднее начала IV в. до н. э. и расцвете его в IV—III вв. до н. э. Находки последующего времени (II в. до н. э.—II в. н. э.) представлены пока более скудно, по сравнению с обильными материалами III—IV вв. н. э.

Установлено также значительное развитие керамического производства уже в IV в. до н. э. Изготовлялись амфоры, черепица, тонкостенные сосуды, пифосы, а в позднейшее время и кирпич. Производство в Горгиппии служивших тарой амфор заставляет думать о развитии виноделия в этой местности еще в IV—III вв. до н. э.

Находки многочисленных обломков привозной керамики позволяют установить торговые связи, начиная с последних десятилетий VI в. до н. э., сначала с Хиосом, затем с Аттикой, Фасосом, Гераклеей, Синопой, Херсонесом, Косом и, конечно, Боспором.

---

[1] Ср. IosPE, IV, № 285.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЗОО — Записки Одесского общества
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИТОИАЭ — Известия Таврического Отделения истории, археологии и этнографии
КГУ — Казанский государственный университет
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАИЭ и Е — Отделение археологии, истории, этнографии и естествознания
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории доисторического общества
СА — Советская археология
СГУ — Саратовский государственный университет
СЭ — Советская этнография
ESA — Eurasia Septentrionalis Antigua
IosPE — Inscriptions orae Septentrionalis Ponti Euxini
S. et C.— Scythica et Caucasica

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Иванович Вавилов 3

I. СООБЩЕНИЯ

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1949 год

Информация 5

II. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

П. И. Борисковский. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест 9
А. Н. Рогачев. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках 23
Н. Н. Гурина. Результаты работ Карельской археологической экспедиции . . 30
Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов-яр 41
П. Д. Степанов. Итоги раскопок фатьяновских поселений на средней Суре 64
А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция 69
В. Н. Чернецов и *В. И. Мошинская.* Городище Большой лог 78
К. В. Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях 88
И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане 97
С. И. Руденко. Пятый Пазырыкский курган 106
А. И. Тереножкин. Скифская Днепровская правобережная экспедиция 117
И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл. 125
Б. Н. Граков. О работе Степной скифской экспедиции 131
П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки 137
С. С. Черников. Восточноказахстанская экспедиция 144
К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана 151
А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского 161
Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции 173
И. Б. Зеест. Разведочные раскопки в Феодосии 185
И. Б. Зеест. Жилые дома древнего Киммерика 191
В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата 196
В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея 212
Д. Б. Шелов. Городище около хутора Ильичевка 228
М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории 232
Н. В. Анфимов. Раскопки Семибратнего городища 238
В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе 245

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор *С. Т. Попова*

Технический редактор *Н. А. Неврaева*

Корректор *Т. А. Савич*

*

РИСО АН СССР № 4382. Т-00156. Издат. № 2903.
Тип. заказ № 853. Подп. к печ. 7/III 1951 г.
Формат бум. $70\times108^{1}/_{16}$. Печ. л. 21,58.
Бум. л. 7,87. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 1500.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
57	5 и 21 св.	Ломанчинцы	Ломачинцы
149	1 св.	Крупнейший	3. Крупнейший
152	28 св.	меожской	меотской
152	4 сн.	Н. В. Анифмовым	Н. В. Анфимовым
168	1 сн.	не только	но только
200	подп. под рис. 646	I — оборонительная стена II в. н. э.; 3—	I—оборонительная стена II в. н. э; 2—оборонительная стена I в. н. э.; 3—
204	31 св.	V 3	V^3
216	17 сн.	(рис. 72—1)	(рис. 73—1)
216	13 сн.	(рис. 73—5)	(рис. 72—5)
242	11 сн.	раскопке	раскопе
242	12 сн.	раскопках	раскопах